АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ СССР
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

В. С. ДЯКИН

Германские капиталы в России

ЭЛЕКТРОИНДУСТРИЯ И ЭЛЕКТРИЧЕСКИЙ ТРАНСПОРТ

Издательство
«НАУКА»
Ленинградское
отделение
Ленинград
1971

Валентин Семенович Дякин

ГЕРМАНСКИЕ КАПИТАЛЫ В РОССИИ
(ЭЛЕКТРОИНДУСТРИЯ И ЭЛЕКТРИЧЕСКИЙ ТРАНСПОРТ)

Утверждено к печати
Ленинградским отделением
Института Истории СССР АН СССР

Редактор издательства Е. Г. Дагин
Художник Л. А. Яценко
Технический редактор М. Н. Кондратьева
Корректоры Г. А. Мошкина
и А. Х. Салтанаева

Сдано в набор 23/VII 1971 г. Подписано к печати 9/XI 1971 г. Формат бумаги 84 × 108¹/₃₂. Печ. л. 9 = 15.12 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 16.24. Изд. № 4579. Тип. зак. № 173. М-08649. Тираж 1700. Бумага № 1. *Цена 1 р. 26 к.*

Ленинградское отделение издательства «Наука»
199164, Ленинград, Менделеевская лин., д. 1

1—6—4
106—71 (II)

1-я тип. издательства «Наука»
199034, Ленинград, 9 линия, д. 12

Памяти
Бориса Александровича Романова

ВВЕДЕНИЕ

В последние годы советские историки уделяют все большее внимание изучению закономерностей и особенностей развития России в эпоху империализма. В большом и сложном комплексе проблем, встающих в ходе такого изучения, важное место занимает вопрос о роли иностранных капиталов в развитии русской экономики, об их месте в системе российского империализма. Вопрос этот не нов, и не впервые ему отводится большое место в исторической литературе. Уже в конце XIX в., когда приток иностранных капиталов был «злобой дня», он вызвал большую полемику в печати между сторонниками и противниками привлечения иностранных капиталовложений. В буржуазной литературе периода первой мировой войны проблема иностранных капиталов занимала центральное место, так же как и в книгах, вышедших уже после Октябрьской революции, но авторы которых стояли еще на прежних позициях либеральной критики империализма. Подробный критический анализ выступлений в ходе дискуссии 1890-х годов дан Ю. Б. Соловьевым,[1] а буржуазной литературы — И. Ф. Гиндиным.[2] В буржуазной литературе вопрос ставился практически только в одной плоскости — являлся ли приток иностранных капиталов положительным фактором, способствовавшим развитию производительных сил в стране, или он тормозил такое развитие, играл отрицательную роль. При этом

---

[1] Ю. Б. Соловьев. Противоречия в правящем лагере России по вопросу об иностранных капиталах в годы первого промышленного подъема. В кн.: Из истории империализма в России. М.—Л., 1959.

[2] И. Ф. Гиндин. Русские коммерческие банки. М., 1948.

показательно, что те самые авторы, которые до революции выступали «разоблачителями» иностранного капитала, после революции, когда речь шла уже о защите капитала вообще, стали доказывать, что капиталовложения из-за границы оказали благотворное влияние на развитие экономики России.

С совершенно иных позиций изучали проблему иностранных капиталов советские историки, выступившие в 1920-х годах. Их прежде всего интересовал вопрос о том, какое влияние оказал финансовый капитал Европы на процесс перерастания русского капитализма в империализм. Сторонники концепции «денационализации» русского капитализма (Н. Н. Ванаг,[3] М. Гольман,[4] С. Ронин[5] и др.) доказывали, что системы русского финансового капитала не существовало, что на территории России происходило сращивание иностранного банковского капитала с иностранным же промышленным капиталом. Из этого вытекал вывод о полной зависимости России от иностранного империализма, о превращении ее в колонию или полуколонию. В противоположность им сторонники «национального» направления (А. Л. Сидоров,[6] Е. Л. Грановский,[7] И. Ф. Гиндин[8] и др.), не отрицая значительного притока иностранных вложений как в промышленность, так и в банки России, доказывали, что тем не менее в стране складывалась самостоятельная система монополистического капитализма. Содержание дискуссии 1920-х годов подробно освещено в монографии К. Н. Тарновского.[9]

---

[3] Н. Ванаг. Финансовый капитал в России накануне мировой войны. Опыт историко-экономического исследования системы финансового капитала в России. М., 1930.

[4] М. Гольман. Русский империализм. Очерк развития монополистического капитализма в России. Л., 1927.

[5] С. Ронин. Иностранный капитал и русские банки. М., 1926.

[6] А. С. Сидоров. Влияние империалистической войны на экономику России. В кн.: Очерки по истории Октябрьской революции, т. I. М.—Л., 1927.

[7] Е. Л. Грановский. Монополистический капитализм в России. Л., 1929.

[8] И. Ф. Гиндин. Банки и промышленность в России до 1917 г. М.—Л., 1927.

[9] К. Н. Тарновский. Советская историография российского империализма. М., 1964.

Уже в ходе дискуссии выявилась, а последующими исследованиями была окончательно подтверждена правильность второй из указанных концепций, основные положения которой ныне никем не оспариваются, хотя в ряде работ при оценке роли русских банков и удельного веса иностранных капиталов в тех или иных отраслях или районах страны еще проскальзывают устаревшие взгляды.

За последнее время вышло большое количество монографий и статей, посвященных как общим проблемам, так и конкретным вопросам истории русского империализма, отдельным отраслям народного хозяйства и крупнейшим монополистическим группировкам в России. Такой путь представляется нам единственно возможным. Только на основе тщательного изучения развития каждой отрасли народного хозяйства, всех важнейших монополий и крупнейших предприятий и банков можно будет представить действительную, а не упрощенную и схематичную картину российской экономики и прийти к правильным выводам. Особенно опасно вырывать из общей связи и рассматривать изолированно как раз вопрос об иностранных капиталах. Такого рода попытки неизбежно ведут к преувеличению их роли, оставляют в стороне русские монополистические группировки, приводят к однобокому освещению связей русских банков с промышленностью и их места в общей борьбе монополий в той или иной отрасли. При этом было бы досадной ошибкой распространять закономерности, выявленные для одних отраслей или районов страны, на другие — без или до специального изучения.

Естественно, что главное внимание исследователей было обращено прежде всего на основные отрасли российской промышленности: металлургическую, горную и нефтяную, в которых особенно ярко проявлялся империалистический характер экономики страны, особенно четко вырисовывалась противоречивость ее развития. Вслед за тем вышли в свет работы, посвященные металлообрабатывающей промышленности, в первую очередь военной и судостроительной. Электротехника же при этом до сих пор остается в стороне. Причиной подобного отношения является укоренившееся мнение о полном подчинении русской электроиндустрии и электрического транспорта германским и бельгийским монополиям, подчинении

настолько полном, что эти отрасли оказывались как бы чужеродным телом в российской экономике и не были связаны с русским финансовым капиталом.

Даже если бы дело действительно обстояло так, электроиндустрия тем не менее заслуживала бы специального изучения. Электрическая промышленность, как отмечал В. И. Ленин в своей работе «Империализм как высшая стадия капитализма», — «самая типичная для новейших успехов техники, для капитализма конца XIX и начала XX века»,[10] и выяснение причин, поставивших ее в России в такое особое положение, явилось бы важной составной частью общей характеристики экономического развития страны. К тому же необходимо помнить, что капиталовложения в электроиндустрию и транспорт составляют большую долю иностранных инвестиций в русское народное хозяйство, уступая лишь горной и металлообрабатывающей промышленности. По нашим подсчетам, иностранные вложения в предприятия по производству электрооборудования, в электростанции и в электрический трамвай достигли в 1914 г. 251.5 млн руб., или 11.8% от общей суммы иностранных инвестиций, исчисленных П. В. Олем на этот же год в 2125.1 млн руб.[11] Если же учесть, что цифры Оля значительно больше исчислений других экономистов и признаются всеми советскими исследователями значительно завышенными, то удельный вес электропредприятий в действительной сумме иностранных капиталов еще более возрастает. Еще большее значение имеет электроиндустрия и транспорт для изучения конкретно германских или бельгийских капиталов в России, от общей суммы которых (взятой по Олю) вложения в предприятия, связанные с электричеством, составляют соответственно более $^1/_4$ и около $^1/_3$.

Но изученные нами материалы позволяют утверждать, что хотя влияние иностранного капитала в электроиндустрии было, возможно, бóльшим, а роль русских банков — меньшей, чем в других отраслях народного хозяйства, развитие этой отрасли в целом подчинялось тем же законам и сохраняло те же тенденции, что и вся российская экономика. Поэтому история электроиндустрии и транс-

---

[10] В. И. Ленин, ПСС, т. 27, стр. 365.

[11] П. В. Оль. Иностранные капиталы в народном хозяйстве довоенной России. Л., 1925, стр. 13.

порта в России представляет интерес как с точки зрения изучения специально иностранных капиталов в России, их форм деятельности, их методов проникновения, их национальных особенностей, так и с точки зрения общих закономерностей развития русской промышленности в эпоху империализма, сращивания банкового и промышленного капитала, образования и борьбы монополий, форм монополистических объединений, проявления государственно-монополистических тенденций.

Одной из задач, встающих перед исследователем, берущимся за изучение иностранных капиталовложений в той или иной отрасли, является подсчет абсолютных и относительных размеров таких капиталовложений. Хотя один лишь такой подсчет еще не может дать правильного представления о процессе, для выяснения которого нужно изучить конкретное лицо как носителей иностранного капитала, так и противостоящих ему отечественных капиталистов, их взаимоотношения, столкновение и переплетение их интересов, тем не менее статистические данные являются необходимой основой всякого дальнейшего исследования. Однако мы все еще лишены такой основы. По сути дела единственной базой до сих пор остаются подсчеты, производившиеся во время первой мировой войны и непосредственно после нее. Первыми из них по времени были исчисления В. С. Зива.[12] Из общей суммы иностранных капиталов, исчисленной им в размере 1.5 млрд руб., он отводит 140 млн руб. на долю электрического освещения и трамвая. Никаких пояснений к сводке Зив не приводит, а цифры, приводимые во второй из книг, противоречат его же подсчетам в первой книге. Написанная в годы кампании по борьбе с «немецким засильем», в которой видную роль играл сам автор, первая из указанных книг В. С. Зива страдала большими преувеличениями. Она была в значительной степени основана на непроверенных газетных сообщениях и явно отражала настроения той части русской буржуазии, которая стремилась под флагом борьбы с «немецким засильем» нанести удар и по иным иностранным конкурентам. В том,

---

[12] В. С. Зив. 1) Иностранные капиталы в русских акционерных предприятиях. Вып. I. Германские капиталы. Пгр., 1915; 2) Иностранные капиталы в русской горнозаводской промышленности. Пгр., 1917.

что касается электрической и электротехнической промышленности, В. С. Зив подсчитывал, да и то с большими преувеличениями, не германские инвестиции, а сумму капиталов контролируемых обществ, хотя в нее входили и участвовавшие в этих обществах бельгийские, французские и русские капиталы. Он также включал в число германских предприятия, вообще не входившие в сферу влияния германских концернов. В результате германские капиталовложения в собственно электротехническую промышленность исчислены Зивом в размере 43.05 млн руб., что, по нашим сведениям, превышает всю сумму иностранных инвестиций в эту отрасль вообще. В электроэнергетической промышленности данные Зива — 84.89 млн руб.[13] — превышают результаты наших расчетов на 24%. Приводимая Зивом группировка электрических обществ совершенно фантастична и свидетельствует о малом знакомстве с темой.

Другая попытка подсчитать иностранные капиталовложения в русскую промышленность была сделана в 1922 г. М. Галицким. Насчитав в стране 56 электротехнических обществ с капиталом в 203 млн руб., М. Галицкий отнес из них к иностранным 26 обществ с капиталом в 152 млн руб.[14] М. Галицкий не только не указывает методов своих исчислений, но даже не дает названий предприятий, относимых им к числу иностранных. При этом из статьи неясно, включает ли он в понятие электротехники только собственно электротехнику и электроэнергетику или также и электрический транспорт. Поэтому всякое сравнение данных М. Галицкого с результатами наших подсчетов представляется затруднительным.

Основной, наиболее широко известной и наиболее часто используемой работой по иностранным капиталам в России является вышедшая в 1922 г., но по подходу к теме и по всем своим корням относящаяся еще к дореволюционной литературе книга П. В. Оля «Иностранные капиталы в России». Исследование П. В. Оля представляет собой гигантский свод данных по всем акционерным обществам России на 1916/17 г., причем данные эти сгруп-

[13] В. С. Зив. Иностранные капиталы в русских акционерных предприятиях, стр. 18, 26.

[14] М. Галицкий. Иностранные капиталы в русской промышленности перед войной. Народное хозяйство, 1922, № 3, стр. 29.

пированы как по национальному признаку, так и по отраслям промышленности. Приводимые П. В. Олем цифры (как из этой работы, так и из сводной таблицы «Иностранные капиталы в народном хозяйстве довоенной России») используются всеми без исключения авторами, пишущими по экономической истории русского империализма, хотя иногда и без ссылки на источник. В то же время данные П. В. Оля систематически подвергаются критике. Наиболее развернуто дана эта критика в статье И. Ф. Гиндина «Некоторые спорные вопросы истории финансового капитала в России» [15] и в его книге «Русские коммерческие банки». Как совершенно справедливо отмечает И. Ф. Гиндин, П. В. Оль не объясняет, на основании каких данных определяет он размеры участия иностранного капитала в том или ином акционерном обществе, что крайне затрудняет работу с его таблицами, и нередко ошибается в определении такого участия. Цифры П. В. Оля безусловно являются скорее экспертной оценкой, чем точной статистикой. И хотя за неимением других данных мы, как и другие авторы, пользовались данными П. В. Оля для общей суммарной оценки иностранных инвестиций, одной из целей настоящей работы являлась критическая проверка цифр П. В. Оля. При этом оказалось, что наши цифры, часто также весьма условные, выше указанных П. В. Олем, особенно если вычесть капиталы, вложенные во время войны, поскольку наши исчисления сделаны на 1914 г., а П. В. Оля на 1917 г. Разница составляет 22 млн руб., или около 10%. Подробное сравнение дается нами в соответствующих разделах работы, здесь же необходимо только отметить, что более половины разницы приходится на вообще не учтенные П. В. Олем предприятия. Сказанным мы вовсе не хотим поставить под сомнение общепринятый ныне тезис о том, что выведенная П. В. Олем доля участия иностранного капитала в русской промышленности является завышенной. Во-первых, как уже отмечалось выше, результаты исследования одной отрасли нельзя механически переносить на другие. Во-вторых, последние изыскания, в частности статья Л. Е. Шепелева «Акционерное учредительство в России»,[16] показывают, что общая сумма капита-

[15] Историк-марксист, 1929, № 12.

[16] Л. Е. Шепелев. Акционерное учредительство в России. В кн.: Из истории империализма в России. М.—Л., 1959.

ловложений в русские акционерные предприятия была выше, чем это предполагалось ранее, и, значит, даже если критическая проверка не приведет к уменьшению абсолютных цифр П. В. Оля, их удельный вес в общей сумме все же сократится.

Необходимо отметить еще два подсчета капиталовложений, относящихся уже только к электротехнике. Первый из них был произведен И. И. Левиным в его книге «Германские капиталы в России». Пользуясь сводками «Торгово-промышленной газеты» за 1913 г., И. И. Левин отнес к германским 85% всех капиталов в электротехнической промышленности,[17] т. е. допустил значительное преувеличение. Другой подсчет был сделан экономическим отделом Главэлектро в начале 1920-х годов и используется обычно в специальной технической литературе.[18] Он касается не только акционерных предприятий, но общие цифры иностранных инвестиций (приходившихся целиком на акционерные общества), с учетом поправок на дату подсчета и группировку предприятий по отраслям, очень близки к нашим. Близко подходят друг к другу также наши данные и данные Главэлектро о распределении иностранных капиталов по национальному признаку в собственно электротехнике, но в электроэнергетике и в электрическом трамвае статистики из Главэлектро преувеличили, на наш взгляд, долю бельгийских предприятий. К сожалению, эти подсчеты опубликованы лишь в суммарном виде, без сведений конкретно по предприятиям.

Если, таким образом, количественные оценки инвестиций в русскую электроиндустрию делались неоднократно, то вопрос о позициях и политике русских банков в этой отрасли до сих пор практически не изучался. Для Н. Ванага и его последователей была «вне сомнения» «полная монополия германского финансового капитала» [19] в электроиндустрии, и они не делали попыток проследить банковские связи предприятий этой отрасли в России.

---

[17] И. И. Левин. Германские капиталы в России. Пгр., 1918, стр. 64.

[18] Краткий обзор состояния электрохозяйства России к 1923 г. М., 1923; П. Н. Иванов. Советская электропромышленность. Очерк развития. М.—Л., 1933; Свет над Россией. Очерки по истории электрификации СССР. М., 1960.

[19] Н. Ванаг, ук. соч., стр. 195.

Не лучше обстояло дело и в других работах. И. Ф. Гиндин в своей книге «Банки и промышленность в России» привел лишь некоторые данные о связях Учетного и ссудного банка с «Вольтой» и «Дюфлон и Константинович». В главе, посвященной общей характеристике связей банков с промышленностью, И. Ф. Гиндин подчеркивал, что в области электротехники эти связи вели за границу, а «со стороны русских банков дело, по-видимому, ограничивалось контокорренткредитом, и только во время войны, в связи с отрывом дочерних предприятий от коренных, русским банкам пришлось играть несколько более активную роль».[20] С еще большей определенностью сформулировал это положение И. Ф. Гиндин в своей книге «Русские коммерческие банки». «Поскольку, — пишет он, — германские банки, работавшие с АЭГ и Сименс-Гальске, находились в „дружественных“ отношениях с одним русским банком (имеется в виду Международный банк, — *В. Д.*), последний являлся банкиром соответствующих русских дочерних обществ. Только во время войны этому банку пришлось играть несколько более активную роль. Непосредственная заинтересованность русских банков имела место лишь в четырех второстепенных предприятиях».[21] И несколько ниже — «электростанции и городские железные дороги учреждались, главным образом, бельгийскими финансовыми группами. У русских банков в этой отрасли было несколько случайных связей».[22] Наконец, в совместной с Л. Е. Шепелевым статье «Банковские монополии в России накануне Великой Октябрьской социалистической революции», о которой речь будет ниже, снова говорится о том, что электропромышленность пользовалась поддержкой Международного банка, роль которого усиливалась во время войны.[23] Лишь несколько слов посвятил банковским связям в электроиндустрии Е. Л. Грановский, причем то, что он говорит о связях Торгово-промышленного банка,[24] не соответ-

---

[20] И. Ф. Гиндин. Банки и промышленность в России, стр. 149.

[21] И. Ф. Гиндин. Русские коммерческие банки, стр. 350.

[22] Там же, стр. 354.

[23] И. Ф. Гиндин и Л. Е. Шепелев. Банковские монополии в России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Исторические записки, т. 66, стр. 22 и 40.

[24] Е. Л. Грановский, ук. соч., стр. 35—36.

ствует действительности. В других работах лишь иногда встречаются отдельные упоминания о связях электропредприятий с банками (обычно — с тем же Международным). Только в статье В. И. Бовыкина «Банки и военная промышленность накануне первой мировой войны» [25] упоминается, хотя и в другой связи, об отношениях «Сименс-Гальске» с Русско-Азиатским и Частным банками. В его же совместной с К. Ф. Шацилло статье «Личные унии в тяжелой промышленности России накануне первой мировой войны» [26] упомянуты связи с Международным и Русско-Азиатским банками ряда обществ. Сюжеты, связанные с историей первых попыток образования монополистических группировок в электропромышленности России, нашли свое отражение в монографии В. И. Бовыкина.[27]

В названной выше статье И. Ф. Гиндина и Л. Е. Шепелева сделан известный шаг вперед. Авторы этой статьи приложили к ней таблицу связей банков с промышленностью, в том числе и с электропредприятиями. В ней значатся уже 17 электропредприятий, так или иначе связанных с русскими банками, а про 8 из них говорится, что они находились в полном подчинении у банков. Таблица, таким образом, находится в известном противоречии с текстом самой статьи. К сожалению, авторы не указывают точных источников, из которых они почерпнули свои сведения, вызывающие у нас в ряде случаев большие сомнения. Но мы ни в коей мере не оспариваем самого факта наличия русских банковских связей у всех названных ими и у ряда других предприятий электроиндустрии. Напротив, выявленные нами материалы уже на данной стадии изучения истории электропромышленности позволяют утверждать, что почти все крупнейшие русские банки были прочно связаны с электротехническими и электроэнергетическими предприятиями, проводили активную политику в этих отраслях.

Немногим лучше обстоит дело и с изучением монополистических объединений в электроиндустрии. Еще до революции было известно о существовании картеля пе-

---

[25] Исторические записки, т. 64, М., 1959.
[26] Вестник МГУ, 1962, № 1.
[27] В. И. Бовыкин. Зарождение финансового капитала в России. М., 1967.

тербургских осветительных обществ (который тогда именовали синдикатом). О нем писали газеты, картельное соглашение 1909 г. было опубликовано в книге Н. Н. Оппеля «В борьбе за свет».[28] Этот картель фигурирует почти во всех книгах, в которых упоминается электропромышленность. Проникли в прессу и сообщения о создании в 1899 г. так называемого «большого русского синдиката» для финансирования электрических предприятий в составе крупнейших европейских банков. Оттуда эти сведения почерпнул Е. Л. Грановский. В. А. Киселев в книге «Электропромышленность в ее прошлом и настоящем» тоже упоминает о существовании синдиката 1899 г., но ошибочно считает его главой Русский для внешней торговли банк.[29] Вслед за ним эту ошибку повторил и А. Я. Эвентов.[30] В вышедшей в 1961 г. книге Я. И. Лившина «Монополии в экономике России» впервые использован синдикатский договор 1899 г. Однако автор не дал себе труда внимательно изучить попавшие в его руки документы и совершенно неверно охарактеризовал деятельность и историческое место «большого синдиката». А. Я. Эвентов упомянул также о существовании синдиката (в действительности — картеля) трамвайного оборудования, а А. Зак о существовании кабельного синдиката.[31] Во всех этих случаях речь идет именно и только об упоминании того или иного синдиката, но ни история его создания, ни его деятельность не освещаются совершенно. Что же касается синдикатов по поставкам оборудования железнодорожной сигнализации и по электрооборудованию военно-морского флота, то они и вообще остались незамеченными. С другой стороны, Г. Цыперович[32] писал о синдикате в составе «Сименс-Гальске», «Сименс-Шуккерт», «Польских заводов Сименса», ВКЭ и «Вольты». Архивные материалы, однако, не подтверждают существования такого синдиката. Еще менее изучен вопрос о монополиях высшего типа. Правительственные чинов-

---

[28] Н. Н. Оппель. В борьбе за свет. СПб., 1912.

[29] В. А. Киселев. Электропромышленность в ее прошлом и настоящем. М., 1915, стр. 115.

[30] А. Я. Эвентов. Иностранные капиталы в русской промышленности. 1931, стр. 72—73.

[31] А. Зак. Немцы и немецкие капиталы в России. СПб., 1914.

[32] Г. Цыперович. Синдикаты и тресты в России. Пгр., 1920, стр. 89.

ники царской России и буржуазные экономисты, а с их слов также и Я. И. Лившин, говорили об образовании в России единого концерна, охватывавшего почти всю электроиндустрию. Утверждения эти не соответствуют действительности. В то же время все исследователи прошли мимо электропредприятий, объединенных П. О. Гукасовым в группу типа концерна. Очень большая путаница существует при характеристике иностранных концернов, действовавших в России, и их дочерних предприятий. Это относится и к ранее вышедшим книгам (В. С. Зива, М. Гольмана, Г. Цыперовича) и к работам последнего времени. Так, например, И. В. Маевский [33] отнес к концерну АЭГ «Р. О. Сименс-Шуккерт», хотя даже по названию, не говоря уже о данных о составе акционеров, видно, что оно принадлежало не АЭГ, а Сименсу. Совершенно не изучен вопрос о взаимоотношениях между германскими и бельгийскими концернами.

Все вышесказанное относится к работам, в которых электропромышленность упоминается только между прочим, в качестве примера при освещении других, более общих вопросов. Литературы, специально посвященной избранной нами теме, практически не существует. В ряде работ, посвященных технической стороне истории электротехники, небольшие разделы отводятся и ее финансово-экономической истории. Нужно отметить уже упоминавшуюся монографию П. Н. Иванова «Советская электротехническая промышленность. Очерк развития», а также книгу М. О. Каменецкого.[34] В первой из них освещен, в частности, вопрос о соотношении электротехнической продукции, произведенной в России в 1913 г. и ввезенной из-за границы, и приведены интересные данные о структуре электротехнического производства в России. Автора второй книги тоже интересовали в первую очередь историко-технические вопросы, но одновременно он на основании архивных материалов делает попытку осветить историю первого электроосветительного общества в России — «Общества 1886 г.» — за ранние годы его существования и с экономической стороны. Большой ин-

---

[33] И. В. Маевский. Экономика русской промышленности в условиях первой мировой войны. М., 1957, стр. 21—22.

[34] М. О. Каменецкий. Первые русские электростанции. М.—Л., 1951.

терес представляют собранные М. О. Каменецким сведения о времени устройства электрического освещения в различных городах страны, тем более что он, как правило, указывает и фирмы, производившие установку. М. О. Каменецкий отмечает роль русских инженеров и техников в создании электрических предприятий. Однако вопросы чисто историко-экономические все же интересуют его в гораздо меньшей степени, к тому же исследование доведено М. О. Каменецким лишь до 1896 г., т. е. до начала действительно крупного строительства электростанций, поэтому его попытка освещения истории «Общества 1886 г.» оказалась лишенной перспективы.

Наибольший интерес для нашей темы представляет монография В. А. Киселева «Электропромышленность в ее прошлом и настоящем», вышедшая из семинара под руководством известного буржуазного экономиста И. М. Гольдштейна. В. А. Киселев имел в своем распоряжении, кроме хорошо проработанной литературы и прессы, материалы архивов немецких банков и обществ, что придает его работе особую ценность. Однако автор не смог осуществить свой замысел и выпустил только первый том работы, посвященный развитию электропромышленности и деятельности электроконцернов в Германии. Следующий том, посвященный электропромышленности России, не увидел света, а возможно, и не был написан. В. А. Киселев далек от марксизма и не смог написать подлинной истории германских электротехнических монополий, не смог представить правильной картины империалистической борьбы за сферы влияния. Но по богатству фактического материала его книга очень ценна не только для историков Германии, но и для занимающихся русской экономической историей. Поскольку деятельности германских электроконцернов в России должен был быть посвящен специальный том, именно эта более всего интересующая нас сторона их деятельности освещается в опубликованной книге лишь случайными фактами, главным образом касающимися начала проникновения «Сименс-Гальске» в Россию. При этом В. А. Киселев допускает и некоторые фактические ошибки.

Благодаря любезности В. И. Бовыкина и К. Н. Тарновского мы смогли ознакомиться с дипломной работой Ф. Зумпфа «Монополистические организации электропро-

мышленности России».[35] Эта работа по своему уровню выше обычных дипломных студенческих работ, главным образом потому, что автор имел возможность пользоваться материалами Немецкого экономического архива в Лейпциге.

За последние годы появился ряд книг из серии истории фабрик и заводов, посвященных электротехническим предприятиям. В них освещается в основном история рабочих коллективов этих предприятий. Интересующие же нас проблемы затрагиваются очень бегло и не без ошибок, в особенности когда речь идет не о предприятии, которому посвящена книга, а об отрасли в целом.[36]

Иностранной литературы, посвященной непосредственно интересующей нас теме, вообще нет. Довольно обширна литература по истории электроиндустрии в самой Германии. Наиболее содержательной остается до сих пор использованная В. И. Лениным при написании его работы «Империализм как высшая стадия капитализма» книга Фр. Фазольта,[37] а также В. Коха.[38] Но все они практически не касаются деятельности германских электротехнических концернов в России, хотя Фазольт и приводит некоторые подсчеты капиталовложений в ней германских обществ. Весьма обширная литература о концерне Сименса, начиная от вышедшей в 1897 г. к 50-летнему юбилею книги В. Хове[39] и кончая двухтомной работой Г. Сименса,[40] вышедшей в 1949 г., носит подчерк-

---

[35] Ф. Зумпф. Монополистические организации электропромышленности России. Дипломная работа, защищенная в МГУ в 1957 г.

[36] История завода «Динамо», кн. I. М., 1961; Очерк истории Харьковского электромеханического завода, ч. I. Харьков, 1963; История завода «Электропровод». М., 1967; А. Е. Сукновалов. Завод «Электрик». Л., 1967; В. Г. Гусарова. Завод Вольта. Страницы истории. Таллин, 1967. Опубликованная в 1965 г. брошюра кандидата экономических наук В. Смоляпского «Большой гешефт. (Концерн «Сименса»)», в которой бесшабашность стиля сочетается с незнанием элементарных фактов, лежит за пределами науки.

[37] Fr. Fasolt. Die 7 grössten deutschen Elektrizitätsgesellschaften. Dresden, 1904.

[38] W. Koch. Die Konzentrationsbewegung der deutschen Elektroindustrie. München, 1907.

[39] W. Hewe. Siemens und Halske. Berlin, 1897.

[40] G. Siemens. Geschiechte der Hauses Siemens. München, 1949.

нуто апологетический характер и дает очень мало для историка. То же следует сказать и о книге А. Ридлера о Ратенау.[41] Переведенная в 1923 г. на русский язык книга П. Уфермана и К. Хюглина «Всеобщая компания электричества» также не касается деятельности АЭГ в России.

Наибольшую ценность в качестве справочного материала имеют книги Р. Лифмана[42] и Риссера.[43] В. И. Ленин, называвший Лифмана «тупым апологетом монополий», отмечал в то же время, что Лифман «посвятил целый огромный „труд" в полтысячи страниц описанию современных „обществ участия и финансирования" — к сожалению, с добавлением весьма низкопробных „теоретических" рассуждений к часто непереваренному сырому материалу».[44] В значительной степени такой же характер носит и книга Риссера. Но именно обилие фактических данных о связях различных банков и обществ делает обе эти работы ценным справочным пособием, особенно в тех случаях, когда необходимо выяснить пути проникновения германских капиталов в Россию через другие страны (Бельгию, Швейцарию, Францию).

Изданная в 1970 г. фундаментальная монография И. Мая «Германский капитал в России. 1850—1894»[45] посвящена периоду, когда электроиндустрия в России лишь зарождалась.

Исходя из важности темы и отсутствия литературы по ней, мы поставили перед собой задачу проследить, не претендуя на полноту изложения и окончательность выводов, историю развития электропромышленности в России, интересуясь прежде всего ролью германских капиталов в ней. При этом особое внимание мы старались уделить борьбе монополистических группировок за влияние на электроиндустрию и за рынок сбыта электроэнергии. В основу нашей работы положены материалы архивов (ЦГИА и ЛГИА) и русской прессы.

---

[41] A. Riedler. Emil Ratenau und Werden der Großwirtschaften. Berlin, 1916.

[42] R. Liefmann. Finanzierungs- und Beteiligungsgesellschaften. Jena, 1913.

[43] Dr. Riesser. Die deutschen Großbanken und ihre Konzentration im Zusammenhang mit der Entwicklung der Gesamtwirtschaft in Deutschland. Jena. 1912.

[44] В. И. Ленин, ПСС, т. 27, стр. 327.

[45] I. Mai. Das deutsche Kapital in Russland. 1850—1894. Berlin, 1970.

Глава первая

РУССКАЯ ЭЛЕКТРОИНДУСТРИЯ И ГЕРМАНСКИЕ КАПИТАЛЫ В ГОДЫ ПЕРВОГО ПРОМЫШЛЕННОГО ПОДЪЕМА

Зарождение электротехнических предприятий в России. Начало проникновения иностранного капитала

Технико-экономическая отсталость России привела к тому, что в конце XIX в. она значительно уступала передовым капиталистическим странам по уровню развития электротехники. Хотя русские ученые внесли огромный вклад в развитие науки об электричестве и первыми решили задачу использования электричества для нужд связи и освещения, практическое применение их открытий в России оказалось невозможным, и многие ученые вынуждены были уехать за границу, чтобы продолжать свои работы. «Русский свет» Лодыгина был применен в Париже, компания для производства электрических ламп Яблочкова также была образована во Франции. В этом отношении показательна судьба задуманного П. Н. Яблочковым «Русского общества электричества», проект которого он разработал в 1880 г. и которое должно было осуществить электрическое освещение петербургских улиц. Хотя три столичных банка — Международный коммерческий, Учетный и ссудный и Волжско-Камский — приняли на себя распространение подписки на акции создаваемого общества,[1] желающих вложить в дело свои капиталы не нашлось, а создавать предприятие на собственные средства банки также не собирались. Задуман-

[1] ЦГИА, ф. 595, оп. 2, д. 284, лл. 19—20 и 27, извещения банков 14/26.5.1880; л. 25, «Приблизительный расчет ожидаемой доходности».

ное Яблочковым предприятие в тогдашних условиях России не имело под собой реальной почвы и не пошло дальше первых проектов.

В то время как в Европе к началу 1880-х годов уже действовали такие крупные электротехнические предприятия, как фирма «Сименс-Гальске» в Германии и «Континентальная Эдисоновская компания» во Франции, а в 1882 г. была основана, первоначально под другим названием, «Всеобщая компания электричества» (АЭГ), в России существовало лишь несколько фирм, владевших полукустарными мастерскими и по большей части действовавших в качестве представителей различных иностранных заводов.

Первым более крупным электротехническим предприятем в России было отделение фирмы «Сименс-Гальске». Начало ее проникновения в Россию относится к 1849 г., когда, оттеснив с помощью министра путей сообщения Клейнмихеля русских инженеров, фирма получила заказ на оборудование телеграфной линии между Петербургом и Москвой.[2] Вслед за тем в 1855 г. было основано петербургское отделение фирмы.[3] Оно быстро выросло в значительное по тому времени предприятие с собственными медными рудниками в Закавказье, кабельным и электротехническим заводами в Петербурге. Последний, однако, занимался в основном сборкой уже готовой аппаратуры, привезенной из Германии.

Значительно позже Сименса, в конце 1880-х годов, начинается проникновение в Россию и некоторых других европейских фирм. В 1884 г. в Москве была создана фирма Б. А. Цейтшеля, с самого начала являвшегося представителем «Шуккерта»,[4] а с 1892 г. обзавелась представительством в России и АЭГ.[5] В конце 1880-х годов был построен «Русско-балтийский завод» Г. Деттмана (германского подданного) в Риге. Экспансию в Россию начали развивать германский завод Бергманна, сбывавший продукцию через конторы Р. Кольбе и «А. Износков,

---

[2] Электричество, 1881, № 15, стр. 230.

[3] В. А. Киселев. Электропромышленность в ее прошлом и настоящем. М., 1915, стр. 8—9.

[4] ЦГИА, ф. 23, оп. 24, д. 689, л. 66, доклад учредителей «Русского общества Шуккерт».

[5] В. А. Киселев, ук. соч., стр. 48.

А. Зуккау и К⁰»[6] и будапештская фирма «Ганц», действовавшая через владельца небольшой фабрики инженера М. М. Подобедова. С его помощью она устроила электрическое освещение в ряде государственных зданий и дворцов Петербурга.[7] Она же построила первую небольшую электростанцию в Одессе. Одесса привлекла также внимание французских компаний «Континентальной Эдисоновской» и «Томсон-Хоустон».

Безусловное преимущество в эти годы сохраняла фирма «Сименс-Гальске». Одно время в качестве конкурента «Сименс-Гальске» пытался выступить созданный в конце 70-х годов завод Яблочкова, производивший, хотя и в небольшом количестве, динамо-машины, аккумуляторы и лампы накаливания. Однако он быстро потерпел крах и прекратил производство. К 1896 г., по данным Министерства финансов, динамо-машины производились в России «Сименс-Гальске», «Русско-балтийским заводом» и заводами Лангензипена и Глебова (на двух последних — только постоянного тока и в очень небольшом количестве). Кабельным производством кроме «Сименс-Гальске» занимались Подобедов, фон Рибен и Малкиель. При этом только Сименс имел собственные медные рудники, а остальные ввозили медь из-за границы. Аккумуляторы выпускались фабриками С. П. Гернета (ранее работавшего у Яблочкова), А. А Винтергальтера, Н. П. Владимирова и «Эйлер и Пастор». Производство ламп накаливания было вообще задавлено ввозом из-за границы.[8] По данным всероссийских электротехнических выставок, можно добавить еще несколько фирм, занимавшихся электротехникой. Но на всех этих предприятиях электротехническое производство находилось еще в зачаточном состоянии. Даже в 1898/99 г. продукция завода Деттмана (второго по величине в России), в то время уже перешедшего к «Униону», стоила 433 492 руб., а стоимость продукции завода Подобедова составила 39 155 руб., тогда как петербургские заводы «Сименс-Гальске» выпустили ее на 4 361 637 руб., а из-за границы было ввезено на 6 007 000 руб.[9]

---

[6] Электричество, 1891, № 21, объявления.

[7] Там же, № 13—14, объявления.

[8] Фабрично-заводская промышленность и торговля России. СПб., 1896, стр. 579—581.

[9] Электричество, 1900, № 15—16, стр. 201—202.

На рубеже 1880—1890-х годов в России появились первые акционерные предприятия в области применения электричества. Это были «Общество электрического освещения» в Петербурге, обычно именовавшееся по году его учреждения «Обществом 1886 г.», учрежденное в 1893 г. товарищество на паях «Савицкий и Страус», которое занималось освещением в Киеве и Полтаве,[10] и «Общество киевской городской железной дороги», переведшее свои линии на электрическую тягу в 1892 г.[11] Наибольшее значение имело «Общество 1886 г.».

Образование «Общества 1886 г.», его деятельность до первого промышленного подъема

Первым в России предприятием по электрическому освещению явилось товарищество «Электротехник», учрежденное в 1881 г. группой русских инженеров во главе с В. Н. Чиколевым. Нуждаясь в средствах, они вынуждены были пригласить в число участников товарищества петербургское отделение «Сименс-Гальске».[12] Деятельность товарищества, планировавшего строительство электростанции для освещения Невского проспекта, а до получения разрешения городской Думы на это строительство освещавшего увеселительные заведения, натолкнулась на сильнейшее сопротивление газовых обществ, стремившихся задушить конкурента в зародыше. Фирма Сименса, не желая связывать руки союзом с русскими предпринимателями, не оказала товариществу финансовой поддержки, и последнее, не выдержав конкурентной борьбы, ликвидировало в 1883 г. свои дела.[13] Установки товарищества были куплены главой петербургского отде-

---

[10] ЦГИА, ф. 22, оп. 4, д. 25, л. 1, прошение Савицкого и Страуса в Министерство финансов 30.11/12.12.1891.

[11] ЦГИА, ф. 1288, оп. 8, 1905 г., д. 80, л. 102, справка Центрального управления местного хозяйства МВД по состоянию на 1905 г.

[12] ЦГИА, ф. 20, оп. 4, д. 4676, л. 31, рапорт правительствующему Сенату об утверждении устава товарищества «Электротехник»; л. 42, письмо «Сименс-Гальске» учредителям товарищества 6/18.8.1881.

[13] Там же, л. 65, выписка из протокола собрания 16/28.6.1883.

ления «Сименс-Гальске» Карлом Сименсом,[14] братом основателя фирмы — Вернера.

В 1886 г. К. Сименс передал предприятие специально для того учрежденному «Обществу электрического освещения», сохранив за собой бо́льшую часть акций общества.[15] Организация общества была осуществлена с помощью Петербургского частного банка, председателем правления которого в это время являлся тот же К. Сименс. Уже в 1888 г. капитал общества был увеличен с 1 до 3 млн руб., причем бо́льшая часть новых акций также осталась за К. Сименсом.[16]

Для фирмы «Сименс-Гальске» смысл организации «Общества 1886 г.» заключался кроме захвата перспективной концессии в обеспечении для себя постоянного рынка сбыта своей продукции. Эту цель преследовал договор между «Сименс-Гальске» и «Обществом 1886 г.», заключенный в 1888 г. Этим договором общество обязывалось покупать необходимое оборудование только у «Сименс-Гальске» под угрозой выплаты в противном случае неустойки в размере 50% стоимости оборудования, приобретенного на стороне.[17] Договор устанавливал полную зависимость «Общества 1886 г.» и в сфере его деятельности, принуждая его «не производить никаких установок машин, устройства центральных станций, проложения новых или увеличения старых сетей проводников без предварительного совета и одобрения торгового дома „Сименс-Гальске“».

В первые годы существования «Общество 1886 г.» распространило свою деятельность лишь на центральные кварталы Петербурга и Москвы. В Петербурге оно по-

---

[14] М. О. Каменецкий. Первые русские электростанции. М.—Л., 1951, стр. 28.

[15] ЛГИА, ф. 1243, оп. 1, д. 1, л. 323, список владельцев акций первого выпуска. Более $^3/_4$ акций осталось за К. Сименсом. Значительный пакет получил К. Л. Вахтер, крупный петербургский предприниматель, тесно связанный с делами Сименса и Частного банка.

[16] ЛГИА, ф. 1243, оп. 1, д. 9, л. 3, список акционеров на собрании 3/15.9.1888.

[17] Официального текста договора нам обнаружить не удалось. Сохранился лишь его черновой набросок (см. ЛГИА, ф. 1243, оп. 1, д. 1, лл. 282—283), представляющий, видимо, перевод с немецкого, к тому же довольно неудачный. Против этого параграфа на полях сделана приписка: «Без такого пункта весь договор был = 0!».

строило кроме полученных от Сименса станций на баржах на Мойке и Екатерининском канале еще две — на барже на Фонтанке и у цирка Чинизелли. Первые три давали ток для частных квартир, а последняя для уличного освещения. В Москве общество арендовало в 1888 г. участок упраздненного Георгиевского монастыря, где соорудило электростанцию.[18] Общая мощность всех станций, вырабатывавших малоэкономичный ток постоянного напряжения, не превышала нескольких сот киловатт. Еще меньшими были станции конкурировавших с обществом М. М. Подобедова, П. П. фон Дервиза, А. Износкова и др. Ряд государственных учреждений и частных лиц владел установками, обеспечивавшими электроэнергией их дома. Продажу таких установок производила фирма «Сименс-Гальске».

Приток капиталов в электроиндустрию в годы первого промышленного подъема

Рассмотренное выше проникновение иностранных капиталов в русскую электротехнику до середины 1890-х годов не приняло в общем значительного размаха. Но затем приток капиталов, прежде всего германских, резко увеличился. Этому способствовал ряд причин, вытекавших из особенностей развития как России, так и Германии.

В области электротехники Германия значительно опередила в своем развитии остальные страны Европы, что было одним из элементов того экономического скачка, который характерен для Германии конца XIX в. Вступив позже Англии и Франции на путь индустриального развития, Германия пережила завершающий этап промышленного переворота лишь во второй половине XIX в. на базе более высокого уровня техники. Это дало ей бо́льшие преимущества по сравнению со старыми капиталистическими странами, где груз ранее вложенных в дело средств

[18] ЛГИА, ф. 1243, оп. 1, д. 1, л. 334, извещение правления. Первая электростанция в Москве была построена в 1881 г. у Каменного моста Чиколевым; в 1883 г. маленькую станцию соорудило товарищество «Электротехник», следующей была станция Н. Алексеева в Лубянском пассаже. «Общество 1886 г.» пыталось реконструировать ее в 1887 г., но из этой попытки ничего не вышло. (Электричество, 1896, № 3, стр. 5).

мешал капиталистам применять новейшие технические достижения. Поэтому в техническом отношении германская крупная промышленность сразу оказалась выше английской и французской, и это быстро привело к ее превосходству и в объеме производства. Сказанное прежде всего относится именно к электротехнике, поскольку основные научные и технические открытия, позволившие перейти к промышленному производству и использованию электричества, были сделаны в последней трети XIX в. Опираясь на эти научные достижения, Германия к концу века производила больше электротехнического оборудования, чем Англия и Франция, вместе взятые.[19] Насколько быстро возрастал объем производства германской электротехнической промышленности можно видеть из следующих цифр: продукция электротехнических предприятий оценивалась в 1891 г. в 45 млн марок, в 1898 г. — в 229 млн марок, в 1906 г. — в 500 млн марок, в 1909 г. — в 800 млн марок.[20] Одновременно стремительно росло число занятых на этих предприятиях рабочих, которое составляло в те же годы соответственно 15, 54, 95—100 130 тыс. человек.[21] С самого начала решающие позиции в новой отрасли индустрии захватили немногие крупные фирмы («Сименс-Гальске», АЭГ, «Унион», «Шуккерт», «Гелиос» и др.). Акционерный и облигационный капитал семи крупнейших обществ вырос с 1890 по 1900 г. с 19.25 до 212.5 млн марок.[22] Стремительное развитие электротехнической промышленности в Германии опережало рост рынка сбыта ее продукции и вынуждало производящие фирмы брать на себя организацию этого рынка. Они выступают инициаторами строительства электростанций, которые потребляли электротехническое оборудование, и электротехнических трамвайных предприятий, становившихся крупнейшими потребителями как технического оборудования, так и электрической энергии. Электротехнические компании превращались таким путем в электроконцерны, владевшие различными предприятиями. Постоянная широкая грюндерская деятельность требовала огромных капиталов, надолго вкладываемых в учреждае-

[19] В. Е. Мотылев. Финансовый капитал и его организационные формы. М., 1959, стр. 336.
[20] В. А. Киселев, ук. соч., стр. 21.
[21] Там же, стр. 23.
[22] Там же, стр. 44.

мые предприятия, и в течение ряда лет электропромышленность поглощала до 25% средств германского денежного рынка.[23] Этот приток капиталов мог осуществляться только с помощью банков, которые поэтому в электротехнической промышленности раньше, чем в других, овладели господствующими позициями. Складывание финансового капитала в электроиндустрии, таким образом, происходило быстрее, и империалистические столкновения проявлялись раньше и резче.

Для высокоразвитой германской электротехнической промышленности вопрос о внешних рынках и о вывозе капитала уже в 1890-х годах стоял чрезвычайно остро, что объяснялось не только ожесточенной конкуренцией между фирмами, но и протекционистской политикой большинства соседних с Германией государств. Стремление к более высоким прибылям толкало электроконцерны вовне, создавало для них «необходимость вывоза капитала».[24] До 1899 г. 91% всех электрических трамваев на континенте Европы был построен германскими фирмами, общая сумма экспорта германской электротехнической продукции достигла 25% ее производства.[25] Одновременно с целью обхода протекционистских таможенных барьеров, установленных большинством государств, германские электроконцерны создают широко разветвленную сеть своих отделений и дочерних предприятий за пределами страны. Чрезвычайно сильный толчок электротехническому учредительству был дан в 1894—1895 гг. Привлеченные крупными прибылями, полученными предприятиями этой отрасли в предыдущие годы, туда устремились новые капиталы. Старые компании также резко расширили производство в надежде на новые, еще более выгодные заказы. В результате германский внутренний рынок оказался перенасыщенным, что резко усилило конкуренцию. «Конкуренция больших предприятий, — констатировалась в отчете «Шуккерта» за 1895 г., — повела к такому ухудшению условий концессий, что они не составляют более желательных объектов для работы».[26] Это усилило тягу электротехнических фирм за границу.

---

[23] Там же, стр. 41.
[24] В. И. Ленин, ПСС, т. 27, стр. 360.
[25] В. А. Киселев, ук. соч., стр. 48—49.
[26] Там же, стр. 59.

Крупные дочерние предприятия были основаны германскими концернами во Франции, Австро-Венгрии, Италии и Бельгии.

Благодарной почвой для такой деятельности являлась Россия. «В настоящее время, — писал В. И. Ленин в 1897 г., — мы переживаем, видимо, тот период капиталистического цикла, когда промышленность „процветает", торговля идет бойко, фабрики работают вовсю и, как грибы после дождя, появляются бесчисленные новые заводы, новые предприятия, акционерные общества, железнодорожные сооружения и т. д., и т. д.».[27] Начавшемуся подъему способствовал ряд обстоятельств. Очень важным фактором явилось железнодорожное строительство. В 1893—1900 гг. на строительство железных дорог казной было затрачено 2226.6 млн руб., или 278.3 млн руб. в год, тогда как в предыдущие 6 лет тратилось ежегодно по 51.6 млн руб.[28] На базе железнодорожного строительства развивалась металлургическая промышленность России. 37% потребляемого в стране железа расходовалось в эти годы на нужды железных дорог.[29] Развитие транспорта вело также к росту каменноугольной и машиностроительной промышленности. Важную роль играли казенные заказы и в других отраслях, в особенности в военной и судостроительной. Значительному расширению внутреннего рынка способствовал также начавшийся в 1896 г. длительный рост цен на сельскохозяйственные товары, который привел к повышению спроса аграрных кругов на промышленную продукцию. Большую роль играла покровительственная политика царского правительства. Кроме уже упоминавшихся казенных заказов важное значение имел таможенных тариф 1891 г., увеличивший пошлины на чугун в 10 раз, на рельсы в 4.5 раза и установивший запретительные пошлины на железо, металлические изделия, подвижной состав и т. п.[30] В результате стоимость продукции русской промышленности выросла с 1892 по 1899 г. с 1221 до 2121 млн руб., а общее число рабочих

---

[27] В. И. Ленин, ПСС, т. 2, стр. 465—466.

[28] С. С. Зак. Промышленный капитализм в России. М., 1908, стр. 47.

[29] Там же, стр. 59—60.

[30] А. П. Погребинский. Очерки истории финансов дореволюционной России. М., 1954, стр. 76.

с 1105 до 1563 тыс. человек.[31] Наиболее быстрыми темпами развивалась тяжелая промышленность; выплавка чугуна выросла за 1890-е годы в 3 раза, а добыча угля в 2.5 раза.[32] Основные капиталы русской промышленности (без кустарной) выросли с 1890 по 1899 г. с 761 до 1886 млн руб.[33]

Такая большая потребность в средствах не могла быть покрыта только за счет внутренних накоплений. В России создался, таким образом, широкий рынок для приложения иностранных капиталов. Иностранных предпринимателей привлекала в России возможность получения больших прибылей, обусловленная низкой заработной платой русских рабочих и особо выгодными условиями, которые предоставляло иностранным капиталистам царское правительство, заинтересованное в финансовой помощи из-за границы. Их привлекали также огромные природные богатства страны, остававшиеся втуне из-за косности русских фабрикантов. Толчок к увеличению иностранных инвестиций был дан уже таможенным тарифом 1891 г., когда для европейских предпринимателей стало более выгодным не ввозить товары в страну, а производить их внутри нее на дочерних предприятиях под охраной покровительственных пошлин. Однако действительно широким капиталовложениям мешала неупорядоченность русской денежной системы, внушавшая капиталистам опасения за их барыши. Это препятствие было устранено денежной реформой 1895—1897 гг., которая ввела в России золотую валюту. После проведения реформы приток капиталов из-за границы резко усилился.

Следует отметить еще одно обстоятельство, способствовавшее притоку иностранных капиталов именно в новые отрасли промышленности, прежде всего в тяжелую индустрию. Русская буржуазия конца XIX в. имела еще возможность получать гигантские прибыли, и не снившиеся западно-европейскому капиталу, за счет старых методов эксплуатации, действуя по старинке, без риска, сопутствовавшего созданию новых отраслей хозяйства. Но нужды экономического развития России настоятельно

---

[31] А. Ф. Яковлев. Экономические кризисы в России. М., 1955, стр. 169.

[32] А. П. Погребинский, ук. соч., стр. 75.

[33] С. Г. Струмилин. Очерки советской экономики. М., 1930, стр. 69.

требовали создания современной металлургической и машиностроительной промышленности, и в то время как русская буржуазия в погоне за максимальной прибылью распространяла сферу действия капитализма в стране вширь, в новые районы, нарождающаяся тяжелая индустрия притягивала к себе иностранные капиталы.

Привлечение иностранных капиталов было сознательным курсом политики царского правительства, и прежде всего его министра финансов С. Ю. Витте. Эта политика было наиболее четко сформулирована Витте в 1899—1900 гг., когда ему пришлось отстаивать ее от своих противников. В марте 1899 г. Витте подал Николаю II записку «О необходимости установить и затем непреложно придерживаться определенной программы торгово-промышленной политики империи».[34] Заявив, что протекционистская система не смогла выполнить предназначавшейся ей роли и создать условия для быстрого накопления капиталов в стране, Витте доказывал необходимость привлечения в Россию иностранных капиталовложений, которые, по его мысли, должны были денационализироваться и «постепенно раствориться» в русских капиталах. Тогда же Витте, возражая министру иностранных дел М. Н. Муравьеву, писал, что «ограничение доступа иностранных капиталов и предприимчивости в Россию не только едва ли удобно в политическом отношении, но еще и вредно в экономическом и финансовом отношении».[35] В 1900 г. Витте вновь проводил в докладе Николаю II мысль, что «если страна не богата собственными капиталами, а в них настоятельно нуждается и государство, и промышленность, то нет другого выхода из такого положения, как привлечение капиталов из-за границы».[36]

Деятельность иностранных капиталов в России оказывала двоякого рода воздействие на ее экономическое развитие. С одной стороны, как указывал В. И. Ленин, «вывоз капитала в тех странах, куда он направляется,

---

[34] Материалы по истории СССР. Т. VI. Документы по истории монополистического капитализма в России. М., 1955, стр. 173—195.

[35] Б. В. Ананьич. Русское самодержавие и внешние займы в 1898—1902 гг. В кн.: Из истории империализма в России. Л., 1959, стр. 184.

[36] Всеподданнейший доклад министра финансов. О положении нашей промышленности. Февраль 1900 г. Историк-марксист, 1935, № 2—3, стр. 135.

оказывает влияние на развитие капитализма, чрезвычайно ускоряя его».[37] Это полностью относится к России, тяжелая промышленность которой была в значительной степени создана на иностранные деньги. Позднее В. И. Ленин снова подчеркивал, что «вся мощь миллиардных капиталов буржуазии всех стран тянет за собой Россию, вскармливает и поддерживает ее буржуазию».[38] Иностранные, прежде всего германские, капиталы сыграли большую роль в создании электротехнической промышленности и транспорта, которыми располагала царская Россия, и без притока иностранных капиталов в эти отрасли промышленности развитие их происходило бы значительно медленнее. Но, с другой стороны, вторжение иностранного капитала и его хищническая своекорыстная деятельность вела к истощению природных ресурсов страны, к выкачиванию огромных средств в виде прибыли, уходившей за границу. Прибыль эта далеко превышала вложенные средства. За период 1891—1910 гг., по подсчетам академика С. Г. Струмилина, из России за границу было вывезено на 2760 млн руб. больше, чем ввезено в нее.[39] Политика иностранных монополий вела к однобокому развитию русской экономики.

Те общие причины, которые толкали иностранный капитал в Россию вообще, действовали и конкретно в применении к электротехнике. Упрочившееся доверие к русской валюте создало предпосылки для перевода городских конно-железных дорог, большей частью находившихся в руках бельгийских обществ, на электрическую тягу, подобно тому как это происходило одновременно в Западной Европе. Это обещало большой и прочный рынок сбыта для электротехнических заводов. Другим рынком должны были стать железные дороги (устройство сигнализации), строительство которых широко развернулось в конце 1890-х годов. Протекционистская политика русского правительства особенно давала себя чувствовать именно в железнодорожном строительстве; были приняты специальные постановления, согласно которым в поставках для железных дорог могли принимать участие лишь фирмы, действующие по русскому уставу. Это выз-

---

[37] В. И. Ленин, ПСС, т. 27, стр. 362.
[38] Там же, т. 24, стр. 5.
[39] С. Г. Струмилин, ук. соч., стр. 195.

вало целую серию реорганизаций отделений иностранных фирм в России в «русские» акционерные общества. Наконец, в области электрического освещения с середины 1890-х годов осуществляется переход от маленьких станций постоянного тока с очень ограниченным радиусом действия к большим по тому времени станциям переменного тока, способным охватить своей кабельной сетью города масштаба Петербурга и Москвы. Строительство новых электростанций также требовало значительных капиталов и одновременно сулило крупные заказы электротехническим заводам.

Создание и реорганизация электротехнических предприятий

В собственно электротехнической промышленности одними из первых были реорганизованы в акционерные небольшие предприятия, принадлежавшие русским владельцам — М. М. Подобедову[40] («Товарищество для эксплуатации электричества М. М. Подобедова», установочный отдел, кабельный завод и небольшие электростанции в Петербурге) и Вейхельту[41] («Общество московского электромеханического завода, бывш. Вейхельт») соответственно в 1895 и 1897 гг. В 1899 г. было учреждено также общество «Вольта» в Ревеле.[42]

---

[40] ЦГИА, ф. 23, оп. 24, д. 237, л. 1, прошение М. М. Подобедова. Капитал «Товарищества для эксплуатации электричества М. М. Подобедова» составлял 1.1 млн руб. В число пайщиков входили Учетный и ссудный и Сибирский банки. (Там же, л. 98, протокол заседания пайщиков 11/23.3.1899).

[41] ЦГИА, ф. 22, оп. 4, д. 146, л. 40, рапорт Министерства финансов правительствующему Сенату 12/24.6.1897. В состав акционеров входили Парижско-Нидерландский банк (более $^1/_3$ всех акций), директор Русского торгового и промышленного (в дальнейшем Торгово-промышленного) банка А. А. Померанцев (там же, л. 45, список акционеров) и Учетный и ссудный банк (И. Ф. Гиндин. Банки и промышленность в России до 1917 г. М.—Л., 1927, стр. 50).

[42] В. С. Зив отнес «Вольту» к германским предприятиям, не приведя каких-либо тому доказательств (В. С. Зив. Иностранные капиталы в русских акционерных предприятиях. Вып. I. Германские капиталы. Пгр., 1915, стр. 26). В книге Г. Цыперовича говорится о «фактическом синдикате» германских электротехнических предприятий в России и «Вольты» (Г. Цыперович. Синдикаты и тресты в России. Пгр., 1920, стр. 88). Однако

Решающие позиции в русской электротехнической промышленности в годы первого подъема захватил германский капитал. Первой встала на путь реорганизации старейшая электротехническая фирма в России — «Сименс-Гальске», пользовавшаяся при этом поддержкой Немецкого банка, который со своей стороны привлек к участию Петербургский международный банк.[43] Из переписки директоров банков А. Гвиннера (Немецкий банк) и А. Ротштейна (Международный банк) видно, что переговоры, в которых также принимал участие директор петербургских заводов Сименса (и его родственник) Г. О. Герц, уже к августу 1897 г. привели к принципиальному соглашению о создании русского акционерного общества «Сименс-Гальске» с капиталом в 4 млн руб. Спорным оставался вопрос о разделе грюндерской прибыли. В письме от 15/27.8.1897 Гвиннер уведомлял Ротштейна, что Немецкий банк (очевидно, от имени обоих банков) претендовал на половину акций образуемого

изучение архивных материалов не подтверждает точки зрения ни Зива, ни Цыперовича. В действительности главными акционерами «Вольты» являлись местные капиталисты и Рижский банк (ЦГИА, ф. 266, оп. 1, д. 170, л. 227, рапорт инженера МПС от 11/24.5.1901 о заводе «Вольта»), а затем она перешла в руки Учетного банка и Э. Нобеля (ЦГИА, ф. 23, оп. 28, д. 430, лл. 4—5, справка Министерства торговли и промышленности об акциоперах «Вольты»). Не входила она и в синдикаты германских обществ, хотя и пользовалась некоторыми германскими патентами (Торгово-промышленная газета, 9/21.12.1899, № 270).

[43] Еще в 1895 г. петербургские предприятия фирмы были выделены в особое товарищество в составе Карла и Арнольда Сименсов (ЦГИА, ф. 23, оп. 24, д. 456, л. 26, договор о создании товарищества). Это, однако, не решало вопроса, поскольку германское происхождение товарищества было слишком явным. Поэтому уже в следующем 1896 г. возник план продажи заводов Сименса в Петербурге «Обществу 1886 г.», действовавшему по русскому уставу. Необходимые для нее средства «Общество 1886 г.» намеревалось получить с помощью Частного банка выпуском новых акций. Но уже летом этот проект был оставлен. По версии правления общества необходимость покупки заводов отпала для него в связи с затруднениями, возникшими на переговорах о продлении концессии (ЛГИА, ф. 1243, оп. 1, д. 74, лл. 26—29, доклад правления чрезвычайному собранию акционеров 23.7/4.8.1896). Нам кажется вероятным, что в отказе от этого плана сыграли роль и начавшиеся трения между Сименсом и Частным банком, о которых речь будет идти в дальнейшем. В таких условиях Сименсу могло показаться рискованным отдавать банку слишком большую власть над своими предприятиями.

общества. Со своей стороны Карл и Арнольд Сименсы соглашались отдать банкам акции лишь на 1.5 млн руб., требуя остальную сумму себе в уплату за передаваемое имущество. В марте 1898 г. был достигнут компромисс, предоставлявший банкам акции на 1.75 млн руб.,[44] после чего состоялось официальное учреждение общества.[45] Места в правлении получили представители дома Сименса — К. Сименс, его зять А. А. Гревениц, Г. О. Герц и Т. Бедикер, представители Международного банка А. Ротштейн, В. Ф. Голубев и чиновник Министерства финансов Циглер фон Шаффгаузен.[46] Первоначально предполагалось, что в состав правления войдет и один из директоров Немецкого банка, но в последний момент это было, видимо, сочтено нецелесообразным. Тем не менее как большинство акций, так и все руководство «русским» обществом полностью осталось в германских руках.

Между берлинским и петербургским обществами «Сименс-Гальске» был заключен договор сроком на 10 лет, по этому договору русское общество обязывалось покупать все необходимые ему товары преимущественно у своего берлинского дома, а за это получало исключительное право представительства последнего в России (за исключением Финляндии и Польши).[47]

Почти одновременно с «Сименс-Гальске» открыло свои действия в России «Р. О. Унион». Германский «Унион» не имел своих предприятий в стране, но в 1897 г. его глава И. Леве заключил соглашение с владельцем «Русско-балтийского электротехнического завода» в Риге Г. Деттманом о создании коммандитного товарищества,

---

[44] ЦГИА, ф. 598, оп. 2, д. 515, л. 1—2, Немецкий банк — Учетному и ссудному банку (дата получения — 9/21.3.1898).

[45] Распределение капитала общества на 1899 г. произведено нами на основании полного списка акционеров 1/13.6.1898. Тогда кроме Сименсов, Немецкого и Международного банков акции общества получили в качестве субучастников Учетный и ссудный и Русский для внешней торговли банки. (ЦГИА, ф. 23, оп. 24, д. 456, л. 54). Сведений о распределении акций выпуска 1899 г. у нас не имеется. Но по данным на 1902 г. количество акций, находящихся в русских руках, уменьшается по сравнению с 1898 г., даже если все отсутствующие акции считать русскими (что совершенно неверно). Поэтому мы исходили из предположения, что весь выпуск 1899 г. размещен в Германии.

[46] ЦГИА, ф. 23, оп. 24, д. 456, л. 55, протокол собрания акционеров 1/13.6.1898.

[47] ЦГИА, ф. 626, оп. 1, д. 552, лл. 56—57, доклад учредителей.

которое Леве имел право преобразовать в акционерное общество.[48] Летом 1898 г. он осуществил это право, учредив «Р. О. Унион».[49] Решающую роль в образовании нового общества сыграли Дрезденский и Международный банки.[50] Первым председателем правления «Р. О. Унион» стал директор Международного банка Г. И. Дернен. Развертывая деятельность в России, «Унион» начал строительство нового большого завода в Риге, а также учредил в 1899 г. общество «Русско-балтийского аккумуляторного завода», сохранив за собой почти все его акции (капитал общества — 330 000 руб.[51]). Кроме того, с целью создания агентуры в стране он купил электрический отдел фирмы «Кеппен и К°» и захватил руководство товариществом «Ольшевич и Керн», владевшим конторами в Польше и на Украине.[52] В отличие от «Сименс-Гальске», занимавшегося прежде всего поставками электрооборудования, русский «Унион» с самого начала выступает как грюн-

---

[48] Германский подданный Г. Деттман построил в 1885—1887 гг. электростанцию для Немецкого городского театра в Риге, а вслед за тем и завод электротехнического оборудования. Однако позднее, когда в Риге появились агентства АЭГ, Сименса, «Вольты» и других электротехнических заводов, Деттман не выдержал конкуренции и вынужден был принять условия И. Леве (В. В. Суздальцев. Из истории Харьковского электромеханического завода. Ученые записки Харьковского университета, т. 103, 1959, стр. 20—25).

[49] ЛГИА, ф. 1250, оп. 1, д. 1, л. 16, договор между учредителями «Русского общества Унион».

[50] На учредительном собрании почти все акции были представлены этими же двумя банками, но в действительности международный банк распределил свой пакет между большой группой русских и иностранных субучастников, в число которых входили Учетный и ссудный и Петербургско-Азовский банки, банкирский дом Мейера, «Юнкер и К°», Бродские, Ж. Арон, «Генеральное общество промышленности в России» и др. (ЦГИА, ф. 626, оп. 1, д. 556, л. 63, список акционеров «Унион»). На основании указанного полного списка нами и произведено распределение капитала «Р. О. Унион» за 1899 г., оплаченного к тому времени на 40%. На 1903 г. имеется список владельцев 27.5 тыс. из 32 тыс. акций. Экстраполируя распределение этих акций на остаток мы получили результат, который и учтен в нашей итоговой таблице (см. Приложение).

[51] ЦГИА, ф. 23, оп. 24, д. 651, л. 79, список акционеров 16/29.5.1900. Кроме «Р. О. Унион» небольшой пакет акций находился у финансирующего общества концерна «Унион» — «Общества электрических предприятий».

[52] ЛГИА, ф. 1250, оп. 1, д. 2, лл. 14—15, доклад правления акционерному собранию 23.9/5.10.1899.

дерская организация, развернув широкую учредительскую деятельность, которая в годы кризиса быстро привела его к краху.

В 1899 г. было основано «Р. О. Шуккерт» с капиталом в 2 млн руб. Базой для его создания послужила фирма Б. А. Цейтшеля. При создании общества Цейтшель приобрел небольшие электротехнические фирмы в Киеве и Одессе и электротехническое отделение фирмы «Бр. Гантерт», превратив их в отделения «Шуккерта». Русский «Шуккерт» получил представительство своего германского дома во всей России, кроме Царства Польского и Гродненской губернии.[53]

По сравнению со своими конкурентами АЭГ довольно значительно запоздала с созданием дочернего предприятия в России. В январе 1898 г. в Берлине было учреждено общество «АЭГ-Петербург» [54] с капиталом в 1 млн марок, действовавшее по германскому уставу. Целый год ему пришлось ожидать разрешения на действия в России, и только после этого оно приступило к созданию агентств. В течение 1899—1901 гг. «АЭГ-Петербург» создало агентства в Петербурге, Москве, Риге, Ростове, Одессе, Харькове и других городах,[55] занимавшиеся перепродажей изделий германских заводов АЭГ. Деятельность их была малоуспешной, так как, по признанию руководителей АЭГ, «старания русского правительства отстранить иностранное производство от казенных подрядов сильно давали себя чувствовать».[56] В связи с этим с 1/14.1.1902 сеть агентств «АЭГ-Петербург» была передана вновь организованному «русскому» обществу «Всеобщая компа-

---

[53] ЦГИА, ф. 23, оп. 24, д. 689, лл. 66—67, доклад учредителей общества. Весь капитал общества на учредительном собрании 19/31.1.1900 значился за Цейтшелем, представителем германского «Шуккерта», Ваккером и братьями Гантерт, тоже германскими подданными. Я. И. Лившин в книге «Монополии в экономике России» (М., 1961, стр. 18) пишет, что в 1890-е годы в Россию вторглись германские концерны «Сименс-Гальске» и «Сименс-Шуккерт». Но общеизвестно, что объединение «Сименс-Гальске» и «Шуккерта» произошло только в 1903 г., а до того Шуккерт был одним из основных конкурентов Сименса.

[54] ЦГИА, ф. 22, оп. 4, д. 188, л. 1, прошение поверенного АЭГ министру финансов 30.4/12.5.1898.

[55] Там же, л. 87, протокол собрания акционеров 13/26.5.1900; л. 91, протокол собрания акционеров 4/17.6.1901.

[56] Там же, лл. 95—97, протокол собрания акционеров 13/26.6.1902.

ния электричества» (ВКЭ) с капиталом в 1 млн руб. Все акции ВКЭ остались в руках германской АЭГ, директора которой Ф. Дейч, С. Роос и другие вошли в правление нового общества.[57] Однако и новое «русское» общество не имело в России своего завода и оставалось посреднической конторой, уплачивавшей АЭГ кроме дивиденда по акциям еще и специальные отчисления от прибылей.

В августе 1897 г. общество аккумуляторной фабрики «Тюдор» в Берлине (совместное предприятие АЭГ и «Сименс-Гальске») захватило две петербургские фабрики аккумуляторов (С. П. Гернета и А. А. Винтергальтера) и основало на их базе «Р. О. Тюдор» с первоначальным капиталом в 600 000 руб.[58] Между петербургским и берлинским обществами был заключен договор, по которому русское общество уплачивало германскому дополнительные отчисления от прибылей за пользование патентами.[59]

Российская электротехника привлекала также внимание бельгийских и французских капиталистов. В 1896 г. бельгийское «Международное общество электричества» и банк «Льежский всеобщий кредит» основали «Центральную компанию электричества в Москве», перенявшую у торгового дома «Феттер и Гинкель» электротехнический отдел и концессию на электрическое освещение Ростова-на-Дону.[60] (На основе этой концессии в 1902 г. было создано «Электрическое общество юга России»[61]). В 1899 г. капитал «Центральной компании» был увеличен с 1.5 до 10 млн франков для приобретения от учре-

---

[57] ЦГИА, ф. 23, оп. 25, д. 505, лл. 53—54, протокол собрания акционеров 12/25.12.1901.

[58] ЛГИА, ф. 1368, оп. 1, д. 46, лл. 2 и 41, справка об истории «Р. О. Тюдор». В 1897 г. русские акционеры «Тюдора» располагали более чем $^1/_3$ акций общества. Данных за 1899 г. в нашем распоряжении нет, но на ближайшем к нему собрании акционеров 29.3/11.4.1900 доля русских акционеров составила 25% при практически полном составе участников. Это распределение и взято нами для таблицы. (См. там же, д. 187, л. 89).

[59] ЛГИА, ф. 1368, оп. 1, д. 187, л. 177, протокол чрезвычайного собрания акционеров 20.11/2.12.1898.

[60] ЦГИА, ф. 23, оп. 24, д. 26, лл. 25—28, устав «Центральной компании электричества в Москве»; л. 56, прошение Феттера в Департамент торговли и мануфактур 16/28.4.1896.

[61] Там же, оп. 25, д. 289, лл. 4—5, прошение поверенного «Электрического общества юга России» в Министерство финансов 24.4/7.5.1902.

дителей новых концессий и для строительства завода в Москве.[62]

Всего, таким образом, в 1899 г. в России существовало 10 электротехнических обществ с капиталом в 20.6 млн руб., из них русские капиталы (5.47 млн руб.) преобладали лишь в трех слабых предприятиях — «Товарищество М. М. Подобедова», «Общество бывший Вейхельт» и «Вольта» — и, кроме того, участвовали в некоторых германских предприятиях. Германские электротехнические концерны, вложившие более 10 млн руб., господствовали в 6 обществах, бельгийские — в одном.

Борьба за концессии на электрическое освещение

Основными конкурентами в области электрического освещения также выступали германские и бельгийские предприниматели. Существовавшие мелкие станции уже не могли удовлетворять потребности российских городов в электроэнергии. Как и в передовых капиталистических странах, в России также начали строиться крупные по тому времени центральные электростанции. Первая станция нового типа мощностью в 800 квт была построена в 1894 г. в Петербурге на Васильевском острове инженерами Н. П. Булыгиным и Ч. К. Скржинским для предпринимателя Н. В. Смирнова.[63] Вслед за тем с предложениями о строительстве еще больших станций обратилось к Петербургской и Московской управам «Общество 1886 г.».

В Москве, где «Общество 1886 г.» не встретило серьезной конкуренции, уже в сентябре 1895 г. был подписан договор, предоставивший обществу концессию сроком на 40 лет. Общество получило право взимать со

---

[62] Там же, оп. 24, д. 26, лл. 84—91, протокол чрезвычайного собрания акционеров 4/16.3.1899. Первоначально часть акций находилась в руках Феттера. Но на собрании 4/16.3.1899, на котором было предъявлено 2998 акций из 3000, все они припадлежали уже «Международному обществу электрических предприятий и их эксплуатации» (Льеж) и его директорам. Феттер и Гинкель вышли из правления «Центральной компании». Исходя из этого мы считаем, что и новый выпуск акций целиком пришелся на Бельгию.

[63] М. О. Каменецкий. Первые русские электростанции, стр. 66.

своих абонентов до 50 коп. за киловатт-час (что являлось наивысшей платой в Европе), а также ряд дополнительных сборов. Город выговорил себе отчисления от валовой прибыли в размере 6% от электрического освещения и 3% от энергии, идущей на технические цели.[64] Капитал общества был увеличен в связи с заключением договора с 1.9 до 6 млн руб.[65] Строительство станции осуществлялось по проекту берлинского «Сименс-Гальске» и было закончено в 1898 г.

Значительно сложнее обстояло дело в Петербурге. «Общество 1886 г.» в 1895 г. обратилось к Петербургской управе с предложением заключить новый договор на условиях, аналогичных московским.[66] Однако петербургские власти не торопились с согласием и затянули переговоры более чем на год. Тем временем поступило предложение бельгийского грюндера Фернанда Шмацера и петербургского купца А. Гуэ, являвшихся представителями вновь организованного «Русско-Бельгийского общества электрических предприятий». Общество это было учреждено 16/28.2.1896 А. Гуэ от имени бельгийских электротехнических фирм, близких к брюссельскому банку «Сосьете женераль» и электроконцерну Ампена: «Электричество и гидравлика» в Шарлеруа (глава об-

---

[64] П. И. Авцын. К вопросу устройства и эксплуатации областных, районных электрических станций в России. М., 1915, стр. 69—71.

[65] ЛГИА, ф. 1243, оп. 1, д. 71, лл. 231, протокол правления 15/27.11.1896. В 1894 г. на покрытие убытков первых лет работы было списано 1.1 млн руб. акционерного капитала общества. К сожалению, именно за 1899 г. список акционеров общества не сохранился. В 1900 г. именные акции (1.9 млн руб.) находились: на сумму в 380 000 руб. у русских владельцев, на 50 000 руб. у родственников Сименса (эти акции присчитаны нами к германским), на 1.2 млн руб. у германских владельцев и на 270 000 руб. у прочих, главным образом у Базельского банка и у Ч. Торнтона. Акции на предъявителя на этом собрании числились только за Немецким банком и «Варшауэр и К°» (там же, д. 195, лл. 4—5). У нас нет оснований полагать, что, после того как Частный банк продал свой пакет (см. стр. 44), предъявительские акции остались в России. Попала ли часть акций в швейцарские руки, сказать трудно, но данные списка 1900 г. не дают нам права утверждать это. Поэтому все акции на предъявителя (4.1 млн. руб.) включены нами в рубрику германских.

[66] ЛГИА, ф. 1243, оп. 1, д. 61, лл. 12—13, отношение «Общества 1886 г.» в Петербургскую городскую управу; лл. 14—16, проект договора.

щества — Жюльен Дюле), «Взаимная компания трамваев» и общество «Л'Электрик» (Леекен) — и большой группы подвизавшихся в России бельгийских предпринимателей (К. Лежен, А. Фретер, А. Стевенс, Ф. Шмацер и др.), которых поддерживали Брюссельский вспомогательный биржевой банк, Петербургский частный и Азовско-Донской банки (последние два в незначительном размере).[67] В том же году «Русско-Бельгийское общество» учредило «Общество электрического освещения Ковно» (осуществившееся, впрочем, лишь через 12 лет) и общество «Газ и электричество Казани»[68] и начало борьбу за получение концессии в Петербурге. В своих предложениях Управе Шмацер и Гуэ испрашивали концессию сроком на 50 лет с правом устройства также и электрического трамвая, соглашаясь взимать с абонентов не свыше 40 коп. за киловатт-час («Общество 1886 г.» взимало в это время по 65 коп.) и выражая готовность платить городу 7% валового дохода.[69] В это же время выступило со своими притязаниями на концессию и «Товарищество М. М. Подобедова».

Поскольку предложения соискателей концессии сильно отличались друг от друга Петербургская дума поручила Управе выработать условия «нормального договора». Управа потратила на это еще год, а за это время в конкуренцию включилось общество «Гелиос» (Кельн). «Гелиос» вызвался построить станцию мощностью в 4000 квт вместо 2000, установленных «нормальным договором» и выразил готовность платить в пользу города 8% валового дохода.[70] Появление нового конкурента крайне встревожило «Общество 1886 г.» и заставило его идти на уступки. В то же время правление общества пыта-

---

[67] ЦГИА, ф. 20, оп. 4, д. 4018, лл. 32—34, устав общества.

[68] Там же, л. 53, отношение Ф. Шмацера в Департамент торговли и мануфактур 27.2/11.3.1897. Данных об акционерах общества «Газ и электричество Казани» в нашем распоряжении нет. Но его бельгийская принадлежность вытекает из факта учреждения его «Русско-Бельгийским обществом». Литературные источники также относят общество к бельгийским. «Русско-Бельгийское общество» учредило также в 1899 г. несостоявшееся «Главное Франко-Русское общество аккумуляторов», собиравшееся строить заводы в Москве и Петербурге (ЦГИА, ф. 22, оп. 4, д. 314, л. 4).

[69] Электричество, 1896, № 11—12, стр. 176.

[70] Торгово-промышленная газета, 15/27.2.1897, № 38.

лось изобразить дело таким образом, будто его соперничество с «Гелиосом» представляет собой борьбу против иностранного капитала.

В стремлении опередить конкурента три соперничающие фирмы («Товарищество М. М. Подобедова» быстро вышло из игры) вынуждены были снизить плату за освещение до 33 коп. за киловатт-час (или вдвое против цен «Общества 1886 г.»), обязаться построить станции мощностью не менее 4000 квт, освещать бесплатно ряд городских улиц и отказаться формально от монопольных прав.[71] Тем не менее, как показали дальнейшие события, условия договоров оказались для концессионеров гораздо более выгодными, чем для города.

Приступив к строительству электростанции, «Русско-бельгийское общество» захватило небольшое «Русское общество для эксплуатации электрической энергии»,[72] открывшее действия в 1895 г. и владевшее несколькими маленькими станциями в Петербурге, переняло всех его абонентов, а в 1900 г. ликвидировало это общество.[73] Вновь строящаяся станция была передана учрежденному в 1897 г. «Бельгийскому обществу электрического освещения Петербурга», основной пакет акций которого остался за «Русско-Бельгийским обществом».[74] «Гелиос» также предпочел передать свои права дочернему предприятию с русским уставом, учредив с этой целью «Петербургское общество электрических сооружений». В синдикате акций этого общества кроме «Гелиоса» участвовали германские банкирские дома С. Оппенгейма, Беренса и К. Эльцбахера, представленные в правлении общества.[75] Таким образом, вместо одного предприятия по

---

[71] Там же, 4/16.3.1897, № 50.

[72] По данным списка акционеров 4/17.11.1900, в руках бельгийцев находилась половина акций «Р. О. для эксплуатации электрической энергии».

[73] ЦГИА, ф. 22, оп. 4, д. 34, л. 76, заявление правления; л. 116, список акционеров 4/17.11.1900; лл. 135—136, прошение Гуэ министру финансов 20.12.1900/1.1.1901.

[74] Там же, д. 154, л. 47, протокол собрания акционеров 14/27.4.1901. Все представленные на этом собрании акции (15 000 из 24 000) принадлежали бельгийцам.

[75] ЦГИА, ф. 23, оп. 24, д. 563, л. 82, протокол собрания акционеров 2/14.2.1900. Хотя формально устав «Петербургского общества» не был еще утвержден в 1899 г., мы включили его капитал в нашу таблицу, поскольку электростанция общества была уже построена и эксплуатировалась самим «Гелиосом».

электрическому освещению в Петербурге стало три таких предприятия. Вне столиц в годы первого промышленного подъема существовало только два акционерных общества электрического освещения — уже упоминавшееся товарищество «Савицкий и Страус»,[76] доживавшее свои последние дни, и «Электрическая сила» в Баку, о которой речь пойдет в дальнейшем.

Всего в 1899 г. было 6 акционерных электрических станций: 3 бельгийских («Электрического освещения Петербурга», «Русское общество эксплуатации электрической энергии» и «Газ и электричество Казани»), одно германское («Общество 1886 г.»), одно русское («Савицкий и Страус») и одно смешанное («Электрическая сила»). Учреждение «Петербургского общества электрических сооружений» было задержано МВД и состоялось официально лишь в 1900 г., но станция его была выстроена до этого времени и эксплуатировалась самим «Гелиосом». Капитал обществ (включая «Гелиос») распределялся следующим образом: германский — 12.1 млн руб., бельгийский — 9.9 млн руб., русский — 2.5 млн руб., французский — 0.97 млн руб. и прочий — 0.3 млн руб. Кроме акционерных в России существовал ряд частных электростанций, почти все они вырабатывали ток не на продажу, а исключительно для нужд их владельцев, и постепенно вытеснялись центральными станциями. Имелось и некоторое число частных станций, производивших ток на продажу (например, станция Смирнова в Петербурге), но подсчитать вложенные в них капиталы не представляется возможным. Впрочем, число их было невелико и с каждым годом уменьшалось.

Борьба «Сименс-Гальске» и Частного банка за влияние на «Общество 1886 г.»

Период сильных затруднений, которые «Общество 1886 г.» испытывало из-за появившихся конкурентов, совпал с острой борьбой за влияние на само общество

[76] Списка пайщиков товарищества «Савицкий и Страус» до захвата его «Унионом» в нашем распоряжении нет. Поэтому пришлось исходить из того, что известно о товариществе по прошению его учредителей (ЦГИА, ф. 22, оп. 4, д. 25, л. 1).

между «Сименс-Гальске» и Частным банком. Как уже указывалось, общество установило тесное сотрудничество с банком с первых дней своего существования. На первых порах банк ограничивался простым ведением денежных дел общества, не претендуя на влияние в нем, но в 1890-е годы он перешел к более активной политике. С одной стороны, связи его с Сименсом привили банку интерес к электрическим делам, которых многие капиталисты еще сторонились как слишком рискованных. Поэтому в период перехода к империализму, когда банки вообще укрепляли свои связи с промышленностью, внимание Частного банка не в последнюю очередь было обращено к этой новой отрасли индустрии. С другой стороны, ко второй половине 1890-х годов К. Сименс отошел от руководства банком и, хотя в правлении остался один из его ближайших союзников К. Л. Вахтер, банк, в котором все больший вес приобретал директор-распорядитель А. И. Мураний, стремился укрепить свои самостоятельные позиции в области электричества. Уже в 1896 г., как отмечалось, банк принял участие в учреждении конкурировавшего с Сименсом «Русско-Бельгийского общества», а затем стал сотрудничать и с «Гелиосом». Планы банка простирались и на «Общество 1886 г.».

Этому способствовали и денежные затруднения «Общества 1886 г.», в поисках выхода из которых оно обращалось к банку, так как Сименсы в 1896—1897 гг. временно лишались кредита Немецкого банка, требовавшего в качестве условия своей финансовой поддержки акционирования предприятий Сименса в Германии.[77] В феврале 1896 г. «Общество 1886 г.» получило у Частного банка для строительства станции в Москве кредит в 600 000 руб., предоставив за это банку право на реализацию нового выпуска акций и обязавшись до погашения кредита не выплачивать ни дивиденда, ни долга фирме «Сименс-Гальске» (на что последняя дала свое согласие). Кроме того, правление общества обязалось «в вопросах о предложении общему собранию кандидатов в члены правления и об определении на службу технического персонала... действовать по соглашению

[77] G. Siemens. Geschichte der Hauses Siemens, Bd. I. München, 1949, S. 235.

с банком».[78] Тогда же основные акционеры общества во главе с К. Сименсом отказались в пользу банка от преимущественного права на приобретение акций нового выпуска.[79] Вслед за тем в правление общества были введены представители банка — А. И. Мураний и Б. Б. Дорн.[80]

Для реализации нового выпуска акций (увеличившего капитал общества до 6 млн руб.) был создан синдикат в составе Частного банка, Базельского коммерческого банка и банкирского дома «Варшауэр и К°» (Берлин),[81] который и осуществил операцию в ноябре 1896 г. Значительный пакет акций банк оставил за собой и на собрании 6/18.6.1897 вместе с голосами своих представителей, выступавших формально собственниками акций, располагал примерно $^1/_3$ голосов, т. е. приближался к Сименсу.[82] Полученные средства не могли удовлетворить общество, начавшее строительство станции и в Петербурге, поэтому оно вновь обратилось к тройственному синдикату с просьбой о кредите в 1.2 млн руб. [83] и о дальнейшем увеличении акционерного капитала. Для возрастающей роли Частного банка в обществе характерно совещание, состоявшееся в связи с этим в Берлине в мае 1897 г. В нем приняли участие представители трех банков — членов синдиката, берлинского дома «Сименс-Гальске», «финансирующего общества» их концерна — «Швейцарского общества электрической индустрии» (в дальнейшем — «Индэлек») и «Общества 1886 г.». Директор Частного банка Мураний выступал на совещании одновременно и представителем «Общества 1886 г.». Совещание выработало условия следующего выпуска акций, по которым «Сименс-Гальске» и «Индэлек» предоставлялось право приобрести вместе не больше 25%

---

[78] ЛГИА, ф. 1243, оп. 1, д. 60, л. 274, правление «Общества 1886 г.» — в Частный банк (без даты, видимо 15/27.2.1896).

[79] Там же, л. 273, группа акционеров «Общества 1886 г.» — в Частный банк 15/27.2.1896.

[80] Там же, д. 74, л. 38, протокол чрезвычайного собрания акционеров 8/20.8.1896.

[81] Там же, л. 30, прошение «Общества 1886 г.» в Министерство финансов (без даты, приблизительно июль 1896 г.).

[82] Там же, д. 85, лл. 6—7, список акционеров 6/18.6.1897.

[83] Там же, лл. 24—26, доклад правления чрезвычайному собранию акционеров 3/15.7.1897.

акций, всю же остальную сумму банки делили между собой.[84]

«Сименс-Гальске», однако, не собиралась без борьбы уступать своих позиций в «Обществе 1886 г.». Договорившись с Немецким банком об акционировании своих предприятий в Берлине и Петербурге, Сименсы установили также прочные связи с Петербургским международным банком. Это вызвало недовольство Частного банка, претендовавшего, очевидно, на монополию в представительстве Сименса в России, но директор Немецкого банка А. Гвиннер резко выступил против подобных притязаний и, возможно в противовес им, настаивал на привлечении (неосуществившемся) в число акционеров создаваемого русского общества «Сименс-Гальске» Волжско-Камского банка.[85] Как уже отмечалось выше, в списке владельцев акций общества Частный банк действительно отсутствовал.

Еще до окончательного учреждения «Р. О. Сименс-Гальске», как только стала ясна прочная финансовая поддержка, Сименсы перешли в контрнаступление и в «Обществе 1886 г.». В ноябре 1897 г. директор-распорядитель петербургских заводов Сименса Г. О. Герц вышел из правления «Общества 1886 г.»,[86] что означало объявление ему открытой войны. Трудно сказать, готов ли был Частный банк на такую войну, но она во всяком случае не устраивала его союзников по синдикату — Базельский банк и Варшауэра, боявшихся столкновения с Немецким банком. Между представителями «Сименс-Гальске» В. Сименсом, Частного банка А. И. Муранием и банкирского дома Варшауэра Г. Оппенгеймом состоялись переговоры, после которых в январе 1898 г. Герц с торжеством вернулся в правление «Общества 1886 г.», получив права референта «для всех вопросов административного, коммерческого и технического свойства» и право производить изменения в составе служащих.[87] После передачи диктаторских полномочий Герцу Частный банк потерял интерес к «Обществу 1886 г.», и в марте 1898 г. его пред-

---

[84] Там же, лл. 63—64, копия протокола совещания (дата установлена по протоколу правления общества — там же, д. 84, л. 27).

[85] ЦГИА, ф. 626, оп. 1, д. 133, л. 68, Гвиннер — Ротштейну 7/19.10.1897.

[86] ЛГИА, ф. 1243, оп. 1, д. 84, л. 205, протокол правления 10/22.11.1897.

[87] Там же, лл. 265—266, Герц — Вахтеру 23.1/4.2.1898.

ставители Вахтер, Мураний и Дорн вышли из правления.[88] Банк перестал присылать своих представителей на собрания акционеров, а значительную часть своего пакета вообще продал Базельскому банку.[89]

В сентябре 1898 г. был создан новый банковский синдикат для финансирования «Общества 1886 г.» в составе Немецкого банка, Среднегерманского кредитного банка, банкирского дома Варшауэра, берлинского общества «Сименс-Гальске» и членов его концерна: «Индэлек» и «Общества применений электрической силы и света» (в дальнейшем — Элункала).[90] Но хозяева общества сочли нецелесообразным полностью порывать с Частным банком и отдавать ведение всех текущих дел в России какому-либо другому одному банку во избежание повторения попыток захватить руководство обществом. Поэтому право распространения в России последующих выпусков акций «Общества 1886 г.» было предоставлено трем банкам — Международному, Частному и Русскому для внешней торговли.[91] Аналогичное положение было предоставлено Частному банку и при «Р. О. Сименс-Гальске». С образованием берлинского синдиката все нити руководства «Обществом 1886 г.» все больше и больше переходили к Немецкому банку, и русские банки не могли вплоть до первой мировой войны претендовать на что-либо большее, чем роль посредника. При этом основная посредническая роль выпала не на долю Международного банка, соперничавшего с Немецким банком за руководство электрическими делами в России, а на долю более тесно связанного с последним Русского для внешней торговли банка.[92]

---

[88] Там же, л. 319, протокол правления 20.3/1.4.1898.

[89] Там же, д. 110, л. 102, Частный банк — «Обществу 1886 г.».

[90] Там же, д. 108, л. 136, протокол правления 25.9/7.10.1898. Состав участников синдиката установлен по письму первоначально возглавлявшего его «Индэлек» от 30.11/13.12.1902 (там же, д. 378, л. 8).

[91] Там же, д. 541, л. 205, извещение о подписке на акции.

[92] Там же, д. 851, л. 48; д. 1614, л. 39 и др., переписка по переводам денежных средств, контокоррентные счета и т. д. Говоря о банковских связях общества, нужно отметить также, что в 1898 г., почти одновременно с уходом представителей Частного банка, в состав правления вошел, а в 1902 г. стал его председателем И. Е. Ададуров, директор Торгово-промышленного банка. На этом основании Е. Л. Грановский причислил «Общество 1886 г.» к группе Торгово-промышленного банка (Е. Л. Грановс-

Проекты строительства гидроэлектростанций

В конце 1890-х годов были также сделаны попытки строительства первых в России гидроэлектростанций. Эти попытки связаны с именем инженера В. Ф. Добротворского. В 1894 г. он обратился в Министерство финансов с ходатайством об учреждении «Петербургского общества электрической передачи силы водопадов», намереваясь использовать водопады Иматры и Наровы. Позднее он включил в ходатайство и Волховские пороги.[93] Характерной особенностью ходатайств Добротворского было требование особых льгот от правительства — права беспошлинного ввоза необходимого оборудования, единовременных и постоянных субсидий, права выпуска облигаций, права добычи меди на Командорских островах и, главное, бесплатной уступки казенных и права принудительного отчуждения частных земель.[94] Такие особые требования затянули обсуждение проекта на долгие годы. Между тем у Добротворского нашлись соперники, также обратившие внимание на гидроресурсы окрестностей Петербурга. В 1895 г. английский подданный А. Финн, бывший сотрудник Добротворского А. А. Кокушкин и известный миллионер А. Э. Скараманга подали прошение об учреждении «Иматровского электрического общества»,[95] позднее в число учредителей вошла швейцарская компания «Броун-Бовери».[96] Добротворский отреагировал на это просьбой о предоставлении ему монополии, но Министерство финансов высказалось за разрешение обоих обществ для создания конкуренции между ними.[97]

с к и й. Монополистический капитализм в России. М.—Л., 1929, стр. 35—36). Однако во всем хорошо сохранившемся фонде общества нет подтверждения каких бы то ни было связей между последним и банком.

[93] ЦГИА, ф. 23, оп. 24, д. 242, л. 1, прошение Добротворского в Департамент торговли и мануфактур 20.12.1894/1.1.1895; л. 110, прошение его же в Министерство финансов 5/17.2.1898.

[94] Там же, лл. 1—3, прошение Добротворского 20.12.1894/1.1.1895 и проект устава общества; лл. 58—64, прошение Добротворского 15/27.11.1896.

[95] ЦГИА, ф. 20, оп. 4, д. 3931, л. 1, прошение учредителей 22.9/4.10.1895.

[96] Там же, л. 43, прошение учредителей 7/19.3.1896.

[97] Там же, л. 85, представление Министерства финансов 13/25.4.1896.

Но между разрешением и осуществлением лежала дистанция огромного размера. Финляндский Сенат не разрешил обоим обществам использовать водопады Иматры. В это же время Добротворский тщетно пытался найти капиталы для осуществления своего проекта. Первоначально он включил в число учредителей осевшего в России американца Вильяма Бари,[98] в 1897 г. договорился о совместных действиях с швейцарскими фирмами «Эрликон» и «Эшер, Висс и К°»,[99] в 1898 г. установил контакт с «Англо-русской электрической компанией».[100] «Англо-русская компания» попыталась осуществить проект и даже собралась уже выпустить для этого акции на 3 млн фунтов, но Петербургская дума сочла условия компании неподходящими для себя.[101]

Аналогичным образом развертывалась борьба и вокруг Днепровских порогов. В 1896 г. владелицы части Днепровских порогов В. И. Малама и Е. И. Ларош вошли в соглашение с Добротворским и с Центральным Антверпенским банком об осуществлении предприятия по утилизации силы Днепровских порогов.[102] Пока Добротворский разрабатывал проект, с подобным же планом выступила «Англо-Русская электрическая компания», представитель которой Г. Вильсон ходатайствовал в 1898 г. об учреждении «Общества для улучшения и эксплуатации Днепровских порогов».[103]

Предложения обеих соперничающих групп (которые сговорились, видимо, только в отношении петербургского района) были примерно одинаковы. Обе группы просили концессии на 99 лет, монополии на использование порогов, участия казны в строительных расходах, права отчуждения частных земель.

Оба проекта встретили сильное сопротивление. Против

---

[98] ЦГИА, ф. 23, оп. 24, д. 242, л. 50, прошение Добротворского 31.8/12.9.1895.

[99] Там же, заявление Добротворского 16/28.5.1897.

[100] Там же, д. 419, л. 38.

[101] Там же, л. 70, письмо петербургского городского головы Лелянова представителю «Англо-Русской компании» Вильсону 14/26.12.1898.

[102] ЦГИА, ф. 22, оп. 4, д. 227, лл. 99—100, прошение поверенного землевладелиц В. И. Малама и Е. И. Ларош министру финансов.

[103] Там же, л. 2, проект устава общества, ноября 1898 г.

них выступили управляющий Государственным контролем [104] и «Общество для содействия русской промышленности и торговле»,[105] протестовавшие против создания монополии, Министерство путей сообщения [106] и «Общество пароходства по Днепру»,[107] считавшие неразработанной транспортную сторону их проектов, и владельцы земель по берегам Днепровских порогов.[108] Голос последних был решающим, поскольку правительство не соглашалось на принудительное отчуждение. Частная собственность на землю сорвала планы строительства электростанций на Днепре, она же была причиной затруднений «Петербургского общества электрической передачи силы водопадов», так и не нашедшего в 1890-х годах капиталов для своего осуществления. Россия, владевшая огромными запасами белого угля, не смогла их практически использовать.

Учреждение обществ электрического трамвая

Третьей областью приложения капиталов электротехнических фирм был городской транспорт. В деле электрификации городского транспорта Россия отстала от Европы еще больше, чем в электрическом освещении. Петербург был единственной европейской столицей, не имевшей электрического трамвая. Первые, очень небольшие по протяженности линии были переведены на электрическую тягу «Обществом киевской городской железной дороги» в 1892 г. К концу 1899 г. в России действовало 13 акционерных обществ, эксплуатировавших электрический трамвай (частных предприятий в этой отрасли не было). В их число входили три русских предприятия: «Общество киевской городской железной дороги» (к тому времени

---

[104] Там же, лл. 125, 133, отношение управляющего Государственным контролем министру финансов 13/25.11.1899.

[105] Там же, лл. 284—286, записка комитета общества министру финансов 17/30.4.1900.

[106] Там же, л. 273, отношение министра путей сообщения министру финансов 20.3/2.4.1900.

[107] Там же, лл. 263—268, записка представителя «Второго общества пароходства по Днепру» Д. С. Марголина.

[108] Там же, л. 92, прошение графини Е. А. Воронцовой-Дашковой 25.1/6.2.1900 и др.

крупнейшее в России трамвайное общество), «Русское общество электрических дорог и электрического освещения»,[109] которое с 1896 г. эксплуатировало трамвай в Нижнем Новгороде, и принадлежавшее киевским капиталистам Бродским «Елисаветградское электрическое общество». Кроме того, «Общество лодзинской городской железной дороги» принадлежало группе местных капиталистов, и за отсутствием данных трудно определить, было ли оно чисто русским или же в нем участвовали и германские капиталы.[110]

Наибольшую активность проявили бельгийские капиталисты. В 1897 г. была основана «Генеральная компания тяги и электричества», переименованная позднее в «Генеральную компанию трамваев и применения электричества». В число ее учредителей входили: группа льежских банков, основавшая «Центральную компанию в Москве», банкирский дом Нагельмакерса и группа бельгийских капиталистов, владевших предприятиями на юге России (Шодуар, Шарлье, Дигнёф и др.), где действовала и новая компания, а также французская «Генеральная компания тяги».[111] Позднее в число ее акционеров вошли Парижско-Нидерландский и Парижский международный банки.[112] Компания имела

[109] Общество это было создано на основе концессии Р. К. фон Гартмана, возглавлявшего «Общество финляндского легкого пароходства» и занимавшегося перепродажей полученных им в различных городах концессий на трамвай. Часть их он продал «Генеральной компании тяги и электричества», о которой речь будет идти далее.

[110] В единственном списке акционеров лодзинского трамвая, которым мы располагаем (ЦГИА, ф. 23, оп. 14, д. 431, лл. 3—4), не указаны ни количество принадлежавших им акций, ни их подданство. Но заведомо германских подданных в списке нет.

[111] ЦГИА, ф. 23, оп. 24, д. 443, л. 2, устав компании; л. 244, справка агента Министерства торговли и промышленности в Бельгии 28.2/13.3.1917.

[112] Там же, л. 185, список акционеров 22.6/5.7.1902. В соответствии с данными агента Министерства торговли и промышленности в Бельгии, капитал компании в 1899 г. поделен между бельгийским и французским в пропорции 2 : 1. В данных за 1903 г. учтено появление в числе акционеров компании названных в тексте французских банков и некоторых других, на 1909 и 1914 гг. взяты за основание сведения, сообщенные «Генеральной компанией трамваев и применений электричества» в 1915 г., по которым весь капитал принадлежал бельгийцам (там же, оп. 28, д. 185, л. 4). Мы сочли возможным распространить это и на 1909 г., так как уже в 1911 г. в списке акционеров, правда

также связи в Германии через одного из своих крупных акционеров и руководителей Л. Вайнштока с «Ламейером» и через Ван Хогердена с «Немецко-Люксембургскими горными заводами».[113] Компания оборудовала электрический трамвай в Севастополе и Кременчуге (основав для того специальные общества) и строила его в Екатеринодаре и Ярославле, где предприятия вступили в строй в 1900 г. Связанная с брюссельским банком «Сосьете женераль» «Взаимная компания трамваев» перевела на электрическую тягу линии принадлежавшего ей курского трамвая,[114] а близкий к тому же банку франко-бельгийский трест Ампена основал «Общество астраханских рельсовых путей».[115] (Трамвай вступил в строй в 1900 г.). Несколько особняком стоит «Общество екатеринославского трамвая».[116]

Из германских электротехнических обществ, учреждением трамвайных предприятий занялся «Ламейер», получивший в 1899 г. разрешение на открытие действий в Люблине. Затем планы «Ламейера» были изменены, и общество приступило к электрификации купленной им

неполном, не значится акционеров иных национальностей (там же, оп. 24, д. 443, лл. 127—129).

[113] ЦГИА, ф. 23, оп. 24, д. 443, л. 224, справка агента Министерства торговли и промышленности; ЛГИА, ф. 1367, оп. 7, д. 18, л. 351, «Ламейер» — АЭГ 2/15.9.1906; лл. 347—348, «АЭГ-Унион» — АЭГ 17/30.11.1906.

[114] ЦГИА, ф. 23, оп. 24, д. 306, лл. 5—6, сведения бельгийского МИД об основателях общества «Курский трамвай» 9/21.2.1896.

[115] Сведений о составе акционеров в это время у нас нет. Принадлежность общества к группе Ампена устанавливается по списку акционеров на 1908 г. (ЦГИА, ф. 23, оп. 24, д. 669, л. 22), заявлению правления общества (там же, оп. 28, д. 85, л. 3) и по литературе (см., например: Электричество, 1909, № 10, стр. 353).

[116] Точная характеристика общества довольно затруднительна. В отношении правления общества в Министерство торговли и промышленности в годы войны утверждалось, что в деятельности его не принимает участия ни один банк, а свободные суммы хранятся в Crèdit Gênéral de Belgique (Бельгийский всеобщий кредит) и русских банках. (ЦГИА, ф. 23, оп. 28, д. 748, л. 2). Членом правления общества одно время являлся И. Файн, в основном связанный с льежской группой, которая, кстати, владела в Екатеринославе электростанцией. В. С. Зив, не приводя доказательств, назвал общество чисто германским (Вестник финансов, промышленности и торговли, 1915 г., № 3, стр. 100). Однако, как видно из переписки ВКЭ, она не считала екатеринославский трамвай германским.

у некоего Кумбари линии конки между Киевом и селом Святошиным, законченной в 1901 г.[117] Входившее в концерн «Шуккерт» «Континентальное общество электрических предприятий» (Нюрнберг) пустило в 1899 г. трамвай в Либаве.[118] Электротехническое общество Зингера и связанный с ним берлинский Банк электрической промышленности захватили слабое бельгийское общество «Союз трамваев», владевшее конками Харькова, Тифлиса, Витебска и Орла.[119] В двух последних городах линии конки были переведены на электрическую тягу.[120] «Р. О. Сименс-Гальске» перевело на электротягу Житомирский трамвай «Общества городских и подъездных путей», председателем правления которого был известный банкир Л. Поляков.[121] В уплату за работу и оборудование общество было вынуждено отдать все свои акции.[122]

Начало борьбы за московский и петербургский трамвай

Наиболее острую борьбу вызвал вопрос о строительстве электрического трамвая в Москве и Петербурге.

В Москве действовало два общества конно-железных дорог — русское «Первое общество» и бельгийское «Второе общество». В 1891 г. они заключили договор о совмест-

---

[117] ЦГИА, ф. 1288, оп. 8, 1905 г., д. 80, л. 102, справка Центрального управления местного хозяйства МВД.

[118] Там же. Относительно оснований, из которых мы исходили при распределении капитала либавского трамвая, см. в главе II сноску 7.

[119] Dr. Riesser. Die deutschen Großbanken und ihre Konzentration im Zusammenhang mit Entwicklung der Gesamtwirtschaft in Deutschland. Jena, 1912, S. 562. На основании данных Риссера мы в таблице на 1899 г. причислили акционерный капитал электрического трамвая в Орле и Витебске к германскому. Облигационный капитал «Орловского трамвая» присчитан к бельгийскому по месту выпуска облигаций.

[120] ЦГИА, ф. 1288, оп. 8, 1905 г., д. 80, л. 102, справка Центрального управления местного хозяйства МВД. Позднее в обществе «Орловский трамвай» стала участвовать и бельгийская «Взаимная компания трамваев», которая затем полностью овладела обществом.

[121] ЦГИА, ф. 23, оп. 24, д. 451, л. 121, отчет правления «Общества городских путей» за 1899 г.

[122] Там же, д. 456, л. 99, прошение «Сименс-Гальске» министру торговли и промышленности 27.8/9.9.1907.

ной эксплуатации своих линий. При этом техническое руководство обоими предприятиями осуществлялось на месте русским обществом, а финансовое — бельгийским, которое получило несколько мест в правлении первого.[123] В 1895 г. «Первое общество» обратилось в Московскую управу с предложением о переводе линий на электрическую тягу [124] и даже запрашивало «Общество 1886 г.» об условиях поставки электроэнергии для трамвая. Но Московская управа продержала это предложение под сукном около трех лет. Такая же судьба постигла и предложение «Общества 1886 г.», сделанное в 1896 г.

Летом 1897 г. московской конкой заинтересовался Международный банк. В июле банк обсуждал возможность ее реорганизации на базе полного слияния обществ, продления срока концессии и введения электрической тяги. С этой целью были начаты переговоры с владевшим большинством акций московской конки банкирским домом «Юнкер и К⁰». Предполагалось, что Юнкер продаст акции новому синдикату, а последний создаст для проведения операции комиссию из представителей Международного банка, «Юнкер и К⁰» и парижских техников.[125] Упоминание о последних вместе с рядом позднейших документов дают основания предполагать, что банк рассматривал московскую конку в качестве подходящего объекта деятельности для «Генерального общества промышленности в России», созданного им совместно с французскими банками.[126] Выступление Международного банка привлекло внимание и других кругов. В первых числах августа переговоры с Ротштейном о московской конке вел директор Дрезденского банка

---

[123] ЦГИА, ф. 626, оп. 1, д. 552, л. 182, докладная записка Герца 25.2/9.3.1899.

[124] Там же, лл. 65—67, доклад Московской управы о введении на существующей сети конно-железных дорог электрической тяги. Общество не хотело проводить переоборудование на свой риск, так как над ним висела угроза принудительного выкупа, на который Москва имела право с 1898 г.

[125] ЦГИА, ф. 626, оп. 1, д. 63, л. 78, Ротштейн — Нотгафту 27.7/8.8.1897.

[126] См.: Ю. Б. Соловьев. Петербургский международный банк и французский финансовый капитал в годы первого промышленного подъема в России. В кн.: Монополии и иностранный капитал в России. Л., 1962, стр. 377—407.

Шерешевский,[127] действовавший, очевидно, в интересах близкого к банку «Униона». Однако «Юнкер и К⁰» не собирался дешево отдавать акции и хотел в виде компенсации получить участие в каких-то планах Международного банка относительно петербургского трамвая, что вызвало резкое недовольство Ротштейна. Последний писал своему коллеге Нотгафту, что «на такой основе не имеет никакого смысла продолжать переговоры с Юнкером».[128] Причина упорства Юнкера была проста, он вел одновременно переговоры с Немецким банком, и 15/27 августа директор этого банка Гвиннер сообщил Ротштейну, что они приобрели акции московской конки.[129] Как писал позднее Гвиннер, банку пришлось уплатить за акции выше их курса, но стратегическая цена акций компенсировала переплату.[130]

Перехватив московское дело буквально из рук Международного банка, Немецкий банк был в то же время заинтересован найти основу для соглашения с ним. Обладание акциями обществ конки было важным фактором в борьбе за концессию, но еще не гарантией успеха, и Немецкий банк боялся соперничества мощной франко-русской коалиции, олицетворением которой являлось «Генеральное общество промышленности в России». Поэтому Гвиннер повел настойчивую атаку на Ротштейна, стремясь привлечь его на свою сторону. Крупным козырем в его игре было происходившее в это время создание «Р. О. Сименс-Гальске». 9/21 августа, когда акции московской конки были, может быть, уже куплены или вопрос об этом был уже решен, Гвиннер прислал Ротштейну в Ишль, где тот находился, письмо, в котором представлял ему директора петербургских заводов Сименса Г. О. Герца и сообщал о своем желании приехать вместе с Герцем

---

[127] ЦГИА, ф. 626, оп. 1, д. 68, л. 99, Ротштейн — Нотгафту 6/18.8.1897.

[128] Там же, л. 127, Ротштейн — Нотгафту 16/28.8.1897.

[129] Там же, д. 133, лл. 52—53, Гвиннер — Ротштейну 15/27.8.1897. Немецкий банк действовал от имени синдиката, в который кроме него входили «Сименс-Гальске», Парижско-Нидерландский банк, «Варшауэр и К⁰» и другие, не названные им участники (там же, д. 552, л. 185). К ним в небольшой доле присоединился и Частный банк (ЦГИА, ф. 597, оп. 2, д. 30, л. 211).

[130] ЦГИА, ф. 626, оп. 1, д. 133, л. 59, Гвиннер — Ротштейну 17/29.9.1897.

к Ротштейну для переговоров об электрических делах в России.[131] 15/27 августа, в том самом письме, из которого Ротштейн узнал, что московская конка уплыла у него из-под рук, Гвиннер сообщал о планах реорганизации петербургского отделения «Сименс-Гальске» в акционерное общество. Основательно расхвалив предприятие — «абсолютно здоровое дело», «старая петербургская фирма», «важнейшая русская электротехническая фабрика» — Гвиннер предложил Ротштейну — «если только Вы пожелаете» — участие в этом деле.[132] Ротштейн проявил откровенную заинтересованность предприятием Сименса, но по-прежнему выражал недовольство поведением Немецкого банка в Москве. Поэтому в следующем письме Гвиннер специально развил тему о трамвае, стараясь убедить Ротштейна, что интересы банков в этом направлении не противоречат друг другу. Он сообщил об участии в покупке акций также и Парижско-Нидерландского банка и выразил уверенность, что сможет наладить сотрудничество и с банкирским домом Гудшо (Париж),[133] с которым поддерживал тесные отношения Международный банк.

В сентябре усилия Немецкого банка начали давать результат. В очередном письме к Нотгафту, извещая его о ходе переговоров, Ротштейн, правда, еще не смог сдержать раздражения в связи с тем, что инициатива в Москве принадлежала теперь не ему. «Что касается различных проектов московского трамвая, — писал он, — то Вы в общем видите, как хладнокровно отношусь я к делу. Для меня самым лучшим решением было бы — интересоваться делом, но не вести отвратительных переговоров». Впрочем, это было сказано сгоряча и для красного словца, и в следующей же фразе Ротштейн сообщал, что выторговал для банка право требовать «в самом худшем случае минимального участия» в комбинации.[134] Переговоры вступили в такую стадию, что Гвиннер счел возможным сообщить Ротштейну подробности задуманной комбинации. Одновременно он увеличил цену, даваемую Международному банку за сотрудничество, предложив

---

[131] Там же, л. 51, Гвиннер — Ротштейну 9/21.8.1897.
[132] Там же, лл. 52—53, Гвиннер — Ротштейну 15/27.8.1897.
[133] Там же, л. 58, Гвиннер — Ротштейну 23.8/4.9.1897.
[134] Там же, д. 68, л. 180, Ротштейн — Нотгафту 16/28.9.1897.

ему разделить руководство московским синдикатом и принять в нем участие в любом желаемом размере, а кроме того, взять на себя образование нового общества, которое будет эксплуатировать трамвай. Он также предложил Международному банку взять на себя руководство в России реорганизацией «Сименс-Гальске» и принять участие в правлении новообразуемого общества. Поскольку именно «Р. О. Сименс-Гальске» было главной приманкой для Ротштейна, Гвиннер особо подчеркнул, что Сименс связан с его планами в Москве и было бы крайне неудобно, если бы банки, совместно участвующие в учреждении «Р. О. Сименс-Гальске» в Петербурге, представляли в Москве различные группировки. В заключение он еще раз подчеркнул, что был бы рад, если бы пути банков шли вместе, и просил скорого ответа.[135] Ответ не заставил себя ждать. Доводы Гвиннера оказались для Ротштейна достаточно убедительными, и он, уже отождествляя свои интересы и интересы «Сименс-Гальске», предупреждал о планах Дрезденского банка и «Униона» в Москве. Скрепляя достигнутое соглашение, Гвиннер предложил Ротштейну половину причитавшихся банкам акций «Р. О. Сименс-Гальске».[136] В правление «Первого общества конно-железных дорог» вместо А. Юнкера был введен представитель Международного банка Ценкер.[137]

Отказавшись от сотрудничества с французскими электротехническими фирмами и связав свои планы в Москве с Немецким банком и «Сименс-Гальске», Международный банк, однако, не захотел принять участия в синдикате акций московской конки. Поэтому формально договор о реорганизации был заключен только между Немецким банком, «Р. О. Сименс-Гальске» и двумя обществами конки. Текст договора не был обнаружен нами, и о его содержании можно судить лишь по изложению Гвиннера в письме Ротштейну 17/29. 9. 1897 и докладной записке Герца 25.2/9.3.1899. Предполагалось проведение следующей комбинации: Москва выкупала линии «Первого общества», а «Второе общество»,

[135] Там же, д. 133, лл. 59—62, Гвиннер — Ротштейну 17/29.9.1897.

[136] Там же, лл. 65—66, Гвиннер — Ротштейну 23.9/5.10.1897.

[137] Там же, д. 552, л. 183, докладная записка Герца 25.2./9.3.1899.

на выкуп которого город получал право лишь с 1903 г., добровольно вступало в ликвидацию и передавало городу свои пути; после этого должно было быть создано «Новое общество электрических дорог в Москве», которое принимало на себя все обязательства прежних обществ перед их акционерами и держателями облигаций. Предполагалось, что Москва передаст ему трамвай в концессию или, на худой конец, в аренду. Реконструкция трамвая должна была производиться «Сименс-Гальске» при поддержке синдиката банков. В октябре между Немецким банком и «Обществом 1886 г.» было заключено предварительное соглашение об отпуске электроэнергии для московского трамвая.[138]

Синдикат, возглавленный Немецким банком, был не единственным претендентом на московские городские дороги. Дрезденский банк, не заручившись на данном этапе поддержкой Ротштейна, сам выступил с предложениями по этому вопросу.[139] Банк действовал в интересах связанного с ним германского «Униона» — основного строителя трамвая в Западной Европе, владевшего патентами американской компании «Томсон-Хоустон», считавшимися лучшими в мире. Это обстоятельство заставило группу Немецкий банк — «Сименс-Гальске» искать соглашения с «Унионом».

Аналогичная ситуация сложилась и в Петербурге. В городе действовали линии конно-железных дорог, принадлежавшие двум обществам — «Товариществу конно-железных дорог», основанному швейцарским предпринимателем Е. Дюпоном, и русскому «Обществу конно-железных дорог». Состав акционеров последнего установить не удалось, известно, однако, что облигации общества на сумму около 600 000 руб. держал кн. Тенишев.[140] В 1897 г. город приобретал право выкупа линий общества, а в 1898 г. истекал срок концессии товарищества. Поэтому уже с 1896 г. Петербургская управа занималась вопросом о переоборудовании их на электрическую тягу. Однако «хозяева города» не решались взять управление трамваем в собственные руки, считая дело

---

[138] ЛГИА, ф. 1243, оп. 1, д. 108, л. 347, протокол правления 30.4/12.5.1899.

[139] ЦГИА, ф. 626, оп. 1, д. 552, лл. 63—67, доклад Московской управы.

[140] Торгово-промышленная газета, 30.11/12.12.1896, № 259.

непривычным и рискованным, и хотели сдать его в аренду какой-либо электротехнической фирме.[141] Со своей стороны многие фирмы стремились захватить в свои руки дело, сулившее огромные барыши. Одними из первых выступили со своими предложениями «Товарищество М. М. Подобедова» и «Общество финляндского легкого пароходства», которое уже эксплуатировало в Петербурге электрический трамвай (действовавший только зимой, так как линии его прокладывались по льду Невы). Попыталось проявить активность и правление «Общества конно-железных дорог», стремившееся сохранить предприятие за собой. Однако консервативные акционеры общества отклонили предложение правления о переустройстве линий на электрическую тягу и запретили ему кредитоваться у банков для этой цели.[142]

С самого начала 1897 г. в борьбу вступила и фирма «Сименс-Гальске». 10/22 января фирма сообщила «Обществу 1886 г.», что она выработала смету на концессию линий «Общества конно-железных дорог» и четырех новых линий и предполагает, что предприятие может давать более 10% прибыли. Фирма предложила «Обществу 1886 г.» внести в Управу предложение об электрификации трамвая.[143] По-видимому, Управа сочла предложение, переданное от имени «Общества 1886 г.», неподходящим, а может быть, просто действовала со свойственной ей медлительностью. Между тем обстановка в Петербурге менялась не в пользу «Сименс-Гальске»: «Гелиос» и Шмацер и Гуэ положили конец монополии в области электрического освещения, а АЭГ приобрела решающий пакет акций «Общества конно-железных дорог» [144] и тем захватила выгодные позиции в борьбе за трамвай. В связи с этим Немецкий банк и «Сименс-Гальске», а также присоединившийся к ним к этому времени Международный банк разработали так называемый большой петербургский проект, в котором все три

---

[141] Там же, 14/26.I.1897, № 10.

[142] Там же, 5/17.8.1897, № 170.

[143] ЛГИА, ф. 1243, оп. 1, д. 71, лл. 326—327, «Сименс-Гальске» — «Обществу 1886 г.» 10/22.1.1897.

[144] Точная дата неизвестна. Самое раннее упоминание об этом как об уже известном факте содержится в письме Герца секретариату Немецкого банка 29.1/10.2.1898 (ЦГИА, ф. 626, оп. 1, д. 554, лл. 75—78).

организации участвовали в равных долях.[145] Как признавал позднее Герц, целью проекта было «возможно больше укрепить позиции „Сименс-Гальске“, которые оказались под сильной угрозой „Гелиоса“ в отношении освещения и АЭГ в отношении трамвая».[146]

Содержание проекта, изложенного в заявлении «Сименс-Гальске» в Петербургскую думу 22.11/12.1897,[147] заключалось в следующем: Международный банк (очевидно, от имени также Немецкого и, возможно, ряда других банков) выражал готовность предоставить городу облигационный займ на сумму до 20 млн руб. с погашением долга в течение 50 лет из 4.5% для выкупа и приобретения в собственность всех существующих предприятий трамвая и электрического освещения. Фирма «Сименс-Гальске» предлагала Думе перестроить и расширить сеть городских железных дорог, переведя их на электрическую тягу, и построить центральную электростанцию мощностью 7500 квт с кабельной сетью, охватывающей весь город. Расходы по составлению проекта фирма брала на себя и обещала «оборудовать всю сеть и все сооружения изделиями русских заводов». Фирма также выражала готовность принять трамвайное и осветительное предприятие в арендную эксплуатацию на срок не менее 7 лет, гарантируя в виде арендной платы сумму, необходимую для выплаты процентов и погашений по займу и половину чистой прибыли, оставшейся после этого. Смысл предложения «Сименс-Гальске» был в достаточной степени очевиден. Обещая построить электростанцию мощностью в 7500 квт, т. е. почти равную станциям «Гелиоса» и «Бельгийского общества освещения», вместе взятым, «Сименс-Гальске» делала еще одну попытку сорвать подписание договора между этими обществами и городом. Это намерение еще более отчетливо видно в приложенной к предложениям фирмы объяснительной записке К. Сименса и Герца.[148] В ней они писали, что следует подумать, целесообразно ли

---

[145] ЦГИА, ф. 626, оп. 1, д. 554, л. 62, секретариат Немецкого банка — Герцу 19.11/1.12.1897.

[146] Там же, л. 72, Герц — Гвиннеру 16/28.1.1898.

[147] Там же, лл. 6—11, «В Петербургскую городскую управу» 22.11/4.12.1897.

[148] Там же, лл. 12—30, объяснительная записка К. Сименса и Г. О. Герца к предложениям 22.11/4.12.1897.

принимать предложения этих обществ, так как в таком случае городу придется тратить дополнительные средства на выкуп их предприятий. В то же время относительно «Общества 1886 г.» Сименс и Герц писали о необходимости соглашения с ним, так как иначе-де, оно будет мешать осуществлению городского предприятия. Они предлагали городу выкупить за солидную сумму (свыше 1 млн руб.) старые станции «Общества 1886 г.», годные в основном только на слом. Не менее прозрачно и предложение об оснащении предприятия изделиями русских заводов, разбавленное в объяснительной записке немалой дозой лирических рассуждений о необходимости развития русской электротехнической промышленности — единственным заводом в России, производившим необходимое оборудование, был завод «Сименс-Гальске», который хотел воспользоваться протекционистской политикой русского правительства в борьбе со своими конкурентами. Предлагая городу взять все предприятие в аренду, «Сименс-Гальске» собиралась платить Управе лишь небольшую часть дохода с него, ибо проценты и погашения по займу потекли бы в карман все тому же содружеству Немецкого и Международного банков и «Сименс-Гальске», которое предоставило займ.

Руководители образовавшегося «тройственного согласия» понимали, что конкурирующие электротехнические фирмы приложат все старания, чтобы не допустить перехода всего двадцатимилионного дела в руки одной «Сименс-Гальске». Поэтому они задумываются над необходимостью соглашения с некоторыми конкурентами для борьбы против остальных.

Создание синдиката электротехнических фирм

Наиболее ранним из сохранившихся документов, в котором упоминается идея соглашения, является письмо Герца Гвиннеру 16/28.1.1898. Но судя по всему своему содержанию, оно представляет собой лишь продолжение не дошедшей до нас переписки. Герц писал, вернее, отвечал, Гвиннеру: «Как и господин директор Ротштейн, я также считаю сближение АЭГ с Международным банком и, следовательно, с нами исключительно важным и по-

лагаю, что следует серьезно отнестись к предложению господина Вавельберга».[149] Поскольку петербургский банкир Вавельберг в ходе последующих переговоров выступал в качестве представителя АЭГ, можно предположить, что инициатива в переговорах принадлежала именно ей. Но с чьей бы стороны не был сделан первый шаг, предложение договориться упало на благоприятную почву. Если АЭГ и «Унион», не имевшие заводов в России и прочных связей на русском рынке, нуждались в соглашении с «Сименс-Гальске», которое облегчило бы им проникновение в Россию, то и «Сименс-Гальске» не могла рассчитывать на сохранение былой монополии в стране, уже сильно поколебленной вторжением других германских фирм, а также бельгийской компании «Электричество и гидравлика», получившей в 1896—1897 гг. заказы в Харькове, Курске, Витебске, Орле, Варшаве, Полтаве, Брянске и других городах,[150] и должна была искать союзников. В свою очередь Международный банк, участвовавший в учреждении и «Р. О. Сименс-Гальске» и «Р. О. Унион», был заинтересован в том, чтобы не допустить конкуренции между ними.

Опираясь на ранее завоеванные в России позиции, фирма «Сименс-Гальске» претендовала на главную роль в планируемом союзе трех фирм и первоначально была даже против твердо зафиксированного, постоянно действующего соглашения. В уже цитированном письме 16/28.1.1889 Гвиннеру, который вел переговоры в Германии, Герц писал, что «Сименс-Гальске» действует в России уже 40 лет, поставив за это время более 50% потребленных страной электротоваров, и не собирается уступать или ослаблять своих позиций, «открывая повсюду свободную дорогу финансовосильным предприятиям, центр тяжести которых лежит за границей». Герц

---

[149] Там же, лл. 72—74, Герц — Гвиннеру 16/28.1.1898. АЭГ выступила с претензиями на московский трамвай еще в начале 1897 г. и была в тот момент поддержана Немецким банком (Ф. Зумпф. Монополистические организации электропромышленности России. Дипломная работа, МГУ, 1957, стр. 57), что, возможно, было одной из форм давления банка на «Сименс-Гальске» перед ее акционированием, но тогда «Сименс-Гальске» отвергла претензии АЭГ.

[150] Торгово-промышленная газета, 1/13.3.1897, № 48.

выражал готовность на соглашения лишь от случая к случаю, очень высоко оценивая при этом свои шансы в Москве и Петербурге. Соглашаясь все же вести переговоры о разделе трамвайных поставок в Петербурге между тремя фирмами, Герц требовал за это прежде всего сохранения за «Сименс-Гальске» всех поставок для электроосвещения, а также полной свободы рук в Москве. «Без сомнения выглядело бы слабостью, — писал он относительно Москвы, — если бы мы захотели привлечь к проектируемым поставкам соучастников. Сегодня существуют две фирмы, которые должны разделить работы между собой — это наш берлинский дом и мы».

Такой раздел не устраивал руководителей АЭГ. 24.1/5.2.1898 Гвиннер сообщил Ротштейну, что АЭГ готова пойти на соглашение, лишь если оно обеспечит ей половину трамвайных поставок в Петербурге.[151] Гвиннер считал такую претензию завышенной, однако писал Ротштейну, что АЭГ безусловно должна получить компенсацию за отказ от поставок «Обществу 1886 г.». Он поэтому предлагал поделить трамвайные поставки между «Унионом», АЭГ и «Сименс-Гальске» в пропорции 3 : 5 : 4, считая, что и этого результата можно добиться только благодаря тяжелому положению, в котором находилось захваченное АЭГ «Общество конно-железных дорог». Руководители Немецкого банка явно опасались, что если не связать АЭГ каким-либо соглашением, она сможет потеснить «Сименс-Гальске» на русском рынке.

Извещенный Ротштейном о переговорах Немецкого банка, Герц резко выступил против раздела 3 : 5 : 4, заявив, что в этом случае прибыль «Сименс-Гальске» не компенсирует ее ответственности в качестве фирмы, ведущей дело. Он настаивал на признании за «Сименс-Гальске» преимущественного положения и угрожал, что в противном случае «осуществление т. н. большого петербургского проекта потеряет для фирмы „Сименс-Гальске“ всякий интерес, и мы сделаем лучше, если предоставим развитие электротехнических дел в Петербурге своему ходу, чтобы в соответствующий момент выступить с предложениями о поставках на основе нашего национального производства (т. е. петербургского завода, —

[151] ЦГИА, ф. 626, оп. 1, д. 133, л. 77, Гвиннер — Ротштейну 24/1.5.1898.

В. Д.). Мы будет тогда иметь столько же шансов добиться успеха, сколько АЭГ и „Унион" сегодня».[152]

Ближайшие события, однако, показали «Сименс-Гальске», что фирма преувеличивала прочность своих позиций. В Петербурге Управа начала переговоры о переоборудовании на электрическую тягу линий переходящего к городу «Товарищества конно-железных дорог». С предложениями выступили бывший владелец товарищества Е. Дюпон, представитель «Гелиоса» П. Ратнер, представители «Русско-бельгийского общества» Ф. Шмацер и А. Гуэ и «Генеральной компании тяги и электричества» Л. Вайнштok.[153] Еще раньше «Общество конно-железных дорог» (т. е. контролировавшая его АЭГ) выступило с предложением ввести электрическую тягу на всех линиях петербургской конки, как своих, так и дюпоновского товарищества, и подвергло резкой критике проект «Сименс-Гальске».[154] Число конкурентов в Петербурге росло, а в это же время Московская дума решением от 10/22.3.1898 постановила оставить без рассмотрения все предложения о концессиях на трамвай и самой разработать условия конкурса на переоборудование городских железных дорог.[155] Это уменьшило шансы «Сименс-Гальске» и заставило фирму идти на уступки.

В марте 1898 г. Ротштейн вел переговоры с представителями АЭГ и «Униона». Последние предлагали теперь поделить поровну все поставки для Петербурга, включая и поставки для «Общества 1886 г.». Это вызвало возражения Ротштейна, но Герц, сообщавший о переговорах в Берлин, вынужден был теперь признать, что если «Сименс-Гальске» будет настаивать на преимуществах для себя, ссылаясь на свои позиции в «Обществе 1886 г.», то АЭГ с не меньшим правом сошлется на свои акции «Общества конно-железных дорог».[156] Еще больший сдвиг произошел в отношении Москвы, где «Сименс-Гальске», ранее не желавшая допускать к поставкам каких-либо соучастников, соглашалась теперь в принципе поделить

[152] Там же, д. 554, лл. 75—78, Герц — секретариату Немецкого банка 29.1/10.2.1898.

[153] Торгово-промышленная газета, 25.3/6.4.1898, № 68.

[154] Там же, 5/17.2.1898, № 28.

[155] ЦГИА, ф. 626, оп. 1, д. 552, лл. 63—67, доклад Московской управы.

[156] Там же, д. 554, лл. 79—80, Герц — секретариату Немецкого банка 17/29.3.1898.

дело между собой, АЭГ и «Унионом» в пропорции 2 : 1 : 1. Правда, Герц считал желательным повременить с соглашением о Москве, ссылаясь на неясность положения в связи с решением Думы от 10/22 марта.

Какая-то предварительная договоренность была достигнута в мае в результате переговоров Ротштейна с Вавельбергом и Шерешевским. Насколько можно судить по письмам Герца в секретариат Немецкого банка, договоренность эта касалась петербургских дел и предусматривала раздел поставок поровну между фирмами. При этом Герц настаивал на том, чтобы формально фирмы выступили перед Управой врозь, скрывая наличие соглашения.[157] Три фирмы признали «Общество 1886 г.» в качестве будущего поставщика электроэнергии столичному трамваю.[158] Последнее условие вызвало особое удовлетворение Герца, поскольку «Общество 1886 г.» получало бы в связи с этим большие преимущества перед другими осветительными предприятиями. Но договоренность оказалась недолговечной. Причиной тому было недовольство ее условиями со стороны АЭГ. Одним из условий, на которых настаивала АЭГ, была покупка у нее банками, участвовавшими в задуманном объединении, акций «Общества конно-железных дорог», поскольку акции эти обошлись АЭГ очень дорого, и она хотела поделить понесенные расходы между партнерами.[159] Ротштейн и Гвиннер не согласились с этим требованием, после чего глава АЭГ Э. Ратенау заявил Немецкому банку, что при таких обстоятельствах ему кажется бесполезной конференция, на которой, как планировалось, должно было быть достигнуто окончательное соглашение. Извещая о разрыве с Ратенау директора Дрезденского банка Гутмана, Гвиннер предлагал провести эту конференцию без АЭГ, заключив соглашение, которое охватывало бы только «Сименс-Гальске» и «Унион». Гутман высказался против конференции, но заявил, что в «остальном Вы найдете Дрезденский банк и его группу готовыми идти в русских делах рука об руку с Вами».[160]

---

[157] Там же, л. 86, Герц — секретариату Немецкого банка 7/19.5.1898.

[158] Там же, л. 84, Герц — секретариату Немецкого банка 9/21.5.1898.

[159] Там же, д. 133, л. 109, Гвиннер — Гутману (16)/28.5.1898.

[160] Там же, л. 110, Гутман — Гвиннеру (16)/28.5.1898.

Несмотря на это обещание, выраженное в столь высоком стиле, достигнуть договоренности хотя бы только с «Унионом» оказалось для «Сименс-Гальске» нелегко. В июле Герц жаловался Ротштейну: «В то время как я всегда охотно предлагаю руку для соглашения, я уже в который раз постигаю на опыте, что господа из „Униона“ ведут себя в вопросе о соглашении как жеманная девица. Может быть, — добавлял он, — они станут поуступчивей, как это видно из цифр дивиденда».[161]

К концу 1898 г. наметились все же признаки соглашения между «Сименс-Гальске» и «Унионом». Здесь снова сыграло свою роль усиление конкуренции других фирм. «Генеральная компания тяги и электричества» и Частный банк совместно выступили соискателями концессии на проведение электрического трамвая на Охте. Герц справедливо расценил это как попытку захватить плацдарм для борьбы за весь Петербург.[162] Выступил также со своим проектом инженер Балинский, предлагавший соорудить круговую железную дорогу вокруг Петербурга и ряд внутригородских линий. За спиной Балинского стоял крупный американский трамвайный делец Мерри Вернер.[163] В таких условиях «Сименс-Гальске» и «Унион» поторопились договориться друг с другом. Этому способствовала и позиция Международного банка, связанного с обоими обществами.

Первым шагом на пути к соглашению явилась встреча Герца с членом правления Международного банка и председателем правления «Р. О. Унион» Дерненом 17/29.11.1898, на которой «Р. О. Сименс-Гальске» отказалось в пользу «Униона» от конкуренции на ряде объектов в Прибалтике, а также был произведен раздел поставок для общества «Сталь».[164] В первых числах января 1899 г. в Берлине было проведено новое совещание с участием представителей банков — Немецкого, Дрезденского и Международного, «Сименс-Гальске» и «Униона». «Сименс-Гальске» потребовало сначала предоставления

---

[161] Там же, д. 552, л. 25, Герц — Ротштейну 9/21.7.1898.

[162] Там же, лл. 110—111, Герц — Ротштейну 9/21.1.1899.

[163] ЦГИА, ф. 1288, оп. 8, 1905 г., д. 85, ч. 3, лл. 62—68, справка к вопросу об улучшении способов передвижения населения Петербурга.

[164] ЦГИА, ф. 626, оп. 1, д. 552, л. 430, запись переговоров Герца и Дернена в Петербурге 17/29.11.1898.

ему $^2/_3$ поставок для петербургского и московского трамвая, 75% поставок в Варшаве и 25% в Риге,[165] но затем согласилось повысить долю «Униона» в Петербурге и Москве до 40%.[166] При определении квот обоих участников были сделаны оговорки о том, что они подлежат пересмотру, если к сотрудничеству будет привлечена и АЭГ. Тем временем в переговорах с последней появился и затем стал решающим новый сюжет — строительство электростанции в Баку. Еще в марте 1898 г. представитель интересов «Сименс-Гальске» в Баку товарищество «Свет» предложило «Каспийско-Черноморскому товариществу» Ротшильдов построить электростанцию для обслуживания нефтепромыслов. «Сименс-Гальске» разработало проект станции мощностью в 12 500 квт. Одновременно к Ротшильдам обратились с предложениями АЭГ, «Шуккерт», швейцарская фирма «Эрликон» и ряд французских и бельгийских фирм.[167] Первоначально «Сименс-Гальске» считало свои шансы наилучшими, но постепенно чаша весов склонилась не в пользу Сименса. В январе 1899 г. Ротштейн писал директору Немецкого банка Штейнталю, что «парижский Ротшильд связан с АЭГ и без последней с ним нельзя договориться».[168] Связь эта явно установилась задолго до января. Во всяком случае уже 2/14.9.1898 Герц без особого оптимизма писал Ротштейну о бакинском проекте, что он «был бы очень рад, если бы дом Ротшильда смог возложить на нас поручение в этом важном деле».[169] Поэтому Международный банк, тесно связанный с Ротшильдом по нефтяным делам в Баку, приложил усилия для установления контакта с АЭГ. Последняя также не могла остаться равнодушной перед угрозой создания без (а значит — против) нее союза «Сименс-Гальске» и «Униона». После визита представителя Ротшильда Ж. Арона в правление АЭГ последнее письмом от 29.10/11.1898 предложило Международному банку сотрудничество в строительстве электростан-

---

[165] Там же, д. 85, лл. 7, 9—12, Дернен — Ротштейну 9/21.1.1899.

[165] Там же, д. 552, л. 115, Немецкий банк — Международному банку 7/19.1.1899.

[167] Там же, л. 22, записка Герца 9/21.7.1898. Последние не перечислены в этой записке.

[168] Там же, д. 559, л. 6, Ротштейн — Штейнталю 4/16.1.1899.

[169] Там же, д. 552, лл. 29—31, Герц — Ротштейну 2/14.9.1898.

ции,[170] а уже 14/26.11.1898 АЭГ сообщила о получении протокола переговоров по этому вопросу.[171] Поспешность переговоров свидетельствовала о том значении, которое Международный банк и «Сименс-Гальске» придавали союзу с АЭГ. Правда, при более детальном обсуждении бакинского дела 9./21.12.1898 «Сименс-Гальске» попробовало снова поторговаться и потребовало, чтобы фирмы, которые будут поставлять оборудование конкурентам строящейся станции, тем самым теряли преимущественное право поставок для нее. Это был камень в огород АЭГ, снабжавшей оборудованием «Апшеронское электрическое общество». Но АЭГ в ответ сообщила Ротштейну для сведения «Сименс-Гальске», что если против нее будут приняты какие-либо меры, то она превратит «Апшеронское общество» в подлинного конкурента новой станции.[172] «Сименс-Гальске» решило не настаивать.

Союз в Баку предполагал и совместные действия в других районах России. Переговоры о них проходили с большим трудом, и Ротштейн уже выражал сомнение в том, остается ли реальной возможность соглашения во всероссийском масштабе, если фирмы не в состоянии договориться по четырем делам — Петербурга, Москвы, Варшавы и Риги.[173] Масла в огонь подлил К. Сименс, приславший Ротштейну 7/19.12.1898 раздраженное письмо, в котором вновь поднимал вопрос об особых преимуществах для своей фирмы. К. Сименс писал, что берлинский дом «Сименс-Гальске» пошел на определенные ограничения в пользу своего петербургского дома[174] вовсе не для того, чтобы уступить место другим германским фирмам, и вновь ссылался на традиционные связи с русским рынком. Зачеркивая все ранее достигнутые соглашения, он требовал для «Сименс-Гальске» (берлинского и петербургского) половины всех российских зака-

---

[170] Там же, д. 549, л. 3, АЭГ — Международному банку 29.10/10.11.1898.

[171] Там же, лл. 5—6, АЭГ — Международному банку 14/26.11.1898.

[172] Там же, д. 559, лл. 2—3, АЭГ — Международному банку 29.12.1898/10.1.1899.

[173] Там же, лл. 4—5, Штейнталь — Ротштейну 1/13.1.1899. Нам не удалось установить, когда начались переговоры о совместных действиях в двух последних городах.

[174] Имеется в виду передача петербургскому обществу представительства в России.

зов и заявил, что ему нет дела до того, как будут делить оставшуюся половину АЭГ и «Унион». Стараясь получить поддержку банка в этой новой атаке, К. Сименс тут же предлагал Ротштейну участие в синдикате по финансированию «Общества 1886 г.».[175] Международный банк не пошел на приманку, и в середине января 1899 г. была принята каучуковая формула Ротштейна, по которой фирмы получали по $^1/_3$ всех работ в России, но в отдельных случаях, если одна из фирм уже проделала большую подготовительную работу или располагала в данном деле особо прочными позициями, она имела право на половину дела.[176] В феврале 1899 г. был подписан «технический договор» между «Р. О. Сименс-Гальске», «Р. О. Унион» и АЭГ (ВКЭ еще не существовало), оформивший создание синдиката и выдержанный в духе формулы Ротштейна, но ограничивший долю фирмы, получившей преимущество, до 40%.[177] Таким образом, участникам синдиката так и не удалось достичь твердой договоренности о разделе конкретных объектов, стоявших на очереди дня, и вся борьба вокруг них была еще впереди.

«Большой русский синдикат 1899 г.»

Параллельно с переговорами электротехнических фирм шло образование банковского синдиката для финансирования намеченных работ. По мере того как достигалась договоренность между тремя фирмами, расширялся и круг банков, участвовавших в деле, прежде всего за счет связанных с АЭГ и «Унионом» Берлинер Хандельсгезельшафт, Дисконто Гезельшафт и Дрезденского банка. Для Международного банка, который уже и в сотрудничестве с Немецким банком оказывался на ролях младшего партнера, такое увеличение немецкой группы означало полную потерю влияния на дело. У не желавшего примириться с этим руководителя Международного банка

---

[175] ЦГИА, ф. 626, оп. 1, д. 557, лл. 3—4, Сименс — Ротштейну 7/19.12.1898.

[176] Там же, д. 552, л. 115, Немецкий банк — Международному банку 7/19.1.1899.

[177] Там же, д. 559, лл. 52—54, «Технический договор» (без даты, дата установлена по времени образования синдиката банков).

А. Ротштейна возникла поэтому идея расширения банковского синдиката за счет привлечения в него французских участников. Это давало бы ему возможность, во-первых, вознаградить себя и своих французских партнеров за поражение в 1897 г. в московском деле, и, во-вторых, что самое главное, играя на франко-германских противоречиях в синдикате, оказаться в положении арбитра и захватить руководство. С этой целью Международный банк ставит вопрос о привлечении к синдикату прежде всего банкирского дома Ротшильда, аргументируя это перед своими немецкими союзниками тем, что в противном случае «Ротшильд и АЭГ выступят самостоятельно».[178]

В декабре 1898 г. Ротштейн отправил в Германию Дернена, возложив на него миссию убедить германские банки в необходимости создания «большого синдиката». Идея эта, мягко говоря, не вызвала энтузиазма. Дернен, поддерживавший версию о привлечении Ротшильда ради союза с АЭГ, доносил Ротштейну, что он не встретил со стороны Гвиннера и Шерешевского правильного понимания целей «большого синдиката». Вернее будет сказать, что директора Немецкого и Дрезденского банков поняли эти цели слишком хорошо, и именно потому выступили против. Гвиннер начал разговор с Дерненом с того, что расчленил проект синдиката на конкретные объекты и заявил, что будет очень трудно передать «большому синдикату» дела в Петербурге, Москве, Варшаве и Риге (т. е. все основные, — *В. Д.*), поскольку они, особенно московское дело, уже ведутся другими синдикатами.[179] Это был явный намек на то, что Немецкий банк не намерен выпускать руководство из своих рук. Вместо создания нового синдиката Гвиннер предложил принять «Унион» в московский синдикат и выделить из его доли субучастие для Международного банка. Это было настолько далеко от того, чего добивался Ротштейн, что Дернен счел необходимым в том же письме особо подчеркнуть, что сам-то он за идею Ротштейна и просит не думать, будто он предал ее в переговорах с Немецким банком. Дело не сдвинулось с места и через неделю. Сообщая о новой встрече с Гвиннером, Дернен писал Ротштейну,

---

[178] Там же, д. 80, л. 57, Дернен — Ротштейну 19/31.12.1898.

[179] Там же, л. 87, Дернен — Ротштейну 19/31.12.1898 (страницы письма в деле разрознены).

огорченный как неудачей переговоров, так и негостеприимностью хозяина: «Я не получил завтрака. Как это ни печально выглядит, но во время моих переговоров с Гвиннером на столе действительно стояла только чернильница. Это был совершенно холодный трезвый разговор, и если мне за него будет поставлена хорошая оценка, то это будет мне больше утешительно, чем понятно».[180] Несколько лучше обстояло дело с Дрезденским банком. Хотя разговор с Шерешевским носил самый общий характер, Дернен все же вынес из него впечатление, что Дрезденский банк будет участвовать в синдикате.[181]

Для того чтобы оказать давление на Немецкий банк, Ротштейн заявил Штейнталю, что если «Сименс-Гальске» и «Унион» не договорятся между собой, Международный банк не будет поддерживать одну из сторон, а останется нейтральным.[182] Дернен пошел еще дальше и на переговорах о распределении квот между «Сименс-Гальске» и «Унионом» занял сторону «Униона», доказывая, что у последнего есть хорошие шансы в конкурентной борьбе. Дернен при этом выступал не от имени «Униона», а прямо от Международного банка, и директор «Сименс-Гальске» Бедикер напоминал, что банк уже раньше взял на себя обязательства в отношении его фирмы.[183] На позиции Немецкого банка несомненно сказалось и то обстоятельство, что он в это время и в других вопросах, не связанных с электричеством, оказался в положении, которое Ротштейн назвал «веселой войной — все против Немецкого банка».[184] В этих условиях угроза Международного банка отказаться от поддержки «Сименс-Гальске» возымела свое действие, и Гвиннер заявил о готовности передать акции московской конки в распоряжение «большого синдиката», если последний оплатит их стоимость и 12.5% прибыли. Одновременно он вновь предложил группе «Униона» вступить в московский синдикат в размере 15%,[185] стремясь этим отколоть «Унион» от Международного банка. Давая вынужденное согласие на орга-

---

[180] Там же, л. 99, Дернен — Ротштейну 26.12.1898/7.1.1899.
[181] Там же.
[182] Там же, д. 559, лл. 4—5, Штейнталь — Ротштейну 1/13.1.1899.
[183] Там же, д. 85, лл. 7—12, Дернен — Ротштейну 9/21.1.1899.
[184] Там же, д. 1403, л. 16, Ротштейн — Кону 6/18.2.1899.
[185] Там же, д. 85, лл. 7—12, Дернен — Ротштейну 9/21.1.1899.

низацию «большого синдиката», Гвиннер не преминул еще раз заявить, что, с его точки зрения, в Петербурге переоценивают значение Ротшильда для синдиката. Мотив участия в синдикате последнего он видит только в строительстве бакинской станции.[186] В оценке позиции Ротшильда Гвиннер, как показали события, был в основном прав, но дело было не в мотивах Ротшильда, а в планах Ротштейна. Одновременно с Гвиннером попытку воздействовать на Ротштейна предпринял Штейнталь. Выразив удивление по поводу желания Ротштейна иметь полную информацию о московском деле (дескать, возможна ли более полная информация, чем та, которую давал Немецкий банк), Штейнталь заявил, что он против обсуждения московских планов в «большом синдикате», ибо опасается, как бы вновь вошедшие в него банки не перехватили дело для других электротехнических фирм.[187] В ответ Ротштейн вновь подчеркнул, что именно для предотвращения конкуренции он и стремится привлечь в «большой синдикат» Ротшильдов и АЭГ.[188]

Отказавшись от прямого сопротивления идее «большого синдиката» Немецкий банк с тем большим усердием стал создавать группировку в группировке и добился вхождения в московский синдикат Дрезденского банка и Берлинер Хандельсгезельшафт.[189] При этом все еще имелось в виду, что часть передаваемых группе «Униона» акций московской конки предназначается Международному банку в качестве субучастника. Этот маневр вызвал столь резкое возмущение Ротштейна, что он, видимо, высказался по поводу стремления Дрезденского банка совать нос не в свои дела. Во всяком случае Дернен счел необходимым, успокаивая шефа, возразить, что «бедный нос Дрезденского банка все же не так виноват, как Вы полагаете».[190]

Вырванное с огромным трудом согласие германских банков на создание «большого синдиката» было только одной стороной дела. Нужно было еще привлечь к нему

---

[186] Там же.

[187] Там же, д. 559, лл. 4—5, Штейнталь — Ротштейну 1/13.1.1899.

[188] Там же, л. 6, Ротштейн — Штейнталю 4/16.1.1899.

[189] Там же, д. 552, л. 185, докладная записка Герца 25.2/9.3.1899.

[190] Там же, д. 85, л. 20, Дернен — Ротштейну 19/31.1.1899.

участников и обеспечить руководящее положение Международного банка. В первоначальных проектах Ротштейна состав синдиката с общим капиталом в 20 млн руб. выглядел следующим образом: банкирский дом Ротшильда (Париж) — 10%, Международный банк — за себя 5% и за субучастников 7.5%, разные участники из Парижа (как видно из дальнейшего, под ними подразумевалось «Генеральное общество промышленности в России») — 5%, «Франко-швейцарское общество электрической промышленности», тесно связанное с Парижско-Нидерландским банком и во всяком случае позднее с Шнейдер-Крезо, — 5%, группы «Униона», АЭГ и Немецкого банка — «Сименс-Гальске» — по 10%, «Индэлек» и близкий к Сименсу Базельский коммерческий банк вместе — 5%, разные неназванные русские участники — 20% и иностранные — 12.5%. Об участии «Индэлек» и Базельского банка просил К. Сименс, он же настаивал на привлечении в «большой синдикат» Частного банка.[191] Сименс, таким образом, стремился укрепить свои позиции внутри создаваемого синдиката, включив в него возможно большее число связанных с ним организаций. Предлагая кандидатуру Частного банка, Сименс рассчитывал, очевидно, использовать его соперничество с Международным банком. Но последний маневр натолкнулся на чрезмерные аппетиты Частного банка, соглашавшегося войти в «большой синдикат» лишь при условии, что ему позволят продолжать сотрудничество с конкурирующими фирмами.[192] Со своей стороны Ротштейн оказал маневру Сименса глухое сопротивление, перепоручив Герцу переговоры с директором Частного банка А. И. Муранием, хотя отношения их как раз в это время были крайне обострены конфликтом в «Обществе 1886 г.». Не удалась и попытка Сименса расширить свое участие в синдикате за счет «Индэлек» и Базельского банка. Привлечение этих организаций не вызвало возражений Ротштейна, но соответственно были сокращены квоты других банков, представляющих интересы группы Сименса.

Переговоры о распределении квот проходили в Берлине приблизительно 5—6/17—18 февраля. Они характеризовались острейшими противоречиями. В написанном

---

[191] Там же, д. 559, л. 8, Герц — Гвиннеру 9/21.1.1899.
[192] Там же.

по горячим следам письме Ротштейн назвал эти переговоры битвой, во время которой «справа и слева вырывали себе квоты, как только позволяли приличия».[193] В последний момент, уже после достижения принципиальной договоренности, германским банкам удалось все же увеличить свое участие в синдикате. Ротштейн же не смог добиться сколько-нибудь широкого участия русских и иностранных (кроме Германии и Франции) финансовых кругов. В связи с этим доли участников подверглись в окончательном варианте значительному пересмотру. Доля Ротшильда выросла до 16.5%, Международного банка до 18.5% (10% за себя и 8.5% за субучастников), «Генерального общества промышленности в России» до 7%. По 12% получили группы «Сименс-Гальске»,[194] «Униона»[195] и АЭГ,[196] кроме того, 10% остались за «Франко-Швейцарским обществом электрической промышленности», 3% получил банк «Варшауэр и К°» и по 1% Русский для внешней торговли, Учетный и ссудный, Азовско-Донской и Частный банки, банкирские дома Вавельберга, Мейера, Юнкера (Россия), Варбурга (Германия) и «Липпман и Розенталь» (Голландия).[197] Бо́льшую часть своего пакета Международный банк разделил в качестве субучастия (в том числе и из квоты, числившейся в синдикатском договоре как его собственная): «Униону» — 3%, банкирским домам Мендельсона (Берлин) — 3% и С. Ротшильда (Вена) — 2%, «Генеральному обществу промышленности в России» — 2.5% и др.[198] Всего, таким образом, на долю германских участников приходилось 47.5% капитала синдиката, на долю французских — 36%, русских — 12.5% и прочих — 4%.

---

[193] Там же, д. 1403, л. 16, Ротштейн — Кону 6/18.2.1899.

[194] Немецкий, Среднегерманский кредитный и Базельский банки, банкирский дом «Я. Штерн» и «Индэлек».

[195] Дрезденский банк, Банк для торговли и промышленности, Шаффгаузенский банковский союз, Дисконто Гезельшафт и банкирские дома Блейхредера и «Борн и Буссе».

[196] Берлинер Хандельсгезельшафт, Национальный банк для Германии, Всегерманское кредитное общество, Аахенское учетное общество, Швейцарское кредитное общество, Банк для электрических предприятий (в дальнейшем — «Электробанк») и банкирские дома Дельбрюка, Е. Геймана и братьев Зульцбах.

[197] ЦГИА, ф. 626, оп. 1, д. 559, лл. 50—51, синдикатский договор.

[198] Там же, л. 1, список участников синдиката.

Это было не совсем то, чего добивался Ротштейн, но все же достаточно для того, чтобы Международный банк, имевший возможность блокироваться то с одной, то с другой стороной сохранил руководство «большим синдикатом» за собой.

Договор о создании синдиката был подписан в феврале 1899 г.[199] Действие синдиката распространялось на всю Россию, за исключением Финляндии и Польши; в функции синдиката входило получение концессий, организация и реорганизация акционерных обществ, выпуск новых акций обществ, производство строительных работ. В качестве первых дел синдиката были намечены дела по освещению в Петербурге и по устройству трамвая в Петербурге, Москве и ее пригородах (в пределах 10 верст от линии московских застав). Вопрос о рижском трамвае остался неурегулированным, и в договор была внесена специальная оговорка, что рижское дело не входит в компетенцию синдиката. Для руководства делами синдиката был создан комитет в составе шести человек — представителей Международного, Немецкого и Дрезденского банков, Берлинер Хандельсгезельшафт, банка Ротшильда и «Франко-Швейцарского общества электрической промышленности».[200] Делопроизводство синдиката вел Международный банк. Одновременно был подписан уже упоминавшийся «технический договор» между «Р. О. Сименс-Гальске», «Р. О. Унион» и АЭГ, причем германские банки, не отказавшиеся от борьбы против навязанных им партнеров по синдикату, потребовали, чтобы этот договор был известен не всем участникам «большого синдиката», а только членам комитета.[201] В тексте договора почему-то не упоминалось бакинское дело, но Ротштейн,

---

[199] На архивном экземпляре договора дата отсутствует. Он мог быть подписан между 5/17 и 12/24 февраля. 5/17 февраля переговоры, по словам Ротштейна, в принципе были окончены (ЦГИА, ф. 626, оп. 1, д. 1403, л. 14). Но на утверждение проектов нужно было еще несколько дней. Кроме того, как уже указывалось, после достижения принципиального соглашения квоты германских банков были изменены. 12/24 февраля Ротштейн, уже вернувшись в Петербург, писал Вавельбергу о договоре как о свершившемся факте (там же, д. 559, л. 26).

[200] ЦГИА, ф. 626, оп. 1, д. 559, лл. 50—51, синдикатский договор.

[201] Там же, л. 64, Немецкий банк — Международному банку 24.2/8.3.1899.

предлагая Вавельбергу участие в синдикате, писал, что первым его делом будет строительство бакинской электростанции.[202]

Деятельность «большого синдиката» в 1899 г.

Бакинская станция оказалась не только первым, но и единственным делом, которое «большой синдикат» сумел довести до конца.[203] Как только между тремя электротехническими обществами было достигнуто соглашение о совместных действиях, представители Международного банка барон Н. Е. Врангель и В. Ф. Голубев подали ходатайство об учреждении акционерного общества «Электрическая сила», к которому должна была перейти новая станция. Капитал «Электрической силы» был для начала установлен в 4 млн руб. (а собран до конца года в размере 3.2 млн руб.), причем половину акций брал синдикат, а вторую половину владельцы нефтяных промыслов в Баку,[204] в их числе те же Ротшильды в качестве владельцев «Каспийско-Черноморского товарищества». К новому обществу перешло от «Сименс-Гальске» и торгового дома Тильманса принадлежавшее им товарищество «Свет» со всей его клиентурой. «Электрическая сила» заключила также договор с «Сименс-Гальске», АЭГ и «Унионом» сроком на десять лет, по которому общества уплачивали ей 5% от суммы своих поставок в бакинском районе, что

---

[202] Там же, л. 26, Ротштейн — Вавельбергу 12/24.2.1899.

[203] Известные нам печатные сообщения о «большом синдикате» крайне немногочисленны. Хроникальные заметки о самом факте его создания без каких-либо подробностей были помещены в «Новом времени» (18/30.3.1899, № 8269) и «Биржевых ведомостях» (22.2/4.3 и 27.3/8.4.1899). На заметке из «Биржевых ведомостей» основано упоминание о синдикате в книге Е. Л. Грановского (ук. соч., стр. 43). В. А. Киселев (ук. соч., стр. 115) также упоминает о существовании синдиката. Во всех этих случаях дело ограничивается только перечислением некоторых важнейших участников синдиката, причем с существенными ошибками. Я. И. Лившин (ук. соч., стр. 19) также упоминает о синдикате. Критика его изложения событий дана нами в сборнике «Монополии и иностранный капитал в России» (Л., 1962, стр. 208—209).

[204] ЦГИА, ф. 626, оп. 1, д. 559, л. 26, Ротштейн — Вавельбергу 12/24.2.1899.

являлось, очевидно, формой выплаты прибыли синдикату. Для строительства электростанций (Балаханской и Биби-Эйбатской) были куплены участки у Гукасова и Тагиева.[205] В правление общества были на учредительном собрании 3/15.8.1899 избраны Н. Е. Врангель, П. П. Толстой-Голенищев-Кутузов, Г. Спицер, Ж. Арон, А. Фейгль, П. О. Гукасов и Г. З. А. Тагиев.[206] Бакинская электростанция была после ее постройки крупнейшей станцией в России и первой станцией такого масштаба, предназначенной для отпуска электроэнергии в промышленных целях.

Весь 1899 г. наполнен борьбой между участниками синдиката. В мае вновь стал актуальным вопрос о петербургском трамвае. Комиссия Управы по заведованию городскими железными дорогами внесла на рассмотрение Думы проекты устройства аккумуляторного трамвая на линии, проходящей по Невскому проспекту. Проекты представили бельгийские предприниматели Дюле и Нотомб (видимо, или непосредственно от общества «Электричество и гидравлика», или от «Русско-Французского общества аккумуляторов»), «Товарищество М. М. Подобедова» и «Сименс-Гальске».[207] «Торгово-промышленная газета», ссылаясь на заявление директора «Сименс-Гальске» Б. А. Эфрона, утверждала, что предложения общества убыточны. Газета объясняла его готовность идти на убытки тем, что Сименс, действуя от имени всех трех обществ, готов был любой ценой оттеснить бельгийских конкурентов, а затем уже договориться с Управой о замене аккумуляторной тяги воздушной проводкой и пересмотреть цены в свою пользу.[208] Объяснение это звучит весьма правдоподобно. При таких обстоятельствах

---

[205] ЦГИА, ф. 23, оп. 24, д. 608, л. 21, доклад учредителей собранию 3/15.8.1899.

[206] Там же, л. 26, протокол собрания акционеров 3/15.8.1899. Состав акционеров на этом собрании не характерен, ибо все акции еще числились за учредившим общество Международным банком. Участие различных групп в «Электрической силе» определено по почти совпадающим спискам акционеров 1901 и 1905 гг. (там же, лл. 110—111 и ЦГИА, ф. 626, оп. 1, д. 562, л. 1). При этом на русские капиталы (Международный банк, Гукасов, Тагиев и др.) приходилось 43.75%, на германские — 23.75%, на французские — 30.5% и на прочие — 2%.

[207] Торгово-промышленная газета, 10/22.6.1899, № 124.

[208] Там же, 30.5/11.6.1899, № 116.

становится ясным, почему именно в мае на переговорах трех обществ в «большом синдикате» встал петербургский вопрос. Продолжая вести глухую борьбу против «большого синдиката», германские банки выдвинули идею создания для Петербурга специальной группы в составе Немецкого, Дрезденского и Международного банков,[209] вновь пытаясь отстранить не только французских участников, но и АЭГ. Последнее объяснялось ее позицией. АЭГ, ссылаясь на принадлежащие ей и все еще не переданные «большому синдикату» акции петербургской конки, требовала увеличения своей квоты, а «Сименс-Гальске» и «Унион» категорически возражали против этого и предлагали купить эти акции.[210] Со своей стороны Берлинер Хандельсгезельшафт от имени группы АЭГ готов был продать акции, но Международный банк, считая цену неподходящей, полагал, что покупать их должен не «большой синдикат», а непосредственно электротехнические фирмы.[211] Ротштейн готов был дать деньги для этой цели, но требовал за то особых преимуществ для банка.[212] Все эти переговоры оказались, впрочем, дележом шкуры неубитого медведя, поскольку Дума опять отложила рассмотрение проектов, решив устроить новый конкурс.

Вплоть до весны 1899 г. продолжалась упорная торговля из-за московского трамвая. Немецкий банк, несмотря на ранее взятое обязательство, не хотел отдавать «большому синдикату» акции московской конки. В марте и апреле Немецкий банк и Берлинер Хандельсгезельшафт все еще предлагали Ротштейну ограничиться вступлением в московский синдикат, предлагая передать ему часть своих квот.[213] Параллельно шел спор о цене акций, по которой Немецкий банк был бы все же согласен уступить их. Банк требовал прибыли в 12.5%, а представитель Ротшильда Ж. Арон в ответ высказывал сомнения в целесообразности вообще покупать эти акции,

---

[209] ЦГИА, ф. 626, оп. 1, д. 554, лл. 90—92, Герц — Гвиннеру 6/18.5.1899.

[210] Там же, л. 96, Международный банк — Немецкому банку 27.4/9.5.1899.

[211] Там же, л. 94, Ротштейн — Нецлину 26.4/8.5.1899.

[212] Там же, д. 559, лл. 137—138, Ротштейн — Гвиннеру 7/19.5.1899.

[213] Там же, лл. 82 и 124, Немецкий банк — Международному банку 10/22.3.1899 и 12/24.4.1899.

считая возможную прибыль будущего трамвая недостаточно привлекательной.[214] Против Немецкого банка выступил также его союзник по московскому синдикату Парижско-Нидерландский банк,[215] вынудив его все же идти на уступки.[216] Но, как и в Петербурге, к этому времени определилось, что Московская управа не торопится идти навстречу предложениям банков. Участникам синдиката пришлось считаться с возможностью того, что город не отдаст трамвая в концессию, а будет настаивать на выкупе конки. Перестраивая свои планы в соответствии с обстановкой, электротехнические фирмы рассчитывали теперь договориться с Москвой о предоставлении займа для выкупа конно-железных дорог и о передаче им впоследствии городского трамвая в долгосрочную эксплуатацию,[217] т. е. склонялись к варианту, сходному с петербургским. Одновременно они разрабатывали программу широкого воздействия на общественное мнение в пользу передачи эксплуатации трамвая «Первому обществу». В это же время участников синдиката постиг еще один удар. Ссылаясь на свои связи в Лондоне, куда приехала для переговоров о займе делегация Московской думы, директор Парижско-Нидерландского банка Э. Нецлин передавал, что Дума настроена против «Сименс-Гальске» и любой связанной с фирмой группы.[218] Ротштейн пытался утешить Нецлина и самого себя, уверяя, «что эта история не так неблагоприятна для „Сименс-Гальске“, как можно подумать».[219] Но на Немецкий банк это явно произвело впечатление, и, возможно, именно потому он решил, наконец, расстаться с акциями московской конки. Примерно в мае «большой синдикат» приобрел их у Немецкого банка, причем акции «Первого общества» были переданы на хранение в Международный банк, а «Второго общества» — в брюссельское отделение Немецкого

лист 6

---

[214] Там же, д. 87, лл. 83—84, Спицер — Ротштейну 5/17.4.1899.
[215] Там же, лл. 126—129, Нецлин — Гвиннеру (10)/22.4.1899.
[216] Там же, л. 110, Гвиннер — Нецлину (12)/24.4.1899.
[217] Там же, д. 552, лл. 233—236, записка о перспективах московского трамвая.
[218] Там же, д. 87, л. 106, Спицер — Ротштейну 10/22.4.1899.
[219] Там же, д. 552, лл. 265—266, Ротштейн — Нецлину 4/16.5.1899.
[220] Там же, лл. 250—251, записка о приобретении акций московской конки комитетом синдиката.

Не менее напряженными были отношения внутри «технического синдиката». В июне «Сименс-Гальске» и «Унион» договорились о полюбовном разделе поставок для завода Гартмана в Луганске и для Московско-Виндаво-Рыбинской железной дороги,[221] а уже в июле Герц жаловался Ротштейну на действия «Униона», сбивавшего цены в Новороссийске и Варшаве и стремившегося поссорить «Сименс-Гальске» с его давнишним клиентом — «Донецко-Юрьевским обществом». Герц угрожал, что если «Унион» не изменит своей политики, то он — Герц — сообщит властям, что «Унион» не в состоянии поставлять достаточное количество оборудования русского производства.[222] Смысл угрозы заключался в том, что «Унион» (как, впрочем, и «Сименс-Гальске») под маркой своего завода в России сбывал продукцию, выпущенную в Германии. Директор «Р. О. Унион» А. Арнд не менее резко писал в Международный банк Е. Шайкевичу о действиях «Сименс-Гальске».[223] В октябре «Сименс-Гальске» и «Унион» решили поделить пополам поставки для предполагавшейся линии трамвая Невский проспект—Полюстрово,[224] но при конкуренции на устройство электрического освещения в Варшаве «Унион», добиваясь совместных действий с «Сименс-Гальске», все время угрожал в противном случае договориться с «Гелиосом».[225] В ноябре «Сименс-Гальске» вновь предъявило претензии к «Униону» за то, что последний не предоставил компенсации за свои дела в Лодзи, Смоленске и других местах.[226]

Осенью 1899 г. начался мировой экономический кризис, который еще больше усилил конкуренцию как внутри участников «большого синдиката», так и со стороны его бельгийских соперников — «Генеральной компании тяги и электричества», «Центральной компании электричества в Москве», «Электричество и гидравлика» и других, а также германских групп — «Шуккерта», «Гелиоса» и т. д. В связи с этой конкуренцией руководи-

---

[221] Там же, д. 557, л. 6, Герц — Ротштейну 11/23.6.1899.
[222] Там же, д. 552, лл. 172—173, Герц — Ротштейну 1/13.7.1899.
[223] Там же, д. 833, л. 2—5, Арнд — Шайкевичу 8/20.7.1899.
[224] Там же, д. 554, л. 113, «Унион» — «Сименс-Гальске» 18/30.10.1899.
[225] Там же, д. 85, л. 119, Дернен — Лауэ 22.10/3.11.1899.
[226] Там же, д. 557, л. 9, Герц — Ротштейну 25.11/7.12.1899.

тели «Сименс-Гальске» решили прибегнуть к защите правительства под флагом содействия развитию русской электротехнической промышленности. Карл Сименс разговаривал на эти темы с Горемыкиным, когда тот был в Париже,[227] а Герц заготовлял особую докладную записку для подачи Витте.[228] Он рассчитывал, что эта записка послужит толчком к началу официальной агитации за развитие русской электропромышленности. Речь при этом шла, разумеется, об особых льготах петербургским заводам Сименса, которые имелись в виду под русской промышленностью, и агитация эта была ударом по интересам союзника «Сименс-Гальске» по синдикату — АЭГ, поскольку она-то уж никак не подходила под это понятие. Сименс, собственно, и не скрывал этого. Сообщая Герцу о своих переговорах с Горемыкиным, он писал, что в создавшейся «проклятой ситуации» «очень трудно поместить всех под одной шляпой». АЭГ со своей стороны не оставалась в долгу. Дерпен жаловался в октябре, что кто-то явно старается испортить отношения между «Сименс-Гальске» и «Унионом» и видел в этом дело рук АЭГ.[229]

Осенью 1899 г. из-за вопроса о московском трамвае отношения участников синдиката вновь резко обострились. Хотя «Первое общество» с помощью Немецкого банка, «Сименс-Гальске» и «Общества 1886 г.» перевело на электрическую тягу часть своих путей,[230] это не склонило Московскую управу принять условия синдиката по реконструкции всего трамвая, а переоборудовать все пути на свой риск под угрозой выкупа в ближайшие годы синдикат считал невыгодным. Поэтому, когда экономический кризис осложнил и без того сложную ситуацию, Немецкий банк стал настаивать на принятии предложения Управы о досрочном выкупе обоих обществ конки и на продаже Управе акций этих обществ, чтобы возместить понесенные затраты и высвободить вложенные средства. Такая перспектива вызвала сильное недовольство «Р. О. Сименс-Гальске». 1/13. 10. 1899 Герц писал Ротштейну, что если акции конки не будут нахо-

[227] Там же, д. 552, л. 342, К. Сименс — Герцу 28.10/9.11.1899.
[228] Там же, лл. 346—347, Герц — Ротштейну 19.11/1.12.1899.
[229] Там же, д. 85, л. 118, Дерпен — Ротштейну 22.10/3.11.1899.
[230] Там же, д. 552, л. 186, докладная записка Герца 25.2/9.3.1899.

диться в руках синдиката, то его участники окажутся в невыгодном положении по сравнению с конкурентами, так как синдикатским договором у них будут связаны руки. «Это, — писал он, — было бы, однако, невозможно, и каждый должен был бы искать спасения где только удастся. Продажа акций означает развал консорциума».[231] Международный банк был того же мнения, и, опираясь на поддержку Ротштейна и Шайкевича, Герц пытался оказать воздействие на Гвиннера. Он предложил выждать время и затянуть переговоры о выкупе «Второго общества».[232] Получив письмо Гвиннера, в котором тот отстаивал свою точку зрения,[233] Герц выразил несогласие с тем, будто получение этого заказа — дело электротехнических фирм, а не банков, и недвусмысленно намекнул, что он готов искать поддержки у Международного банка.[234] Но Гвиннер, еще не успев получить это письмо, вновь заявил, что выжидательная политика «в эти плохие времена» не даст результата, и подчеркнул: «неправильно полагать, будто подобные переговоры лучше вести через посредство банков или больших синдикатов».[235] Тут речь уже шла не о продаже акций, Немецкий банк вообще отступался от синдиката. Хотя синдикату и не удалось сбыть акции с рук, предсказание Герца о его судьбе оправдалось очень скоро. В феврале 1900 г. правление берлинского «Сименс-Гальске» открыто признало, что «неблагоприятное финансовое положение, вызванное войной в Африке (весьма осторожная формулировка! — *В. Д.*), отложило на неопределенное время основание крупных электрических предприятий, особенно трамвая в Москве и Петербурге, которое проектировалось синдикатом банков».[236] Еле державшееся из-за внутренних противоречий здание «большого синдиката» рухнуло, как только к ним прибавился экономический кризис.[237]

---

[231] Там же, лл. 322—323, Герц — Ротштейну 1/13.10.1899.
[232] Там же, лл. 361—363, Герц — Гвиннеру 9/21.12.1899.
[233] Там же, лл. 364—367, Гвиннер — Герцу 22.11/4.12.1899.
[234] Там же, лл. 380—383, Герц — Гвиннеру 15/27.12.1899.
[235] Там же, лл. 385—386, Гвиннер — Герцу 11/23.12.1899.
[236] ЛГИА, ф. 1243, оп. 1, д. 141, л. 232, «Сименс-Гальске» — акционеру «Общества 1886 г.» Л. Эндеру 26.1/7.2.1900.
[237] Лишенное поддержки банков, «Р. О. Сименс-Гальске» не могло уже успешно вести борьбу. В феврале 1900 г. оно одержало последнюю победу. Во время очередного заседания комис-

«Большой русский синдикат» возник в процессе отчаянной борьбы европейских монополий за чрезвычайно выгодный рынок приложения капиталов и сбыта товаров, который представляла собой Россия. «Превращение конкуренции в монополию, — указывал В. И. Ленин, — представляет из себя одно из важнейших явлений — если не важнейшее — в экономике новейшего капитализма».[238] В обстановке, когда в Россию устремились восемь германских и три бельгийских концерна, а также ряд швейцарских, австрийских и английских обществ, три крупнейшие монополии — «Сименс-Гальске», «Унион» и АЭГ — сочли целесообразным объединиться против остальных соперников. Но, как подчеркивал В. И. Ленин, «монополии, вырастая из свободной конкуренции, не устраняют ее, а существуют над ней и рядом с ней, порождая этим ряд особенно острых и крутых противоречий, трений, конфликтов».[239]

Два основных мотива проходят красной нитью через всю предысторию и историю синдиката.

С одной стороны, это стремление «Сименс-Гальске» сохранить, а «Униона» и АЭГ завоевать позиции в России. Монополия, которой пользовалась фирма «Сименс-Гальске» в России в XIX в. явилась следствием не концентрации в электротехнической промышленности страны, а слабости ее развития, отсутствия конкурентов. С появлением конкурентов и была сделана попытка превратить эту монополию в монополию империалистическую путем создания синдиката. Но противоречия между тремя фирмами были настолько остры, что даже в подписанном договоре не было достигнуто соглашения ни по одному конкретному делу, что каждый раз вызывало новые столкновения.

сии по выработке условий переустройства петербургской конки по предложению «Сименс-Гальске» было постановлено не допускать к конкурсу фирмы, ранее не занимавшиеся устройством трамвая. Это устранило «Гелиос» (Торгово-промышленная газета, 23.2/7.3.1900, № 42). Но Сименс не смог воспользоваться плодами победы. В начале 1901 г. МВД разослало циркуляр, предлагая не сдавать концессионерам городские предприятия, способные приносить доход (трамвай, освещение, водопровод), а по возможности эксплуатировать их средствами городских управлений (там же, 10/23.4.1901, № 82). Игра «Сименс-Гальске» на данном этапе была проиграна.

[238] В. И. Ленин, ПСС, т. 27, стр. 312.

[239] Там же, стр. 386.

С другой стороны, очень острыми были противоречия между Немецким банком, выступавшим от имени всей германской группы (что, впрочем, не исключало конфликтов и внутри нее), и петербургским Международным банком. Оба банка претендовали на руководство операциями по направлению капиталовложений в русскую электропромышленность. За Немецким банком была мощь его капиталов и капиталов его союзников, сила германских электротехнических концернов. Международный банк не мог противопоставить этому равной мощи и мог рассчитывать лишь на противоречия между различными группировками. Отсюда и вытекала идея «большого синдиката», с самого начала направленная против Немецкого банка. Но, будучи вынужденным принять идею синдиката, Немецкий банк все время саботировал ее действительное осуществление и этим немало способствовал конечному краху задуманного предприятия.

Экономический кризис, обострив внутренние противоречия в «большом синдикате», ускорил его развал, который был, однако, предопределен этими противоречиями. Обстановка «первоначального грюндерства», господствовавшая в электроиндустрии России в 1890-х годах, не создавала еще условий для образования гигантского объединения, которое бы полностью подчинило себе всю отрасль промышленности. Но и неосуществившаяся попытка создания такого объединения свидетельствовала о том, насколько глубоко процесс перехода капитализма на монополистическую стадию развития захватил и Россию.

Некоторые итоги

Период первого промышленного подъема ознаменовался значительным притоком иностранного капитала в русскую электрическую и электротехническую промышленность и электрический транспорт. К концу 1899 г. иностранные капиталы в этих отраслях составили 47.1 млн руб., или 9.5% от общей суммы прироста иностранных капиталовложений в России за 1895—1899 гг. За эти же годы русские капиталовложения составили 13.55 млн руб., или 22.3% всех средств, вложенных

в электрические предприятия. Иными словами, с самого возникновения электроиндустрии и электрического транспорта в России решающие позиции в них захватил иностранный капитал. Иностранные инвестиции притекали в русскую электроиндустрию в основном путем реорганизации в акционерные общества ряда уже существовавших представительств и мелких русских фирм, финансовая и техническая слабость которых обрекала их на поражение в конкурентной борьбе с мощными европейскими концернами. Господство иностранных монополий станет еще более очевидным, если учесть, что бо́льшая часть русских капиталов в электротехнической и электроэнергетической промышленности приходилась на участие в дочерних предприятиях европейских фирм. Только в электрическом транспорте, приток средств в предприятия которого был задержан начавшимся кризисом, русские предприниматели сохраняли руководство двумя крупнейшими трамваями — в Киеве и Лодзи.

Преобладающая часть инвестиций в русскую электропромышленность и транспорт приходилась на германские (42.5%) и бельгийские (30.3%) капиталы. Инвестиции из других европейских стран составляли 4.6%. При этом основной приток германских капиталов был направлен в электроэнергетическую и собственно электротехническую промышленность, где германские монополии захватили решающие позиции. Это объяснялось протекционистской политикой русского правительства, вследствие чего германские электротехнические концерны считали для себя более выгодным основывать в России дочерние предприятия, располагавшие большими возможностями для получения заказов. В действительности значительная, если не преобладающая, часть поставок и после этого шла из Германии, но уже под «русской» маркой. Наоборот, бельгийские капиталы направлялись главным образом в предприятия электрического трамвая и освещения. Поставки же электрооборудования этим предприятиям зачастую (но далеко не всегда) осуществлялись теми же германскими концернами. Причина этого коренилась в наличии в Германии и в значительно меньшем развитии в Бельгии и Франции электротехнической промышленности, следствием же явилась острая конкурентная борьба германских фирм за поставки оборудования трамвайным и осветительным обществам,

в ходе которой они стремились установить с последними не только деловые, но и финансовые связи.

С самого создания русской электроиндустрии ей были присущи основные черты, свойственные промышленному развитию эпохи империализма. К началу XX в. акционирование электротехнической промышленности было по существу закончено. Частные предприятия были по большей части мелкими мастерскими, и их продукция составляла совершенно незначительную долю в общем объеме производства. Аналогичное положение наблюдалось в электроэнергетической промышленности, где частные станции, как правило, отпускали ток только для своих владельцев, да и они стремительно вытеснялись с развитием кабельных сетей центральных станций. Трамвайные предприятия создавались только в форме акционерных обществ. Высокой была концентрация производства в электротехнической и осветительной промышленности, сложившаяся, правда, не в результате значительного развития этих отраслей, а вследствие их недостаточного развития. Существовало лишь несколько предприятий, сравнительно крупных по тому времени, которые подавили только начинавшую зарождаться русскую электропромышленность, и всякая попытка успешной конкуренции с существовавшими предприятиями требовала строительства не менее крупного предприятия, что вело к дальнейшей концентрации производства. Устремившиеся в Россию германские и бельгийские концерны рассматривали ее прежде всего как рынок сбыта своей продукции, поэтому более $^2/_3$ капиталовложений иностранных электрических монополий были направлены не в предприятия, производящие электротехническую продукцию, а в потребляющие ее осветительные и трамвайные общества. Как уже указывалось, в 1899 г. более половины потребленного в стране электрооборудования было ввезено из-за границы. Зависимость от иностранных капиталов вела, таким образом, к однобокому развитию.

Огромную роль в борьбе вокруг русской электроиндустрии играли банки, интересы которых теснейшим образом переплетались с интересами крупнейших монополий. Небольшие русские предприятия, имевшиеся в этой отрасли, были слабо связаны с банками, но иностранные электротехнические, осветительные и трамвайные предприятия полностью находились в сфере влияния евро-

нейского финансового капитала, представленного крупнейшими банками Германии, Франции и Бельгии. Наибольшую активность проявил Немецкий банк, повсюду прокладывавший дорогу Сименсу и тесно связанный со всеми его предприятиями. Другие германские банки, стоявшие за спиной электротехнических концернов (Дрезденский банк, Берлинер Хандельсгезельшафт, банк «Варшауэр и К°», Шаффгаузенский банковский союз и т. д.) также активно поддерживали близкие к ним концерны в их грюндерской деятельности в России и в их соперничестве между собой. Из бельгийских банков выделялся крупнейший банк страны — «Сосьете женераль», патронировавший ряд осветительных и трамвайных обществ в России, в том числе «Бельгийское общество освещения Петербурга», а также Льежский банк и Льежский кредит, сосредоточившие деятельность вокруг «Центральной компании» в Москве и «Генеральной компании тяги и электричества». К последней были также близки банкирский дом Нагельмакерса и французский банк «Сосьете женераль». Из числа французских наибольшую активность проявил Парижско-Нидерландский банк. Он действовал как в тесном союзе с Немецким банком (в московском синдикате), так и самостоятельно, приняв участие в учреждении «Общества электромеханических заводов, бывш. Вейхельт». Банк выступал также через связанное с ним «Франко-Швейцарское общество электрической промышленности», которое вошло в состав «большого русского синдиката» 1899 г. и начало переговоры об учреждении «Общества тверской городской железной дороги и электрического освещения». Банк Ротшильда также принял участие в «большом синдикате» 1899 г., привлеченный главным образом бакинской электростанцией.

Интерес русских банков к электрическим делам и их связи в этой области были довольно значительны. Почти все крупные банки были в той или иной степени причастны к электрическим предприятиям. Два из них — Международный и Частный банки — предприняли попытки захватить руководство электрическими предприятиями в стране. В этих целях Международный банк выступил инициатором создания «большого русского синдиката» 1899 г. Будучи тесно связанным с германским финансовым капиталом, банк вошел в число учредите-

лей крупнейших электротехнических обществ страны «Р. О. Сименс-Гальске» и «Р. О. Унион». При этом, установив в начале связи с «Сименс-Гальске», Международный банк вскоре склоняется на сторону «Униона», рассчитывая занять в нем более прочные позиции. В то же время банк стремился использовать противоречия между германскими и французскими кругами, для того чтобы сохранить за собой ведущее положение в электротехнической промышленности. Во всей этой борьбе Международный банк выступал не в качестве посредника и проводника политики германских или французских капиталов, а как самостоятельная сила со своими собственными целями и интересами, активно добиваясь осуществления этих целей. Хотя в конечном итоге он и потерпел неудачу, весь ход событий 1897—1899 гг. показывает полную независимость политики Международного банка даже в области электротехники, в которой господство иностранного капитала было особенно отчетливо выражено. Но было бы неверно изображать Международный банк и проводником русских национальных интересов. Его политика как во время борьбы вокруг «большого синдиката», так и в других случаях определялась не русскими интересами вообще, а его, банка, своекорыстной выгодой в каждом конкретном случае, что, впрочем, характерно для любого капиталистического предприятия. Попытка меньшего масштаба была предпринята Частным банком, стремившимся овладеть «Обществом 1886 г.». После провала этой попытки Частный банк сохранил, хотя и на второстепенных ролях, связи с предприятиями Сименса и одновременно начал устанавливать тесные отношения с бельгийскими электротехническими концернами.

В отличие от Международного и Частного банков остальные русские банки не претендовали в конце XIX в. на первые роли в электропромышленности. Учетный и ссудный банк в небольших долях участвовал в «большом синдикате», а также в «Сименс-Гальске», «Унионе» и «Электрической силе». Не ограничиваясь связями с германскими электроконцернами, Учетный банк сотрудничал в области электротехники с Парижско-Нидерландским банком, совместно участвуя в учреждении «Общества электромеханических заводов, бывш. Вейхельт», в «Генеральной компании тяги и электричества»

и в переговорах в Твери. Кроме того, Учетный банк вместе с Сибирским, Русским для внешней торговли банками и банком «Юнкер и К⁰» был в числе пайщиков «Товарищества М. М. Подобедова». С французскими кругами был связан и Торгово-промышленный банк, участвовавший в учреждении «Общества бывш. Вейхельт» и «Русского электромеханического общества». Роль Русского для внешней торговли и Азовско-Донского банка, насколько удалось установить, ограничивалась незначительным участием в «большом синдикате» и некоторых акционерных обществах и денежными делами первого из них с «Обществом 1886 г.». Банкирские дома Вавельберга, Юнкера, Мейера и Лампе владели небольшими пакетами акций, но, естественно, не имели влияния на развертывание событий.

Глава вторая

ПРОЦЕСС КОНЦЕНТРАЦИИ И ОБРАЗОВАНИЯ МОНОПОЛИЙ В ЭЛЕКТРОПРОМЫШЛЕННОСТИ И ТРАНСПОРТЕ В ГОДЫ КРИЗИСА И ДЕПРЕССИИ

Влияние кризиса на электроиндустрию. Инвестиционная политика электроконцернов в годы кризиса

Еще в 1897 г., оценивая развитие русской экономики, В. И. Ленин подчеркнул: «Не надо быть пророком, чтобы предсказать неизбежность краха (более или менее крупного), который должен последовать за этим „процветанием“ промышленности».[1] Первые несомненные симптомы кризиса проявились в России летом 1899 г., когда последовал ряд крахов банковских и промышленных фирм, крупнейшими из которых были крахи железнодорожных магнатов фон Дервиза и Мамонтова и южнороссийского грюндера Алчевского. Узость внутреннего рынка, порожденная наличием в стране феодально-крепостнических пережитков и приведшая к тому, что спрос на изделия промышленности отставал от ее роста, обусловила бóльшую остроту и глубину кризиса в России по сравнению с другими странами. На остроте кризиса сказались также последствия чрезвычайной грюндерской горячки предшествовавшего периода. С наибольшей силой кризис ударил по металлообрабатывающей и чугуноплавильной промышленности. Выплавка чугуна сократилась за годы кризиса на 15.2%, производство рельсов на 32%, выпуск паровозов на 25%.[2] Влияние кризиса было бы еще более ощутимым, если бы не поддержка казны, предотвратившей крах ряда крупнейших банковских и промышленных

---

[1] В. И. Ленин, ПСС, т. 2, стр. 466.

[2] А. Ф. Яковлев. Экономические кризисы в России, М., 1955, стр. 269.

предприятий (в том числе банковской группы Полякова) и давшей большие заказы металлургической промышленности.

Начавшаяся в 1904 г. русско-японская война способствовала некоторому оживлению русской промышленности, значительно увеличив объем казенных заказов. Но последовавшие затем события 1905 г. отпугнули как иностранных, так и местных капиталистов от новых вложений в русскую промышленность, дезорганизовали экономику страны и вызвали новую депрессию, обусловленную прежде всего политическими причинами. Некоторое оживление наступило в 1906—1907 гг., но уже в 1908 г. очередной промышленный кризис в странах Европы захватил и Россию. Таким образом, в течение первого десятилетия XX в. экономика России находилась в угнетенном состоянии.

Нужно, однако, отметить, что электропромышленность и транспорт находились в этом отношении в особом положении. Использование электричества в промышленных целях было еще развито слабо и бóльшая часть производимой электроэнергии шла на уличное и квартирное освещение. Поэтому почти все электростанции и в годы кризиса продолжали приносить доход своим владельцам. Исключение составляли бакинские станции «Электрической силы» и «Апшеронского общества»,[3] которые как раз и занимались производством энергии для промышленных целей. Кризис в нефтедобывающей промышленности Баку привел к кризису «Электрической силы» и оказался роковым для «Апшеронского общества». В остальных случаях кризис привел к замедлению темпа прироста потребления электричества, уменьшил доходность электростанций, но не сделал их убыточными. Примерно в таком же положении находились в принципе и трамвайные предприятия, занимавшиеся пассажирскими перевозками. Трамваи Киева, Лодзи, Либавы, принадлежавшие русским и германским обществам, сохраняли в годы кризиса высокую доходность, киевский трамвай приносил даже по 16—18% дивиденда. В худшем положении оказались бельгийские трамваи, в основании которых спеку-

[3] «Апшеронское электрическое общество» существовало с 1901 по 1907 г. (а работало по 1905 г.). Весь капитал его находился в руках местных владельцев (ЦГИА, ф. 23, оп. 24, д. 772).

лятивные моменты играли большую роль. Кроме того, кризис заставил отложить создание ряда трамвайных предприятий.

С наибольшей силой кризис ударил по собственно электротехнической промышленности. Основанные специально в предвидении крупных поставок трамвайного и железнодорожного оборудования, предприятия этой отрасли благодаря кризису оказались внезапно перед лицом резкого сокращения заказов. В результате и «Сименс-Гальске», и «Шуккерт», и «Вольта» в 1901—1903 гг. понесли большие убытки. Для покрытия этих убытков «Сименс-Гальске» было вынуждено позднее произвести списание 20% основного капитала.[4] Положение изменилось с началом русско-японской войны, обеспечившей электротехнические фирмы большими заказами на военное оборудование.

Вследствие особого положения, занимаемого электроосветительной промышленностью и электрическим транспортом, приток иностранных капиталов в эти отрасли в годы кризиса и депрессии не только не уменьшился, как это произошло с общей суммой иностранных инвестиций, но даже несколько увеличился. Среднегодовое увеличение иностранных капиталов в этих отраслях, составлявшее в годы первого подъема 7.5 млн руб., в годы кризиса и депрессии равнялось 9.9 млн руб. Всего за время кризиса иностранные вложения в электростанции и трамвай выросли на 24.9 млн руб., а за период депрессии — на 74.1 млн руб., что привело к резкому возрастанию удельного веса этих отраслей в общей сумме прироста иностранных капиталов. Если в период промышленного подъема они давали всего 6.1% от общей суммы, то в период кризиса их доля выросла до 10.5%, а в 1904—1909 гг. — до 31.4%.

Собственно электротехническая промышленность полностью испытала на себе влияние кризиса и в отношении

[4] ЦГИА, ф. 23, оп. 25, д. 456, л. 99, прошение правления общества в Министерство торговли и промышленности 27.8/9.9.1907. Распределение капитала «Сименс-Гальске» на 1903 и 1909 гг. произведено соответственно на основании списков акционеров на 18.11/1.12.1902 и 21.5/3.6.1908 (ЛГИА, ф. 1249, оп. 8, д. 2, лл. 2—3 и оп. 5, д. 1, лл. 13—14). В первом случае было представлено 12 528, а во втором — 11 958 акций из общего количества в 14 000. Процентное соотношение, выведенное для представленных акций, было экстраполировано и на недостающие.

притока новых средств. За годы промышленного подъема иностранными монополиями в нее было вложено 15.15 млн руб. (или 3.1% от всех иностранных капиталов), за 1900—1903 гг. прирост иностранных инвестиций составил 9.56 млн руб. (или 4.4%). При этом основная часть новых вложений приходилась на взнос полной стоимости акций «Униона», оплаченных ранее только на 40%, и на выпуск его облигаций, а также на облигационный заем «Центральной компании в Москве». За период же 1904—1909 гг. иностранные инвестиции в электротехническую промышленность выросли всего на 4.5 млн руб. (или на 1.9% всего прироста иностранных капиталов). Такая диспропорция еще больше подчеркнула неравномерность развития в России электротехнической промышленности и предприятий, потребляющих ее продукцию, вызванную сознательным курсом иностранных монополий на превращение России в рынок сбыта своих товаров.

Политика электротехнических концернов в годы кризиса была неодинаковой. Сименс и «Сосьете женераль» воздержались от расширения и учреждения новых предприятий, а АЭГ ограничилась реорганизацией «АЭГ-Петербург» в действовавшую по русскому уставу ВКЭ. Незначительной была грюндерская деятельность и большинства других концернов. Из ранее действовавших в России групп проявил активность концерн Шуккерта, учредивший «Варшавскую компанию электричества» («Варсэлек»). Длительная конкуренция за концессию на электрическое освещение Варшавы, причинявшая столько неприятностей членам синдиката 1899 г., закончилась, наконец, в декабре 1901 г. победой аутсайдера — русского «Шуккерта». По условиям договора, заключенного им с Варшавским магистратом, «Шуккерт» получил монопольную концессию сроком на 35 лет с правом основать для ее эксплуатации особое акционерное общество.[5] Такое общество было учреждено в Париже в январе 1903 г. под названием «Варшавская компания электричества» с капиталом в 7.5 млн франков.[6] Крупнейшими акционерами новой компании явились первоначально «Р. О. Шуккерт» и член шуккертовского концерна «Континентальное об-

---

[5] ЦГИА, ф. 1288, оп. 8, 1905 г., д. 77, лл. 13—19, договор 29.12.1901/11.1. 1902.

[6] ЦГИА, ф. 23, оп. 25, д. 350, лл. 42—44, устав «Варсэлек».

щество электрических предприятий».[7] Впервые инвестировал свои средства в России концерн «Фельтем-Гильон», который в 1900 г. подчинил себе основанное двумя годами раньше петербургское общество «Кабельные заводы Рибен».[8] При этом капитал общества был увеличен с 1.5 до 2.5 млн руб. Операция была проведена с помощью Дрезденского банка, получившего 20% акций.[9] Кроме того, было превращено в акционерное общество «Товарищество Дюфлон, Дизерен, Константинович и К°», свыше 40% капитала которого принадлежало швейцарским капиталистам и французскому торговому дому «Сотте, Гарле и К°».[10] Наконец, в 1900 г. собрало капитал небольшое

---

[7] Там же, л. 61, протокол собрания акционеров 25.12.1902/7.1.1903. В дальнейшем капитал компании был к 1909 г. увеличен до 9.5 млн франков и, кроме того, выпущен облигационный займ на 10 млн франков (там же, л. 123). Основной пакет акций перешел к впучатому предприятию «Шуккерта» — «Индустриальному обществу электрической энергии» (Париж), акции на значительную сумму оказались у парижского банка «Сосьете женераль» и «Ламейера». П. В. Оль в работе «Иностранные капиталы в России» (Пгр., 1922, стр. 36) относит «Варсэлек», как и трамвай в Либаве, к французским электрическим предприятиям. На основании вышесказанного, а также приводимых Р. Лифманом (R. Liefman. Finanzierungs- und Beteiligungsgesellschaften. Jena, 1913) данных, нам кажется, что такое утверждение не соответствует действительности. Поскольку в нашем распоряжении нет полных списков акционеров обществ, мы из осторожности поделили капитал «Варсэлек» между германскими и французскими инвестициями, хотя это скорее всего является преуменьшением доли германского участия, во всяком случае для 1903 г. Облигационный капитал причислен нами к французскому по месту выпуска займа. Что касается трамвая в Либаве, то ни в имеющихся у нас документах, ни у Лифмана мы не нашли свидетельств о каком бы то ни было участии французского капитала.

[8] ЦГИА, ф. 22, оп. 4, д. 234, л. 84, прошение правления «Заводов Рибен» 31.1/13.2.1901. Мы нигде не включаем капиталы кабельных заводов в нашу таблицу, поскольку кабели производились в России не только специализированными заводами, но и медепрокатными предприятиями широкого профиля, и отделить капитал кабельного производства от остального весьма затруднительно. Не случайно и русская статистика того времени включала кабельные предприятия в общую рубрику медепрокатного производства.

[9] ЦГИА, ф. 22, оп. 4, д. 234, л. 84, список акционеров 2/15.3.1901.

[10] ЦГИА, ф. 23, оп. 25, д. 233, л. 46, список акционеров 6/19.9.1901. За отсутствием сведений за 1909 г. мы и там сохранили первоначальное распределение капитала.

харьковское товарищество «Генри Смит и К⁰», паи которого находились в то время в руках английских и германских владельцев.[11]

Три концерна — льежская группа, «Гелиос» и «Унион» развили в годы кризиса активную деятельность, рассчитывая захватить первенство в России. Капиталы «Униона» в России выросли за эти годы почти в 9 раз, а льежской группы почти втрое, в результате чего эти две группы действительно вышли было на первое место по объему инвестиций. Широкое наступление вел также и «Гелиос». Однако именно авантюристическая политика, которую эти концерны проводили как в России, так и вне ее, послужила одной из основных причин их последующего краха.

Как уже указывалось, «Центральная компания электричества в Москве» перед самым началом кризиса увеличила свой капитал для строительства большого завода и для участия в других предприятиях. В 1902 г. было учреждено «Электрическое общество юга России», к которому от «Центральной компании» перешла концессия на освещение Ростова. Почти все акции нового общества были сосредоточены в руках компании,[12] а затем переданы ею своим бельгийским хозяевам.[13] В том же 1902 г. принадлежавшее льежской группе «Общество ростовских конно-железных дорог» [14] перевело свои линии на электрическую тягу. Наконец, льежская группа, возможно,

---

[11] Там же, оп. 24, д. 684, л. 43, список пайщиков при учреждении товарищества; л. 76, протокол собрания пайщиков 10/23.12.1902. В дальнейшем в составе пайщиков произошли изменения. Для 1909 и 1914 гг. мы приняли за основание список пайщиков 3/16.4.1915 (ЦГИА, ф. 23, оп. 28, д. 2041, л. 5), поскольку значащиеся в этом списке русские капиталы появились, вероятнее всего, с момента установления над товариществом администрации, т. е. между 1903 и 1909 гг.

[12] ЦГИА, ф. 23, оп. 25, д. 289, л. 5, устав общества, 1902 г.

[13] Там же, л. 96, протокол чрезвычайного собрания акционеров 1/17.9.1902.

[14] До перевода ростовской конки на электрическую тягу в состав акционеров ее входили «Взаимная компания трамваев» (ЦГИА, ф. 22, оп. 4, д. 13, л. 166) и, судя по составу правления, «Франко-Бельгийский трест трамваев и электричества» (там же, л. 129). Но после реконструкции акционерный капитал общества был списан, и общество действовало с облигационным капиталом. Практически все облигации его принадлежали Льежскому банку (там же, л. 154).

принимала участие в учреждении «Общества владикавказских электрических трамваев и освещения».[15] Все эти операции требовали больших средств, которыми группа не располагала. Построенный завод вместо ожидавшихся доходов обременил своих владельцев убытками из-за отсутствия заказов. В результате осуществлявшее руководство электрическими предприятиями группы «Международное общество электрических предприятий и их эксплоатации» приступило к ликвидации своих дел,[16] а «Центральная компания» вынуждена была продать завод, сохранив за собой лишь концессии на освещение Екатеринослава и Екатеринбурга. Продажа была осуществлена в 1906 г. (обществу «Вестингауз», о чем еще будет идти речь) и после нее «Центральная компания», превратившаяся в чисто осветительное предприятие, подвела итоги своей деятельности. Она была вынуждена списать на покрытие убытков весь свой капитал в 10 млн франков, а для расчета с кредиторами выпустить новые акции на такую же сумму.[17]

Вслед за получением концессии на строительство электростанции в Петербурге «Гелиос» приступил к захвату трамвайных предприятий. С этой целью он купил акции «Союза трамваев» у Зингера, первой жертвы кризиса

---

[15] Сведения о владикавказском трамвае, которыми мы располагаем, очень скудны и недостаточно ясны. Из них вытекает в качестве неоспоримого вывода только, что оно принадлежало бельгийско-французским группам. Но вот какой именно из групп, сказать трудно. При учреждении общества в нем участвовали в незначительном размере представители льежской группы и «Французского общества электрических трамваев и железных дорог» (т. е. Ампена). Основной же капитал значился за обществом «Соединенные трамваи» (по транскрипции источника «Les tramways reunis» — ЦГИА, ф. 23, оп. 24, д. 776, л. 21). Такого общества нам разыскать не удалось. Существовали «Общество соединенных железных дорог» (тоже Ампен) и «Союз трамваев» («Union des tramways»). Есть доводы в пользу обоих из этих обществ. В период мировой войны главными акционерами общества были представители бельгийского же банкирского дома Касселя (ЦГИА, ф. 23, оп. 28, д. 187, лл. 3—4).

[16] Как можно увидеть из списков акционеров «Электрического общества юга России», это произошло между 1902 и 1906 гг. (ЦГИА, ф. 23, оп. 25, д. 289, лл. 96 и 112).

[17] ЦГИА, ф. 23, оп. 24, д. 26, л. 125, протокол собрания акционеров 30.5/11.6.1906. В связи с превращением общества из электротехнического в электроэнергетическое его капитал начиная с 1909 г. учитывается нами в соответствующей рубрике таблицы.

среди электротехнических концернов.[18] В руках «Гелиоса» оказались, таким образом, трамваи Витебска и Орла. «Гелиос» приступил также к переоборудованию линий принадлежавшего тому же «Союзу трамваев» «Общества тифлисских конно-железных дорог», а это последнее выступило учредителем «Общества электрического фуникулера в Тифлисе».[19] «Гелиос» взял также концессию на электрическое освещение в Таганроге, но затем вынужден был отказаться от нее.[20] Руководители «Гелиоса» переоценили свои возможности, им пришлось в поисках спасения пойти на широкую распродажу предприятий концерна. Владевшее акциями его электроосветительных обществ (в том числе и петербурского) кельнское «Общество электрических сооружений» в 1903 г. было приобретено Сименсом,[21] а «Союз трамваев» в 1904 г. вновь перешел в бельгийские руки.[22] Какая именно группа приобрела его, сказать трудно, но скорее всего это сделал «Франко-Бельгийский трест» Э. Дени, уже ранее участвовавший в делах «Союза».[23]

Не пережил кризиса и «Унион». Сразу же после своего образования «Р. О. Унион» развило бурную грюндерскую деятельность. В 1899 г. была начата постройка большого завода в Риге. В том же году «Унион» заключил договор о строительстве центральной электростанции в Киеве, получив монополию сроком на 40 лет при условии, что уже действовавшая небольшая станция Товарищества «Савицкий и Страус» прекратит свою работу.[24]

---

[18] Dr. Riesser. Die deutschen Großbanken und ihre Konzentration im Zusammenhang mit Entwicklung der Gesamtwirtschaft in Deutschland. Jena, 1912. S. 582.

[19] ЦГИА, ф. 22, оп. 2, д. 2689, л. 97, список акционеров 8/21,7.1903.

[20] Торгово-промышленная газета, 16.2/1.3.1902, № 39.

[21] R. Liefmann, op. cit., S. 360.

[22] Dr. Riesser, op. cit., SS. 582—584. В связи с этим мы в подсчетах за 1903 г. учли акционерные капиталы обществ, принадлежавших «Союзу трамваев» (Орел, Витебск и тифлисский фуникулер), как германские, а в 1909 г. как бельгийские. Капитал тифлисского трамвая в 1903 г. вообще не учтен, так как его перевод на электрическую тягу осуществлен в 1904 г.

[23] См., например: ЦГИА, ф. 23, оп. 24, д. 56, л. 28, список акционеров «Общества тифлисских конно-железных дорог» 30.10/11.11.1902.

[24] ЦГИА, ф. 1288, оп. 9, 1914 г., д. 96, лл. 5—6, договор Киевского городского управления с «Киевским электрическим обществом».

Для выполнения этого условия «Унион» с помощью Международного банка и Бродских скупил почти все паи товарищества и провел затем решение о его ликвидации.[25] Вслед за тем директор-распорядитель «Униона» А. К. Арнд учредил с капиталом в 4 млн руб. «Киевское электрическое общество», акции которого остались в портфеле «Униона». Не успев еще построить киевскую станцию, «Р.О. Унион» заключило в 1900 г. договор со Смоленской управой, выговорив себе право на монопольное устройство электрического освещения и трамвая. Эксплуатация намеченных предприятий была передана специально для того основанному «Смоленскому электрическому обществу».[26] В 1902 г. «Унион» произвел реконструкцию линий принадлежавшего Е. Дюпону «Общества рижских конножелезных дорог», переведя их на электрическую тягу. При этом акции общества в результате произведенной одновременно его финансовой реорганизации перешли к германскому «Униону».[27] «Р. О. Унион» построило, кроме того, центральную станцию в Радоме и блок-станции в Риге и Тифлисе.[28] Подобное широкое учредительство и в нормальных условиях требовало больше средств, чем было в распоряжении «Р. О. Унион». Между тем эко-

---

[25] ЦГИА, ф. 23, оп. 24, д. 469, л. 78, протокол собрания акционеров «Униона» 19/25.9.1900; ф. 22, оп. 4, д. 25, л. 109, протокол собрания пайщиков «Савицкий и Страус» 16/29.8.1902.

[26] ЛГИА, ф. 54, оп. 1, д. 12, лл. 1—2, доклад учредителей первому собранию акционеров.

[27] Полных сведений о распределении капитала «Рижских трамваев» у нас нет. В 1900 г. во время реконструкции оплаченный капитал общества составлял 520 тыс. руб. По сведениям Министерства торговли и промышленности, «Общество электрических предприятий» (в то время — группа «Униона») купило в 1899 г. акции «Рижских трамваев» (ЦГИА, ф. 23, оп. 28, д. 538, л. 57). Это могло относиться, очевидно, только к старым акциям, ибо новые еще не были выпущены. Оно же приобрело и новые акции, которые были выпущены на сумму в 2.6 млн руб. В дальнейшем часть акций перешла к бельгийским филиалам АЭГ. В 1911 г. был произведен обмен акций «Рижских трамваев». В справке об этом обмене, поданной уже во время войны (там же, д. 1760, лл. 110—111), ничего не говорится о наличии в обществе до 1911 г. русских акционеров. Поэтому весь капитал его в 1903 и 1909 гг. сосчитан нами как германский. По данным на 16/29.4.1914 русские капиталисты представили акций на 200 000 руб. (там же, л. 4).

[28] ЛГИА, ф. 1250, оп. 1, д. 6, л. 26, доклад правления собранию акционеров 31.5/13.6.1903.

номический кризис сорвал расчеты его руководителей на получение больших заказов и сразу поставил общество перед угрозой финансового краха. Уже в 1901 г. правление «Р. О. Унион» призналось в убытке в 710 000 руб., а в 1902 г. официально признанные убытки превысили 2 275 000 руб.[29] К тому же учрежденные «Унионом» общества не оправдали возлагавшихся на них надежд. Единственным доходным предприятием оказалось «Киевское общество», но в 1902 г. в поисках свободных средств «Р. О. Унион» было вынуждено продать его акции «дружественной фирме»[30] (подразумевалось «Общество электрических предприятий» — «Гезфюрэль», Берлин). В декабре 1902 г. «Унион» занял у Международного банка 500 000 руб. под залог всех акций «Смоленского общества».[31] До 1913 г. эти акции числились за ликвидационной комиссией «Униона», но все время находились в депо банка. Всего к концу 1902 г. на «Р. О. Унион» числилось 5 628 000 руб. долга, не считая облигационного (еще 2.5 млн руб.).[32] Положение «Р. О. Унион» было до крайности осложнено тем, что ему нельзя было рассчитывать на помощь своего германского патрона, рухнувшего под ударами кризиса.

Концентрация и централизация капитала в электропромышленности

Экономический кризис 1900—1903 гг. явился переломным моментом, знаменовавшим и в России переход к монополистической стадии развития капитализма. Уже в 90-е годы XIX в. наряду с общим значительным ростом производства в русской промышленности шел быстрый процесс его концентрации. За это десятилетие при росте

---

[29] Там же, д. 7, л. 25, доклад правления собрания акционеров 31.5/13.6.1904.

[30] Там же, д. 6, л. 26, доклад правления собранию акционеров 31.5/13.6.1903.

[31] ЛГИА, ф. 54, оп. 1, д. 2, л. 139, заемное письмо «Р. О. Унион». Поскольку до 1913 г. акции общества значились за ликвидационной комиссией «Униона», мы относили его капитал к германскому. В 1914 г. мы отнесли его к русскому, ибо акции общества остались у Международного банка.

[32] ЛГИА, ф. 1250, оп. 1, д. 6, л. 28, баланс «Р. О. Унион» на 1/14.1.1903.

числа заводов и фабрик на 18% число рабочих на них увеличилось более чем в 1.5 раза, а стоимость произведенной продукции — в 2 раза. Наибольшая степень концентрации была характерна для ведущих отраслей промышленности: металлургической, каменноугольной и нефтяной. Значительно возросла централизация капиталов в промышленности, средний размер капитала вновь учреждаемых акционерных обществ вырос с 1894 по 1899 г. на 35%. В годы кризиса и последовавшей за ним депрессии процесс концентрации производства резко усиливается и ведет в свою очередь к образованию монополий.

Глубокие структурные изменения произошли в годы кризиса и депрессии в электропромышленности и электрическом транспорте России. При этом, вследствие того что электроиндустрия в России начала развиваться позже, чем в других странах, и с самого начала оказалась почти полностью в руках иностранных фирм, в ней почти не было предприятий-аутсайдеров, и процесс монополистического сращивания предприятий выявлялся с особой очевидностью.

Характеризуя развитие электротехнической промышленности, В. И. Ленин подчеркивал, что «в Германии на рост концентрации в этой отрасли особо сильное влияние оказал кризис 1900 года. Банки, к тому времени достаточно уже сросшиеся с промышленностью, в высшей степени ускорили и углубили во время этого кризиса гибель сравнительно мелких предприятий, их поглощение крупными».[33] Поскольку германские концерны занимали господствующие позиции в электротехнической промышленности России, концентрация в Германии с неизбежностью распространялась и на Россию. Аналогичным образом обстояло дело и с бельгийскими предприятиями.

К концу 1899 г. в России действовало 7 германских концернов («Сименс-Гальске», АЭГ, «Унион», «Шуккерт», «Гелиос», «Зингер» и «Ламейер») и три бельгийских (группа «Сосьете женераль», группа льежских банков и концерн Ампена). Кроме того, французские капиталы участвовали в «Электрической силе» и отчасти в других обществах. Крупнейшими были концерн Сименса, владевший «Р. О. Сименс-Гальске», «Обществом 1886 г.» и «Обществом городских и подъездных путей» и участвовав-

[33] В. И. Ленин, ПСС, т. 27, стр. 365.

ший в «Тюдоре» и «Электрической силе», и группа «Сосьете женераль», которой принадлежали «Бельгийское общество освещения Петербурга», «Русское общество эксплуатации электрической энергии», «Газ и электричество Казани» и «Курский трамвай». Далее шли — «Гелиос» (станция в Петербурге), группа льежских банков («Центральная компания электричества»), концерны Шуккерта («Р. О. Шуккерт», трамвай в Либаве), «Унион» и лишь затем АЭГ, владевшая обществом «АЭГ-Петербург» и участвовавшая в «Тюдоре» и «Электрической силе». Уже в годы кризиса, как отмечалось, началось проникновение в Россию восьмого германского концерна «Фельтен-Гильом». Но первые же годы нового века резко сократили число группировок, хозяйничавших в русской электроиндустрии.

Поражением «Униона» воспользовалась АЭГ. Уже в 1902 г. между обоими концернами было заключено соглашение о создании «Интересссен-Гемайншафт», в котором АЭГ располагала бóльшим влиянием. В 1903 г. АЭГ заключила соглашение с американской компанией «Дженерал электрик» о разделе сфер влияния. По этому соглашению АЭГ получила в свое распоряжение рынки Германии, Австрии, России, Голландии, Швейцарии, скандинавских и балканских государств. В остальных европейских странах АЭГ должна была заключить особые договоры с входившими в концерн «Дженерал электрик» обществами «Томсон-Хоустон». Последние были связаны с «Унионом», и, договорившись с ними, АЭГ получила возможность поглотить «Унион». Слияние обеих компаний в Германии последовало в 1904 г.,[34] а вслед за тем и в России ВКЭ поглотила «Р. О. Унион».[35] Для осуществления операции капитал ВКЭ был увеличен с 1 до 7 млн руб.[36] С захватом рижского завода «Униона» ВКЭ

[34] В. А. Киселев. Электропромышленность в ее прошлом и настоящем. М., 1915, стр. 275—276.

[35] ЦГИА, ф. 23, оп. 25, д. 505, л. 75, протокол собрания акционеров ВКЭ 22.12.1904/4.1.1905.

[36] Первоначальный капитал ВКЭ целиком находился в германских руках. К 1914 г. некоторая часть акций принадлежала русским владельцам. Данных за 1909 г. у нас нет, но очевидно, что русские акционеры «Униона» при слиянии его с ВКЭ могли (и должны были) получить часть нового выпуска ее акций, поэтому мы учли на 1909 г. русские капиталы, взяв за основу процентное соотношение 1914 г.

получила собственное предприятие в России и стала основным конкурентом «Сименс-Гальске». В руках концерна АЭГ оказались и другие предприятия «Униона» в России — рижский трамвай и киевская электростанция, большое влияние сохранял концерн и на «Смоленское общество», председателем правления которого стал директор трамвайного отдела ВКЭ Я. Самойлович.

Серьезные изменения произошли и в положении «Сименс-Гальске». Первоначально, стремясь предотвратить крах «Униона», германские банки планировали слить его с концерном «Шуккерт». План этот лопнул из-за сопротивления «Шуккерта», и банки за это прекратили финансовую поддержку последнего. Оказавшись без средств, «Шуккерт» был вынужден подчиниться и принять новую комбинацию, разработанную банками. В 1903 г. в противовес слиянию АЭГ и «Униона» банки, не желавшие одностороннего усиления этой группы, произвели объединение «Сименс-Гальске» и «Шуккерта».[37] Вслед за тем и русские предприятия концернов заключили договор, обеспечивший с 1/14.1.1904 их постоянное сотрудничество.[38] Полного слияния обществ не произошло, поскольку «Р. О. Шуккерт» находилось в стесненном экономическом положении, а «Р. О. Сименс-Гальске» не хотело принимать на себя его обязательств.[39] В сферу влияния «Сименс-Гальске» вошли шуккертовские предприятия в Варшаве и Либаве. Кроме того, как уже указывалось, концерн Сименса в 1903 г. захватил принадлежавшее «Гелиосу» кельнское «Общество электрических сооружений» и проник тем самым в одноименное общество в Петербурге.

В 1904 г. сгорел кабельный завод «Фельтен-Гильом (заводы Рибен)». Хотя страховые компании возместили его стоимость, у общества не было оборотных средств, поглощенных убытками 1901—1903 гг., и собрание акционеров 20.9/3.10.1905 г. решило ликвидировать общество.[40] Вместо него в 1906 г. было учреждено общество «Соеди-

---

[37] В. А. Киселев, ук. соч., стр. 283.

[38] ЛГИА, ф. 1249, оп. 3, д. 9, л. 3, отчет правления «Сименс-Гальске» за 1902/03 г.

[39] Ф. Зумпф. Монополистические организации электропромышленности России. Дипломная работа, МГУ, 1957, стр. 86.

[40] ЦГИА, ф. 22, оп. 4, д. 234, лл. 164 и 166, протоколы собраний акционеров 2/15.8 и 20.9/3.10.1905.

ненные кабельные заводы», которое приобрело имущество «Фельтен-Гильом» и кабельный завод «Р. О. Сименс-Гальске». Капитал «Соединенных кабельных заводов», составлявший первоначально 4.8 млн руб., поделили поровну «Р. О. Сименс-Гальске», ВКЭ и «Фельтен-Гильом».[41]

Таким образом, вместо 8 германских концернов, действовавших в России в годы первого промышленного подъема и кризиса, в результате осуществленных слияний осталось всего три концерна, из которых один — «Фельтен-Гильом-Ламейер» — (образовавшийся в результате слияния «Фельтен-Гильом» и «Ламейера») ограничивался эксплуатацией киево-святошинского трамвая и участием в «Соединенных кабельных заводах». Вся остальная сумма германских капиталовложений приходилась на группы АЭГ и Сименса, боровшихся за господство на русском рынке.[42]

В 1906 г. у них появился новый соперник. Купив у «Центральной компании в Москве» ее завод, Дж. Вестингауз образовал для его эксплуатации специальное «Р. Э. О. Вестингауз» с капиталом в 20 млн франков (и 14 млн франков облигационного займа).[43] Общество было учреждено французским дочерним предприятием Вестингауза при участии парижского «Сосьете женераль», и в нем слились американские, французские и бельгийские капиталы (последние были представлены льежской группой, получившей, очевидно в уплату за завод, часть акций нового общества).[44] Кроме того, было

---

[41] ЦГИА, ф. 23, оп. 12, д. 94, л. 43, прошение учредителей; л. 47, список акционеров 27.6/10.7.1906.

[42] В обществе «Тюдор» для 1903 г. нами оставлено прежнее распределение капитала. В 1909 г. весь капитал, увеличенный к тому времени до 1.2 млн руб., подсчитан нами как германский. Мы исходили при этом из следующего: 1) при выпуске новых акций в конце 1903 г. все они были приняты берлинским обществом «Тюдор» (ЛГИА, ф. 1368, оп. 1, д. 187, л. 141); 2) начиная с 1906 г. в имеющихся (неполных) списках акционеров нет русских подданных.

[43] ЦГИА, ф. 23, оп. 12, д. 116, л. 4, прошение поверенного «Р. Э. О. Вестингауз» в Министерство торговли и промышленности 11/24.8.1906.

[44] Из 80 000 акций «Р. Э. О. Вестингауз» 44 000 было передано Вестингаузу, 8000 «Центральной компании в Москве» и 28 000 поступило в продажу. Поскольку видное участие в обществе принимали французские банки, мы сочли вероятным, что именно они и купили эти акции. Поэтому в качестве бельгийского уча-

учреждено небольшое «Общество Л. М. Эриксон», действовавшее на шведские капиталы.[45]

Русские электротехнические предприятия не могли противостоять натиску иностранных монополий. Обремененные убытками, понесенными в годы кризиса, «Вольта» и «Товарищество М. М. Подобедова» вынуждены были свертывать производство и списать на покрытие потерь часть акционерного капитала, а «Общество электромеханического завода, бывш. Вейхельт» вообще прекратило существование.[46] Вновь основаны были только два предприятия: «Русское общество беспроволочного телеграфа и телефонов, бывш. Айзенштейна (Робтит)» (о его интересной истории будет подробнее рассказано в главе III) и небольшое «А. О. Варшавской фабрики электроламп».[47]

Борьба за влияние на электроосветительные предприятия России

Если для электротехнической промышленности в годы кризиса и депрессии характерно вторжение американо-французских и консолидация германских капиталов при вытеснении бельгийских предпринимателей, то в области электрического освещения главную роль играют германские и бельгийские группы, тогда как французские банки сокращают свое влияние.

За первое десятилетие XX в. «Общество 1886 г.» выросло в крупнейшее предприятие электроэнергетической промышленности России с капиталом в 24 млн руб.

Внутри финансовой группировки, осуществлявшей руководство «Обществом 1886 г.», происходило постепенное перемещение центра тяжести к Немецкому банку. Уже на

стия мы выделили 10% акционерного капитала «Р. Э. О. Вестингауз», в качестве американского — 55% и в качестве французского — 35%. Весь облигационный капитал подсчитан нами как французский по месту выпуска займа.

[45] В имеющихся у нас списках «Р. О. Эриксон» за 1905 и 1912 гг. все акции записаны за шведскими подданными (ЦГИА, ф. 23, оп. 24, д. 447, лл. 41 и 101).

[46] Сведения о капитале этих трех обществ взяты из «Вестника финансов».

[47] ЦГИА, ф. 23, оп. 12, д. 165, л. 2, прошение учредителей; л. 42, список акционеров общества.

собрании акционеров 31.5/13.6.1904 банк представил самый крупный пакет акций и затем сохранял его во все последующие годы. Выпуск акций в 1903 г. осуществлялся под руководством Немецкого банка.[48] В 1905 г. банк завоевал еще одну позицию. До этого времени текущий счет «Общества 1886 г.» в Германии был открыт в банке «Варшауэр и К°». В 1905 г. банкирский дом Варшауэра слился с Банком для торговли и промышленности. Сочтя момент этой реорганизации удобным для себя, Немецкий банк настоял на переводе к нему текущего счета «Общества 1886 г.», сосредоточив таким образом у себя все денежные дела общества в Германии.[49] В 1908 г., когда «Обществу 1886 г.» понадобился новый заем, синдикатом по осуществлению его уже официально руководил Немецкий банк.[50] В соответствии с возрастающей ролью банка в правление общества был введен его директор Э. Гейнеман,[51] фактически осуществлявший руководство делами общества, и общество ежемесячно высылало банку сведения о результатах своей деятельности. Весной 1909 г. было создано особое бюро из членов правления «Общества 1886 г.», проживавших в Берлине, которое осуществляло руководство важнейшими сторонами финансовой деятельности общества,[52] превратив петербургское правление в ширму. Решающую роль в бюро играли представители Немецкого банка и «Сименс-Гальске».

По инициативе Немецкого банка «Общество 1886 г.», распространившее к тому времени свои кабельные сети на всю Москву и значительную часть Петербурга, занялось также электрическим освещением в Лодзи. Концессия на устройство освещения была получена «Сименс-

---

[48] ЛГИА, ф. 1243, оп. 1, д. 586, л. 46, директор-распорядитель общества Г. Брюпиг — в правление «Сименс-Гальске» 13/26.5.1904.

[49] Там же, д. 659, л. 44, «Р. Варшауэр и К°» — «Обществу 1886 г.» 3/16.5.1905; л. 46, Немецкий банк — «Обществу 1886 г.» 21.5/3.6.1905; л. 48, «Общество 1886 г.» — «Р. Варшауэр и К°» 24.5/6.6.1905.

[50] Там же, д. 828, л. 106, договор между «Обществом 1886 г.» и Немецким банком.

[51] Там же, д. 768, л. 118, протокол собрания акционеров 12/25.5.1906. Тогда же вошел в правление А. А. Давидов от Международного банка, распространявшего акции общества в России.

[52] Там же, д. 1038, лл. 92—93, протокол предварительного совещания членов правления в Берлине 13/26.3.1909.

Гальске» еще в 1900 г., но осуществление ее было отложено до более благоприятного времени. В 1906 г. для строительства станции в Лодзи был создан во главе с Немецким банком синдикат, к участию в котором было привлечено и «Общество 1886 г.». Точных сведений о составе синдиката в нашем распоряжении нет, но можно предполагать, что в него вошли те же организации, что и в синдикат по финансированию «Общества 1886 г.» в 1908 г. (т. е. Немецкий банк, Среднегерманский кредитный банк, банкирский дом Я. Штерна, «Индэлек», «Элункала» и связанные с Германией банки — Базельский и «Дрейфус и К°»), так как это финансирование осуществлялось главным образом в связи с лодзинским строительством. Первоначально предполагалось создание специального общества с германским уставом для эксплуатации лодзинской станции, но в 1908 г. было решено передать ее «Обществу 1886 г.», которое купило станцию у синдиката за 4.2 млн руб., что на 400 000 руб. превышало действительную стоимость сооружения.[53] Акции нового выпуска (3 млн руб.), предназначенного на покрытие расходов, связанных с приобретением станции, принял тот же банковский синдикат.[54]

---

[53] Там же, д. 902, л. 5, отчет за 22-й операционный год.

[54] Там же, д. 1050, л. 62, договор между «Обществом 1886 г.» и Немецким банком. Распределение капитала «Общества 1886 г.» представляет большие трудности. Для 1903 г. мы прибегли к тому же способу, что и для 1899 г., подсчитав распределение именных акций, а все предъявительские отнеся к германским. В результате мы получили 290 000 руб. русского капитала, 5 580 000 руб. германского и 130 000 руб. прочего (Ч. Торнтон) — см. ЛГИА, ф. 1243, оп. 1, д. 506, л. 81. В подтверждение наших предположений о том, что все предъявительские акции выпуска 1896 г. находились вне России, можно привести следующее. В 1906 г. был произведен обмен акций 1—3-го выпусков. При этом для обмена в России было отведено 1200 акций на 600 000 руб. (там же, д. 1905, л. 81). Вычтя из них наши цифры, мы получим остаток, целиком уходящий на обмен «директорских» акций.

В 1903 г. 18 000 акций нового выпуска разошлись следующим образом: 8769 акций было куплено старыми акционерами, из них 1500 — «Сименс-Гальске», 2352 — другими германскими владельцами, 2580 — швейцарскими (причем, неясно, сколько из них подлинно швейцарских, а сколько германских), 2357 акций было продано в России. Остальные акции принял на себя синдикат, целиком состоявший из германских банков. При этом Брюниг писал «Сименс-Гальске» в Берлин, что Международный банк

Значительно усилились позиции Немецкого банка и германских электротехнических концернов в бакинской «Электрической силе», где им удалось потеснить Петербургский международный банк и Ротшильдов. Кризис больно ударил по «Электрической силе», главными абонентами которой были бакинские нефтепромышленные предприятия, надолго выведенные из строя в 1900—

имеет в виду передать берлинскому «Сименс-Гальске», видимо сверх его подписки в Берлине, т. е. из русской доли, еще 1129 акций. Последняя, таким образом, сокращается до 604 000 руб. в новом выпуске и до 290 000 руб. в предыдущих.

В 1908—1910 гг. последовательно были осуществлены три выпуска акций в 3, 6 и 6 млн руб., распределение которых нам неизвестно. Имеется, однако, договор между консорциумом, строившим станцию Лодзи, и консорциумом для переема акций, выпущенных в связи с этим (3 млн руб.). Оба состояли из тех же германских и швейцарских банков, которые уже владели акциями «Общества 1886 г.». Поэтому выпуск 1908 г., в котором мы не предполагаем русского участия, мы поделили пропорционально долям германских и швейцарских банков в выпуске 1903 г., а выпуск 1909 г. пропорционально всему прежнему капиталу. Тогда мы для капитала «Общества 1886 г.» на 1909 г. получаем следующее распределение: «русский» капитал 1 195 000 руб., германский 20 110 000 руб., прочий 2 695 000 руб. (из них 2565 000 руб. — швейцарский и 130 000 руб. — Ч. Торнтон).

В 1912 г. из нового выпуска в 10 млн руб. пришлось на Германию 5247 000 руб., на Швейцарию 4160 000 руб. (в эту цифру, возможно, входят «Электробанк» и «Индэлек»), на Россию 466 000 руб. (там же, д. 1331, лл. 172—173). Попытки экстраполяции русского участия в 1909 г. на выпуски 1909—1910 гг. и русской подписки 1912 г. на все предыдущее участие дают сходные цифры (в первом случае 1 490 000, а во втором 1 400 000 руб.), что, как нам кажется, дает нам право взять их за исходные. Довольно близко подходят к этому и цифры, полученные путем еще одной экстраполяции. По данным швейцарского посланника Одье, в выпуске 1914 г. русское участие составило 576 500 руб. (ЦГИА, ф. 23, оп. 28, д. 2542, л. 13). При предположении, что подписка была пропорциональна предыдущему участию, мы получаем для момента перед выпуском 1912 г. цифру в 1 730 000 руб. Взяв среднюю из этих трех цифр (1 490 000 руб.) и прибавив к ней выпуски 1912 и 1914 гг., мы получаем «русское» участие в размере 2 530 000 руб. Для швейцарского участия экстраполяции различных исходных цифр приводят к резко различающимся результатам, ибо участие швейцарских банков в «Обществе 1886 г.» постепенно возрастало. Поэтому мы вынуждены были взять бо́льшую из имеющихся у нас цифр и принять для швейцарского участия округленно 11 700 000 руб., хотя мы и предполагаем, что эта цифра будет выше истинной.

1906 гг. Финансовые затруднения привели к конфликтам внутри общества. Нуждаясь в средствах, «Электрическая сила» просила о разрешении на выпуск новых акций, но не смогла реализовать его из-за неблагоприятного положения на денежном рынке. В связи с этим правление решило кредитоваться у Международного банка и быстро довело свою задолженность банку до 4 млн руб.[55]

Уплачивая ежегодно около 300 000 руб. процентов, «Электрическая сила» не только не имела средств на дивиденды, но и не могла выйти из задолженности без резкого увеличения доходности предприятия, что в свою очередь требовало новых средств. Международный банк, очевидно, или не располагал такими средствами, или не рискнул вкладывать их в дело, уже поглотившее многие миллионы. Этим воспользовался Немецкий банк, который разработал план финансовой реорганизации общества. План предусматривал списание на покрытие части убытков 1.2 млн руб. из капитала общества, одновременное увеличение капитала на 1 225 000 руб. путем выпуска новых акций и предоставление «Электрической силе» нового кредита в 4 млн руб. Новые акции размещались консорциумом во главе с Немецким банком. Оба долга

Теперь необходимо вернуться к так называемому «русскому» участию. В 1914 г. у дочерей К. Сименса — Ш. Буксгевден и М. Гревениц было по 1 430 акций «Общества 1886 г.» (ЦГИА, ф. 1102, оп. 1, д. 7, л. 5). Акции эти числились за дочерьми Сименса, русскими подданными, но в действительности принадлежали германскому управлению имуществом Сименса (см. главу IV). В подписке 1914 г. на долю Буксгевден и Гревениц пропорционально их прежнему участию пришлось 357 000 руб. (ЦГИА, ф. 1102, оп. 1, д. 7, л. 5). Таким образом, для 1914 г. русское участие сразу сокращается до 740 000 руб. Такую же операцию нужно произвести для 1909 г., где на долю дочерей Сименса приходится при пропорциональном пересчете 845 000 руб. и на русское участие падает до 350 000 руб. Русское участие на собраниях никогда, даже во время войны, и близко не подходило к полученным нами цифрам, поэтому вполне возможно, что и в них содержится скрытое германское участие, но установить этого мы не в состоянии. Окончательные итоги наших исчислений выглядят следующим образом: для 1909 г. русское участие — 350 000 руб., германское — 20 955 000 руб. и прочее — 2 695 000 руб.; для 1914 г. русское участие — 740 000 руб., германское — 37 560 000 руб. и прочее (швейцарское) — 11 700 000 руб. Эти итоги расходятся с данными Оля, который пришел соответственно к цифрам в 2, 32 и 16 млн руб.

[55] ЦГИА, ф. 23, оп. 24, д. 608, л. 108, протокол чрезвычайного собрания акционеров 8/20.12.1904.

(Международному и Немецкому банкам) рассрочивались погашением до 1921 г., но долг Немецкому банку при этом признавался первоочередным. Наконец, Немецкий банк требовал создания нового правления общества, в котором консорциуму было бы обеспечено большинство.[56] «Электрическая сила» подчинилась требованию банка, и на собрании 4/17.3.1905 в правление общества были избраны директор Немецкого банка А. Гвиннер, представители АЭГ Вальтер Ратенау, Г. Бекер и А. Арнд и представитель Сименса Г. Брюниг.[57] В дальнейшем в правление вошли также директор Немецкого банка Э. Гейнеман, представители АЭГ К. Цандер, Ю. Фрей и Э. Пригер и представитель Сименса Ю. Брейль. В консорциум, владевший акциями «Электрической силы», вошло также в небольшой доле «Общество 1886 г.».[58] Хотя представители Международного банка и Ротшильдов (А. Давидов, Е. Шайкевич, А. Фейгль, Ж. Арон) остались в правлении, они находились в меньшинстве и не могли определять политику общества. Показательно в этом отношении, что Ротшильды долгие годы вообще не представляли своих акций на ежегодных собраниях. Насколько можно судить по составу правления, АЭГ проявила в проведенной операции значительно большую активность, чем «Сименс-Гальске».

Кроме того что АЭГ участвовала в «Электрической силе», она через свое финансирующее общество «Общество электрических предприятий» («Гезфюрэль»), доставшееся ей в наследство от «Униона», учредила в 1908 г. «Радомское электрическое общество» на основе станции, построенной «Унионом» еще в 1900 г.[59] В 1909 г. «Гез-

---

[56] ЛГИА, ф. 1243, оп. 1, д. 737, лл. 1—6, проспект Немецкого банка 15/28.2.1905. Капитал «Электрической силы» распределен нами в таблице за 1903 г. пропорционально данным за 1899 г., поскольку каких-либо изменений в составе акционеров за это время не произошло. Для исчисления участия в «Электрической силе» за 1909 г. нами распределен в прежней пропорции капитал в 2.8 млн руб. (стоимость старых акций после списания части капитала), а весь новый выпуск, осуществленный Немецким банком, включен в графу германских капиталов.

[57] ЦГИА, ф. 23, оп. 24, д. 608, л. 109, протокол собрания акционеров 4/17.3.1905.

[58] ЛГИА, ф. 1243, оп. 1, д. 768, л. 95, отчет за 19-й операционный год.

[59] Все акции общества в это время находились у ликвидационной комиссии «Униона» (ЦГИА, ф. 23, оп. 12, д. 304, л. 99).

фюрэль», получив разрешение на деятельность в России, начало переговоры о строительстве электростанции в Двинске.[60]

Большую активность проявила группа «Сосьете женераль». Эта активность была направлена главным образом на усиление ее позиций в Петербурге, о чем будет сказано в дальнейшем.

И раньше незначительная, доля русских капиталов в электроосветительной промышленности еще более сократилась за 1900—1909 гг. в результате краха «Апшеронского общества», ликвидации товарищества «Савицкий и Страус» и перегруппировки в «Электрической силе». К 1909 г. русские предприниматели владели только двумя вновь возникшими маленькими предприятиями: «Обществом Згержского электрического завода» и «Обществом электрической энергии в Хабаровске».[61]

За годы кризиса и депрессии, таким образом, район приложения капиталов к производству электроэнергии, ранее ограниченный Петербургом, Москвой и Баку, несколько расширился, главным образом за счет западных губерний России, но по-прежнему около $^2/_3$ всех средств в этой отрасли приходилось на три петербургских предприятия.

Создание петербургского осветительного картеля. Борьба за наследство «Гелиоса»

Расчеты Петербургской управы, разрешившей построить в городе три электростанции, чтобы избежать таким путем монополии, оправдались ненадолго. Еще до

[60] Для деятельности в России с 1907 г. был выделен капитал в 100 000 руб., увеличенный в 1913 г. до 700 000 руб. (ЦГИА, ф. 23, оп. 12, д. 238).

[61] В. С. Зив в книге «Иностранные капиталы в русских акционерных предприятиях» (Вып. I. Германские капиталы. Пгр., 1915, стр. 17) отнес «Хабаровское общество» к германским, не приведя каких-либо тому доказательств. Общество действительно строило свою станцию с помощью ВКЭ и было должно ей значительную сумму за оборудование. Однако этот долг, к тому же выплаченный к 1911 г. (ЦГИА, ф. 1284, оп. 190, д. 211, ч. I, лл. 381—382), не дает, как нам кажется, оснований включать общество в группу ВКЭ. Акционерам общества являлись местные капиталисты. Из 400 акций общества лишь 25 находились в руках германской торговой фирмы «Кунст и Альберс».

ввода в действие новых станций начались переговоры между «Обществом 1886 г.» и «Гелиосом» об устранении конкуренции. На конференции в Ганновере 26.6/8.7.1898 была достигнута временная договоренность о том, что обе электростанции будут отпускать потребителям электроэнергию по высшей договорной ставке, не делая каких-либо скидок.[62] Видимо, затем было достигнуто соглашение и по другим вопросам, о чем Сименс сообщал в правление общества в конце июля, но правление сочло условия невыгодными для себя.[63] В октябре 1898 г. в Берлине состоялись уже переговоры трех петербургских фирм,[64] также не давшие результата.

Начавшийся экономический кризис, вообще резко ускоривший процесс образования монополистических объединений в русской промышленности, оказал свое воздействие и на ход переговоров осветительных фирм, которые 5.4.1901 (стиль даты по документам неясен) пришли, наконец, к соглашению. По этому соглашению за каждым обществом закреплялись их районы эксплуатации так, чтобы они могли взимать плату в размере полного «нормального» тарифа; в домах, где существовали сети нескольких обществ, преимущественное право получало то, чья сеть была наибольшей, остальные обязывались не возобновлять контрактов со своими абонентами. Кроме раздела сфер влияния соглашение предусматривало поддержание примерно на одинаковом уровне количества электроэнергии, отпускаемой для освещения.[65] Соглашение, судя по дальнейшему, подлежало возобновлению каждые два года.

Результатом соглашения явилось создание картеля трех петербургских осветительных обществ.[66] Позиции

---

[62] ЛГИА, ф. 1243, оп. 1, д. 103, лл. 54—55, Герц — в правление «Общества 1886 г.» (без даты).

[63] Там же, л. 85, протокол правления 31.7/12.8.1898.

[64] Там же, л. 146, протокол правления 2/14.10.1898.

[65] Содержание соглашения и его дата реконструированы по его черновой копии без даты и подписей в материалах «Общества 1886 г.» и по позднейшей ссылке на него в протоколах правления «Петербургского общества электрических сооружений» (ЛГИА, ф. 1243, оп. 1, д. 159, лл. 3—4; ф. 1530, оп. 1, д. 1, л. 126).

[66] Русская пресса того времени, а за нею и все авторы, касавшиеся этого вопроса, писали о синдикате обществ. Нам не удалось обнаружить следов какого-либо синдикатского органа, поэтому мы считаем более правильным говорить о картеле.

картеля были особенно прочными в связи с одним из условий «нормального договора», внесенным в него во время переговоров 1897 г. по настоянию осветительных обществ, оказавшихся более дальновидными, чем Петербургская управа. Согласно этому условию каждый новый претендент, желавший получить концессию на электрическое освещение в Петербурге, должен был сразу построить станцию не меньшей мощности, чем у уже существующих обществ. В условиях, когда Петербург был уже поделен на сферы влияния, найти сразу абонентов для большой станции и окупить расходы на нее было невозможно. Поэтому практически в Петербурге на ближайшие годы исключалась возможность появления новых тепловых станций. Петербургская управа, вопреки своим ожиданиям, очутилась перед лицом монополии, немедленно начавшей повышать цены на электричество.

Выступая единым фронтом против городских властей, участники картеля вели глухую напряженную борьбу между собой. Главным объектом этой борьбы стало «Петербургское общество электрических сооружений, бывш. Гелиос». С самого своего образования оно оказалось обремененным большим долгом своим учредителям, поскольку Министерство финансов не разрешило выпуск облигационного займа, предназначавшегося на покрытие этого долга.[67] Проценты в счет долга поглощали всю прибыль общества, и оно вплоть до 1908 г. не выплачивало дивидендов,[68] что привело к падению курса акций и еще более затруднило положение общества. К тому же оно было самым слабым из трех и в техническом отношении. Решающую роль в судьбе общества сыграл крах его патрона — германского «Гелиоса». Как уже указывалось, после краха «Гелиоса» его основное финансирующее общество — «Общество электрических сооружений» (Кельн) перешло в руки Сименса (к обществу «Элункала»). В руках Сименса оказались находившиеся в портфеле кельнского общества акции «Петербургского общества электрических сооружений» на сумму около 2 млн руб.,[69] т. е.

---

[67] ЛГИА, ф. 1530, оп. 1, д. 1, л. 42, протокол правления 23.6/6.7.1905.

[68] ЛГИА, ф. 769, оп. 1, д. 553, лл. 148—150, сводка по отчетам общества за 1900—1914 гг.

[69] ЦГИА, ф. 23, оп. 24, д. 563, л. 126, список акционеров 19.8/1.9.1908.

треть всего их количества. Тем самым Сименс получил возможность оказывать на него значительное влияние.

Вторжение Сименса вызвало беспрерывные столкновения в среде акционеров «Петербургского общества» и в его правлении, куда вошел представитель Сименса Куно Фельдман. В борьбе против Сименса противостоявшая ему группировка (банкирские дома К. Эльцмахера, Л. Беренса и С. Оппенгейма, Шаффгаузенский банковский союз, Германский фондовый и вексельный банк и «Общество Гелиос в ликвидации») обратилась за помощью к бельгийским финансовым кругам, связанным с «Сосьете женераль», Международным банком в Брюсселе и Международным банком в Люксембурге.[70]

Весной 1909 г. произошел открытый конфликт, формально связанный с вопросом об изменении устава общества. Устав «Петербургского общества электрических сооружений» ограничивал число голосов в одних руках $^1/_{10}$ их общего числа. Противники Сименса, как это видно из последующих событий, решили передать все свои акции вновь созданной держательской компании и, для того чтобы она могла иметь перевес над другими акционерами, нуждались в отмене указанного ограничения. Сименс выступал за сохранение старого устава. Созвав на 11/24.4.1909 чрезвычайное собрание акционеров, группа Эльцбахера не явилась на него и тем сорвала его проведение. Этот маневр дал ей возможность провести затем вторичное собрание, на котором все решения принимались не квалифицированным большинством (которым группа не располагала), а простым. На собрании 30 апреля/13 мая группа Эльцбахера провела желаемое изменение устава.[71] Сименс вынужден был признать свое поражение. Сразу же за изменением устава, лишившим Сименса шансов противостоять своим соперникам, все акции «Петербургского общества электрических сооружений» (в том числе принадлежавшие Сименсу) перешли к специально для того созданной «Генеральной вспомогательной компании электрических предприятий».[72]

[70] Там же, л. 109, 116, 137, прошения «Петербургского общества электрических сооружений» в Министерство финансов 13/26.1.1904, 26.5/8.6.1908 и 4/17.5.1909.

[71] Там же, л. 140, заявление К. А. Гетца в Министерство финансов 30.5/12.6.1909.

[72] ЛГИА, ф. 1530, оп. 1, д. 1, л. 145, протокол правления 12/25.6.1909.

Состав участников «Вспомогательной компании» можно установить, к сожалению, только приблизительно и косвенным путем. По данным Лифмана, учредителями ее явились брюссельский банк «Сосьете женераль», связанная с ним «Центральная компания электрической промышленности» (возглавлявшая электропредприятия группы «Сосьете женераль» в России),[73] член концерна АЭГ — «Генеральное бельгийское общество электрических предприятий» и Брюссельский банк, действовавший в электрических делах всегда вместе с АЭГ.[74] В числе акционеров «Вспомогательной компании» по данным Лифмана находилась также близкая к «Сосьете женераль» «Взаимная компания газ, вода и электричество»,[75] а по данным отчета «Бельгийского общества освещения Петербурга» — это последнее.[76] В свою очередь «Вспомогательная компания» переняла акции «Бельгийского общества освещения»,[77] сосредоточив оба петербургских предприятия в одних руках. В составе нового правления «Петербургского общества электрических сооружений» остался К. Эльцбахер, а затем вновь вошел К. Фельдман. Таким образом, «Вспомогательная кампания» была явно связана с группой «Сосьете женераль» и с АЭГ, а также с Сименсом, хотя с последним, возможно, и не с первого дня своего существования.[78]

---

[73] По данным канцелярии германских оккупационных войск, в Бельгии во время первой мировой войны эта компания также была связана с германскими капиталами (Berichte der Sektion VII der Politischen Abteilung bei dem Generalgouwerneur in Belgien. Berichte 7, S. 69).

[74] R. Liefmann, op. cit., SS. 507, 168—169.

[75] Ibid., S. 172.

[76] ЛГИА, ф. 479, оп. 22, д. 4029, лл. 24—25, отчет за 1909 г.

[77] R. Liefmann, op. cit., S. 172.

[78] При исчислении участия германского и бельгийского капитала во «Вспомогательной компании» и принадлежащих ей осветительных обществах в Петербурге мы пользовались следующими исходными данными. Бельгийский посол в России в 1916 г. признал, что $^1/_{10}$ акционерного капитала «Бельгийского общества освещения Петербурга» находилась в германских руках (Вестник финансов, 1916, № 7, стр. 22). Мы распространили это указание и на «Петербургское общество электрических сооружений». Но посол явно стремился спасти общество от принудительного выкупа и имел в виду только юридически германских владельцев, не учитывая бельгийские и швейцарские филиалы АЭГ и «Сименс-Гальске». Между тем по признанию германских концернов состав участников «Вспомогательной компании» аналогичен составу созданной в 1912 г. «Иматры» (ЛГИА, ф. 1385, оп. 1,

Внутренняя борьба в картеле сделала очень трудными очередные переговоры о продлении срока его действия, которые тянулись целый год, до самого конца 1909 г. Но соглашение конкурентов, поделивших, наконец, «Петербургское общество электрических сооружений», создало затем предпосылки для более долгосрочного картельного договора, заключенного на этот раз не на два года, а на весь срок существования его участников, т. е. до 10/23.5.1937. По условиям договора, заключенного 30.11/13.12.1909,[79] три общества сохранили монопольное право эксплуатации своих абонентов; для новых присоединений каждому обществу был выделен особый монопольный район, а в центре Петербурга был оставлен определенный участок, распределявшийся ежегодно для сбалансирования сфер влияния. Договор предусматривал третейское разбирательство конфликтов и крупные денежные штрафы, для обеспечения которых общества открыли в Немецком банке особые счета.[80] Под давлением двух бельгийских обществ «Общество 1886 г.» вынуждено было отдать им на два года в виде компенсации за рост своих абонентов весь упомянутый выше центральный район.[81] Несмотря на это, условия договора были в общем выгодны именно для «Общества 1886 г.», поскольку оно связало партнеров в области освещения, сохранив значительно бóльшую свободу действий в применении электричества в промышленных целях, где преимущество было на стороне «Общества 1886 г».

Борьба за трамвайные концессии

Как и в области производства электроэнергии, основными соперниками в борьбе за электрический трамвай были германские и бельгийские концерны. При этом

д. 38, л. 17). В последней же бельгийские и швейцарские филиалы АЭГ и Сименса имели такое же количество акций, как и их головные предприятия. Исходя из этого, мы приняли для участия германских концернов в акционерном капитале указанных обществ цифру в 20%.

[79] Договор опубликован без даты в кн.: Н. Н. Оппель. В борьбе за свет. СПб., 1912, стр. 106—120. Дата установлена по: ЛГИА, ф. 1243, оп. 1, д. 1117, лл. 5—8, правление «Общества 1886 г.» — Немецкому банку 12/25.2.1910.

[80] ЛГИА, ф. 1243, оп. 1, д. 1117, лл. 5—8.

[81] ЛГИА, ф. 1530, оп. 1, д. 1, лл. 155—156, протокол правления 12/25.12.1909.

в борьбе за трамвайные концессии преимущество было на стороне бельгийских групп, а в деле поставок оборудования — на стороне германских предприятий. Большое влияние на ход событий оказывали также другие соперничавшие группы.

Неудачей «большого синдиката» 1899 г. и затруднениями германских фирм попытались в начале XX в. воспользоваться американские предприниматели. В главе I уже упоминалось о проекте Балинского—Вернера. В 1901 г. американский вице-консул Гейденер вновь возбудил от своего имени и от имени Вернера вопрос о концессии на петербургский трамвай.[82] (В материалах Центрального управления по делам местного хозяйства МВД проект фигурирует под именами Вернера и Кнорре). Вернер предлагал создать общество с капиталом в 100 млн руб., перестроить все линии городских дорог, построить Дворцовый мост и круговую железную дорогу.[83] Вслед за тем Балинский и Кнорре предложили Московской управе построить трамвай, требуя за это право на немедленный выкуп всех городских конно-железных дорог.[84] Для обсуждения проектов Вернера—Балинского была образована специальная комиссия из представителей министерств Внутренних дел, Финансов, Юстиции, Военного и Путей сообщения.[85] В поддержку проекта выступил министр финансов С. Ю. Витте, а противников его возглавил министр внутренних дел В. К. Плеве. Пока правительственная бюрократическая машина со свойственной ей медлительностью мурыжила проект, он широко обсуждался прессой и технической общественностью. Повсюду он вызвал сильное недовольство своими тяжелыми финансовыми условиями и явным стремлением к монополии. Такую же позицию заняли городские Думы Петербурга и Москвы. В конце 1903 г. Плеве известил Думы, что

---

[82] Торгово-промышленная газета, 25.9/8.10.1901, № 213. По данным Ф. Зумпфа (ук. соч., стр. 69—70), Вернер в апреле 1901 г. договорился с «Сименс-Гальске» и «Унионом». За отказ германских обществ от противодействия его концессии Вернер обещал купить у них оборудование для будущего трамвая.

[83] ЦГИА, ф. 1288, оп. 8, 1904, д. 25, ч. 3, лл. 104—107, справка к вопросу об улучшении способов передвижения населения Петербурга.

[84] Торгово-промышленная газета, 29.5/11.6.1904, № 118.

[85] Там же, 7/20.9.1902, № 199.

и комиссия отклонила проект.[86] В эти же годы возникал еще целый ряд проектов трамвая в Петербурге и Москве. Бóльшая часть проектов была слабо подготовлена как с технической, так и с финансовой точки зрения. Обе столичные Думы отвергли предложения соискателей концессий и решили строить трамвай собственными силами.

Усиленное внимание электротехнических и трамвайных компаний Европы привлекали богатые города юга России и Поволжья. Еще в годы кризиса «Унион» вел переговоры об электрификации трамвая в Одессе, Ростове-на-Дону и Екатеринославе. Однако обстановка не благоприятствовала этим планам. В предвидении более подходящего времени бельгийские филиалы АЭГ и «Униона» скупили большинство акций одесской конки,[87] находившейся до того, очевидно, в руках «Взаимной компании трамваев». После слияния «Униона» и АЭГ последняя оказалась практически полным хозяином одесского общества, но некоторое число акций конки оставалось у «Взаимной компании», и директором-распорядителем общества был инженер «Взаимной компании» Р. Легоде, что не раз приводило к недоразумениям.

Наибольшего успеха добились в борьбе за трамвайные концессии бельгийские конкуренты АЭГ—группа «Сосьете женераль» (в лице ее основного трамвайного треста «Взаимной компании трамваев») и действовавшая с нею в союзе группа Тиса (антверпенский Банк общественных вкладов и «Антверпенский союз трамваев и электрических предприятий»). Этот блок в начале 1905 г. захватил самое доходное трамвайное предприятие России — «Общество киевской городской железной дороги». В январе 1905 г. ими было учреждено бельгийское общество «Киевский трамвай», которое купило у М. Бродского $^2/_3$ акций общества «Киевской городской железной дороги».[88] В со-

---

[86] Там же, 28.2/13.3.1903, № 48.

[87] ЛГИА, ф. 1367, оп. 8, д. 15, лл. 473—475, письмо директора агентства «Р. О. Унион» в Брюсселе Ф. Бурле в «Р. О. Унион» 19.8/1.9.1904 и письмо неизвестного автора — Ф. Бурле 9/22.8.1904.

[88] «Саратовский листок» от 1/14.2.1905 писал, что бельгийское общество, которое ведет переговоры с Саратовым (т. е. «Взаимная компания трамваев», — *В. Д.*), недавно приобрело у М. Бродского все акции киевского трамвая и освещения за 3.5 млн руб. Неточность, допущенная корреспондентом (Бродский владел только акциями трамвая, а освещением занималось германское «Киевское общество»), позволяет усомниться в правильности и

став правления последнего наряду с представителями прежних владельцев (Д. С. Марголин и др.) вошли бельгийцы, в их числе и Р. Легоде. Едва утвердившись в Киеве, бельгийские предприниматели начали дальнейшую экспансию.

Уже в марте 1905 г. они повели переговоры с «Обществом конно-железных дорог» в Кишиневе о переоборудовании линий на электрическую тягу;[89] правда, переговоры эти не дали результата. В апреле 1905 г. был заключен договор с городским управлением Саратова.[90] «Взаимная компания» вела переговоры с городскими властями еще до начала кризиса, но тогда они не привели к соглашению. При возобновлении их в 1905 г. компания выступала уже не одна, а в союзе с Тисом.[91] Вел переговоры Р. Легоде, что привело ВКЭ в замешательство. Между АЭГ и ВКЭ завязалась переписка, в которой последняя стремилась выяснить, с кем же, собственно, ей придется иметь дело в Саратове — с друзьями из Одессы или конкурентами из Киева.[92] Были переведены на электрическую тягу линии «Общества казанских конно-железных дорог», принадлежавших той же

других приводимых сведений. В самом деле, трудно поверить, чтобы представитель богатейшей фамилии Бродских продал в самом начале 1905 г., т. е. еще не в разгар революции, трехмиллионный пакет акций, приносивших по 18% дивиденда, за 3.5 млн руб., или почти по номиналу. Между тем цифра, названная «Саратовским листком», близка к истине, ибо весь капитал бельгийского общества «Киевский трамвай», созданного для покупки акций «Общества киевской городской железной дороги», равнялся 3.75 млн руб. (ЦГИА, ф. 1288, оп. 9, 1914 г., д. 73, л. 121). Напрашивается предположение, что Бродский продал не все акции. И действительно, в 1914 г. бельгийское общество владело $^2/_3$ (24 197 из 36 000) акций «Общества киевской городской железной дороги» (там же, л. 113). В составе правления последнего оставались русские члены. Исходя из этого, мы и отнесли к бельгийскому $^2/_3$ капитала киевского трамвая, как это сделал и П. В. Оль.

[89] ЛГИА, ф. 1367, оп. 7, д. 23, л. 554, ВКЭ — АЭГ 15/28.3.1905.

[90] ЦГИА, ф. 23, оп. 12, д. 14, лл. 10—18, договор Саратовского городского управления с «Взаимной компанией трамваев»; лл. 27—28, устав общества «Саратовских электрических трамваев и освещения».

[91] Капитал бельгийского общества «Киевский трамвай» и саратовского трамвая был поделен пополам между группами Тиса и «Взаимной компании трамваев».

[92] ЛГИА, ф. 1367, оп. 8, д. 19, лл. 263—330, переписка ВКЭ и АЭГ за март—апрель 1905 г.

«Взаимной компании».[93] Группа «Сосьете женераль» сделала попытку захватить также концессию на трамвай в Двинске. В 1900 г. Двинская управа заключила договор с «Шуккертом», но затем из-за начавшегося кризиса последний отказался от соглашения. В 1905 г. договор о концессии подписал видный деятель группы «Сосьете женераль» А. Фретер. По неясным причинам он, однако, вскоре отказался от концесии, оставив городу свой залог.[94]

Как уже говорилось, в бельгийские руки перешел после краха «Гелиоса» «Союз трамваев» вместе с принадлежавшими ему трамваями в Витебске и Орле и фуникулером в Тифлисе. Новые владельцы осуществили также перевод на электрическую тягу принадлежавшей «Союзу трамваев» тифлисской конки,[95] начатый еще «Гелиосом», и повели переговоры о реконструкции харьковских конно-железных дорог. Наконец, с 1908 г. был начат перевод на электрическую тягу предприятия общества «Ташкентский трамвай», принадлежавшего тресту Ампена.[96] Всего число действовавших бельгийских обществ электрического трамвая в России с 1899 по 1909 г. возросло с 4 до 14.

Вопрос о реконструкции одесской конки затянулся. Только 7/20.6.1908 общество заключило с городской Управой договор о переоборудовании своих линий и начало их электрификацию. В связи с этим капитал об-

[93] Состав акционеров казанского трамвая нам неизвестен, но директор его выступал и ответственным агентом общества саратовского трамвая, а адрес правления в Брюсселе совпадал с адресами остальных правлений той же группы. Вся без исключения литература также относит казанский трамвай к группе «Взаимной компании».

[94] ЛГИА, ф. 1367, оп. 8, д. 30, лл. 66—67, доклад Двинской городской управы 3/16.3.1905 и ЦГИА, ф. 1288, оп. 8, 1908 г., д. 26, лл. 2—3, доклад управы 2/15.4.1908.

[95] ЦГИА, ф. 1288, оп. 8, 1905 г., д. 80, л. 102, справка центрального управления местного хозяйства МВД. В результате произведенной финансовой реорганизации общества у него был списан и акционерный и облигационный капитал, и по балансу значились лишь суммы, полученные по долгосрочному кредиту. Поэтому для нашей таблицы мы взяли данные, приводимые П. В. Олем в книге «Статистика акционерных и паевых товариществ, обязанных публичной отчетностью за 1911/12 г.» (Пгр. 1915, стр. 246).

[96] ЦГИА, ф. 23, оп. 24, д. 390, л. 81, прошение правления общества в Министерство торговли и промышленности; л. 153, список акционеров на 1908 г.

щества был увеличен до 16.8 млн франков. Акции общества, выпущенные до реорганизации, распределялись между группой АЭГ («Генеральное бельгийское общество электрических предприятий», «Общество финансирования транспорта и промышленных предприятий» — в дальнейшем «Софина», «Генеральное общество экономических железных дорог», примыкавшее к концерну) и бельгийскими капиталистами («Взаимная компания трамваев», А. Самуэль, Л. Лорж и др.) в пропорции 2 : 3, в новом выпуске акций на долю АЭГ пришлось 10—12%.[97] Хотя на долю АЭГ падало, таким образом, всего 20% капитала одесского общества, однако оно входило в число предприятий германской ориентации и руководство им, как будет видно дальше, осуществлялось концерном АЭГ. Это объяснялось тем, что, за исключением «Взаимной компании», бельгийские капиталы в одесском обществе были представлены владельцами сравнительно небольших пакетов акций, не влиявшими на его политику.

Небольшое участие в русских трамвайных делах приняли также франко-швейцарские капиталы. Еще в 1901 г. после двух лет переговоров Петербургский учетный и ссудный банк, «Франко-Швейцарское общество электрической промышленности» и швейцарский предприниматель Е. Дюпон (основавший в свое время конки в Петербурге и Риге) учредили в равных долях «Общество тверской городской железной дороги и электрического освещения».[98] Однако в связи со смертью Дюпона капитал общества не был собран. Только в 1904 г. последовало действительное создание общества, в котором Дюпона заместили его наследники.[99]

Всего, таким образом, к концу 1909 г. насчитывалось 25 обществ электрического трамвая, $^3/_4$ капитала которых приходилось на участие бельгийских концернов, а почти все остальное падало на германские и русские капиталовложения.

[97] Там же, д. 1, л. 48, договор о переустройстве конного и парового трамвая; лл. 111—112, список акционеров на 1909 г.; лл. 150—167, список подписавшихся на новые акции.

[98] ЦГИА, ф. 598, оп. 2, д. 534, л. 12, запись совещания 8/21.4.1903.

[99] ЦГИА, ф. 23, оп. 25, д. 252, л. 80, представление Министерства финансов о восстановлении срока для собрания капитала «Общества тверской железной дороги».

Борьба за поставки трамвайного оборудования. Афера Стенли. Вопрос о «трамвайном синдикате»

Не менее острой, чем борьба за трамвайные концессии, была конкуренция на поставках трамвайным предприятиям электрооборудования, история которой неразрывно связана с проблемой синдиката трамвайного оборудования. Как уже говорилось, «большой синдикат» 1889 г. не сумел достичь своих целей, Петербургская и Московская думы решили строить трамвай сами, а создание предприятий в других городах было отложено в связи с начавшимся кризисом. Банковский синдикат быстро распался. Синдикат же электротехнических фирм формально не был ликвидирован. Однако крах «Униона» и слияние АЭГ с «Унионом» и «Сименс-Гальске» с «Шуккертом» внесли в соотношение сил значительные изменения и поставили пересмотр условий соглашения на очередь дня.

Имеющиеся документы позволяют утверждать, что в 1904—1905 гг. синдикатское соглашение еще оставалось в силе, хотя очевидно, и с рядом изменений. К сожалению, нам удалось обнаружить лишь несколько документов, в которых упоминаются поставки для завершенной в 1904 г. первой очереди московского городского трамвая. Поэтому нет возможности выяснить, как проходила борьба за эти поставки. Известно лишь, что они были поделены между «Р. О. Сименс-Гальске» и «Р. О. Унион», а может быть, и ВКЭ. Поскольку затем «Р. О. Унион» было поглощено ВКЭ, практически электрооборудование и вагонный состав московского трамвая изготовлялся двумя компаниями — АЭГ и «Сименс-Гальске».[100]

Весной и летом 1905 г. наиболее актуальным для электротехнических фирм был вопрос о саратовском трамвае, переговоры о концессии на который вел в то время Легоде. В переписке, посвященной этому делу, имеются прямые упоминания о синдикате (именуемом

---

[100] ЛГИА, ф. 1367, оп. 8, д. 88, лл. 39—40, Я. Самойлович — заведующему московскими городскими железными дорогами С. В. Челнокову 8/21.8.1908; ф. 479, оп. 22, д. 2965, л. 36, отчет «Сименс-Гальске» за 1904 г.

концерном). Весьма характерна позиция, занятая ВКЭ. Как отмечалось выше, ее правление не сразу поняло, от чьего имени выступает Легоде. В связи с этим оно писало АЭГ в Берлин, что если речь идет о союзниках, то ВКЭ настаивает на сохранении саратовского дела за собой, если же концессию получают враги из «Взаимной компании» (и, значит, шансы на получение заказов малы), то ВКЭ готова уступить дело Сименсу.[101]

Вслед за саратовским делом на очередь дня встало петербургское. Петербургские власти раскачивались значительно медленнее московских и дотянули объявление конкурса на поставки для трамвая до осени 1905 г. Тревожные для царского правительства события революционного 1905 г. отнюдь не прибавляли иностранным капиталистам уверенности в судьбе денег, вкладываемых в России. Поэтому из 36 фирм, приглашенных Петербургской управой к конкурсу, откликнулись только 6, в том числе «Сименс-Гальске», ВКЭ и «Общество Вестингауза». Действуя совместно, АЭГ и берлинское «Сименс-Шуккерт» выработали к концу августа проект электрификации петербургского трамвая и передали его своим русским дочерним обществам для представления в Управу от имени последних. При этом на совещании 22.8/4.9.1905 было условлено, что ВКЭ и «Р. О. Сименс-Гальске», должны сами договориться о разделе поставок между собой и согласовать свои предложения Управе. Вносить предложения общества должны были самостоятельно, чтобы скрыть наличие сговора.[102] Однако Управа сочла наиболее выгодными предложения «Общества Вестингауза», назначившего самые низкие цены, и заключила с ним договоры на общую сумму свыше 13 млн руб.[103] Именно после получения этого заказа и в надежде на дальнейшие успехи Дж. Вестингауз и приобрел завод «Центральной компании электричества в Москве».

---

[101] ЛГИА, ф. 1367, оп. 8, д. 19, л. 328, ВКЭ—АЭГ 8/21.3.1905. Судя по отношению Совета Съездов представителей промышленности в МВД, спор ВКЭ и Сименса оказался напрасным, и поставки не достались ни той, ни другой фирме, а были перехвачены обществом «Электричество и гидравлика» (см.: ЦГИА, ф. 1288, оп. 8, 1904 г., д. 25, ч. 1, лл. 164—165).

[102] ЛГИА, ф. 1367, оп. 7, д. 19, лл. 150—152, АЭГ — ВКЭ 22.8/4.9.1905.

[103] Торгово-промышленная газета, 23.10/5.11.1907, № 239.

Поражение на петербургских торгах, нанесенное новым соперником, подорвало и без того шаткие основы синдиката. Этому способствовало и усиление конкуренции вокруг поставок трамваям в южных городах России.[104] Наиболее опасным из внероссийских соперников ВКЭ и Сименса было входившее в группу «Сосьете женераль» общество «Электричество и гидравлика». Перед лицом успешно действовавших конкурентов ВКЭ и «Сименс-Гальске» почувствовали себя стесненными старым синдикатским соглашением, и их отношения резко обострились.

В этот момент у германских концернов появились новые, английские, конкуренты. После подписания англо-русского договора в 1907 г. резко усилилась деятельность английских предпринимателей в России. Как и раньше, отраслями, интересовавшими английские монополии, были добыча нефти и золота. Однако большая активность была проявлена и электротехническими фирмами, в первую очередь компаниями «Дикк, Керр и К⁰», «Брюс Пиблз и К⁰» и «Бреш». Объектами особенно напряженной борьбы были трамваи в Петербурге и Москве.

У Петербургской управы не было денег для строительства второй очереди трамвая. Этим попытались воспользоваться различные предприниматели в надежде получить концессию. В апреле 1906 г. с такими планами выступил американский капиталист (по утверждению Торгово-промышленной газеты — миллиардер) А. Джексон.[105] В 1907 г. в борьбу включились германские и английские фирмы. В июне «Сименс-Гальске» и ВКЭ подали в городскую Управу заявление о сдаче им

---

[104] Постоянным конкурентом ВКЭ и «Сименс-Гальске» являлся «Ламейер». Наиболее настойчиво выступал он в делах, связанных с льежской группой, поскольку один из его руководителей — Вайнштох — являлся крупным акционером входившей в эту группу «Генеральной компании трамваев» и родственником ее директора-распорядителя Ч. Дель Пропосто (ЛГИА, ф. 1367, оп. 7, д. 18, л. 351). После поглощения «Ламейера» концерном АЭГ к последнему перешли и связи с «Генеральной компанией трамваев».

[105] Торгово-промышленная газета, 9/22.4.1906, № 81. Несколькими месяцами ранее Джексон предложил Витте создать «Общество консолидированных русских железных дорог», которое взяло бы в аренду на 99 лет все казенные дороги России (ЦГИА, ф. 268, оп. 3, д. 977, лл. 4—7).

в концессию на 60 лет всех петербургских городских железных дорог.[106] Предложение не было подробно разработано, так как авторы его торопились опередить конкурентов. Основным соперником выступала английская компания «Дикк, Керр и К⁰». Германские фирмы предлагали ей действовать совместно, но «Дикк, Керр и К⁰» отказалась от сотрудничества. С другой стороны, сами фирмы отклонили предложение о сотрудничестве с английской компанией «Бреш», не считая ее, очевидно, серьезным соперником и не желая лишать себя свободы действий соглашением с ней.[107]

Московская управа постройкой первой очереди трамвая также исчерпала свои финансовые возможности и вынуждена была искать богатого подрядчика или даже допустить возможность перехода городских дорог к концессионерам. Это породило целый ряд проектов иностранных предпринимателей. Какие-то бельгийские капиталисты (судя по дальнейшему — концерн Ампена) предлагали создать акционерное общество, к которому должны были перейти все трамвайные линии, как существующие, за которые город получал часть акций, так и новые. АЭГ и «Сименс-Шуккерт» (Берлин) внесли два предложения: первое — предусматривало передачу им (вероятно, их русским обществам) эксплуатации трамвая в концессию, второе — о предоставлении им подряда на строительство новых линий за 13 млн руб. Английская компания «Брюс Пиблз и К⁰» также выражала желание взять подряд на строительство, получив в уплату городские облигации на такую же сумму.[108] Одновременно большую активность проявила компания «Дикк, Керр и К⁰». Поскольку Москва старалась все же удержать городской трамвай в своих руках, бельгийские предложения быстро отпали, и основными конкурентами остались германские и английские фирмы. Московская управа склонялась в пользу «Брюс Пиблз и К⁰», так как ее предложение давало возможность расплатиться не деньгами, а облигациями. Уже 8/21.10.1907 Я. Самой-

[106] ЛГИА, ф. 1396, оп. 1, д. 79, л. 81, журнал заседаний исполнительной комиссии по заведованию городскими железными дорогами в Петербурге 24.4/7.5.1909.

[107] ЛГИА, ф. 1367, оп. 8, д. 49, л. 161, запись переговоров относительно трамвайных дел в Москве и Петербурге 18.9/1.10. 1907.

[108] Там же, а также: Голос Москвы, 20.10/2.11.1907, № 243.

лович писал, что настроение в Управе в пользу представителя «Брюс Пиблз и К°» Армстронга и для достижения успеха необходимо оказать давление на все инстанции.[109]

Первые же признаки вторжения в Россию английских электротехнических фирм заставили Сименса и АЭГ искать путей к смягчению разногласий, чтобы можно было совместно противостоять новому сопернику. Видимо, в этом направлении были сделаны какие-то шаги, поскольку летние проекты в Петербурге и в Москве были уже внесены обоими обществами совместно. Однако в создавшихся условиях союза двух германских фирм было уже недостаточно. Летом 1907 г., очевидно, возникает идея соглашения трех обществ, владевших электротехническими заводами в России — «Р. О. Сименс-Гальске», ВКЭ и «Р. Э. О. Вестингауз». Такой союз мог бы обеспечить его участникам перевес над любыми европейскими компаниями, поскольку союзники в результате протекционистской политики русского правительства имели бы двойное преимущество — возможность снижать цены ниже заграничных фирм, вынужденных уплачивать большие пошлины, и возможность апеллировать к правительству и городским властям, прикрываясь фразами о необходимости содействия «отечественной промышленности». Первое упоминание о таком соглашении имеется в записи переговоров между Немецким банком, АЭГ и «Сименс-Шуккерт» в помещении «Элункала» в Берлине 18.9/1.10.1907, где о договоре с «Вестингаузом» говорилось как о совершившемся факте. В протоколе переговоров было записано: «...о дальнейших шагах общества „Вестингауз“ в Москве ничего неизвестно, так что можно полагать, что с этой стороны договор будет соблюдаться лояльно».[110] В мае 1908 г. правление ВКЭ ссылалось в письме к АЭГ на существование соглашения с «Вестингаузом» и «Сименс-Гальске».[111] Условия договора, касавшегося, видимо, только Москвы, нам не известны, но, судя по отсутствию «дальнейших шагов» «Вестингауза», договор предусматривал отказ его от действий в Москве

---

[109] ЛГИА, ф. 1367, оп. 8, д. 49, л. 107, черновик письма Я. Самойловича 8/21.10.1907 (адресат неясен).

[110] Там же, л. 160, запись переговоров 18.9/1.10.1907.

[111] Там же, д. 77, л. 105, ВКЭ — АЭГ 15/28.5.1908.

за какую-то компенсацию. Одновременно велись переговоры с «Вестингаузом» и о петербургских делах, но на совещании 18.9/1.10.1907 было решено лишь «позволить „Вестингаузу" участвовать в качестве равного партнера в подаче прошения в Петербурге, если это окажется необходимым».

Устранение «Вестингауза» не принесло первоначально успеха германским фирмам в Москве. Их основным козырем по-прежнему оставались акции «Второго общества московских конно-железных дорог», находившихся в руках Немецкого банка, ибо, не выкупив это общество, нельзя было проводить дальнейшей реконструкции городского транспорта. Составляя свои планы, ВКЭ и «Сименс-Гальске» рассчитывали на финансовую помощь Немецкого банка. Но Немецкий банк снова, как и в 1899 г., подвел своих партнеров (переговоры велись в обстановке кризиса 1907 г.) и уже 26.11/9.12.1907 ВКЭ от имени обоих обществ сообщила московскому городскому голове Н. И. Гучкову, что они не смогут взять на себя подряд на условиях оплаты работ облигациями, так как «весь синдикат наших банков не нашел возможным при настоящем положении денежного рынка сделать городу Москве могущее удовлетворить его предложение, связанное с приобретением облигаций города».[112]

После фактического отпадения от конкуренции германских фирм Московская управа продолжала переговоры с «Брюс Пиблз и К°». Она, однако, опасалась, что и у этой компании нет средств для строительства и тянула переговоры в ожидании новых предложений. Но английская компания со своей стороны приняла меры, чтобы не допустить срыва переговоров. В Москву прибыл лорд Стенли, назвавшийся директором лондонского «Paris Bank». Он заявил Управе, что банк взял на себя финансовую часть строительства и возбудил ходатайство об учреждении «Русско-Английского строительного общества» для ведения аналогичных дел в других городах России. Сообщая об этом АЭГ, правление ВКЭ мечтало теперь уже только о том, чтобы пристроиться к Стенли в качестве соучастника поставок.[113] Стенли охотно пошел на сотрудничество с ВКЭ и уже в пер-

---

[112] Там же, л. 38, ВКЭ — Гучкову 26.11/9.12.1907.
[113] Там же, лл. 3—4, ВКЭ — АЭГ 17/30.12.1907.

вых числах января 1908 г. Армстронг, перешедший на службу в «Русско-Английское общество», договаривался с Самойловичем о поставках электрооборудования для московского трамвая. 7/20.1.1908 состоялась встреча Стенли с директорами-распорядителями «Сименс-Гальске» и ВКЭ Герцем и Гольдштаубом. Стенли заявил своим собеседникам, что договор с Москвой будет подписан весной от имени «Русско-Английского общества», а он, Стенли, собирается обратно в Лондон для дальнейших переговоров. В его планы входит электрификация «Второго общества конно-железных дорог», для чего нужен капитал в 20 млн руб., а кроме того, он хочет предложить Петербургу свои услуги по строительству новых трамвайных линий. Наконец, он сообщил своим доверчивым слушателям, тщательно передавшим все подробности разговора в Берлин, что собирается привлечь к сотрудничеству Немецкий банк и финансовую группу АЭГ (т. е. Берлинер Хандельсгезельшафт и Дрезденский банк) и намерен для этого приехать в Берлин.[114]

Медовый месяц Стенли и Московской управы продолжался недолго. В феврале 1908 г. делегация Управы во главе с С. Челноковым приехала в Англию для ознакомления с заводами «Брюс Пиблз и К°». К своему изумлению делегация обнаружила, что «Брюс Пиблз и К°» находится в стадии ликвидации и, естественно, не располагает средствами для выполнения московского подряда. Наоборот, этот заказ был для компании последней попыткой избежать полного банкротства. Выяснилось также, что «Paris Bank» не имеет никакого отношения к московскому делу. Из статьи в «Голосе Москвы», сообщившей москвичам об этой грандиозной афере, не ясно даже, был ли Стенли директором этого банка. Стенли тем не менее не оставил своих планов и предложил взять подряд лично на себя. Городской голова Н. И. Гучков отказал аферисту.[115]

События, последовавшие за этим, лежат уже в сфере «высшей политики». Ликвидаторы «Брюс Пиблз и К°» предложили Московской управе передать договор другим английским компаниям — «Дикк, Керр и К°» и «Британской компании изолированных кабелей Хелсби».

---

[114] Там же, д. 77, лл. 350—351, ВКЭ — АЭГ 7/20.1.1908.
[115] Голос Москвы, 13/26.2.1908, № 36.

Первоначально Управа согласилась заказать у этих компаний кабели высокого напряжения и оборудование для 232 вагонов, но затем решила объявить новый конкурс на все поставки. Представитель английских компаний прислал в связи с этим решением резкое письмо в Управу, в котором требовал оставить заказ за ними и угрожал в противном случае судом. Кроме того, он недвусмысленно намекал, что разрыв соглашения «без сомнения окажет крайне вредное влияние на реализацию дальнейших займов для вашего города в моем отечестве» и — следовал завершающий удар — «вышеупомянутые обстоятельства могут также оказать влияние на политическое сближение, существующее ныне на таких дружеских началах».[116] Для большей убедительности копия этого письма была доставлена в МИД, которое в свою очередь переслало эту копию в МВД с просьбой сообщить ему ответ Московской управы.[117] Такому давлению Управа противостоять не могла и сдала заказ на кабели компании «Хелсби».[118] Поставки моторных вагонов были разделены между «Сименс-Гальске» (100 вагонов), «Дикк, Керр и К⁰» (75 вагонов), ВКЭ (40 вагонов) и «Вестингаузом» (35 вагонов).[119] Между ВКЭ, «Дикк, Керр и К⁰» и швейцарской компанией «Броун, Бовери и К⁰» был поделен заказ на оборудование подстанций. Для осуществления строительства Управа заключила договор о займе с английским банком «Братья Беринг», реализовавшим 18 млн руб. из 81%.[120]

После того как вскрылась афера «Брюс Пиблз и К⁰» и у «русских» электротехнических обществ вновь появились было шансы на получение заказов, три участника договора пересмотрели свои квоты в предстоящем деле.

---

[116] ЦГИА, ф. 1288, оп. 8, 1904 г., д. 89, лл. 84—85, письмо представителя ликвидаторов «Брюс Пиблз и К⁰» в Московскую управу 28.3/10.4.1908.

[117] Там же, л. 96, отношение Главного управления местного хозяйства МВД Н. И. Гучкову 29.4/12.5.1908.

[118] Там же, л. 103, Н. И. Гучков — Главному управлению местного хозяйства МВД 27.6/10.7.1908.

[119] Электричество, 1908, № 7, стр. 291. Прибыль для ВКЭ составляла 25% (ЛГИА, ф. 1367, оп. 8, д. 31, л. 143).

[120] ЛГИА, ф. 1367, оп. 8, д. 77, л. 317, Немецкий банк — АЭГ (21.2)/5.3.1908. Немецкие банки в декабре 1907 г. предлагали заем в 10 млн руб. по грабительскому курсу в 65% (Berliner Tageblatt, 21.12.1907, № 467).

Если осенью 1907 г. на переговорах между ВКЭ и «Сименс-Гальске» ничего не говорилось об участии «Вестингауза» в поставках для московского трамвая, то весной 1908 г. три общества уже вместе согласуют все шаги перед Управой [121] и «Вестингауз» принимает участие в торгах. Это было явной уступкой германских фирм, боявшихся, что в противном случае «Вестингауз» начнет действовать самостоятельно и перехватит заказ или собьет цены. Одержав первый успех, «Вестингауз» решил потребовать своей доли и в других местах, в частности в Одессе. Первоначально реакция как ВКЭ, так и АЭГ была отрицательной. Но представитель «Вестингауза» пригрозил воспользоваться против своих «союзников» их же оружием и добиться включения в условия поставок для Одессы требования, чтобы все поставляемое оборудование было изготовлено на русских заводах. Поскольку себестоимость на московском заводе «Вестингауза» была ниже, чем на рижском заводе ВКЭ, правление ее сочло более целесообразным искать соглашения.[122] Тогда же наметилось реальное соглашение трех обществ и в Петербурге. В октябре 1908 г. АЭГ уведомила ВКЭ, что банк (очевидно, Дрезденский) хочет установить связь с «Вестингаузом» по вопросу о сотрудничестве в Петербурге.[123] Вынужденная готовность к сотрудничеству была, как всегда, вызвана появлением новых конкурентов.

В декабре 1908 г. с предложением взять в концессию столичный трамвай обратились к Петербургской управе «Британская компания электрической тяги», «Антверпенский союз трамваев» и антверпенский Банк общественных вкладов. Кроме того, в Управе имелось аналогичное предложение некоего Смита.[124] Между тем Управа отвергла проект ВКЭ и «Сименс-Гальске»,[125] что и сделало их более сговорчивыми, 8/21.4.1909 в Управу было направлено новое заявление уже от имени трех

---

[121] ЛГИА, ф. 1367, оп. 8, д. 77, л. 251, ВКЭ — Дерру (члену правления) в Москву 19.4/2.5.1908.

[122] Там же, д. 15, лл. 47—53, ВКЭ — «АЭГ-Унион» 27.11/10.12.1908.

[123] Там же, д. 7, л. 23, АЭГ — ВКЭ 25.9/8.10.1908.

[124] ЛГИА, ф. 1396, оп. 1, д. 79, лл. 83—87, журнал заседания исполнительной комиссии по заведованию городскими железными дорогами в Петербурге 24.4/7.5.1909.

[125] Торгово-промышленная газета, 30.4/13.5.1908, № 98.

обществ. Пока «Сименс-Гальске» и ВКЭ сговаривались с «Вестингаузом», германские банки устраняли других конкурентов. Они успешно справились со своей задачей, и одновременно с проектом трех обществ в Управу поступило заявление от «Британской компании электрической тяги», «Антверпенского союза трамваев» и Банка общественных вкладов, в котором они отказывались от своего предложения от 24.11/7.12.1908 и уведомляли Управу о создании ими финансового консорциума для поддержки трех «русских обществ».[126]

Таким образом, к весне 1909 г. существовали соглашения трех обществ по важнейшим объектам — трамваям в Петербурге, Москве и Одессе. Это явилось важной вехой на пути к созданию синдиката в составе ВКЭ, «Сименс-Гальске» и «Вестингауза», окончательное оформление которого приходится, очевидно, на 1910 г. Кроме того, весной 1909 г. был создан международный синдикат, вновь стремившийся овладеть Петербургским трамваем. Как и в 1909 г., он не сумел постичь своей цели — Петербургская управа не захотела отдать доходное предприятие в руки концессионеров. Однако отсутствие средств у города отложило на несколько лет строительство второй очереди трамвая.

Следует отметить, что, несмотря на все попытки конкурентов изменить положение, борьба за трамвайные поставки в первое десятилетие XX в. проходила под знаком превосходства германских концернов. По данным Совета съездов представителей промышленности и торговли, до 1908 г. «Сименс-Гальске» поставило электрооборудование для трамвая в Житомире, Астрахани, Нижнем Новгороде, Екатеринославе, Либаве, Пятигорске и частично в Москве; ВКЭ — в Риге, Лодзи, Згерже, Пабианицах, Киеве, Харькове и частично в Москве; в Петербурге и частично в Москве поставил электроборудование «Вестин-

---

[126] ЛГИА, ф. 1396, оп. 1, д. 79, лл. 86—87, журнал заседания исполнительной комиссии. В материалах «Вестингауза» сохранилась копия заявления трех петербургских осветительных обществ от 8/21.4.1909, в котором они сообщали, что для финансирования их предприятия создан консорциум русских, германских, бельгийских и английских банков, во главе которого становится <...> в Берлине. В тексте фразы оставлено место для немецкого названия, которым по размеру может быть Deutsche Bank или Dresdner Bank. (Там же, лл. 79—80).

гауз».[127] В 1908—1909 гг. положение в основном осталось тем же. Вмешательство Дюле портило германским фирмам цены, но не останавливало их экспансии. Само общество «Электричество и гидравлика» получило заказы лишь в трамвайных предприятиях, связанных с «Сосьете женераль». Афера Стенли в Москве испортила шансы английских фирм, и только политическое давление, оказанное на Московскую управу, вынудило ее сохранить за англичанами часть заказа.

«Большой синдикат 1909 г.» (попытка реконструкции)

При рассмотрении событий 1909 г. бросается в глаза ряд совпадений. В апреле 1909 г. группа старых акционеров «Петербургского общества электрических сооружений» произвела изменение устава общества и тем подготовила состоявшийся в мае переход его в руки «Генеральной вспомогательной компании». Как мы уже указывали, компания эта представляла собой блок бельгийского «Сосьете женераль» и АЭГ при участии Сименса. 14/27 апреля на собрании акционеров «Общества 1886 г.», до того находившегося в безраздельной собственности Немецкого банка и Сименса, в состав правления был введен представитель АЭГ К. Цандер,[128] а на вторичном собрании 4/17 мая среди акционеров в первый раз появился принадлежавший к концерну АЭГ цюрихский Банк для электрических предприятий «Электробанк».[129] 8/21 апреля основные конкуренты ВКЭ и «Сименс-Гальске» в борьбе за петербургский трамвай — «Антверпенский союз трамваев» и Банк общественных вкладов (оба — группа Тиса, союзная брюссельскому «Сосьете женераль») — заявили об отказе от своих предложений и создании финансового синдиката для поддержки ВКЭ и «Сименс-Гальске». Такое совпадение дат (апрель—май 1909 г.) и участников (АЭГ, Сименс и группа «Сосьете женераль» — Тис) во

[127] ЦГИА, ф. 1288, оп. 8, 1904 г., д. 25, ч. 1, л. 166, отношение Совета съездов представителей промышленности и торговли в МВД 25.2/9.3.1908.

[128] ЛГИА, ф. 1243, оп. 1, д. 1039, док. 92, протокол собрания акционеров 14/27.4.1909.

[129] Там же, д. 1040, док. 71, список акционеров 1/17.5.1909.

всех трех комбинациях не может, как нам представляется, быть простой случайностью.

К этому нужно добавить еще одно соображение. До 1909 г. АЭГ и Сименс рассматривали группу «Сосьете женераль» и Тиса как своих врагов в трамвайных делах. Об этом прямо говорилось в переписке относительно киевского и саратовского трамвая. После 1909 г. не было ни одного случая, чтобы Тис, к которому перешла главная роль в трамвайных начинаниях «Сосьете женераль», и германские концерны выступали друг против друга. Наоборот, во всех случаях, когда переговоры Тиса о новой трамвайной концессии доходили до той стадии, на которой вставал уже вопрос о поставках электрооборудования, в качестве поставщиков фигурировали АЭГ и Сименс (Ораниенбаумская дорога, Бакинский трамвай и т. д.). ВКЭ специально оговаривала, что она находится «в постоянных отношениях с финансовой группой Мееуса (директор Банка общественных вкладов) относительно различных дел в России».[130] В начале же 1914 г. пресса сообщила слухи о слиянии «Генерального бельгийского общества электрических предприятий» (АЭГ) и основного трамвайного треста группы «Сосьете женераль» — «Взаимной компании трамваев».[131]

Кроме того, нельзя не вспомнить, что той же весной 1909 г. был создан блок германских, бельгийских и французских банков для финансирования электрических предприятий на Ближнем Востоке.[132] Вполне допустимой является мысль, что параллельно с этим соглашением был осуществлен и дележ «интересов» в России.

На основании всего вышесказанного, а также исходя из состава синдиката «Иматры», который, по признанию его участников, совпадал с составом «Генеральной вспомогательной компании», содержание соглашений 1909 г. представляется нам следующим образом: АЭГ, имевшая более прочные связи в Бельгии, чем Сименс, вступила в блок с группой «Сосьете женераль» и, опираясь на него, потеснила позиции «Сименс-Гальске» в электроосветительной промышленности России. Блок АЭГ — «Сосьете жене-

---

[130] ЛГИА, ф. 1367, оп. 8, д. 202, л. 221, ВКЭ — «ВКЭ—Баку» 18/31.3.1914.

[131] Торгово-промышленная газета, 18/31.1.1914, № 15.

[132] Там же, 12/25.5.1907, № 107.

раль» заставил Сименса отказаться от попыток подчинить себе «Петербургское общество электрических сооружений». При этом победители предоставили Сименсу определенное участие в перенявшей это общество «Генеральной вспомогательной компании», за что Сименс допустил АЭГ к участию в «Обществе 1886 г.». За право получить большую часть пакета акций «Генеральной вспомогательной компании» группа «Сосьете женераль» заплатила подчинением этой компании «Бельгийского общества освещения Петербурга», которое до того находилось целиком в бельгийских руках, теперь же в него через «Вспомогательную компанию» проникли и германские концерны. Сименс был в большой степени компенсирован заключением долгосрочного картельного договора петербургских осветительных обществ, наиболее выгодного для «Общества 1886 г.». В области трамвая бельгийские концерны «Сосьете женераль» и Тиса стали сотрудничать с АЭГ и Сименсом как в учредительстве, так и в поставках электрооборудования. Наибольшие выгоды от соглашения получила АЭГ, что соответствовало общей тенденции наступления АЭГ на позиции «Сименс-Гальске» в России. Для финансирования электрических предприятий в России был создан банковский синдикат, в который, очевидно, вошли Немецкий банк, Банк для торговли и промышленности (Берлин), брюссельский «Сосьете женераль», Банк общественных вкладов, Международный банк в Брюсселе, Парижско-Нидерландский банк, «Элекробанк», «Индэлек», и, возможно, ряд других участников. За отсутствием прямой документации трудно настаивать на точности воспроизведения нами содержания соглашений, но самый факт их существования и их общее направление кажутся нам несомненными.

Некоторые итоги

Как уже указывалось, годы кризиса и депрессии с еще большей очевидностью подчеркнули однобокий характер развития русской электроиндустрии и транспорта. Иностранные концерны, создав в России свои дочерние общества, позволявшие им выступать под флагом «отечественной промышленности» и требовать на этом основании покровительства властей, направили теперь основной

поток капиталов в осветительные и трамвайные предприятия. За 1900—1909 гг. иностранными концернами был выстроен в России только один электротехнический завод «Центральной компании электричества в Москве» (затем «Вестингауза»). Строительство началось еще в годы первого промышленного подъема. Всего за 10 лет капиталовложения в электротехническую промышленность выросли на 14.3 млн руб., или на 65%, а в электроосветительную промышленность и трамвай на 100.3 млн руб., или на 205% в осветительной промышленности и на 580% в предприятиях электрического трамвая. В результате удельный вес собственно электротехники понизился с 33 до 22%.

Чрезвычайно отчетливо проявилась тенденция к дальнейшему вытеснению русского национального капитала. Его доля, составлявшая в 1899 г. 22.3%, упала в 1909 г. до 8.5%. При этом не произошло почти никакого увеличения и абсолютных размеров русских капиталовложений. Их общая сумма увеличилась за 10 лет всего на 1.5 млн руб., тогда как иностранные за это время выросли на 113.2 млн руб. В результате русские капиталы почти полностью отсутствовали в осветительной промышленности (составляя всего 2.8%), где произошло и абсолютное их сокращение. Удельный вес русских трамвайных предприятий сократился в четыре раза, а крупнейшее трамвайное общество страны в Киеве перешло в бельгийские руки. Так же обстояло дело и в электротехнике, где почти половина русских инвестиций приходилась на участие в германских предприятиях в России. Значительно сократилось влияние русских банков. Международный банк не удержал своих позиций в «Электрической силе», ослабли его позиции и в «Р. О. Сименс-Гальске». Хотя представители Международного банка по-прежнему входили в состав правления этого общества, все руководство им осуществлялось из Берлина. Сименсы, имевшие старые деловые связи в России и тесно связанные с Немецким банком, не нуждались в финансовой поддержке русских банков и отводили им лишь третьестепенные роли. Более тесными были отношения Международного банка с «Р. О. Унион» в силу связей банка с финансировавшими общество германскими банками — Дрезденским и Дисконто Гезельшафт. Директора банка Шайкевич и Дернен входили в правление «Униона»,

банк сохранял значительный пакет акций общества во все время его существования, участвовал в разработке и осуществлении планов его учредительной деятельности (захват товарищества «Савицкий и Страус», учреждение киевского и смоленского обществ). Но и «Унион» не принес банку ожидаемых результатов. Неумеренное грюндерство привело общество к краху. Международный банк выручил обратно далеко не все средства, вложенные в «Унион» (всем акционерам его в возмещение 6 млн руб. капитала было уплачено всего 900 000 руб.; кроме того, банк получал на 900 000 руб. облигаций ВКЭ взамен принадлежавших ему облигаций «Униона»).[133] Наиболее существенным приобретением, вынесенным Международным банком из его отношений с «Унионом», было установление связей с ВКЭ, купившей предприятие последнего. Внедрившаяся в Россию значительно позже Сименса и не имевшая в ней давних связей, ВКЭ нуждалась в содействии банка для получения заказов, в особенности при переводе на электрическую тягу трамваев в различных городах страны. Хотя банк в эти годы и не претендовал на главную роль в ВКЭ, Е. Г. Шайкевичу был предоставлен пост председателя правления компании, и банк выступал постоянным партнером ее при проведении операций в России. Еще более слабые позиции занимали в германских предприятиях (Сименса) Частный и Русский для внешней торговли банки. Учетный и ссудный банк участвовал в «Обществе тверской городской железной дороги и электрического освещения» и вместе с Сибирским банком в «Товариществе Подобедова». Связи других банков с электроиндустрией были, по-видимому, крайне незначительны.

Напряженно проходившая борьба иностранных монополий привела к вытеснению из электротехнической промышленности бельгийских капиталов. Их место заняло американо-французское «Р. Э. О. Вестингауз», кроме того, появились швейцарские («Дюфлон, Константинович и К°») и шведские («Эриксон») капиталы. Решающие позиции сохраняли германские концерны. В электроосветительной промышленности соотношение сил осталось приблизительно тем же, что и в 1899 г., поскольку захват

[133] ЛГИА, ф. 1250, оп. 1, д. 10, л. 134, доклад ликвидационной комиссии «Униона».

бельгийцами большинства в «Петербугском обществе электрических сооружений» компенсировался проникновением АЭГ и Сименса в «Бельгийское общество освещения» и главным образом расширением деятельности «Общества 1886 г.». Развитие трамвайных предприятий ознаменовалось бурным натиском бельгийских концернов (75% капиталовложений).

Решающую роль в наступлении иностранных монополий по-прежнему играли Немецкий банк и брюссельский «Сосьете женераль». Значительным было также участие Дрезденского банка, по-видимому возглавившего группу, финансировавшую деятельность ВКЭ. Потерпев неудачу с «Центральной компанией в Москве» льежские банки значительно сократили размер своих операций в России. Насколько можно судить по имеющимся данным, менее активным стал Парижско-Нидерландский банк. В то же время электрическая промышленность и транспорт России привлекали внимание новых финансовых групп. К ним прежде всего относится антверпенский Банк общественных вкладов, принявший активное участие в трамвайных предприятиях. Группа швейцарских банков, тесно связанных с Германией (Швейцарское кредитное общество, Базельский коммерческий банк, банкирские дома Дрейфуса и Лея), приняла участие в финансировании «Общества 1886 г.». Довольно большую активность проявил французский банк «Сосьете женераль», участвовавший в «Центральной компании в Москве», «Р. Э. О. Вестингауз» и «Варшавской компании электричества». Правда, ни в одном из них банк не играл главной роли, но представители его входили в правления всех трех обществ. В последнем из них участвовал также Французский банк для торговли и промышленности. Интерес к трамвайным делам, хотя и авантюристического характера, проявили английские финансовые круги.

За 1900—1909 гг. еще более отчетливо проявился монополистический характер развития русской электропромышленности. Воспользовавшись крахом своих соперников, «Сименс-Гальске» и АЭГ захватили в свои руки их предприятия в России. Вне этих концернов из числа германских предприятий оставался еще только Киево-Святошинский трамвай «Ламейера». Аналогичный процесс наблюдался и среди бельгийских обществ, где на долю группы «Сосьете женераль» приходилось более половины

всех инвестиций. Взятые вместе капиталы этих трех групп (считая «Сосьете женераль» вместе с примыкавшим концерном Тиса) составляли в 1909 г. 66% всех иностранных инвестиций против 34% в 1903 г. Между этими концернами в 1909 г. было заключено соглашение о совместных действиях в России, делавшее их позиции еще более прочными. Внутри этого «тройственного союза» шла борьба за первенство между «Сименс-Гальске» и АЭГ.

Годы кризиса и депрессии ознаменовались созданием монополистических объединений среди электропредприятий России. Первым из них явился картель петербургских осветительных обществ, созданный в 1901 г. Несмотря на ожесточенную борьбу Сименса, АЭГ и бельгийских финансовых кругов за наследство «Гелиоса», картельное соглашение оказалось прочным и в 1909 г. было подтверждено долгосрочным договором. Вторым был синдикат по поставкам трамвайного оборудования, окончательно, возможно, еще не оформленный, но фактически существовавший и включавший в себя три крупнейших электротехнических общества — «Р. О. Сименс-Гальске», ВКЭ и «Вестингауз». Кроме того, в 1908 г. был создан синдикат по поставкам электротехнического оборудования для железных дорог.

Глава третья

ОБОСТРЕНИЕ БОРЬБЫ МОНОПОЛИЙ В ЭЛЕКТРОИНДУСТРИИ В ГОДЫ ПРЕДВОЕННОГО ПРОМЫШЛЕННОГО ПОДЪЕМА

Предвоенный промышленный подъем в России

В 1909/10 г. длительный застой в развитии российской экономики сменился, наконец, новым промышленным подъемом, продолжавшимся почти до начала мировой войны. Годы промышленного подъема во всех отраслях русской экономики ознаменовались резким обострением борьбы монополистических группировок, активизацией деятельности русских банков, повышением активности русского национального капитала. «... Слияние банкового и промышленного капитала в связи с образованием капиталистических монополий, — подводил В. И. Ленин итоги предвоенного развития, — сделало и в России громадные шаги вперед».[1] В предвоенные годы гигантски возросла роль крупнейших русских банков. Концентрация банковского капитала опережала в России по темпам концентрацию промышленности. В 1914 г. 80% всех банковских средств принадлежало 12 крупнейшим банкам. Значение банков еще более возрастало в связи с изменением тактики иностранного финансового капитала. В годы первого промышленного подъема европейские банки и монополии часто выступали самостоятельно, непосредственно вкладывая средства в промышленные предприятия России. Опыт целого ряда крахов, вызванных плохим знакомством с конкретными условиями России, протекционистская политика властей, а главным образом сопротивление русских финансовых кругов, не желавших лишаться своей доли добычи, заставило эти банки изменить инвестицион-

[1] В. И. Ленин, ПСС, т. 27, стр. 365.

пую политику. В предвоенные годы подавляющая часть притока иностранного капитала (в особенности если не считать германского) шла в промышленность через русские банки. На этой основе устанавливается взаимовыгодное сотрудничество между финансовым капиталом России и европейских стран. «Разумеется, — указывал в связи с этим В. И. Ленин, — без всесторонней помощи русских капиталистов они (иностранные капиталисты, — *В. Д.*) *не могли* бы вовсе действовать в России. Рука руку моет. Американские, английские, немецкие капиталисты собирают прибыль при помощи русских капиталистов, которым перепадает очень хорошая доля».[2]

В ходе борьбы различных групп банковского капитала наибольшего успеха добивается возникший в 1910 г. путем слияния Русско-Китайского и Северного банков Русско-Азиатский банк, превратившийся в самое крупное коммерческое учреждение страны, тесно связанное и с правительственным аппаратом и с иностранным капиталом. Успешную деятельность развернул и Частный банк, после многих лет неудач реорганизованный в том же 1910 г. при активном участии французских финансовых кругов. В декабре 1911 г. оба этих банка заключили между собой соглашение о сотрудничестве, положив этим начало банковской монополии, объединявшейся вокруг Русско-Азиатского банка. По-прежнему большую роль играл и Международный банк, хотя он и был вынужден уступить пальму первенства. Действуя часто в союзе с Учетным и ссудным и Русским для внешней торговли банками, он оказывал упорное и успешное сопротивление названной выше группировке. С каждым годом укреплял позиции Азовско-Донской банк. Не следует, однако, переоценивать единства банковских группировок. В сложном переплете интересов, в острейшей конкурентной борьбе сталкивались во враждебных лагерях даже настолько тесно связанные между собой банки, как Русско-Азиатский и Частный, о чем мы еще будем иметь случай рассказать в дальнейшем.

Укрепление позиций банков и складывание банковских группировок с неизбежностью влекло за собой дальнейшее укрепление позиций монополий в промышленности. В 1910—1914 гг. создаются новые монополистиче-

[2] Там же, т. 21, стр. 367.

ские объединения в металлообрабатывающей промышленности России. В группировку, возглавленную Русско-Азиатским банком, входят Путиловские заводы, Невский судостроительный завод, общество Парвиайнен и др., в группу Международного банка — Коломенский и Сормовский заводы, объединение судостроительных заводов «Наваль-Руссуд» и т. п., в группу Учетного и ссудного банка — заводы Л. Нобеля, Лесснера, «Нобле сснер», «Феникс», «Русский Уайтхед».[3]

По-прежнему большую роль в развитии экономики России играл иностранный капитал. «Весь мировой капитализм, — писал в 1913 г. В. И. Ленин, — вся сила международного обмена, вся мощь миллиардных капиталов буржуазии всех стран тянет за собой Россию, вскармливает ее буржуазию».[4] Тесно связанный с основными банками страны, широко участвующий в промышленных предприятиях, иностранный капитал подчинял своему влиянию важнейшие отрасли народного хозяйства. Но одновременно с этим шел процесс усиления позиций русского национального капитала. С одной стороны, банки, используя противоречия между различными группировками иностранного капитала, лавировали (и небезуспешно) в целях проведения самостоятельной политики. Не следует, конечно, изображать петербургские банки сознательными и последовательными сторонниками политики ослабления зависимости России от иностранцев. Политика банков определялась в каждом конкретном случае их узкокорыстными интересами, но объективно увеличение возможностей свободы действий для петербургских банков вело к усилению самостоятельности русского национального капитала в целом. С другой стороны, уже в предвоенные годы, а особенно быстро и отчетливо во время войны, появляются новые промышленные магнаты из кругов немонополистической буржуазии, превращающиеся теперь в монополистов. Действуя либо самостоятельно, либо в союзе с петербургскими банками (но не в подчинении у них), промышленные деятели типа Второва, Стахеева, Рябушинских создавали свои группировки,

---

[3] В. И. Бовыкин, К. Н. Тарновский. Концентрация производства и развитие монополий в металлообрабатывающей промышленности России. Вопросы истории, 1957, № 2.

[4] В. И. Ленин, ПСС, т. 24, стр. 5.

часто опережая по формам объединения своих предприятий банково-промышленные монополии. Позднее, в особых условиях войны и инфляции, подобного рода деятели сумели подчинить себе ряд крупных банков. Появление этих групп создавало новых конкурентов как петербургским финансовым кругам, так и иностранному капиталу, еще больше обостряло борьбу за влияние на русскую промышленность.

Сложившаяся обстановка вынудила изменить своей обычной политике и германские монополии. Характерной чертой деятельности германских капиталистов в России было создание дочерних предприятий крупных концернов, получавших необходимые им средства непосредственно от материнских обществ и связанных с ними германских банков. Участие русских капиталов (в том числе и банковских) в таких предприятиях было крайне незначительным. В целом этот свой характер германские предприятия сохранили и в годы предвоенного промышленного подъема. Но они вынуждены были пойти на установление более тесных связей с русскими банками и промышленными предприятиями, шире прибегая к их услугам в денежных операциях и при распределении заказов, а также предоставляя их руководителям места в своих правлениях.

Рост инвестиций в электротехническую промышленность. Русские банки и электроиндустрия

Все вышесказанное в полной мере относится и к электротехнической промышленности России. Техническое и энергетическое переоборудование машиностроительных и металлургических предприятий, создание военно-морского флота, развитие военной радио- и телеграфной связи — все это вызывало значительное увеличение спроса на электротехническую продукцию, вело к новой сравнительно широкой волне учредительства в этой отрасли. Число акционерных обществ с 1909 по 1914 г. выросло с 12 до 22, а их капиталы с 34.9 до 60.5 млн руб. (или на 73%). В электроэнергетической промышленности за те же годы количество акционерных предприятий увеличилось с 13 до 24, а их капиталы с 70.8 до 139.1 млн руб. (или на 98%). По темпам прироста капиталовложений за

1909—1914 гг. электротехническая и электроэнергетическая отрасли обгоняли средний прирост капиталов в русской промышленности. Наоборот, приток средств в трамвайные предприятия замедлился, поскольку в городах, где такие предприятия сулили наибольшие доходы, строительство их было уже осуществлено ранее, а за неосуществленные концессии развернулась затяжная борьба. Поэтому число акционерных трамвайных обществ выросло всего с 25 до 29. Общий прирост капиталов в предприятиях, связанных с электричеством, составлял 117.7 млн руб.

В обстановке усиливающейся конкурентной борьбы германские концерны стремились удержать и укрепить свои позиции, предпринимая для этой цели шаги в двух направлениях — расширения технической базы и установления более тесных связей с русскими банками и предприятиями. Концерн Сименса соорудил в Петербурге большой завод динамомашин. Только что отстроенный завод в начале 1913 г. в связи с общей реорганизацией структуры концерна Сименса был передан «Р. О. Шуккерт», переименованному в «Р. О. Сименс-Шуккерт». В соответствии с этой реорганизацией за «Сименс-Гальске» остались предприятия слаботочного оборудования и участие в других обществах, а все предприятия по производству машин сильного тока были сосредоточены в руках «Сименс-Шуккерт». Для осуществления передачи завода капитал «Р. О. Сименс-Шуккерт» был увеличен с 3 до 15 млн руб., причем вновь выпущенные акции передавались «Сименс-Гальске» в уплату за завод.[5] Несколькими месяцами раньше было создано общество «Польские заводы Сименса». Его основу составили Варшавское и Сосновицкое отделения «Сименс-Гальске» и связанная с Сименсом фирма «Гордличка и Стамеровский», получившая за переданное имущество 25% акций нового общества из капитала в 1 млн руб.[6] У «Польских заводов Сименса» в действительности не было заводов. Общество располагало лишь небольшими мастерскими в Лодзи и занималось в основном посреднической торговлей.[7] Смысл

[5] ЦГИА, ф. 23, оп. 24, д. 689, л. 215, прошение «Р. О. Сименс-Шуккерт» в Министерство торговли и промышленности 22.4/5.5.1913.

[6] ЛГИА, ф. 1249, оп. 5, д. 16, л. 30, список акционеров на 4/17.6.1914.

[7] ЦГИА, ф. 1276, оп. 11, д. 181, л. 33, изложение заседаний Междуведомственного при Министерстве торговли и промышлен-

его учреждении заключался в укреплении связей с польскими торгово-промышленными кругами. Одновременно с «Сименс-Шуккерт» соорудила новый завод в Риге и ВКЭ, увеличившая для этого свой капитал с 7 до 12 млн руб.[8]

Усилились русские финансовые связи германских концернов. ВКЭ и раньше была связана с Международным банком, директор которого Е. Г. Шайкевич являлся председателем ее правления. Теперь в состав правления были введены еще один директор банка Г. А. Блох и представители связанных с банком предприятий. Укрепление связей ВКЭ с Международным банком еще более отдалило от банка предприятия Сименса, а поскольку у них издавна существовали хорошие отношения с Частным банком, то после его соглашения о сотрудничестве с Русско-Азиатским банком, концерн Сименса также установил контакт с последним. В результате в правление реорганизованного в 1913 г. «Р. О. Сименс-Шуккерт» вошли директора Русско-Азиатского и Частного банков А. И. Путилов (занявший пост председателя) и А. А. Давидов. Кроме того, в правление вошел директор Азовско-Донского банка Б. А. Каменка. Представители же Международного банка были от участия отстранены.

Роль русских банков в предприятиях германских концернов не следует преувеличивать. Все руководство этими предприятиями по-прежнему осуществлялось из Берлина. Даже для простого открытия счета «Сименс-Гальске» в Азовско-Донском банке потребовалось согласие Немецкого банка.[9] Акционерный капитал обществ

пости совещания для обследования германских предприятий 30.4/13.5.1915.

[8] Заседавшая летом и осенью 1917 г. Особая ликвидационная комиссия ВКЭ признала, что русским акционерам до начала войны принадлежали акции только на сумму в 935 000 руб. (ЦГИА, ф. 23, оп. 28, д. 460, л. 88). На основании этого нами и произведено распределение капитала ВКЭ, что несколько расходится с подсчетами П. В. Оля в книге «Иностранные капиталы в России» (Пгр, 1922, стр. 73). Мы не можем также согласиться с его исчислениями относительно предприятий Сименса и «Тюдора». Как видно из архивных материалов, весь капитал этих обществ в 1914 г. находился в германских руках. (см.: ЦГИА, ф. 23, оп. 11, д. 489, л. 14 и ЛГИА, ф. 1368, оп. 1, д. 188, лл. 19 и 37).

[9] ЦГИА, ф. 616, оп. 1, д. 162, лл. 10—11, Б. А. Каменка — Б. А. Эфрону 1/14.11.1912.

Сименса находился целиком в германских руках, а участие Международного банка в капитале ВКЭ было, как мы видели, крайне незначительным. Банки, безусловно, стремились использовать свои отношения с электротехническими предприятиями в пользу патронируемых ими обществ и, наоборот, обеспечить заказами со стороны этих последних более близкие им электропредприятия. Но это ни в коей мере не лишало электрические общества полной самостоятельности, отчетливо осознававшейся их контрагентами. Так, «Общество Путиловских заводов» уже после его перехода в группу Русско-Азиатского банка считало вполне возможным продолжать заказывать электрооборудование у ВКЭ, а не у «Сименс-Гальске».[10]

Налаживая отношения с германскими электропредприятиями, Русско-Азиатский и Международный банки в то же время создавали и конкурирующие общества, правда, во вспомогательных отраслях. В течение многих лет общество «Тюдор» являлось полным хозяином русского рынка аккумуляторов. За годы второго подъема оно удвоило свой акционерный капитал. Однако перед войной монополия его была впервые поставлена под сомнение. В 1912 г. Русско-Азиатский банк, Торгово-промышленный банк и банкирский дом Г. Лесина[11] учредили общество «Рекс», доведя его капитал до 1.6 млн руб. Со своей стороны Международный банк способствовал французскому «Обществу электрической обработки металлов» в учреждении одноименного русского товарищества (ТЭМ) с капиталом в 1.5 млн руб.,[12] занимавшегося в основном также производством аккумуляторов.

---

[10] ЦГИА, ф. 597, оп. 2, д. 300, л. 26, Давидов — Дрейеру 8/21.4.1913.

[11] ЦГИА, ф. 23, оп. 12, д. 1381, лл. 55 и 83, протоколы собраний акционеров 18.9/1.10.1912 и 19.6/2.7.1913; ф. 630, оп. 2, д. 666, л. 11, банкирский дом Г. Лесина — Русско-Азиатскому банку 29.1/11.2.1915.

[12] ЦГИА, ф. 23, оп. 28, д. 2252, лл. 7 и 11, списки акционеров 25.2/10.3.1914 и 30.8/12.9.1915. Из этих списков явствует, что весь капитал ТЭМ принадлежал французскому обществу и что неверно считать ТЭМ находящимся в полной зависимости от Международного банка, как это делают И. Ф. Гиндин и Л. Е. Шепелев в своей статье «Банковские монополии в России накануне Великой Октябрьской социалистической революции» (Исторические записки, т. 66).

Такой параллелизм был не случаен, в нем проявлялось соперничество упомянутых банков в борьбе за руководство промышленностью в предвоенные годы, их стремление создать группы военно-промышленных предприятий, полностью обеспечивающих себя необходимым оборудованием. Важное место в таких группах должны были занимать заводы аккумуляторов, поставлявших свою продукцию судостроительным обществам для подводных лодок.

Большую активность в области электротехники проявили и другие банки. Здесь следует прежде всего назвать Учетный и ссудный банк, действительно включивший ряд электропредприятий в свою группу. Решающим мотивом в действиях банка являлось, очевидно, то же стремление обеспечить входившие в сферу влияния банка военно-промышленные, в первую очередь судостроительные, предприятия электрическим оборудованием. Поскольку главным районом влияния банка была Прибалтика, его внимание привлек завод «Вольта» в Ревеле, находившийся в руках Рижского банка и местных капиталистов.[13] В 1913 г. банк захватил этот завод,[14] выступая при этом совместно с Э. Нобелем.[15] В том же году Учетный и ссудный банк осуществил выпуск новых акций общества «Дюфлон, Константинович и К°»,[16] которое уже с 1906 г. вело свои финансовые операции через Учетный банк. В результате руководство обществом перешло к банку. Оказавшись перед необходимостью технической реконструкции завода «Вольты», банк повел

---

[13] ЦГИА, ф. 630, оп. 3, д. 77, Сортовая книга акций, л. 72. Еще в 1911 г. крупнейший пакет акций «Вольты» находился у ревельского капиталиста Трека.

[14] И. Ф. Гиндин. Банки и промышленность в России до 1917 г. М.—Л., 1927, стр. 94.

[15] ЦГИА, ф. 23, оп. 28, д. 430, л. 15, список акционеров 8/21.5.1914. По данным этого списка, охватывающим 12 585 акций, русские капиталы составляли 96.7% всего капитала «Вольты», а мелким германским акционерам принадлежало 3.3%.

[16] ЦГИА, ф. 23, оп. 25, д. 233, л. 193, доклад правления за 1913 г. Согласно списку акционеров 14/27.5.1914, участие французских и швейцарских акционеров в обществе составляло соответственно 13.6 и 15.2%, а германских — 4%, при участии в собрании свыше 80% владельцев акций. Мы поэтому сочли неправильным утверждение П. В. Оля, отнесшего к иностранным 80% капитала общества. В годы войны соотношение сил в еще большей степени изменилось в пользу русских капиталов.

переговоры об этом с ВКЭ и «Сименс-Гальске». Последние потребовали 51% акций «Вольты» и право контроля за ее деятельностью, соглашаясь с тем, чтобы их представители не были введены в правление общества.[17] Переговоры были прерваны войной, и трудно сказать, в какую сторону они развивались бы в нормальных условиях. Во всяком случае можно утверждать, что уже в предвоенные годы было положено начало тем тесным связям между Учетным банком и германскими электроконцернами, которые характерны для периода войны.

Определенную заинтересованность в электротехнических предприятиях проявил Азовско-Донской банк. Выше уже упоминалось об участии Б. А. Каменки в «Р. О. Сименс-Шуккерт». В годы предвоенного промышленного подъема банк принял участие в увеличении капитала общества «Эриксон». Перед войной представители банка владели 25% капитала общества из общей суммы в 2 млн руб.[18] По сведениям И. Ф. Гиндина[19] в сферу влияния банка входило также учрежденное в 1912 г. «Петербургское арматурно-электрическое общество». Подробнее мы будем говорить об истории этого общества в следующей главе, но уже здесь следует сказать, что, как нам представляется, банк уже к концу 1913 г. утратил интерес к «Арматурно-электрическому обществу».[20]

---

[17] ЛГИА, ф. 1367, оп. 8, д. 299, л. 35, Герц—Дейчу 29.5/11.6.1914; л. 36, набросок соглашения относительно «Вольты».

[18] ЦГИА, ф. 23, оп. 28, д. 2578, лл. 4—5, списки акционеров 30.4/12.5.1914, 25.5/7.6.1915 и последующие

[19] И. Ф. Гиндин, ук. соч., стр. 104—105.

[20] Распределение капитала «Арматурно-электрического общества» по национальному признаку вызывает затруднения. Мы приняли округленную цифру в 400 000 руб. для французского участия на том основании, что на собрании 12/25.6.1914 граф де Шевильи представил 3945 акций стоимостью по 100 руб. (ЦГИА, ф. 23, оп. 28, д. 1607, лл. 4—5). В распоряжении правления находились неразобранные и некоторые другие акции общества на сумму свыше 200 000 руб., которые оно собиралось продать Частному банку. Ведение переговоров об этой продаже было поручено Шевильи и Завойко. Поэтому вполне возможно, что на собрании 12/25.6.1914 Шевильи представил наряду со своими собственными акциями и акции правления, его же доля составляла только 200 000 руб., как это вытекает из данных о подписке. Не имея доказательств этого, мы все же отнесли к французским все акции, представленные Шевильи, но сочли себя вправе не прибегать к экстраполяции.

Русская электротехника продолжала привлекать внимание и других иностранных капиталистов. Чикагская «Западная электрическая компания» акционировала предприятие «Электромеханического и телефонного завода Н. К. Гейслер», в котором и раньше играла руководящую роль. При этом основной капитал был установлен в 1 млн руб., из которых менее трети приходилось на чикагскую компанию, а остальное на русских акционеров,[21] но руководящее положение было за американской компанией сохранено. Решила построить свой завод в России и даже приобрела для этого участок земли в Риге и крупная швейцарская компания «Броун, Бовери и К°». Однако из-за начавшейся войны учредители «Р. О. Броун, Бовери и К°» не смогли воспользоваться полученным разрешением.

Образование электротехнической группы П. О. Гукасова

Но наибольшее значение для изменения расстановки сил в электротехнической промышленности имело образование группы П. О. Гукасова. Время, с которого Гукасов начал интересоваться электротехнической промышленностью, еще нуждается в уточнении. С 1899 г. он являлся крупным акционером и членом правления бакинской «Электрической силы», но здесь он скорее всего выступал только в качестве нефтепромышленника, заинтересованного в получении электроэнергии. С 1903—1904 гг. в состав правления «Товарищества М. М. Подобедова» входят сын сотрудника Гукасова и в будущем тоже его сотрудник Б. Л. де Бур. Но у нас нет данных, позволяющих судить о том, действовал ли он в данном случае от имени Гукасова или самостоятельно. Но уже с 1908 г. мы можем констатировать бесспорную причастность Гукасова к электротехническим предприятиям. В этом году была проведена реорганизация телефонного завода Айзенштейна. В созданном «Русском обществе беспроволочного телеграфа и телефона, бывш. М. Л. Ай-

[21] ЦГИА, ф. 23, оп. 28, д. 507, л. 2, список акционеров 25.4/8.5.1914. На основании этого списка мы отнесли к американскому 29% капитала общества.

зенштейна» («Робтит») крупнейший пакет акций, 493 000 руб., из 1.2 млн руб., принадлежал товариществу «Гукасов и К°».[22] Чтобы не возвращаться больше к этому обществу, нужно сразу же сказать, что Гукасову и его компаньону Ю. М. Тищенко не удалось удержать «Робтит» в своих руках. В 1911 г. общество заключило соглашение о техническом и финансовом сотрудничестве с «Английской компанией беспроволочного телеграфа Маркони», после чего в правлении 3 места из 5 заняли представители английской компании, в том числе сам Г. Д. Маркони.[23] Правда, сначала в правлении остался Ю. М. Тищенко, но, видимо, ненадолго. Половина капитала общества, доведенного к 1914 г. до 3 млн руб., числилась за английской компанией и ее представителями, а из русских были представлены М. Л. Айзенштейн, Учетный и ссудный и Сибирский банки и ряд лиц, характеристика которых пока затруднительна.[24]

Эпизод с «Робтит» был лишь началом широкого вторжения Гукасова в область электричества. В 1909 г. он всерьез занялся «Товариществом М. М. Подобедова». Товарищество это владело небольшой электростанцией в Петербурге, кабельным заводом и отделом по продаже и установке электрического оборудования. Действия его были неудачными, и прежние владельцы потеряли к нему интерес, в связи с чем в товариществе усилилось влияние Б. Л. де Бура и М. С. Залшупина (вошедшего, правда ненадолго, в состав правления). Выступали ли они с самого начала в интересах Гукасова или обратились к нему лишь позднее из-за нехватки собственных

---

[22] Там же, оп. 12, д. 337, л. 84, список акционеров 5/18.12.1908. Товарищество «Гукасов и К°» создано в 1904 г. для торговли железом и металлическими изделиями в составе П. О. Гукасова — $^2/_3$ капитала и крупного промышленника Ю. М. Тищенко — $^1/_3$ (ЦГИА, ф. 626, оп. 1, д. 512, лл. 1—2). Тищенко в свою очередь владел акциями «Робтит» на 200 000 руб., что давало компаньонам абсолютное большинство.

[23] ЦГИА, ф. 23, оп. 12, д. 337, л. 169, протокол чрезвычайного собрания акционеров 26.10/8.11.1911. В «Документах по истории монополистического капитализма в России» (М., 1959, стр. 762) ошибочно указано, будто в правление «Робтит» входил польский промышленный деятель Г. Г. Маркони.

[24] ЦГИА, ф. 23, оп. 28, д. 1827, лл. 5—6, список акционеров 31.5/13.6.1914. Из подсчетов П. В. Оля (см. ук. соч., стр. 63 и 138) видно, что он относил к иностранным $^5/_6$ капитала «Робтит». Такое утверждение кажется нам преувеличенным.

средств, сказать трудно. Во всяком случае прошение 24.11/7.12.1909 о списании на покрытие убытков прежних лет половины капитала (0.55 из 1.1 млн руб.), положившем начало финансовой реорганизации предприятия, было подано от имени «Товарищества М. М. Подобедова» юрисконсультом «Каспийского товарищества» М. М. Казариным, сотрудником Гукасова. К этому времени самого Подобедова в правлении товарищества уже не было.[25] На собрании 8/21.12.1910 в качестве пайщиков выступили сотрудники Гукасова Б. Л. де Бур, М. М. Казарин и близкие к нему же П. Ф. Ольгин и Н. Н. Янг. В числе пайщиков подписались также М. С. Залшупин и В. Н. Голицин — член правления Петербургского третьего общества взаимного кредита, в котором Залшупин был председателем. Несмотря на сопротивление довольно значительной оппозиции, состоявшей, видимо, из старых пайщиков (имена которых не названы), собрание постановило ходатайствовать об изменении устава, и в частности о предоставлении права участвовать в однородных предприятиях.[26] В дальнейшем руководящая роль Гукасова становится совершенно очевидной, что явствует из последующих списков акционеров «Общества русских кабельных и металлопрокатных заводов» («Рускабель»), как с 1913 г. стало именоваться «Товарищество Подобедова». Из списка акционеров 1913 г. видно, что, например, П. О., А. П. и Э. П. Гукасовы представили 9000 акций из 15 673, Б. Л. де Бур — 3414, деятель «Каспийского товарищества» А. Г. Наджаров — 2146, М. С. Залшупин — 600.[27] В составе правления вошли Б. Л. де Бур (председатель), В. Л. де Бур, А. П. Гукасов, П. Ф. Ольгин. Капитал «Рускабеля» был к началу войны увеличен до 3 млн руб.

Сразу же по захвате «Товарищества Подобедова» его новые владельцы начали широкую реконструкцию предприятия. С этой целью они в 1911 г. заключили договор с крупнейшим английским кабельным заводом «Хелсби» о совместном производстве освинцованных кабелей и построили в Москве заводы — меднопрокатный,

[25] ЦГИА, ф. 23, оп. 24, д. 237, лл. 148—149, прошение поверенного «Товарищества Подобедова» 24.11/7.12.1909.

[26] Там же, оп. 14, д. 258, лл. 4—5, протокол чрезвычайного собрания пайщиков 8/21.12.1910.

[27] Там же, л. 69, список акционеров 8/21.12.1913.

проволочно-тянульный и освинцованных кабелей.[28] Вслед за тем было заключено соглашение с английской компанией «Дикк, Керр и К°» о строительстве завода электрических машин.[29] Для осуществления этого строительства было решено учредить особое общество «Динамо». Учредителями его выступили А. П. Гукасов, Б. Л. де Бур и Н. Н. Глебов, в число предприятий которого входила и электрическая фирма. Новое общество переняло от Глебова эту фирму, оцененную в 450 000 руб., а от «Товарищества Подобедова» — принадлежавшие ему торговый и установочный отделы и электростанции.[30] Большинство акций «Динамо» (более 10 000 из 15 000) находилось в руках Гукасовых (лично и главным образом через «Товарищество Подобедова»), а около $^1/_3$ — у торгового дома Глебова. В соответствии с этим в правление «Динамо» вошли П. О. Гукасов (председатель), Б. Л. де Бур (товарищ председателя), А. П. Гукасов, П. Ф. Ольгин и Н. Н. Янг от гукасовской группы и В. В. Гервер от Глебова.[31] В дальнейшем влияние Глебова все время уменьшалось.

К этому времени выявилось полное банкротство «Р. Э. О. Вестингауз», владевшего заводом в Москве. Начиная с 1907 г. его ежегодные убытки составляли не менее 1 млн франков, и когда в июле 1913 г. собрание акционеров общества подвело итоги его деятельности, оно вынуждено было списать на покрытие убытков 18 из 20 млн франков капитала.[32] Уже с 1910 г. хозяева «Р. Э. О. Вестингауз» прилагали усилия для спасения вложенных в него средств. После долгих неудачных переговоров Дж. Вестингауз нашел, наконец, покупателя,

---

[28] ЦГИА, ф. 597, оп. 2, д. 360, лл. 13—14, проспект «Товарищества для эксплуатации электричества М. М. Подобедова».

[29] ЦГИА, ф. 595, оп. 2, д. 203, лл. 3—4, справка об истории «Динамо».

[30] ЦГИА, ф. 23, оп. 12, д. 1707, л. 1, прошение учредителей в Министерство торговли и промышленности 17/30.10.1912; л. 6, прошение поверенного учредителей М. М. Казарина 16/29.11.1912. В связи с передачей указанных предприятий «Динамо» «Товарищество Подобедова» превратилось в чисто кабельное предприятие и не включено нами в таблицу на 1914 г.

[31] ЦГИА, ф. 23, оп. 12, д. 1707, л. 52, список акционеров 6/19.2.1913; л. 56, протокол собрания акционеров 6/19.2.1913.

[32] Там же, д. 116, л. 134, прошение «Р. Э. О. Вестингауз» в Министерство торговли и промышленности 5/18.7.1913.

продав свой завод обществу «Динамо», которому передал и свое представительство в России.[33] «Динамо» сохранило также и связи с «Дикк, Керр и К°». Таким образом, к концу 1913 г. в руках Гукасова оказалось два предприятия — «Рускабель» и «Динамо», причем последнее владело теперь третьим по величине электротехническим заводом в России. Вслед за тем Гукасовы стали прилагать усилия к тому, чтобы обеспечить своим предприятиям независимость от поставщиков сырья. В этом отношении их не могли удовлетворить позиции в «Верх-Исетском обществе», поскольку они, во-первых, не были полными хозяевами общества, а во-вторых, оно было связано условиями участия в синдикате «Медь». Поэтому в конце 1913 г. «Рускабель» договорился с владельцами Хотских медных рудников об их совместной эксплуатации. Предполагалось, что «Рускабель» примет участие в акционировании предприятия,[34] но начавшаяся война задержала проведение этой комбинации.

Недостаточно ясны иностранные и банковские связи гукасовской группы в это время. В 1911 г. на онкольном счете «Хелсби» в Русско-Азиатском банке значилось 1220 паев «Товарищества Подобедова» (из общего их количества в 8000). В 1913 г. это число сократилось до 500, в то время как капитал товарищества удвоился, а из числа акций выпуска 1913 г. за «Хелсби» значилось лишь 55. Кроме того, в 1913 г. 47 акций находились на онкольном счете лондонского «Paris Bank».[35] Ограничивалось ли английское участие в «Рускабеле» указанными размерами или оно было значительнее, сказать трудно. Нам, однако, неизвестны факты, которые давали бы основания считать сильным английское влияние на «Рускабель». Еще менее ясен вопрос о «Динамо». В делах Волжско-Камского банка сохранилась справка «Конторы о кредитоспособности общества заводчиков и фабрикантов московского района», в которой говорится, что «в деле участвуют английские капиталы и лондонское отделение Русского торгово-промышленного

[33] ЛГИА, ф. 1396, оп. 1, д. 317, л. 20, Мак-Картер — П. Л. Герхену 11/24.5.1916.

[34] ЦГИА, ч. 23, оп. 14, д. 258, л. 68, доклад правления собранию акционеров 24.11/7.1913.

[35] ЦГИА, ф. 630, оп. 3, д. 77, Сортовая книга акций, лл. 119 и 418.

банка».[36] Учитывая сотрудничество «Динамо» с английскими фирмами и тот факт, что П. О. Гукасов до 1912 г. являлся председателем совета Торгово-промышленного банка, можно считать это утверждение вполне вероятным. И тем не менее ни в списках акционеров «Динамо», ни в делах банка нам не удалось найти подтверждения этого. Весь первоначальный капитал «Динамо» значился за Гукасовым, «Товариществом Подобедова» и Глебовым. Весной 1913 г., нуждаясь в деньгах для покупки завода «Вестингауз», «Динамо» увеличило свой капитал с 1.5 до 4 млн руб.[37] При этом оно не обратилось ни к «Хелсби» или «Дикк, Керр и К⁰», ни к Торгово-промышленному банку. По соглашению между П. О. Гукасовым и Волжско-Камским банком реализация нового выпуска была осуществлена ими на равных началах.[38] Банк оставил за собой весь поступивший в его распоряжение пакет акций,[39] и на собрании 21.3/3.4.1914 его представитель М. Н. Байковский был введен в правление «Динамо».[40] Однако в целом, и это особенно ясно показали последующие события, руководство обществом осталось в руках Гукасова и его группы.[41]

---

[36] ЦГИА, ф. 595, оп. 2, д. 203, л. 1. На справке стоит дата 1915 г., которая нам представляется опечаткой. Как видно из текста, банк в 1915 г. вряд ли нуждался в услугах «Конторы о кредитоспособности». Вероятнее отнести эту справку именно к началу 1913 г.

[37] «Динамо» получило разрешение увеличить свой капитал до 5 млн руб. Эта цифра проникла в ряд справочных изданий, в том числе в «Акционерно-паевые предприятия России». В действительности капитал был увеличен до 4 млн руб. (ЦГИА, ф. 23, оп. 12, д. 1707, лл. 69 и 79).

[38] ЦГИА, ф. 595, оп. 2, д. 203, л. 5, П. О. Гукасов — Волжско-Камскому банку 4/17.4.1913.

[39] Там же, л. 42, справка о новом выпуске акций «Динамо» 8/21.5.1914.

[40] ЦГИА, ф. 23, оп. 12, д 1707, л. 81, протокол чрезвычайного собрания акционеров 21.3/3.4.1914.

[41] Кроме того, в предвоенные годы было основано еще несколько русских электротехнических предприятий, главным образом в области производства электроламп и углей. Производство электроламп находилось в России в зачаточном состоянии. «Р. О. Сименс-Гальске» владело патентом на способ укрепления тянутого металлического волоска в лампах накаливания, что обрекало другие фирмы на менее выгодные способы производства. В 1913 г. рассматривался вопрос о выдаче ВКЭ патента на применение тянутого волоска к лампам накаливания. Это вообще лишало бы другие заводы возможности выпускать металлические

В результате указанных выше учреждений новых предприятий и перегруппировок среди ранее существовавших основными производителями и конкурентами в области машин и оборудования сильного тока стали германские и русские заводы, в области электроламп и аккумуляторов также началось наступление русских предпринимателей, а в слаботочном производстве германские концерны начали испытывать конкуренцию американских («Гейслер»), английских («Робтит») и шведских («Эриксон») предприятий. Однако общая сумма иностранных (негерманских) капиталов в результате краха «Р. Э. О. Вестингауз» сократилась более чем вдвое, в то время как германских — выросла более чем вдвое, а русских — более чем втрое. Удельный вес русских капиталов в электротехническом производстве составил перед войной 30.2% (против 16.2% в 1909 г.), а германских — 60.4%. Правда, русские капиталы были раздроблены между рядом мелких обществ, а германские

лампы. При этом ВКЭ не имела лампового завода в России и преследовала цель воспрепятствовать появлению таких заводов в стране. В результате в России существовало лишь несколько фабрик, производивших устаревшие угольные лампы. (Электричество, 1913, № 14, стр. 149). Электрические лампы производились в небольшом количестве «Варшавской фабрикой электроламп» и «Товариществом Алексеев и Вишняков и Шамшин», а также мелкими фирмами. Две из них были перед войной преобразованы в акционерные общества «Русская электрическая лампа», капитал 400 000 руб. (ЦГИА, ф. 23, оп. 28, д. 1838, лл. 5—6) и «Первое русское общество производства электрических ламп», капитал 250 000 руб. (там же, д. 1852, л. 6). Только во время войны было закончено строительство первой в стране более крупной фабрики электроламп (ныне «Светлана»), осуществленное обществом «Айваз» (ЦГИА, ф. 1276, оп. 10, д. 1235, л. 456). Кроме того, было преобразовано в акционерное одно из первых в России предприятий по производству углей для дуговых ламп — «Кудиновские электрические угли». Из его капитала в 800 000 руб. $^1/_8$ находилась в руках швейцарского подданного Н. С. Шмида (ЦГИА, ф. 23, оп. 28, д. 2558, л. 5). Вновь основано в этой отрасли общество «Карболюмен». Наконец, русскими предпринимателями были основаны две телефонные фабрики — «Общество Юрьевской телефонной фабрики» с капиталом в 100 000 руб., принадлежавшее местным владельцам, и «А. О. телефонных сооружений» с капиталом в 500 000 руб. Акции общества находились у московских капиталистов, в том числе у французского подданного П. К. Жиро, который в данном случае, очевидно, представлял Соединенный банк, почему считать его акции французскими мы сочли неверным (см.: ЛГИА, ф. 1471, оп. 8, д. 23, лл. 1—8 и ЦГИА, ф. 23, оп. 28, д. 2178, л. 4).

объединены в руках двух концернов. Но все же с созданием «Динамо», «Рекс» и других предприятий появлялись предпосылки для более успешной конкуренции русских капиталов в электроиндустрии с германскими монополиями.

Борьба монополий за электрическое освещение Петербурга. Образование «Общества электропередачи силы водопадов» и «Иматры»

Для предвоенного промышленного подъема характерен переход к новому этапу в строительстве электростанций: вместо станций, обслуживающих один город или даже часть города, теперь начинается строительство районных станций, способных давать энергию для больших районов, охватывающих сразу несколько губерний. Такие станции нуждались в более дешевом источнике энергии, поэтому на очередь дня встал вопрос об использовании торфяных залежей и гидроресурсов. Новое строительство, с одной стороны, требовало значительных капиталов, а с другой — сулило огромные барыши. В связи с этим предвоенные годы характеризуются также усиленным притоком новых капиталов и повышением активности русских и иностранных предпринимателей.

Особенно напряженно проходила борьба в петербургском районе. К этому времени окончательно определился бесспорный перевес «Общества 1886 г.» над бельгийскими обществами, коренившийся прежде всего в техническом превосходстве его станции. В то время как станции «Бельгийского общества освещения» и «Петербургского общества электрических сооружений» работали на однофазном токе, «Общество 1886 г.» давало трехфазный ток, применявшийся в силовых промышленных установках. Поэтому с 1907 г. процент энергии, отпущенной «Обществом 1886 г.» для технических целей, начинает быстро увеличиваться и достигает к 1913 г. 71.5%, в то время как бельгийские станции остаются чисто осветительными. Поскольку картельное соглашение трех обществ регулировало в большей степени отпуск тока для освещения, «Общество 1886 г.» и при соблюдении договорных условий далеко обогнало своих компаньонов-конкурентов по производству электроэнер-

гии. К тому же кабельная сеть общества была наиболее протяженной и охватывала весь город, а не только район, отведенный ему для осветительных целей. В итоге сложившегося в городе соотношения сил любой новый конкурент, желавший победы над «Обществом 1886 г.», должен был вынести борьбу за пределы города, сосредоточить ее вокруг районных станций. Со своей стороны германские хозяева «Общества 1886 г.» также стремились захватить позиции на новом поле сражения, как для того чтобы не уступить его соперникам, так и потому, что дальнейшее увеличение прибыльности общества упиралось в постоянно растущие цены на топливо. В силу указанных причин предвоенные годы явились годами отчаянной борьбы за овладение водопадами в районе, примыкавшем к Петербургу, прежде всего на Карельском перешейке, и за получение концессий на передачу дешевой электроэнергии в Петербург. Участниками борьбы были две основные группировки — с одной стороны, союз трех петербургских осветительных обществ и стоящие за ним германские и бельгийские финансовые круги, которые весной 1912 г. стали готовить с этой целью создание общества «Иматра» (первое упоминание о котором имеется в делах «Общества 1886 г.» за апрель), а с другой стороны — группа петербургских банков и действовавшие с ними французские и бельгийские предприниматели. Кроме того, попытался принять участие в борьбе выступавший самостоятельно Русско-Французский банк, но действия его были малоуспешными и не привлекли внимания общественности.[42]

Насколько можно судить по сохранившимся документам, начало борьбе за гидроэлектрические ресурсы петербургского района было положено летом 1912 г., когда бельгийский банкирский дом «Братья Моттар», действовавший в союзе с известным грюндером, подвизавшимся в России с конца XIX в., Фелисьеном Маесом, попытался скупить водопады Раухиала, Валинкоски, Линакоски и Сиитола на Вуоксе и часть Волховских поро-

[42] Русско-Французский банк действовал за ширмой «Павловского электрического общества». Последнее было создано в 1910 г. как потребительское общество жителей г. Павловска. К 1912 г. оно было захвачено Д. Л. Рубинштейном, решившим использовать его как базу для развертывания операций в петербургском районе.

гов. Действия «Братьев Моттар» преследовали спекулятивные цели, поскольку у них не было средств не только для создания дорогостоящего гидроэлектрического предприятия, но и для оплаты приобретенных ими водопадов.[43] Первоначально деньги (во всяком случае за водопады Сиитола) были внесены от имени Моттаров Рижским банком, а впоследствии вопрос об окончательной оплате водопадов был одним из козырей Русско-Азиатского банка в его борьбе против «Братьев Моттар». На сторону «Братьев Моттар» перешел летом 1912 г. директор-распорядитель «Петербургского общества электрических сооружений» П. И. Ратнер. Возможно, с его помощью «Братья Моттар» договорились с Добротворским об организации общества на основе принадлежавшего ему устава «Петербургского общества электропередачи силы водопадов», после чего приступили к поискам финансовых групп, способных заинтересоваться делом и вложить в него действительный капитал.

В июле 1912 г. Ратнер от имени «Братьев Моттар» предложил Русскому для внешней торговли банку участие во вновь создаваемом обществе. Ратнер сообщил при этом, что капитал «Общества электропередачи» учреждается первоначально в 6 млн руб., из которых 33% предлагалось русской группе. В дальнейшем предполагалось создание иностранного общества с капиталом в 100 млн франков (37.5 млн руб.), которое должно было перенять акции «Общества электропередачи» и в котором русская группа имела право на участие также в размере $^1/_3$. Русский для внешней торговли банк принял предложение и сообщил о создании им группы, в которую кроме него вошли в равных долях Русско-Азиатский, Международный, Учетный и ссудный и Азовско-Донской банки.[44] Одновременно Моттары обратились к парижскому отделению Русско-Азиатского банка

---

[43] По одной газетной версии (Коммерческий телеграф, 8/21.1.1913, № 32) за спиной Моттаров стоял И. Файн. Однако имеющиеся у нас материалы не дают возможности проверить это сообщение.

[44] ЦГИА, ф. 599, оп. 1, д. 24, лл. 96—98, Русский для внешней торговли банк — П. И. Ратнеру 24.7/6.8.1912. Азовско-Донской банк быстро вышел из синдиката, и уже в начале 1913 г. вместо него фигурировал Торгово-промышленный банк, первоначально выступавший субучастником от Русско-Азиатского.

с предложением принять участие в образовании планируемого иностранного общества, выражая готовность дать ему опцион ни много ни мало на 33% всего его капитала, т. е. на все так называемое «французское участие», и предоставить банку полную свободу в формировании этой группы.[45] Моттары просили лишь сохранить во французской группе определенную долю для банкирского дома Легрю.[46] Иными словами, приступая к созданию «Общества электропередачи», Моттары не имели за собой первоначально ни русских, ни французских банков. По-видимому, так же обстояло и с так называемой «английской группой», единственным реально названным участником которой был банкир Хиггинс. Неясно, принял ли Русско-Азиатский банк предложенный ему опцион, но он выторговал себе сверх участия в синдикате, возглавленном Русским для внешней торговли банком, еще на 500 000 руб. акций «Общества электропередачи».[47] Всего, таким образом, доля русских банков в подписке на акции общества составила 2.5 млн руб. из капитала в 6 млн руб. «Братья Моттар» в октябре 1912 г. получили за свои права на водопады, переданные ими обществу, акции на 3.15 млн руб.[48] Созданное общество существовало, однако, только на бумаге.

Но даже в таком виде новое общество не могло не встревожить германских и бельгийских хозяев петербургских осветительных обществ. Сообщения о деятельности Моттаров заставили германо-бельгийский блок форсировать свою деятельность. В сентябре поверенный «Общества электропередачи» М. Шафир уведомлял Ратнера, что владельцы Вуоксенских порогов ведут переговоры о продаже их Частному банку, действовавшему в интересах этого блока, и что последний переманил на свою сторону уполномоченного Моттаров Авеллана,[49] представителя

---

[45] ЦГИА, ф. 630, оп. 2, д. 657, л. 4, Рафалович — Путилову 24.7/6.8.1912.

[46] Там же, л. 3, «Братья Моттар» — Русско-Азиатскому банку 21.7/3.8.1912.

[47] Там же, лл. 23—25, парижское отделение Русско-Азиатского банка — дирекции 1/14.8.1912.

[48] ЦГИА, ф. 23, оп. 24, д. 419, лл. 145—149, заявление «Братьев Моттар» собранию акционеров «Общества электропередачи».

[49] ЦГИА, ф. 630, оп. 2, д. 658, лл. 19—20 и 21, М. Шафир — П. И. Ратнеру 6/19 и 10/23.9.1912. Очень интересно для характеристики взаимоотношений Русско-Азиатского и Частного банков,

Рижского банка в Выборге. К этому времени «Общество 1886 г.» подготовило договор с Петербургской уездной земской управой о предоставлении ему концессии на освещение и на прокладку кабелей. Для эксплуатации этой концессии было запланировано учреждение нового «Русского акционерного общества электрических районных станций» (РУАК).[50] Одновременно через финляндское общество «Форс» «Общество 1886 г.» купило один из водопадов Вуоксы.[51] Для эксплуатации его в ноябре 1912 г. было учреждено общество «Иматра». В новом обществе объединились концерны Сименса, АЭГ и брюссельского «Сосьете женераль», а также ряд сотрудничавших с ними банков и групп, участвовавших уже в соглашениях 1909 г. Перевес в новой группировке был на стороне германских концернов. Из 30 млн франков капитала «Иматры» на долю германских участников (Немецкий банк, Банк для торговли и промышленности, «Общество 1886 г.», «Электробанк», «Индэлек» и «Элункала») приходилось 17.6 млн франков, на долю бельгийских участников (группы «Сосьете женераль» и Тиса, а также Международный банк в Брюсселе и банкирский дом «Филиппсон и К°») — 10.4 млн франков, французское участие составило 1 млн франков (Парижско-Нидерландский банк) и русское (Частный и Азовско-Донской банки) — также 1 млн франков.[52] Большинство мест в правлении досталось германской группе, но, поскольку общество создавалось с бельгийским уставом, имевшим целью прикрыть его подлинную принадлежность в условиях обостряющихся отношений между Россией и Германией, посты председателя правления и директора-распорядителя были предоставлены бельгийцам Ж. Ролену и А. Фретеру. Директор Немецкого банка

что последний в электрических делах действовал не только самостоятельно, но даже активно выступал в борьбе «Иматры» и «Общества электропередачи» на стороне германо-бельгийского блока против Русско-Азиатского банка. Это объяснялось его давнишними и прочными связями как с Сименсом, так и с бельгийскими электротехническими концернами «Сосьете женераль» и Тиса.

[50] ЛГИА, ф. 1243, оп. 1, д. 1384, л. 70, Брюниг — Плеске 31.8/13.9.1912.

[51] Там же, д. 1541, л. 224, отчет за 26-й операционный год.

[52] Подсчитано на основании данных из ЦГИА, ф. 597, оп. 2, д. 362, лл. 10—11, информация для прессы о создании общества «Иматра»; С.-Петербургские ведомости, 23.12.1912/5.1.1913, № 289.

Гейнеман занял пост вице-председателя.[53] Большая часть германских директоров «Иматры» являлась одновременно и директорами «Общества 1886 г.», которое получило и наибольший пакет акций (8 млн франков).

Сформирование «Иматры» чрезвычайно затруднило попытки учредителей «Общества электропередачи» найти себе союзников во Франции. Подводя несколько позднее итог этим попыткам, директор парижского отделения Русско-Азиатского банка Н. Рафалович в письме к А. Путилову излагал ситуацию следующим образом: вначале банкиры Легрю и Хиггинс взяли на себя переговоры соответственно с французскими и английскими кредитными учреждениями о поддержке ими нового общества. Однако эти переговоры потерпели неудачу, поскольку Парижско-Нидерландский банк прямо принял участие в «Иматре», а парижский «Сосьете женераль» и Банк заморских территорий (вкладчик банка Хиггинса) проявили большую заинтересованность в ней. Хотя Рафалович надеялся, что отказ парижских банков от поддержки «Общества электропередачи» не является окончательным, он не скрывал трудностей создания финансовой группировки, способной противостоять «Иматре». Кроме финансовой и технической мощи германо-бельгийского блока этому способствовала еще и репутация Моттаров, не внушавшая доверия французским деловым кругам.[54]

Впрочем, на этом этапе русские банки, судя по всему, и не очень активно стремились создать такую финансовую группу. Во всяком случае Рафалович жаловался Путилову на неопределенность получаемых от него инструкций.[55] Вступая в «Общество электропередачи», банки, очевидно, рассчитывали не столько на борьбу против германо-бельгийского блока, сколько на торговлю с ним вокруг условий соглашения. Со своей стороны блок «Иматры» также был готов пойти на соглашение, чтобы облегчить дальнейшие действия в России. Сведения о переговорах между русскими банками и германо-бельгийской группой очень отрывочны. Как видно из письма директора «Бельгийского общества освещения Петербурга»

[53] С.-Петербургские ведомости, 31.10/13.11.1912, № 245.

[54] ЦГИА, ф. 630, оп. 2, д. 657, лл. 36—38, Рафалович — Путилову 14/27.11.1912.

[55] Там же, лл. 23—25, парижское отделение Русско-Азиатского банка — дирекции 1/14.8.1912.

Зомергаузена к Путилову, последний в конце сентября—начале октября выезжал в Кельн для переговоров с Зомергаузеном и его «берлинскими друзьями».[56] Одновременно директор «Элункала» Брейль вел переписку с Шайкевичем и Давидовым (последний, очевидно, выступал в качестве посредника).[57] Однако стороны слишком поразному оценивали свои шансы, и переговоры окончились неудачей. «Предпринимать дальнейшие шаги перед гг. Путиловым и Шайкевичем, — писал Брейль Давидову в конце октября, — мы считаем нецелесообразным. Мы убеждены, что группа Моттар ни по своим правам владения (на водопады, — *В. Д.*), ни по своим финансовым силам — если только в этом последнем отношении петербургские банки не хотят выступать одни — не может принести ничего положительного. Нам остается только ожидать, когда эти господа обратятся к нам в приемлемой форме, после чего мы сделаем все возможное, чтобы выручить их из трудного положения».[58] Со своей стороны Рафалович назвал сделанные русским банком предложения «смешными». Вывод, который сделал из случившегося Рафалович и который без сомнения разделял и его патрон, звучал следующим образом: «если бы можно было убедить хотя бы одно кредитное учреждение Парижа внимательно изучить наше дело и заинтересовать им промышленную группировку, занимающуюся электрическими делами, мы стали бы гораздо более сильными и способными договориться с брюссельским обществом».[59]

Борьба «Иматры» и «Общества электропередачи» зимой и весной 1913 г. Реорганизация синдиката «Общества электропередачи»

Для того чтобы привлечь на свою сторону французские банки, надо было избавиться от Моттаров. С этой целью было решено потребовать от акционеров внести

[56] Там же, лл. 27—28, Зомергаузен — Путилову 21.9/4.10.1912.
[57] ЦГИА, ф. 597, оп. 2, д. 362, лл. 4—5, Брейль — Давидову 4/17.10.1912.
[58] Там же, л. 6, Брейль — Давидову 16/29.10.1912.
[59] ЦГИА, ф. 630, оп. 2, д. 657, лл. 36—38, Рафалович — Путилову 14/27.11.1912.

еще не уплаченные 60% стоимости акций, что было совершенно неисполнимо для «Братьев Моттар». Они были вынуждены обратиться за кредитом к Легрю, за что последний потребовал перевести на его имя часть принадлежавших Моттарам акций. В результате этой комбинации русские банки вместе с Легрю располагали теперь большинством в «Обществе электропередачи» и это немедленно сказалось на их переговорах в Париже. В той же телеграмме, в которой он извещал о начавшемся вытеснении Моттаров, Рафалович смог уже сообщить, что Легрю надеется в ближайшие дни закончить переговоры с банками и рассчитывает на участие Национальной учетной конторы и Парижско-Нидерландского банка. По утверждению Рафаловича, директор банка Нецлин считал возможным одновременно участвовать и в «Обществе электропередачи» и в «Иматре»,[60] надеясь, видимо, на их слияние. Еще через несколько дней Рафалович телеграфировал о возможном участии также Парижского союзного банка.[61] В течение всего этого времени в переговорах участвовал и парижский «Сосьете женераль», директор которого Франки настойчиво выступал за компромиссное соглашение между двумя соперничающими группировками. Но теперь против такого соглашения высказывались Легрю и Рафалович, видевшие в самой настойчивости Франки указание, на чью сторону склоняется чаша весов.[62]

Результаты не замедлили сказаться. Хотя еще совсем недавно Брейль писал, что он будет ждать, пока к нему обратятся «в приемлемой форме», уже в декабре 1912 г. из Берлина были направлены какие-то предложения в адрес Легрю, и последний передавал через Рафаловича в Петербург, что директор АЭГ Дейч собирается встретиться с Путиловым для переговоров. По словам Легрю, Дейч не считал АЭГ связанной с обществом «Иматра» и выражал готовность взять на себя техническую сторону строительства предприятия «Общества электропередачи».[63] Неожиданный марш Дейча, повторенный им затем в октябре 1913 г.,[64] свидетельст-

[60] Там же, л. 55, Рафалович — Путилову 24.11/7.12.1912.
[61] Там же, л. 68, Рафалович — Путилову 4/17.12.1912.
[62] Там же, л. 76, Рафалович — Путилову 24.11/7.12.1912.
[63] Там же.
[64] Там же, лл. 271—273, Рафалович — Путилову 7/20.10.1913.

вовал, на наш взгляд, не только о стремлении АЭГ застраховаться на случай поражения «Иматры» и получить хотя бы подряд на техническое оборудование, но и о наличии серьезных противоречий внутри германо-бельгийского блока.

Результатом переговоров Легрю с французскими банками явился проект соглашения между «группой Легрю» и русскими банками о создании «Общества электричества в России» для переема акций «Общества электропередачи», который он переслал Путилову и Кону в самом начале 1913 г. 25% капитала этого общества (запланированного в 10 млн франков) приходилось на долю русских банков, а остальное — на долю «группы Легрю». Облигационный капитал в 60 млн франков гарантировался Национальной учетной конторой, Парижско-Нидерландским банком и парижским «Сосьете женераль»,[65] которые, очевидно, и составляли эту группу. Дальше проекта, однако, дело не пошло. Уже согласие французских банков гарантировать облигации будущего общества сопровождалось оговоркой, что настоящий момент неблагоприятен для эмиссии облигаций и акций, и действительная реализация соглашения откладывается ими впредь до окончания войны на Балканах. Где-то в начале 1913 г. те же самые банки приняли участие в синдикате «Самур—Баку» и ни балканские войны, ни другие политические события напряженного 1913 г. не помешали им довести дело до конца. Здесь же, по-видимому, решение банков не было окончательным, и они вновь колебнулись в другую сторону. К тому же эти банки были связаны с «Центральным обществом электрической индустрии» (Париж), примыкавшим к концерну АЭГ. Пользуясь последним обстоятельством германо-бельгийский блок отговорил «Центральное общество» противодействовать «Иматре»,[66] что не могло не сказаться на позиции банков. Еще до этого начал выражать неудовлетворенность соглашением с банками (как раз из-за их связи с «Центральным обществом») Легрю, заговоривший о необходимости создать другую банковскую группу. В это время

---

[65] Там же, л. 93, черновой проект соглашения; лл. 94—95, Легрю — Путилову и Кону (без даты).

[66] ЛГИА, ф. 1243, оп. 1, д. 1488, л. 1, Брейль — Вальху 8/21.4.1913.

среди лиц, причастных к переговорам о создании такой группировки, появляются представитель «Общества доменных печей в Кайене» де Лартик, представители Франко-Американского банка и некоторые другие.[67]

Тогда же появились и разногласия между русскими банками и Легрю. В то время как Легрю и Лартик настойчиво выступали против переговоров с конкурентами, Путилов не отказывался от таких переговоров. Какие-то встречи между немцами и представителями Русско-Азиатского банка (или русских банков) имели место, как это можно увидеть из письма Рафаловича, передававшего, что «г. Лартик напоминает, что он всегда был против поездки в Берлин и последующих переговоров с немецкой группой. Теперь следует с этим покончить».[68] Переговоры с немцами начали также Моттары и их союзник банкир Мато,[69] которые располагали еще очень значительным пакетом акций «Общества электропередачи». Почувствовав, что их выживают из общества, Моттары попытались получить компенсацию со стороны его конкурентов. Все это, вместе взятое, сорвало в начале 1913 г. учреждение французского общества для эксплуатации предприятия «Общества электропередачи». К лету 1913 г. ситуация сложилась так, что Рафалович, по его собственным словам, искал способ «выкарабкаться».[70]

Неудача постигла «Общество электропередачи» и в его действиях в России. Здесь соперничающие группировки столкнулись раньше всего из-за «Шуваловского электрического общества». Это общество, существовавшее с 1910 г. и снабжавшее током жителей северных пригородов Петербурга, было ничтожно само по себе, но имело большое стратегическое значение, поскольку оно владело концессией на прокладку кабелей по территории этих пригородов и преграждало путь любому, кто захотел бы передавать в Петербург ток со станций, расположенных на водопадах Вуоксы. Учитывая это, «Общество 1886 г.» еще

---

[67] ЦГИА, ф. 630, оп. 2, д. 657, лл. 120—121 и 137, Рафалович—Путилову 7/20.2.1913 и 15/28.2.1913.

[68] Там же, лл. 120—121, Рафалович — Путилову 7/20.2.1913.

[69] Там же.

[70] Там же, л. 144, Рафалович — Путилову 22.2/7.3.1913.

в конце 1911 г. предприняло попытку захватить «Шуваловское общество». В течение полутора лет Ратнер сопротивлялся этим попыткам, и был момент, когда он сам, казалось, стал хозяином «Шуваловского общества». Но в конечном итоге германо-бельгийский блок оказался сильнее. В мае 1913 г. он окончательно захватил «Шуваловское общество».[71]

Неудачи в Париже и в Петербурге подорвали заинтересованность в «Обществе электропередачи» со стороны участников группы Русского для внешней торговли банка. 5/18.6.1913 они решили не только не вносить очередной взнос по своим акциям общества, но вообще вернуть их Моттарам, благо они имели на это право по соглашению с последними.[72] Ранее произведенный взнос решено было превратить в вексельный долг общества.[73] Такой исход дела не устраивал Русско-Азиатский банк. Он перекупил акции у Моттаров и после долгих переговоров, длившихся более двух месяцев, создал новый синдикат русских банков в том же составе, но уже под своим руководством. При этом доли Русского для внешней торговли, Международного и Учетного и ссудного банков значительно сократились, они взяли акции лишь на сумму, которую они уже раньше фактически вложили в «Общество электропередачи». Более половины всего русского участия приходилось теперь на Русско-Азиатский и Торгово-промышленный банки.[74] Затем эти два банка купили у Моттаров дополнительно 1800 акций и предоставили последним кредиты под залог еще 4478 акций.[75] В распоряжении Русско-Азиатского банка оказалась, таким образом, почти половина всех акций «Общества электропередачи».

---

[71] ЛГИА, ф. 1386, оп. 1, д. 9, лл. 69—70, протокол чрезвычайного собрания акционеров 5/18.5.1913.

[72] ЦГИА, ф. 630, оп. 2, д. 659, л. 37, Русский для внешней торговли банк — Русско-Азиатскому банку 6/19.6.1913.

[73] Там же, лл. 47—48, Русский для внешней торговли банк — Русско-Азиатскому банку 29.7/11.8.1913.

[74] Там же, л. 69, Русско-Азиатский банк — Русскому для внешней торговли банку 24.8/6.9.1913.

[75] Там же, л. 75, Торгово-промышленный банк — Русско-Азиатскому банку 27.8/9.9.1913; л. 107, Русско-Азиатский банк — Торгово-промышленному банку 17/30.10.1914.

Положение в петербургском районе накануне войны. Временное поражение «Общества электропередачи»

Происшедшие перемены укрепили позиции Русско-Азиатского банка внутри «Общества электропередачи», однако борьба общества против германо-бельгийского блока по-прежнему протекала неудачно.

Захватив северные подступы к Петербургу, «Общество 1886 г.» форсировало создание РУАК. В июле 1913 г. был подписан концессионный договор с уездной управой,[76] а в декабре официально состоялось учреждение РУАК. Его правление было составлено из представителей «Общества 1886 г.» и «Бельгийского общества освещения». Это объяснялось тем, что РУАК не предназначалось для самостоятельного существования, а должно было только прикрывать своим русским уставом деятельность «Иматры». Все акции «Шуваловского общества» были переведены РУАК,[77] а акции последнего — «Иматре».[78] Ей же были проданы и все акции финляндского общества «Форс».[79] «Общество 1886 г.» сохранило за собой контроль за всей деятельностью новых обществ.

Немедленно после создания РУАК начало скупать земельные участки по берегам рек и права на различные пороги, пригодные для строительства гидростанций, а также торфяные болота. Покупкой этих участков германо-бельгийский блок стремился обеспечить себе возможность строительства новых станций в будущем, а также помешать действиям конкурентов. Поэтому

---

[76] ЛГИА, ф. 1243, оп. 1, д. 1590, лл. 156—161, копия договора 17/30.7.1913.

[77] ЛГИА, ф. 1385, оп. 1, д. 38, лл. 1—2, справка относительно «Шуваловского общества».

[78] ЛГИА, ф. 1243, оп. 1, д. 1541, лл. 242—243, протокол собрания акционеров 24.4/7.5.1913. Поскольку все акции РУАК находились в руках «Иматры», мы распределили его капитал в том соотношении, в каком он был представлен в последней. Капитал же самой «Иматры» не включен нами в таблицу, ибо единственной ее собственностью в России и были акции РУАК. $^3/_4$ акций «Шуваловского общества» находились в руках РУАК и распределены нами аналогичным образом, остальные принадлежали русским акционерам.

[79] ЛГИА, ф. 1243, оп. 1, д. 1541, 242—243.

участки покупались с таким расчетом, чтобы без согласия РУАК нельзя было строить станции и в окружающих районах. Аналогичным образом действовало и общество «Форс».

В течение нескольких месяцев после захвата «Шуваловского общества» борьба между обеими группировками протекала подспудно, но в январе 1914 г. произошло новое открытое столкновение. На этот раз полем боя был финляндский Сенат, где рассматривалось ходатайство «Общества электропередачи» о разрешении построить электростанцию на Вуоксе. В 1913 г. общество представило в Сенат проект строительства нескольких станций, но Сенат отверг его и предложил строить одну большую станцию. Новый проект «Общества электропередачи» предусматривал строительство станции мощностью в 360 000 л. с. на Сайменском озере. Насколько можно верить утверждавшему это Ратнеру, германо-бельгийская группа развернула в Сенате кампанию против проекта и добилась приглашения в качестве экспертов представителей германских электротехнических фирм и Немецкого банка.[80] Одновременно эта группа предприняла и другие шаги, ее уполномоченный в Финляндии С. Авеллан, действуя от имени еще одного подставного общества «Энсо», владевшего половиной водопада Раухиала, выступил в Сенате против права группы Путилова — Ратнера на эксплуатацию водопада и добился благоприятного решения.[81] В то же время с представлением перед Сенатом выступило общество «Форс». Оно указывало, что еще в 1913 г. просило о разрешении строительства станции на Малой Иматре, но Сенат отложил решение, ссылаясь на проект «Общества электропередачи», охватывавший всю Вуоксу. Однако этот проект невозможно будет осуществить без согласия «Форс» на отчуждение его водопадов, а оно такого согласия не даст и потому просит вернуться к его собственному проекту.[82] Осуществление

---

[80] ЦГИА, ф. 23, оп. 24, д. 348, л. 120, докладная записка Ратнера управляющему делами Министерства торговли и промышленности 14/27.3.1915.

[81] ЛГИА, ф. 1243, оп. 1, д. 1958, лл. 12—15, Авеллан — правлению «Общества 1886 г.» 14/27.1.1914.

[82] ЦГИА, ф. 1276, оп. 10, д. 1235, лл. 18—19, памятная записка общества «Форс» (около 23.1/5.2.1914).

плана «Общества электропередачи» зашло, таким образом, в тупик.

Создавшееся положение вновь поставило перед русскими банками вопрос о соглашении с конкурентами. Со своей стороны германские электроконцерны также были заинтересованы в соглашении, во-первых, потому, что сопротивление русских банков ставило и перед ними трудные задачи, а во-вторых, потому, что общая политическая обстановка была неблагоприятна для создания открыто иностранного предприятия, в особенности связанного с непопулярными в столице осветительными обществами. Переговоры о соглашении велись по нескольким направлениям. Международный и Русский для внешней торговли банки начали их, по-видимому, от своего имени еще летом 1913 г., может быть в связи с первым кризисом синдиката «Общества электропередачи». В октябре Ратнер уже прямо просил Путилова позаботиться, чтобы «другие банки или лица без Вашего ведома не разговаривали с конкурентами по нашему делу».[83] Но переговоры продолжались и привели к тому, что в декабре правление «Общества 1886 г.» с согласия директора Немецкого банка Гейнемана постановило привлечь в будущем к участию в обществе крупные петербургские банки, в первую очередь Международный, Частный и Русский для внешней торговли, определив долю этого участия в 20—25%.[84] Это должно было, очевидно, служить компенсацией за уступки в борьбе между «Иматрой» и «Обществом электропередачи». Вслед за тем директор Русского для внешней торговли банка В. И. Тимирязев вошел в состав правления РУАК. К весне 1914 г. было достигнуто соглашение и с Международным банком, и в мае Е. Г. Шайкевич и В. И. Тимирязев были введены в правление «Общества 1886 г.». Что же касается Учетного и ссудного банка, то он в январе 1914 г. вообще вышел из синдиката «Общества электропередачи», переведя свои акции на Международный банк.[85] К этому времени между Учетным и ссуд-

[83] ЦГИА, ф. 630, оп. 2, д. 658, лл. 111—113, Ратнер — Путилову 15/28.10.1913.

[84] ЛГИА, ф. 1243, оп. 1, д. 1540, лл. 73—75, протокол правления 31.12.1913/13.1.1914.

[85] ЦГИА, ф. 630, оп. 2, д. 658, л. 90, Учетный и ссудный банк — Русско-Азиатскому банку 16/29.1.1914.

ным банком и «Обществом 1886 г.» также было достигнуто какое-то сближение и все текущие средства петербургского отделения последнего хранились в Учетном банке. Прямые указания на то, что и Русско-Азиатский банк вел переговоры с немцами, относятся к более позднему времени (апрель 1914 г.), но необходимо отметить, что уже летом 1913 г. наметилось общее сближение между банком и концерном Сименса, выразившееся, в частности, в принятии А. И. Путиловым поста председателя правления «Р. О. Сименс-Шуккерт».

Сепаратные действия банков привели к прямым переговорам обеих группировок. Имеющиеся в нашем распоряжении документы не дают возможности с уверенностью говорить ни о времени их начала, ни о содержании достигнутых при этом соглашений. Известно лишь, что в апреле 1914 г. такие переговоры вел А. А. Давидов, очевидно посредничая в пользу Путилова и Кона, которым он сообщал о ходе этих переговоров,[86] а 11—13/24—26 июня в Берлине состоялась конференция заинтересованных сторон, на которой был практически выработан текст соглашения и предстояло лишь формальное его подписание. Содержание этого соглашения нам неизвестно. Одним из его условий было, вероятно, учреждение в Лозанне 28.6/11.7.1914 «Петербургского гидроэлектрического общества» для переема акций «Общества электропередачи». В него вошли только те группы, которые уже участвовали в «Обществе электропередачи» — русские банки, Легрю, Хиггинс, Моттары, и оно не привлекло никаких дополнительных средств. Единственным новым лицом в лозаннском обществе был директор «Французского общества механических сооружений» Лароз.[87] В дальнейшем предусматривалось создание единой комиссии из представителей «Иматры» и «Гидроэлектрического общества», причем большинство в комиссии получал германо-бельгийский блок.[88] В это время началась война, и июньское соглашение не было подписано.

Несостоявшееся соглашение с конкурентами было использовано банками для того, чтобы окончательно раз-

[86] Там же, д. 657, лл. 232—233, телеграмма Давидова из Берлина 13/26.4.1914.

[87] ЦГИА, ф. 634, оп. 1, д. 147, л. 46, справка об учреждении «Петроградского гидроэлектрического общества».

[88] Там же, д. 105, лл. 33—36, Брейль — Кону 14/27.6.1914.

делаться со вчерашними союзниками. Это и составило содержание конфликта в «Обществе электропередачи», разыгравшегося летом и осенью 1914 г. и проходившего временами на уровне полицейской хроники. Он завершился собранием 16/29.9.1914, на котором банки, представившие 20 993 акции из 40 000,[89] произвели выборы нового правления, в которое не вошли представлявшие интересы Моттаров Ратнер и Веретенников. Собранием 16/29.9.1914 закончился предвоенный этап в истории «Общества электропередачи». Попытка русских банков сколотить финансовую группировку, достаточно мощную, чтобы противостоять германо-бельгийскому блоку «Иматры», потерпела неудачу, и банки вынуждены были идти на соглашение с этим блоком, ставившее их, судя по некоторым признакам, в подчиненное положение. Причины этой неудачи еще нуждаются в объяснении, ибо те же самые французские банки, которые отказались поддержать Русско-Азиатский банк в Петербурге, приняли вместе с ним участие в борьбе против тех же германских электроконцернов в Баку. Но в тот момент, когда «Иматра» уже собиралась торжествовать победу, в развитие событий вмешалась война, сразу же резко изменившая соотношение сил.

Переход бакинской «Электрической силы» в руки франко-русского блока

В годы предвоенного промышленного подъема резко обострилась борьба за влияние на электроэнергетическую промышленность не только в петербургском районе. Действуя в союзе с французскими финансовыми кругами, русские банки и в других районах перешли к более активным операциям, в том числе и прямому наступлению на позиции германских электроконцернов. Объ-

---

[89] Надо, однако, учесть, что в русских руках находилась еще небольшая часть акций (у Ратнера). Поэтому распределение капиталов произведено нами по именным спискам акционеров, приведенным в письмах Лароза Путилову (ЦГИА, ф. 630, оп. 2, д. 661, лл. 245—248 и 272). П. В. Оль в своей работе (ук. соч., стр. 36) считал, что французское участие в обществе составляет 4 млн руб., или $^2/_3$.

ектом наиболее успешной атаки явилось бакинское общество «Электрическая сила».

После долгих лет убыточной деятельности «Электрическая сила» с 1908 г. стала приносить прибыль, в связи с чем владельцы и кредиторы общества решили упорядочить его финансовое положение и провести реорганизацию общества. Постановлением акционерного собрания 25.10/7.11.1912 $^3/_4$ капитала общества было списано на погашение имущества, которое не производилось в убыточный период, и одновременно капитал был увеличен до 9 млн руб. выпуском привилегированных (на 5 млн руб.) и обыкновенных (на 2.85 млн руб.) акций. Размещение привилегированных акций взял на себя Немецкий банк, а обыкновенных — Международный,[90] но подавляющая часть и этих последних попала в германские руки.[91] В результате к концу 1912 г. германские позиции в «Электрической силе» оказались наиболее сильными за все время существования общества. Но к этому времени у «Электрической силы» появились конкуренты. Первым выступил английский предприниматель Чарльз Стюарт, предложивший еще в 1910 г. дать ему концессию на строительство гидростанций на Тереке и на озере Гокча (Севан) сроком на 90 лет.[92] Обсуждение условий этой концессии длилось несколько лет и закончилось перед самой войной согласием царского правительства на все требования Стюарта. Не последнюю роль в этом сыграла, очевидно, политическая сторона дела, поскольку Стюарт был англичанином. Уже само обсуждение вопроса о концессии Стюарта было серьезной угрозой для «Электрической силы», так как оно отражалось на ее взаимоотношениях с Бакинской управой. Между тем у общества появились и более ощутимые соперники.

В 1909 г. французские банки «Сосьете женераль» и Национальная учетная контора основали «Центральное общество электрической индустрии» («Сентрэлек»). По сведениям Р. Лифмана, общество было основано как

---

[90] ЛГИА, ф. 1243, оп. 1, д. 1330, лл. 6—13, проект протокола собрания акционеров «Электрической силы» 25.10/7.11.1912.

[91] ЦГИА, ф. 634, оп. 1, д. 116, л. 39, протокол собрания участников синдиката «Самур—Баку» 15/28.11.1913.

[92] ЦГИА, ф. 1276, оп. 7, д. 140, лл. 1—2, отношение наместника на Кавказе председателю Совета министров 30.6/13.7.1910.

филиальное предприятие концерна АЭГ.[93] Это подтверждается также прессой и архивными материалами. Тем не менее в своей деятельности в России «Сентрэлек» выступало конкурентом германских групп. По-видимому, в этом обществе были одинаково сильны как германское, так и французское участие, что давало ему определенную самостоятельность. Весной 1913 г. директор «Сентрэлек» Арно совершил поездку на Кавказ, изучая возможности строительства гидростанции на реке Самур. Вероятно, что уже в это время он действовал в союзе с Русско-Азиатским банком, но документальное подтверждение участия банка в самурском деле относится к августу.[94] Германские владельцы «Электрической силы» оказались плохо осведомленными о том, кто стоит за «Сентрэлек», и недооценили угрозу. Директор всех сименсовских электроэнергетических предприятий Ю. Брейль думал, что выступление «Сентрэлек» инспирировано Ротшильдами, уже ранее интересовавшимися Самуром, и полагал, что эти планы не имеют шансов на успех. Он поэтому считал ненужным противодействовать «Сентрэлек», дабы не создать у него впечатления, будто Сименс и АЭГ стремятся вообще отстранить «Сентрэлек» от участия в электрических предприятиях в России.[95] Его адресат — директор Швейцарского кредитного общества, действовавшего в союзе с Немецким банком и германскими электроконцернами, Э. Вальх — был настроен более пессимистично и писал: «... если наши подозрения подтвердятся и „Сентрэлек“ действительно хочет осуществить проект, то, может быть, следовало бы... продать Баку».[96]

Отсутствие документов не позволяет проследить развитие событий вплоть до того момента, когда продажа «Электрической силы» стала фактом. Для покупки общества был создан синдикат «Самур—Баку». В синдикате участвовали две группы: французская (Парижско-Нидерландский банк, Парижский союзный банк, Фран-

---

[93] R. Liefmann. Finanzierungs- und Beteiligungsgesellschaften. Jena, 1913, S. 516.

[94] ЦГИА, ф. 630, оп. 3, д. 128, л. 94, счет участия в деле Самур.

[95] ЛГИА, ф. 1243, оп. 1, д. 1488, лл. 1—2, Брейль — Вальху 8/21.4.1913.

[96] Там же, лл. 4—5, Вальх — Брейлю 6/19.4.1913.

цузский банк торговли и промышленности, Банк северных провинций, Оттоманский банк, Национальная учетная контора, «Сосьете женераль», банкирский дом Тальмана, общество «Томсон-Хоустон» и, вероятно, общество «Перун») и русская (Русско-Азиатский банк, владевший наибольшей квотой из всех участников синдиката — 15.3%, Торгово-промышленный, Частный, Международный и Соединенный банки). В состав обеих групп входили, кроме того, германские участники — Немецкий банк, «Электробанк» и «Общество финасирования транспорта и промышленных предприятий». Наконец, в синдикат входило «Сентрэлек», участие которого мы условно поделили между французской и германской группами. Всего, таким образом, доля французской группы в синдикате составила 39.5% русской — 35% и германской — 25.5%.[97] Вне синдиката остались Ротшильд, Гукасов, Тагиев и некоторые мелкие акционеры. С учетом их акций общее участие в «Электрической силе» составит для русских капиталов 3.58 млн руб., германских — 1.72 млн руб. и прочих (почти целиком французских) — 3.7 млн руб.[98] После перехода акций к синдикату «Самур—Баку» старое правление «Электри-

---

[97] ЦГИА, ф. 634, оп. 1, д. 116, л. 31, лист участия в консорциуме «Самур—Баку».

[98] Представлявший в ходе перепродажи акций интересы германских владельцев, «Электробанк» полагал, что сможет собрать для продажи 90% акций «Электрической силы», но переоценил свои возможности. В действительности он продал 8065 привилегированных (из 10 000) и 25 486 простых (из 40 000) акций на номинальную сумму в 6 581 000 руб. Кроме того, синдикат надеялся купить еще 369 привилегированных и 6285 простых акций. (ЦГИА, ф. 634, оп. 1, д. 116, л. 39). Первое ему, очевидно, удалось. Простые же акции синдикат явно купить не сумел, ибо сумма акций Ротшильда, Гукасова и Тагиева превышает тот остаток, который имелся бы в случае успеха этой операции. Поэтому общую сумму акций, купленных синдикатом, мы определили в 6 765 000 руб. (все расчеты округлены). В руках русских акционеров, не входивших в синдикат, — Гукасов, Тагиев, Русский для внешней торговли банк, Учетный и ссудный банк и «Юнкер и К°» — имелись акции на 850 000 руб., в руках Ротшильда на 655 000 руб. (ЦГИА, ф. 23, оп. 28, д. 2554, лл. 15—19). Остается неизвестной принадлежность акций на сумму в 670 000 руб., которые мы поделили между русскими и французскими участниками. Полученные таким путем и приведенные в тексте цифры расходятся с цифрами П. В. Оля, который отнес к французским капиталам в «Электрической силе» 6 млн руб. (ук. соч., стр. 36) и вообще не учел в ней германских капиталов.

ческой силы» вышло в отставку, а в новое были избраны А. И. Путилов, И. Кон и представители французской группы Ш. Лоран, О. Гомбер, Р. Легран, М. Арно и др.[99] «Электрическая сила» сохранила тесные связи с германскими электроконцернами. Их представители Ю. Брейль, Д. Гоша и директор Швейцарского кредитного общества Э. Вальх также были введены в новое правление. Когда же после начала войны Брейль и Гоша были выведены из правления как неприятельские подданные, их заместили представители «Р. О. Сименс-Шуккерт».[100] Но главную роль в руководстве «Электрической силой» играли Русско-Азиатский банк, возглавивший русскую группу, и осуществлявшее все связи «Электрической силы» с Францией общество «Сентрэлек».

Можно выдвинуть ряд мотивов, которые могли побудить германские концерны уступить «Электрическую силу» франко-русскому блоку. Прежде всего уже одни только слухи о проектах Стюарта и «Сентрэлек» поколебали позиции «Электрической силы», отношения которой с Бакинской управой были резко враждебными. Первые же практические шаги по осуществлению проекта еще больше затруднили бы действия общества. Надо также учитывать, что продажа состоялась во второй половине 1913 г., когда обострение политического положения в Европе стало очевидным. В случае войны общество, действующее в районе нефтяных промыслов, да еще на Кавказе, где участие иностранного капитала считалось особенно нежелательным, одним из первых попало бы под удар. Поэтому если предположить, что французские банки, не поддержавшие «Общество электропередачи» в его борьбе против «Иматры», потребовали себе за это компенсации (а такое предположение представляется нам вполне вероятным), то именно «Электрическая сила» могла быть принесена при этом в жертву. «Электрическая сила» могла быть объектом и прямых переговоров между германскими и русскими банками (интересно в этой связи, что в синдикате «Самур—Баку» Немецкий банк входил в русскую группу), если вспомнить,

---

[99] ЦГИА, ф. 23, оп. 12, д. 1665, лл. 51—52, протокол собрания акционеров 30.12.1913/12.1.1914.

[100] ЦГИА, ф. 1425, оп. 2, д. 38, л. 30, отчет правления «Электрической силы» за 1915 г.

что именно с лета 1913 г. укрепляются связи Русско-Азиатского банка с Сименсом, а в октябре зондирует почву для сближения с банком и АЭГ. Как бы то ни было, продажа акций «Электрической силы» свидетельствовала об ослаблении позиций германских концернов, вынужденных отдать руководство важным в экономическом и политическом отношении обществом в руки франко-русской группировки.

Положение «Общества 1886 г.» в Москве. Создание общества «Электропередача»

Иначе развернулись события в Москве. До 1910 г. монополия «Общества 1886 г.» в городе никем не оспаривалась. Первым симптомом приближающегося обострения борьбы за Москву было предложение директора-распорядителя «Петербургского общества электрических сооружений» П. И. Ратнера в начале 1910 г. о строительстве второй электростанции в Москве. Трудно сказать, насколько серьезным было это предложение. Сообщившая о нем газета «Утро России» расценила его как блеф, рассчитанный на поднятие авторитета «Петербургского общества» перед предстоящим размещением его облигационного займа в Бельгии.[101] Учитывая последующую эволюцию Ратнера, нельзя даже утверждать, что он вносил свое предложение от имени этого общества. Но вслед за Ратнером в качестве соискателей выступили французская компания «Омниум Лионе», только что созданное «Сентрэлек» и представитель бельгийского «Общества электрических центральных станций» И. Файн.[102] После того как германские концерны уговорили «Сентрэлек» отказаться от выступления в Москве,[103] наиболее серьезным конкурентом осталось «Общество электрических центральных станций», учрежденное бельгийскими банками льежской группы,[104] поскольку принадлежавшая им «Центральная компания в Москве» по условиям договора о продаже ее

---

[101] Утро России, 14/27.1.1910, № 80—47.

[102] ЦГИА, ф. 1288, оп. 9, 1911 г., д. 59, л. 167, справка Московской управы о заключении договора на учреждение нового предприятия в Москве.

[103] ЛГИА, ф. 1243, оп. 1, д. 1488; лл. 4—5, Вальх — Брейлю 6/19.4.1913.

[104] R. Liefmann, op. cit., S. 399.

завода «Вестингаузу» была лишена права строить в Москве новые предприятия.

Появление конкурентов обеспокоило «Общество 1886 г.» и заставило его принимать контрмеры. Правление общества заявило московскому городскому голове, что оно согласно начать переговоры о понижении тарифа на электроэнергию.[105] Одновременно в прессе была развернута кампания против предложений новых соискателей. «Новое время» и некоторые другие газеты подняли шум против отдачи города в новую кабалу к иностранным концессионерам. Сторонники концессии во главе с Н. И. Гучковым не без основания утверждали, что весь этот взрыв «патриотизма» был оплачен из фондов «Общества 1886 г.».

Летом 1911 г. договор между «Обществом электрических центральных станций» и Московской управой был подписан. Он предусматривал обязательство построить станцию мощностью не менее 9000 квт с кабельной сетью минимум в 100 км. Срок концессии был установлен до 1945 г.[106] Однако сопротивление, оказываемое «Обществом 1886 г.», было очень сильным, и бельгийские концессионеры сделали попытку сговориться со своими конкурентами. В качестве посредника выступил Дель Пропосто, который был связан с льежскими банками как директор «Генеральной компании трамваев и применений электричества» и в то же время был в тесных отношениях и с германскими электроконцернами, и с Частным банком, поддерживавшим «Общество 1886 г.» в его деятельности. К сожалению, нам удалось обнаружить только один документ, относящийся к посредничеству Дель Пропосто. Ю. Брейль в письме к А. Давидову писал, что владельцы «Общества 1886 г.» не воспринимают появление бельгийских конкурентов «слишком трагически» и потому считают исключенной возможность соглашения с ними на основе условий концессии Файна. Если,

---

[105] ЦГИА, ф. 1288, оп. 9, 1911 г., д. 59, л. 37, доклад Управы об изменении договора с «Обществом 1886 г.». Тариф общества в Москве был определен в 50 коп. за киловатт-час, а в предложениях «Омниум лионе», например, устанавливалась предельная плата в 30 коп. (Торгово-промышленная газета, 14/27.5.1910, № 110).

[106] ЦГИА, ф. 1288, оп. 9, 1911 г., д. 59, л. 2, журнал Московского особого по городским делам присутствия 29.7/11.8.1911. Залог за общество был внесен Азовско-Донским банком.

заключал он письмо, условия концессии будут изменены, как в этом уверяет Дель Пропосто, тогда можно будет вновь вернуться к его предложениям.[107] Отказавшись от соглашения, «Общество 1886 г.» продолжало чинить препятствия бельгийскому обществу. Заинтересованная в создании конкурента германским монополистам, Московская управа пошла навстречу «Обществу электрических центральных станций» и разрешила ему до постройки своей станции получать ток со станции московского трамвая.[108] Но и эта помощь города не спасла бельгийских концессионеров, которые до начала войны так и не смогли приступить к строительству электростанции.[109]

Нужно отметить, что Русско-Азиатский банк проявил интерес к ходу борьбы в электроэнергетической промышленности и в Москве. Однако единственный документ, относящийся к этому вопросу, который нам удалось обнаружить, не дает возможности проследить существо политики банка в Москве. Известно лишь, что он старался заинтересовать московскими делами своего союзника Ампена, а также Легрю. Кроме того, банк, по-видимому, вел переговоры с «Обществом электрических центральных станций».[110]

Перед самой войной над «Обществом 1886 г.» нависла угроза новой конкуренции. После учреждения «Общества электрических центральных станций» льежские банки потеряли интерес к «Центральной электрической компании в Москве». «Бесхозностью» последней воспользовался французский банк «Жиро и Лушер», который совместно с бельгийским обществом «Северный центральный электрон» стал в 1914 г. владельцем «Централь-

---

[107] ЦГИА, ф. 597, оп. 2, д. 362, лл. 7—8, Брейль — Давидову 16/29.10.1912. Брейль, в частности, полагал, что цена на электроэнергию, установленная в договоре между обществом и городом в размере 16 коп. за киловатт-час, должна быть повышена по крайней мере на 21 коп., т. е. более чем вдвое.

[108] День, 12/25.4.1915, № 99.

[109] А. В. Балашова в статье «Электрификация Москвы и Московской губернии до Великой Октябрьской социалистической революции» (Ученые записки Московского экономико-статистического института, т. 7, М., 1956, стр. 132) утверждает, что Немецкий банк оказал давление на акционеров «Общества электрических центральных станций» и последнее не смогло в результате собрать средства для строительства в Москве.

[110] ЦГИА, ф. 630, оп. 2, д. 657, л. 149, письмо А. И. Путилову из Парижа 25.2/10.3.1913 (подпись неразборчива).

ной компании».[111] «Жиро и Лушер» действовали при помощи Азовско-Донского банка, получившего на 300 000 руб. акций «Центральной компании».[112] К этому времени «Р. Э. О. Вестингауз» вступило в ликвидацию, и потому с «Центральной компании» были сняты ограничения в ее деятельности, что и привлекло к ней внимание банка «Жиро и Лушер», как раз в эти годы начавшего широкое вторжение в Россию.

Перспектива появления нового осветительного общества в Москве не могла, сколько бы ни уверял в обратном Брейль, не встревожить «Общество 1886 г.» и его хозяев. Поэтому они разработали проект создания под Москвой нового общества, которое производило бы более дешевую электроэнергию и могло бы конкурировать с любыми соперниками. Кроме того, такое общество не было бы связано договором с городом и не находилось бы под угрозой принудительного выкупа. Местом строительства было избрано торфяное болото в 20 км от Богородска и 70 км от Москвы. В январе 1912 г. был создан консорциум для строительства электростанции. В консорциум вошли Немецкий банк, Банк для торговли

---

[111] ЦГИА, ф. 23, оп. 24, д. 26, лл. 181—187, список акционеров на собрании 28.12.1913/10.1.1914.

[112] ЦГИА, ф. 616, оп. 1, д. 437, л. 7, Лушер — Каменке 15/28.9.1914. Из 17 4000 привилегированных акций «Центральной компании» (простые акции были без цены) в распоряжении «Жиро и Лушер», «Северного центрального электрона» и Азовско-Донского банка имелось 16 400 акций на 2 300 000 руб. (из которых на 300 000 руб., как отмечалось, принадлежали банку). Остальные находились у разных французских владельцев (там же, л. 11). Поскольку специально созданные после перехода общества к новым хозяевам «бенефисные паи» были поделены пополам между «Жиро и Лушер» и «Северным электроном» (ЦГИА, ф. 23, оп. 24, д. 26, л. 172), мы поделили пополам и приходившиеся на их долю акции. Облигационный капитал «Центральной компании» оставлен в графе бельгийского участия.

Нужно отметить, что по данным Лифмана, «Северный центральный электрон» был тесно связан с «Союзом трамваев», поэтому установившийся блок «Северного электрона» с «Жиро и Лушер» способствовал проникновению этого банка в трамвайные предприятия Витебска и Тифлиса и в общество харьковской конки. И действительно, в последнем в апреле 1914 г. Л. Лушер и А. Жиро являлись акционерами и членами правления (ЦГИА, ф. 23, оп. 28, д. 2346, лл. 3—4). Но поскольку по электрическим трамваям Витебска и Тифлиса мы не располагаем данными о составе акционеров на 1914 г., мы не сочли возможным перенести их капиталы в графу французского участия.

и промышленности, «Электробанк», «Индэлек», «Элункала» и «Общество 1886 г.»; доля последнего была определена в 20—25%.[113] В мае 1912 г. «Общество 1886 г.» заключило договора с Богородском на исключительное право прокладки кабелей и эксплуатации энергии.[114] Общество выговорило себе чрезвычайно выгодные условия — оно получило право не платить никаких отчислений с электроэнергии, переводимой по кабелям высокого напряжения через территорию Богородска. Весной 1913 г. было создано с капиталом в 6 млн руб. «Московское общество Электропередача», перенявшее заключенные «Обществом 1886 г.» договора.[115] Активное участие в учреждении общества принял Частный банк, от имени представителей которого Давидова и Келлера было подано заявление об учреждении «Электропередачи». Но сразу же по создании общества банк передал все его акции консорциуму.[116] Акции были распределены по 20% между «Обществом 1886 г.», «Элункала», «Индэлек», «Электробанком» и совместно Немецким банком и Банком для торговли и промышленности.[117] Таким образом, основным влиянием в «Электропередаче» пользовался концерн Сименса. Все управление делами нового общества велось через «Общество 1886 г.». Станция «Электропередачи» вступила в строй 19.2/4. 3.1914.[118]

Создание богородской станции существенно изменило положение «Общества 1886 г.» в Москве и вызвало необходимость пересмотра его договора с Московской управой. Переговоры об этом проходили в течение 1912—1914 гг. и не были закончены до начала мировой войны. Наиболее важными в этих переговорах являлись два момента. Московская управа добивалась ограничения количества электроэнергии, которую станция «Об-

---

[113] ЛГИА, ф. 1243, оп. 1, д. 1376, лл. 3—4, протокол правления 28.1/10.2.1912.

[114] Там же, д. 1930, лл. 81—83, договор 6/19.3.1913; лл. 91—110, договор на срок по 1/14.1.1949 (копия без даты, дата получения 22.3/4.4.1913).

[115] Там же, лл. 148—159, проект договора между обществами 24.4/6.5.1913.

[116] ЦГИА, ф. 597, оп. 2, д. 363, л. 5, Частный банк — «Электропередаче» 17/30.5.1913.

[117] ЛГИА, ф. 1243, оп. 1, д. 1954, лл. 117—118, список акционеров «Электропередачи» 19.5/1.6.1914.

[118] Там же, д. 1655, л. 4, отчет за 28-й операционный год.

щества 1886 г.» будет получать от Богородска.[119] Причина этого заключалась в том, что Управа получала отчисления лишь от стоимости энергии, произведенной в черте города, и ввод более дешевого богородского тока сокращал городские доходы. Для «Общества 1886 г.» это означало, напротив, увеличение прибыли, ибо дешевый богородский ток продавался бы по высокому московскому тарифу. Другим камнем преткновения был вопрос о дальнейшей судьбе станций общества. Московская управа имела право выкупить городскую станцию «Общества 1886 г.», но при условии сохранения в руках «Электропередачи» богородской станции это ничего не давало городу, поскольку ее дешевая энергия могла легко победить в конкуренции с током городской электростанции. Поэтому Московская управа требовала, чтобы богородская станция также перешла под ее управление по окончании срока концессии «Общества 1886 г.»,[120] что вызывало резкое противодействие последнего. В свою очередь «Общество 1886 г.» старалось заранее обезопасить себя от угрозы принудительного выкупа и обеспечить возможность сохранения контроля за деятельностью городской станции. Оно предложило Московской управе создать новое общество, к которому перешли бы как городская станция «Общества 1886 г.», так и станция московского трамвая. Акции нового общества и места в правлении должны были быть поделены между «Обществом 1886 г.» и Управой. Таким путем, отдав часть акций городу, но получив за это доступ к управлению трамвайной станцией, «Общество 1886 г.» сохранило бы решающие позиции в Москве на неопределенный срок и после окончания концессии. Ради такого успеха оно готово было вести переговоры и о передаче Управе части акций «Электропередачи».[121]

---

[119] ЛГИА, ф. 1243, оп. 1, д. 1590, лл. 20—21, проект соглашения Московского городского управления с «Обществом 1886 г.» относительно отпуска электроэнергии с центральной станции, лежащей вне Москвы.

[120] Электричество, 1913, № 15, стр. 457.

[121] ЛГИА, ф. 1243, оп. 1, д. 1930, л. 63, московское отделение «Общество 1886 г.» — Московской управе 25.2/10.3.1913; лл. 23—26, записка о переговорах между московским отделением общества и Московской управой, начало марта 1913 г.

Борьба за влияние на электроэнергетическую промышленность южных и западных губерний России. Синдикат «Дон-Волга—Днепр»

В противовес наступлению русских и французских банков на Кавказе германские концерны развернули активную деятельность на юге и западе Европейской России. Вслед за переводом на электрическую тягу линий одесского трамвая, осуществленного АЭГ совместно с «Взаимной компанией трамваев», этот же блок учредил и «Одесское общество электричества», заключившее 30.4/13.5.1910 договор с городской управой.[122] 60% акций «Одесского общества» находились в руках «Гезфюрэль» и бельгийских членов концерна АЭГ — «Генерального бельгийского общества электрических предприятий» и «Общества финансирования транспорта и промышленных предприятий» («Софина»). Акции, находившиеся у бельгийских владельцев, были раздроблены на множество мелких пакетов.[123] В 1912 г. «Гезфюрэль» основало «Белостокское электрическое общество», которое в том же году вместе с «Радомским обществом» и «Рижским трамваем» было передано новому члену концерна АЭГ — обществу «Трамвай и электричество в России»,[124] специально созданному для переема акций предприятий АЭГ в России. Еще одно общество предполагалось учредить для строительства гидростанции на реке Аа в Курляндии. Устав «Балтийского общества электрических предприятий», как оно должно было называться, был утвержден в августе 1913 г., но учреждавшая общество АЭГ не успела осуществить задуманное предприятие.[125]

[122] ЦГИА, ф. 23, оп. 12, д. 665, л. 119, договор Р. Легоде с Одесской городской управой 30.4/13.5.1910.

[123] Там же, лл. 41—45, устав общества.

[124] Vossische Zeitung, 4.4.1912. В 1914 г. все акции «Белостокского общества» были расписаны между членами его правления. Капитал «Радомского общества» был перед войной увеличен до 600 000 руб.

[125] В 1910 г. был увеличен до 6 млн руб. капитал «Киевского электрического общества», которое по-прежнему полностью находилось в руках «Гезфюрэль». На собрании 29.5/11.6.1914 оно представило 23 808 акций «Киевского общества» из 24 000, а остальные значились за членами правления (ЦГИА, ф. 23, оп. 28, д. 931, л. 8).

Большую активность проявил и концерн Сименса. В 1912 г. «Элункала» захватило вступившее в строй двумя годами раньше «Общество Згержского электрического завода», а в 1914 г., очевидно в предвидении войны, решающий пакет акций згержской станции был передан «Обществу 1886 г.».[126] «Элункала» совместно с другими предприятиями Сименса (в том числе с «Обществом 1886 г.») и с его польскими союзниками создало в декабре 1912 г. консорциум для строительства электростанции в Сосновицах.[127] В качестве базы будущего «Сосновицкого электрического общества» была приобретена станция общества «Граф Ренард».[128] Тяга германских концернов в предвоенные годы к западным районам России была не случайна. Она объяснялась как близостью учреждаемых обществ к электротехническим предприятим концернов, так и стратегическим значением тех пунктов, в которых строились электростанции.

Западные губернии России привлекли внимание и бельгийских концессионеров. Группой брюссельского «Сосьете женераль» было учреждено «Общество электрического освещения Ковно», концессия на которое принадлежала Ф. Шмацеру еще с 1899 г. В силу каких-то при-

[126] По данным «Р. О. Сименс-Гальске» за 1912 г., «Элункала» приобрела большую часть акций згержской электростанции (ЛГИА, ф. 1249, оп. 8, д. 5, лл. 107—108), капитал которой составлял в то время 250 000 руб. В 1914 г. «Элункала» продала акции згержского общества на 125 000 руб. номинала «Обществу 1886 г.». Скорее всего это и было все, чем она располагала, «Общество 1886 г.» подписалось на такую же сумму акций нового выпуска. (ЛГИА, ф. 1243, оп. 1, д. 1680, л. 25). Таким образом, мы отнесли к германскому участию 250 000 руб. Вторая половина капитала, очевидно, находилась в польских руках, и Гордличка являлся членом правления «Общества Згержского электрического завода».

[127] ЛГИА, ф. 1243, оп. 1, д. 1540, л. 7, протокол правления 11/24.1.1913.

[128] ЦГИА, ф. 23, оп. 12, д. 1819, лл. 12—13, представление Министерства торговли и промышленности 3/16.10.1913. П. В. Оль отнес к германскому участию 1.2 млн руб. из общего капитала «Сосновицкого общества» в 4 млн руб. Это представляется нам неверным. По данным отчета «Общества 1886 г.» за 1913 г. видно, что оно участвовало в сосновицком консорциуме в размере 330 000 руб. (ЛГИА, ф. 1243, оп. 1, д. 1723, л. 284). Его же доля в общем участии группы Сименса равнялась $^1/_6$ (там же, д. 1540, лл. 14—15); следовательно, на всю группу падал капитал в 2 млн руб., который мы и учли в нашей таблице. Остальные 2 млн руб. приходились на неизвестных нам польских капиталистов (видимо, из группы Стамировского, Гордлички и др.).

чин, вероятно в связи с кризисом, Шмацер тогда не приступил к строительству станции, а в 1908 г. добился изменений условий контракта. Лишь после этого была начата организация предприятия, открывшего действия в 1911 г.[129] При этом владельцы его прибегли к комбинации, довольно часто использовавшейся бельгийскими капиталистами. Для эксплуатации одной станции в Ковно было основано два общества — русское и бельгийское, причем последнее держало акции первого.[130] Это облегчало различного рода финансовые махинации, в особенности с выпуском облигаций, а также позволяло фиктивно сокращать сумму доходов, облагавшихся русскими налогами.

Из чисто русских осветительных обществ кроме уже упоминавшегося «Павловского общества» в эти годы были учреждены небольшие «Армавирское электрическое общество» и «Электросвет» (Могилев-Подольск).[131]

Как и в окрестностях Петербурга, в других районах страны в годы предвоенного промышленного подъема встал вопрос об использовании гидроресурсов. Но в отличие от того, как развертывались события в столице, в этих районах русские и французские банки сочли целесообразным с самого начала привлечь германские концерны к сотрудничеству, чтобы избежать конкуренции, которая могла бы затруднить выполнение намеченных планов.

После многолетнего перерыва внимание монополистических кругов вновь привлекли Днепровские пороги. В 1906 и 1909 гг. безнадежные попытки получить концессию на сооружение судоходного канала Рига—Херсон с регулировкой Днепровских порогов и утилизацией гидроэнергии для производства электричества делала какая-то группа, в которую входили некоторые владельцы порогов и бывший учредитель «Русско-Бельгийского общества электрических предприятий» А. А. Гуэ. Проекты были отвергнуты Министерством путей сообщения. В 1912 г. порогами заинтересовались банки. В апреле 1912 г. было

---

[129] ЦГИА, ф. 23, оп. 12, д. 605, лл. 1—2, прошение Э. С. Манделя и А. Фретера в Министерство торговли и промышленности 15/28.10.1909; л. 90.

[130] Там же, л. 114, список акционеров 5/18.6.1912.

[131] См. соответственно: ЦГИА, ф. 23, оп. 28, д. 69, л. 5 и д. 2560, л. 5.

подписано соглашение о «консорциуме для изучения канала Дон—Волга и Днепра» между В. И. Тимирязевым (Русский для внешней торговли банк), А. И. Путиловым (Русско-Азиатский банк), А. А. Давидовым (Частный банк) и инженерами Голлье и Шаппюи (совладельцы общества «Батиньоль».[132] В августе Путилову и Давидову было разрешено заниматься изысканиями «для составления проекта водного пути в порожистой части р. Днепра с использованием силы падения воды и проекта Волго-Донского канала».[133] Сразу же после этого был заключен новый синдикатный договор между «группами крупных русских банков, представленных Международным и Частным банками» и «группой Голлье».[134] Русско-Азиатский и Русский для внешней торговли банки в тексте не фигурировали, но под договором стояла подпись А. И. Путилова, который и на совещании участников 28—29.9/11—12.10.1912 присутствовал в качестве представителя Частного банка. По-видимому, Русско-Азиатский банк и входил в группу Частного банка, а Русский для внешней торговли — в групу Международного банка. В последнюю входили, кроме того, по всей вероятности, Немецкий и Дрезденский банки. Во всяком случае в письме директора АЭГ Рооса к директору ВКЭ Гольдштаубу говорилось об участии в синдикате «наших банков».[135] Труднее поддается расшифровке «Группа Голлье». Подлинный экземпляр синдикатного договора от апреля 1912 г. хранился в делах «Лионского кредита».[136] В записи переговоров, происходивших в сентябре 1912 г., упоминается «Banque de Paris etc», видимо, Парижско-Нидерландский банк,[137] в действовавшем в эти же годы синдикате по изысканиям железных дорог на Кавказе, Урале и Алтае Голлье являлся

---

[132] ЦГИА, ф. 621, оп. 4, д. 249, лл. 1—2, соглашение о «консорциуме для изучения канала Дон—Волга и Днепра» 10/23.4.1912.

[133] ЦГИА, ф. 597, оп. 2, д. 460, л. 6, отношение Управления внутренних водных путей МПС А. И. Путилову, август 1912 г.

[134] ЛГИА, ф. 1367, оп. 8, д. 486, лл. 164—171, синдикатный договор для изучения и строительства судоходных каналов Днепра и Волго-Дона.

[135] Там же, л. 145, Роос — Гольдштаубу 17/30.9.1912.

[136] ЦГИА, ф. 621, оп. 4, д. 249, лл. 1—2, соглашение о «консорциуме для изучения канала Дон—Волга и Днепра».

[137] ЛГИА, ф. 1376, оп. 8, д. 486, л. 151, запись переговоров относительно регулирования Днепра 3/16.9.1912.

представителем «Французского кредита». Каких-либо более определенных данных в нашем распоряжении нет. Позднее за счет первых двух групп была выделена небольшая квота для парижского банкирского дома Тальмана.[138] Руководство делами синдиката осуществлял Частный банк.

Для разработки технического проекта и для последующего участия в строительстве было решено привлечь АЭГ, «Сименс-Гальске» и связанные с Сименсом общества, а также строительное общество «Батиньоль» (Париж) и швейцарские фирмы, специализировавшиеся на горностроительных работах.[139] Члены финансового синдиката «Дон—Волга—Днепр» (ДВД) и электротехнические фирмы взаимно связали себя обязательствами не вести днепровское дело с другими партнерами.[140]

Однако ВКЭ весьма скептически отнеслась к возможности осуществления планов синдиката, и Гольдштауб писал в Берлин, что он будет разговаривать с Герцем о путях спасения средств, вложенных в дело.[141] Столь же скептически высказались и участники проведенной зимой 1913 г. экспертизы, выяснявшей вопрос о рентабельности будущей электростанции. Проводившие экспертизу германские инженеры пришли к выводу, что вероятные доходы от станции не будут соответствовать затраченному капиталу.[142] В поисках варианта, который дал бы возможность не упустить крупное дело, составители проекта пошли на такие «облегчения» в технических условиях, что даже видавшие виды чиновники из МПС признали их «не подлежащими одобрению».[143]

---

[138] ЦГИА, ф. 597, оп. 2, д. 460, л. 88, протокол заседания уполномоченных синдиката ДВД 8/21.1.1914.

[139] Там же, л. 17, протокол заседания участников синдиката ДВД 28—29.9/11—12.10.1912; д. 463, л. 1, пояснительная записка к условиям концессии на строительство каналов и гидроэлектрических сооружений Днепра.

[140] ЛГИА, ф. 1367, оп. 8, д. 486, л. 156, запись переговоров относительно регулирования Днепра 3/16.9.1912.

[141] Там же, л. 146, Гольдштауб — Роосу 11/24.9.1912.

[142] ЦГИА, ф. 597, оп. 2, д. 460, лл. 51—58, доклад экспертизы о возможности сбыта электрической энергии с Днепровской станции, январь—февраль 1913 г.

[143] Там же, лл. 68—71, представление Управления внутренних водных путей, МПС 8/21.1.1914. Управление отмечало, что проект составлен в ущерб судоходству и допускает чрезмерно большие

Тогда, сговорившись с частью владельцев порогов, Путилов и Давидов предложили казне самой осуществить строительство судоходного канала у порогов, а за собой оставляли только сооружение электростанции, что значительно сократило бы их расходы. В этом положении дело было остановлено войной.

В итоге конкурентной борьбы, развернувшейся в годы второго промышленного подъема, в расстановке сил в электропромышленности России произошли значительные изменения. Общая сумма германских капиталовложений выросла за этот период более чем вдвое, прежде всего за счет увеличения капитала «Общества 1886 г.» до 50 млн руб., а также за счет учреждения новых предприятий. Французские инвестиции выросли почти в 3, а швейцарские примерно в 4.5 раза. Правда, швейцарские капиталы приходились целиком на участие близких к германским концернам Базельского банка, Швейцарского кредитного общества и других в «Обществе 1886 г.», в котором они не имели влияния на политику общества, да и само их участие могло быть фиктивным, прикрывающим те же германские концерны. Французские инвестиции выросли за счет захвата «Электрической силы» и увеличения капитала (главным образом — облигационного) «Варсэлек», в которой французские банки участвовали наряду с концерном «Сименс-Шуккерт». Русские капиталовложения выросли более чем в 6 раз, и, кроме нескольких мелких обществ, русские капиталы были теперь представлены в большинстве в «Обществе электропередачи силы водопадов» и в очень значительной доле в «Электрической силе». При этом основная часть русских инвестиций в электроэнергетической промышленности приходилась теперь не на отдельных аутсайдеров, а на ведущие банки страны. Вложения бельгийских концернов почти не изменились. В результате доля германских капиталов выросла с 45.3 до 48.7%, а фактически если учесть сказанное выше о швейцарских банках, то и еще больше, доля русских капиталов увеличилась с 2.8 до 9.0%, а бельгийских упала с 41.1 до 23.6%. Хотя в общем итоге процент русских капиталовложений в энергетическую индустрию был еще невелик, тенден-

---

затопления земельных угодий, а конструкции не отвечают местным условиям.

ция их развития была аналогична развитию в электротехнической промышленности, где русские банки, опираясь на сотрудничество с финансовыми и промышленными кругами Антанты, начали наступление на позиции германских концернов.

Усиление активности русских банков в связи с вопросом об электрификации железных дорог

Важное место в планах как русских банков, так и германских электроконцернов занимали проекты электрификации железнодорожного транспорта. В годы предвоенного промышленного подъема в стране вновь развернулось интенсивное железнодорожное строительство, в финансировании которого приняли аткивное участие практически все русские банки, а также французский банковский капитал. Особенный размах железнодорожное учредительство приняло после создания летом 1911 г. банковского синдиката для строительства дорог на Урале, в Восточной и Южной Сибири, на Кавказе и в Туркестане, возглавленного Русско-Азиатским банком. В синдикат вошли также Международный, Русский для внешней торговли, Торгово-промышленный, Учетный и ссудный, Частный и Азовско-Донской банки, а из французских — «Французский кредит», «Сосьете женераль» и Парижско-Нидерландский банк. Наибольшую активность из них проявил только что созданный «Французский кредит», учредитель которого — фирма «Лост и К°» специально выговорила у русского правительства право на концессии на строительство железных дорог на Урале и Алтае за свое участие в «оздоровлении» Частного банка.[144]

Как и в проектах строительства дорог с паровой тягой, так и в планах электрификации железных дорог в качестве финансовой силы выступали русские и французские банки. Но в этих последних случаях, когда дело доходило до разработки технических проектов, банки обращались

---

[144] См. об этом более подробно в статье А. М. Соловьевой «К вопросу о роли финансового капитала в железнодорожном строительстве России накануне первой мировой войны» (Исторические записки, т. 55, стр. 197—199).

за содействием германских электроконцернов. Это объяснялось и безусловным техническим превосходством последних над французскими фирмами и связями русских банков с ВКЭ и заводами Сименса в России.

Первой ласточкой активизации деятельности банков в этой области был проект реконструкции Сестрорецкой приморской железной дороги, составленный в 1909—1910 гг.[145] Владевшее дорогой акционерное общество было в 1906 г. объявлено несостоятельным должником, и дорогу предполагалось продать с публичных торгов. В первоначальном варианте в реконструкции дороги должна была принять участие с русской стороны группа в составе Международного, Учетного и ссудного, Русского для внешней торговли, Волжско-Камского, Русско-Китайского и Северного банков,[146] а с бельгийской стороны не названная группа, от имени которой выступал директор «Генеральной компании трамваев и применений электричества» Дель Пропосто. В сохранившихся докуметах фигурируют имена еще двух директоров той же компании бельгийского банкира Нагельмакерса и Поля Ван Хогерден, являвшегося также директором «Немецко-Люксембургских горных заводов». Бельгийская сторона претендовала на 60% участия в будущем обществе и хотя в сохранившемся проекте соглашения эта цифра зафиксирована,[147] возможно, что чрезмерность бельгийских притязаний породила затем новый проект. На этот раз он предусматривал соглашение трех банков — Частного, Международного и только перед тем образовавшегося Русско-Азиатского, причем первый вкладывал 60% общей суммы в 7.5 млн руб., а два других остальную сумму.[148] Нетрудно

---

[145] Первые проекты строительства электрических дорог в окрестностях Петербурга возникали еще на рубеже XIX—XX вв., но тогда для их осуществления не было ни финансовых, ни технических условий. Перед русско-японской войной МПС начало изучать возможности электрификации кавказских дорог. Однако это дело осталось без движения.

[146] ЛГИА, ф. 1367, оп. 8, д. 243, лл. 14—15, Гольдштауб — Дейчу 17/30.3.1910 (без даты, подписи и адресата; установлено по соседним документам).

[147] Там же, л. 7, проект соглашения между группой русских банков, возглавленных Международным и Русско-Китайским банками, и группой, представленной Дель Пропосто.

[148] ЦГИА, ф. 597, оп. 2, д. 168, л. 2, проект договора (без даты).

понять, что это было лишь модификацией первого проекта, что значительную часть доли Частного банка, ранее вообще не представленного, внесут связанные с ним бельгийцы, а в квоте его партнеров содержится и участие других русских банков. Но при такой постановке вопроса три банка получали больше возможностей захватить руководство будущим обществом. К участию в строительных работах предполагалось привлечь германские концерны, и в расчете на давние связи с Дель Пропосто ВКЭ надеялась на львиную долю заказов. Разработка банками сестрорецкого проекта совпала по времени с вопросом об электрификации всего петербургского узла, и видимо, в связи с этим МПС не склонно было отдать сестрорецкую дорогу в руки концессионеров. Банковский проект остался поэтому нереализованным. Только летом 1916 г. Государственная дума приняла проект о продаже Сестрорецкой дороги.[149]

Значительную активность проявили банки в связи с планами переоборудования и электрификации петербургского железнодорожного узла, который МПС начало разрабатывать с конца 1909 г. После семи месяцев работы специальная комиссия внесла проект, в котором указывалось, что радикальное решение вопроса возможно только при переводе дорог на электрическую тягу. Проект комиссии предусматривал, кроме того, строительство специальных линий в черте города, которые связали бы между собой все пригородные дороги и разгрузили бы вокзалы. Для получения необходимой электроэнергии предполагалось строительство электростанции у Волховских порогов. В первую очередь комиссия намечала электрифицировать дороги до Ораниенбаума, Гатчина и Любани.[150] Поскольку у Министерства не было средств, необходимых для осуществления разработанного проекта, встал вопрос о привлечении к нему частного капи-

---

[149] Финансовая газета, 23.6/6.7.1916, № 245. Борьба за сестрорецкую дорогу продолжалась и в предвоенные годы. В ней приняли участие группа «Иматры», стремившаяся использовать полосу отчуждения дороги для прокладки кабелей, различные бельгийские группировки и «Товарищество Гукасов и К°» (Коммерческий телеграф, 3/16.1.1913, № 28 и 13/26.2.1913, № 62).

[150] ЛГИА, ф. 1367, оп. 8, д. 496, лл. 20—32, записка комиссии МПС по выработке мер для улучшения условий пассажирского сообщения на линиях петербургского железнодорожного узла.

тала. В январе 1911 г. правление ВКЭ доносило в Берлин об образовании в Петербурге группы банков, готовой взяться за реализацию проекта. Состав группы не указывался, но сообщалось, что в качестве ее представителя в Берлин выезжает фон Дрейер,[151] директор Путиловских заводов, в то время входивших в группу Международного банка. Еще до этого были предприняты шаги для создания общества по эксплуатации Волховских порогов. Учредителями его выступали А. А. Бунге (владелец крупнейшей в России строительной фирмы) и генерал В. М. Иванов.[152] Оба они являлись директорами близкого к тому же банку «Русского паровозостроительного общества» и учредителями «Руссуда». Все это дает, как нам кажется, основания утверждать, что во главе группы в тот период стоял Международный банк. Остальные участники ее неясны. Для разработки и осуществления технической стороны дела были привлечены германские предприятия в России и «Р. О. Э. Вестингауз». В апреле 1910 г. между ВКЭ, «Сименс-Гальске» и «Вестингаузом» были заключены соглашения о совместных действиях в трех предприятиях: 1) строительстве Волховской гидростанции, 2) электрификации петербургских пригородных железных дорог и 3) строительстве петербургского метрополитена.[153] Во исполнение первого из них три фирмы заключили соглашение с Бунге и Ивановым о совместном учреждении (от имени последних) общества для эксплуатации Волховских порогов. Общество должно было получить право на строительство электростанции и системы шлюзов на Волхове и линий электропередач до Петербурга и Ладожских каналов. Все эти соглашения остались дележом шкуры неубитого медведя, ибо МПС не согласилось передать дело в частные руки. В конце года министр путей сообщения заявил о своем желании осуществить пробную электрификацию линии Петербург—Ораниенбаум, причем участок Петербург—Лигово поручить «Сименс-Шуккерт», а участок Лигово—

---

[151] Там же, д. 303, л. 387, ВКЭ — АЭГ 8/21.1.1911.

[152] Там же, д. 260, л. 14, проект соглашения между «Сименс-Гальске», ВКЭ и «Вестингаузом», с одной стороны, и А. А. Бунге и В. М. Ивановым — с другой, июль 1910 г.

[153] Там же, л. 3, «Сименс-Гальске» — ВКЭ (без даты); л. 58, «Сименс-Гальске» — ВКЭ 14/27.4.1910.

Ораниенбаум — ВКЭ.[154] Но и здесь для электротехнических фирм дело не пошло дальше составления проектов и излишне поспешного подсчета прибылей.[155]

Параллельно с планами электрификации петербургского железнодорожного узла разрабатывались такие же проекты относительно Москвы. Проект, выработанный комиссией во главе с инженерами Руиным и Графтио, предусматривал электрификацию 400 км железных дорог вокруг Москвы и строительство подземных соединительных радиусов в городе.[156] На осуществление работ необходимо было около 50 млн руб.[157] Для изыскания необходимых средств Руин предлагал сдать все реорганизуемые дороги в аренду акционерному обществу, которое должно было быть образовано специально для этой цели. Руин при этом имел в виду английский финансовый синдикат во главе с банкирским домом «Э. Эрлангер и К°», существовавший уже с 1910 г.[158] С американскими капиталами был связан проект Вышнеградского—Утина—Геннерта—Гучкова—Хофа.[159] Об этом свидетельствовало участие в нем Хофа, главы американской финансовой группы, которая как раз в это время интересовалась электрическим транспортом в России. «Русское слово» связывало этот проект с именем Моргана. Газета писала, что этот проект имеет наибольшие шансы на успех, поскольку ему благоприятствует Министерство финансов.[160] Заинтересовались делом и германо-бельгийские финансовые круги. В связи с этим в сентябре 1912 г. связанные с АЭГ бельгийские капиталисты запрашивали ВКЭ о стоимости реконструкции отдельных линий и строительства метрополитена. Наконец, члену Совета Сибирского банка

---

[154] Там же, лл. 266—267, ВКЭ — АЭГ 5/18.12.1911.

[155] В связи с этим планом МПС в июле 1912 г. представители германских концернов сговаривались о ценах на вагоны для дорог петербургского узла, калькулируя их с прибылью в 20—25% (ЛГИА, ф. 1367, оп. 8, д. 481, лл. 18—19).

[156] ЛГИА, ф. 1367, оп. 8, д. 345, лл. 467—469, запрос Управления городских железных дорог Москвы фирмам от 13/26.6.1912 по докладу городской Управы 25.2/10.3.1912.

[157] Там же, л. 439, смета расходов на переоборудование московского узла.

[158] ЦГИА, ф. 268, оп. 3, д. 1253, лл. 224—225, Э. Эрлангер — Руину 2/15.11.1912 и Руин — министру финансов 17/30.1.1913.

[159] Торгово-промышленная газета, 19.1/1.2.1913, № 16.

[160] Русское слово, 20.1/2.2.1913, № 17.

Ф. А. Липскому и члену правления «Продаметы» А. В. Белову было разрешено учредить общество для строительства электрической железной дороги Москва—Сергиев Посад.[161] Все эти проекты остались на бумаге.[162]

Планы банков простирались не только на Европейскую Россию. В 1911 г. Частный банк вступил в соглашение с «Французским кредитом» о совместных изысканиях электрифицированных транскавказских дорог (в том числе дороги Владикавказ—Тифлис) и электрических железных дорог на Урале и Алтае. К сотрудничеству, как и в синдикате ДВД, был привлечен строитель ряда тоннелей в Швейцарии инженер Голлье.[163] В конце года в число участников синдиката вошел и Русско-Азиатский банк, в связи с чем доли участников были определены в 40% для «Французского кредита» и по 30% для русских банков.[164] В течение предвоенных лет дело находилось в стадии переговоров с правительством, которое только в феврале 1914 г. высказалось за допущение к этому строительству частного капитала.

Таким образом, ни один из многочисленных и породивших ожесточенную конкурентную борьбу проектов электрификации русских железных дорог не был осуществлен. Ни царское правительство, ни городские управления в России не имели средств для проведения необходимых работ. В то же время они не хотели отдавать такой гарантированный источник дохода, как транспорт, в руки иностранных концессионеров. С другой стороны, концессионеры также не ставили своей целью развитие российского транспорта. В этом отношении показательна

---

[161] Торгово-промышленная газета, 14/27.7.1911, № 158.

[162] Такая же судьба постигла и проекты электрических железных дорог под Варшавой и в Крыму. В варшавском районе столкнулись три группы соискателей: Международный банк, «Общество варшавских подъездных путей» и владельцы «Общества лодзинской городской железной дороги». В Крыму в одну из групп входили Частный банк, «Сименс-Гальске» и, вероятно, Банк общественных вкладов, а другая была связана с Международным банком, ВКЭ и Дель Пропосто.

[163] ЦГИА, ф. 597, оп. 2, д. 170, л. 1, Частный банк — Голлье 8/21.6.1911; л. 6, Голлье — Давидову 16/29.6.1911; лл. 7—8, «Французский кредит» — Частному банку 25.7/7.8.1911; л. 11, Частный банк — Вурцелю 3/16.8.1911.

[164] Там же, л. 33, Русско-Азиатский банк — «Французскому кредиту» 12/25.12.1911; л. 43, «Фрацузский кредит» — Русско-Азиатскому и Частному банкам 5/18.1.1912.

позиция германо-бельгийских капиталистов при обсуждении вопроса об электрификации московского узла, когда они собирались взять концессию на его электрификацию, а затем не выполнить ее условий и сорвать реконструкцию дороги, переведя на электрическую тягу только те участки, которые сулили наибольший доход. Частная собственность на средства производства, в данном случае на транспорт, погоня капиталистов за максимальными прибылями привели к тому, что Россия отстала от передовых капиталистических стран в деле развития электрического железнодорожного транспорта. Но хотя все проекты электрификации железных дорог не вышли из стадии предварительных переговоров, самый ход этих переговоров и состав их участников характерны для той повышенной заинтересованности банков в делах, связанных с электричеством, которая отчетливо проявилась в предвоенные годы.

Трамвайное учредительство в 1910—1914 гг. и русские банки

По сравнению с предыдущими периодами темпы трамвайного учредительства в годы предвоенного промышленного подъема значительно замедлились. Это было обусловлено несколькими причинами. Прежде всего городские самоуправления России по примеру обеих столиц старались удержать в своих руках один из крупнейших источников дохода, проводя электрификацию трамвая своими силами или, за неимением средств, откладывая ее до лучших времен. Если городские власти решали все же сдать трамвайные предприятия в концессию, они, наученные опытом прошлых лет, были более осторожны в выработке условий соглашения, что затягивало переговоры, многие из которых были затем прерваны войной. Наконец, в тех городах Центральной и Западной России, где трамвайные предприятия сулили концессионерам наибольшие прибыли, они были созданы еще в прошлые годы, и хотя основная масса русских городов страдала от отсутствия транспорта, с точки зрения германских и бельгийских трамвайных монополий, рынок приложения капиталов в Европейской России был близок к исчерпанию. Поэтому центр тяжести их трам-

вайного учредительства перемещается в основном в города южных и восточных окраин страны, а также в пригородные предприятия, большая часть которых так и не успела осуществиться до начала войны.

В основном прирост средств, вложенных в трамвайные предприятия в предвоенные годы, приходился на увеличение капиталов ранее существовавших обществ (одесского — с 12 до 20 млн руб. и киевского — с 5.5 до 9 млн руб.), а вновь было учреждено лишь три общества (а в четвертом конная тяга была заменена электрической). Франко-Бельгийский трест Ампена перед самой войной перевел на электрическую тягу линии принадлежавшего ему кишиневского трамвая. Концерн АЭГ при участии «Взаимной компании трамваев» учредил общество «Симферопольский трамвай»;[165] кроме того, «Гезфюрэль» долго, но безрезультатно вело переговоры о концессии на трамвай в Полтаве. В 1910 г. было учреждено «Первое русское товарищество моторно-электрического трамвая Екатеринодар—Пашковская».[166] Наиболее крупным по размеру и по значению было учрежденное в 1912 г. с капиталом в 10 млн франков «Общество трамвая и электрических предприятий в окрестностях Петербурга». Около 70% акций общества осталось

---

[165] На основании данных, взятых из устава общества, мы отнесли к бельгийским капиталам 125 000 руб. участия «Взаимной компании трамваев» и П. Пирара. Основной пакет акций принадлежал тресту «Трамваи и электричество в России». (ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 28, д. 2017, л. 12). Облигационный капитал полностью отнесен к бельгийскому по месту выпуска займа.

[166] П. В. Оль отнес его к таксо-моторным предприятиям (П. В. Оль. Статистика акционерных и паевых товариществ, обязанных публичной отчетностью. Пгр., 1915, стр. 246), но из перечня поставок трамвайного отдела ВКЭ видно, что он поставлял товариществу оборудование для вагонов электрического трамвая (Р. О. ВКЭ. Отделение электрических дорог и трамваев. Пгр., Список исполненных работ). Русский характер товарищества вызвал большие сомнения у правительственных органов. Однако в списке пайщиков германскому подданному принадлежало всего паев на 34 000 руб. и австрийскому — на 1000 руб. (ЦГИА, ф. 23, оп. 28, д. 747, л. 10).

Перед войной впервые появилось трамвайное предприятие, принадлежавшее не акционерному обществу, а торговому дому. Им являлось «Первое русское Восточно-Сибирское общество электрического трамвая» во Владивостоке со складочным капиталом в 100 000 руб. Его капитал не учтен нами, поскольку наша таблица касается только акционерных предприятий.

за руководившей им группой Тиса (Банк общественных вкладов и «Антверпенский союз трамваев»), 20% получила французская группа, представленная гр. де Шевильи (возможно, Лионско-Марсельский банк) и 10% — Петербургский частный банк.[167] Общество купило концессию у принадлежавшего группе русских инженеров «Общества ораниенбаумской электрической дороги»,[168] не имевшего средств для осуществления работ, и, действуя через это последнее, приступило к строительству трамвайной линии Петербург—Ораниенбаум (практически уже в годы войны был сдан в эксплуатацию участок Петроград—Лигово).[169] Общество вынашивало далеко идущие планы, намереваясь получить концессии на трамвай и в других пригородах Петербурга, а также заняться их освещением.[170] Такие же планы относительно Москвы вынашивало «Генеральное бельгийское общество электрических предприятий» (концерн АЭГ).[171]

---

[167] ЛГИА, ф. 1367, оп. 8, д. 73, лл. 362—363, нотариальная запись 22.3/4.4.1912 об учреждении общества.

[168] Борьба за трамвай в окрестностях Петербурга началась еще в 1898 г., когда в ней приняли участие группа Парижско-Нидерландского банка, «Электричество и гидравлика» и «Сименс-Гальске». Победу одержал Парижско-Нидерландский банк, но из-за кризиса и сопротивления Министерства двора, не разрешавшего устройство воздушной электропроводки в Петергофе, банк не использовал полученного разрешения. (ЦГИА, ф. 263, оп. 3, дд. 685—686). В 1907 г. известный журналист-предприниматель И. П. Табурно вновь получил концессию на трамвай до Ораниенбаума и учредил «Общество ораниенбаумской электрической дороги».

[169] Коммерческий телеграф, 21.10/3.11.1916, № 1038.

[170] Там же, 11/24.12.1912, № 14. Из числа других проектов пригородного трамвая нужно назвать проект «Общества петербургских электрических подъездных путей» упомянутых выше Липского и Белова, действовавших в данном случае при поддержке Торгово-промышленного банка и Германского «Общества всеобщих местных и уличных дорог».

[171] Коммерческий телеграф, 6/19.2.1914, № 327. Другим крупным делом, тоже не вышедшим из стадии переговоров, был проект бакинского трамвая. Бакинский район пользовался репутацией ненадежного для вложения капиталов, и лишь в 1910 г. антверпенский Банк общественных вкладов выступил с предложением взять в концессию трамвай и уличное освещение. По сведениям «Торгово-промышленной газеты» (23.3./5.4.1911, № 67), банк действовал на этот раз не только от имени группы Тиса, но и от «Взаимной компании трамваев», «Генеральной компании трамваев и применений электричества» и треста Ампена. После безуспешных переговоров соискатели решили

Вновь созданное «Общество трамвая и электрических предприятий в окрестностях Петербурга» явилось, возможно, одним из практических результатов соглашения германских и бельгийских электроконцернов. Во всяком случае и АЭГ, и «Сименс-Шуккерт» сообщали своим русским обществам, что они находятся в очень хороших отношениях с новым предприятием и рассчитывают на получение заказов,[172] а директор «Общества 1886 г.» Ульман был введен в правление «Общества ораниенбаумской электрической дороги». Оба германских концерна действовали совместно и потихоньку подкапывались друг под друга, добиваясь получения всего заказа на свое имя и соглашаясь потом уже от себя передать партнеру часть поставок. Расчеты эти оказались преждевременными, так как бельгийские строители, может быть в стремлении сбить цены, завязали переговоры со швейцарскими электротехническими фирмами, а ВКЭ из-за чрезмерной настойчивости окончательно перессорилась с представителями бельгийцев в России. Начавшаяся затем война оборвала связи с Европой и заставила строителей обратиться все же к ВКЭ, которая получила для ораниенбаумского трамвая оборудование из США от «Дженерал электрик».[173]

До предвоенного промышленного подъема только Учетный и ссудный банк был постоянно связан с трамвайными предприятиями, владея $^1/_3$ акций «Общества тверской городской железной дороги». В предвоенные годы положение изменилось, хотя русские банки действовали, как правило, не самостоятельно, а в союзе с различными бельгийскими и французскими кругами. Наибольшее значение имел синдикат банков, созданный в 1912 г. по инициативе подвизавшегося в России бельгийского предпринимателя Э. Дени для покупки «Р. О. электрических дорог и электрического освещения». В синдикат вошли Торгово-промышленный, Русско-Азиат-

---

прибегнуть к дипломатическому давлению. В октябре 1913 г. французское и бельгийское посольства обратились в МИД с просьбой ускорить разрешение концессии (ЦГИА, ф. 1288, оп. 9, 1911 г., д. 11, лл. 10—12, 207, 446, 447). Начавшаяся война отложила вопрос о строительстве.

[172] ЛГИА, ф. 1367, оп. 8, д. 73, л. 375, «АЭГ-Унион» — ВКЭ 6/19.3.1912; лл. 294—295, ВКЭ — «АЭГ-Унион» 22.5/4.6.1912.

[173] Там же, д. 569, л. 109.

ский, Международный, Сибирский, Русский для внешней торговли и Частный банки.[174] Наибольший пакет акций находился в руках возглавлявшего синдикат Торгово-промышленного банка. Труднее выяснить, кто стоял за спиной Дени. В 1917 г. подлинными владельцами акций, числившихся за Дени, были «Французский кредит» и банкирский дом О. А. Розенберга, причем им принадлежала почти половина капитала «Общества электрических дорог».[175] Но были ли они и в 1912 г. участниками синдиката или вступили в него позднее, перекупив участие в нем у другой группы, сказать трудно. Есть основания предполагать, что в предвоенные годы у Дени еще не было такой мощной финансовой поддержки и он действовал только от имени своего «Франко-Бельгийского треста трамваев и электричества». Для банков, купивших «Общество электрических дорог», наибольший интерес представляла не истекавшая вскоре концессия его в Нижнем Новгороде, а его широко сформулированный устав, позволяющий без бюрократической волокиты создавать различные электротехнические и электрические предприятия. Но планы использования этого устава стали конкретизироваться банками позднее, уже во время войны.

Приняв участие в захвате «Общества электрических дорог», Русско-Азиатский и Частный банки вслед за тем развернули активную деятельность в Средней Азии, добиваясь концессий на трамвай в Андижане и Коканде и на электрическое освещение в Намангане сначала вместе с Дени, а затем с Ампеном.[176] Частный банк, кроме того, в союзе с Тисом занимался вопросом о трамвае в Самарканде.[177] Развивая установившийся контакт с Ампеном, Русско-Азиатский банк принял участие и в следующем его начинании. Перед войной предприятия Ампена в России (трамваи в Ташкенте, Астрахани

---

[174] ЦГИА, ф. 23, оп. 28, д. 2552, лл. 4 и 5, списки акционеров 29.3/11.4.1914 и 31.3/13.4.1915.

[175] ЦГИА, ф. 634, оп. 1, д. 48, лл. 41 и 56, записи в копировальной книге отдела участия банка в предприятиях 9/22.2 и 22.2/7.3.1917.

[176] ЦГИА, ф. 597, оп. 2, д. 450, л. 61, Дени — Частному банку 5/18.12.1913; л. 37, Русско-Азиатский банк — Частному банку 26.11/9.12.1913; л. 40, Частный банк — Русско-Азиатскому банку 18/31.12.1913.

[177] Там же, д. 449, л. 8, Тис — Давидову 1/14.1.1913.

и Кишиневе) были переданы специально для того созданному «Промышленному электрическому обществу в России», которое, кроме того, решило учредить особое «Общество промышленных и электрических изысканий» с целью устройства и эксплуатации предприятий, связанных с электричеством, железных дорог, электрического и газового освещения, а также добычи полезных ископаемых. Учредителями общества выступили Э. Ампен, ближайший его сотрудник Ж. Д'Утремон и А. И. Путилов.[178] По французским сведениям, к делу был причастен также Торгово-промышленный банк.[179] Министерство торговли и промышленности справедливо усмотрело в уставе общества угрозу синдицирования электрических предприятий в стране,[180] но тем не менее утвердило устав. Капитал общества, однако, не был собран из-за начавшейся войны. В то время, когда Русско-Азиатский банк укреплял сотрудничество с Ампеном, Частный банк перекупил у «Сименс-Гальске» житомирский трамвай «Общества городских и подъездных путей». Возможно, что банк действовал от имени какого-то синдиката, в котором участвовал и Э. Дени, но на собраниях акционеров, если не считать нескольких акций Дени, фигурировали только банк и его служащие.[181] Немедленно по переходе общества в руки банка (в декабре 1913 г.) было решено расширить предприятие и ходатайствовать о разрешении участвовать в однородных предприятиях. Заинтересовался трамвайными делами и Русско-Французский банк, который в январе 1913 г. купил основной пакет акций, принадлежавшего ранее Бродским «Елисаветградского электрического общества».[182]

Таким образом, в предвоенные годы трамвайными делами в той или иной мере заинтересовалось большинство

---

[178] ЦГИА, ф. 23, оп. 13, д. 100, лл. 1—2, прошение Путилова, Ампена и Д'Утремона в Министерство торговли и промышленности 17.2/2.3.1914.

[179] ЦГИА, ф. 621, оп. 4, д. 198, вырезка из неизвестной газеты (на франц. яз.).

[180] ЦГИА, ф. 23, оп. 13, д. 100, л. 58, прошение Д'Утремона министру торговли и промышленности 21.6/4.7.1914.

[181] Там же, оп. 28, д. 602, л. 6, список акционеров 30.4/13.5.1914. Поэтому мы отнесли к русскому весь капитал общества.

[182] ЦГИА, ф. 636, оп. 1, д. 136, ведомость участия в синдикатах, л. 99.

русских банков. При этом внимание их было направлено не столько на учреждение новых обществ, сколько на захват уже существовавших, чтобы затем, опираясь на полученную базу, развернуть широкое наступление в области городского транспорта. И вряд ли было случайностью, что банки в своих действиях заключали союзы с теми бельгийскими группами, которые не были связаны с германскими электроконцернами (исключение, как всегда, составлял Частный банк, действовавший с Тисом). Хотя в процентном отношении доля русских капиталов в электрическом транспорте за годы второго подъема выросла незначительно, важно отметить, что если ранее эти капиталы принадлежали отдельным предпринимателям, не имевшим возможности противостоять иностранным концернам, то теперь не менее $^1/_3$ русского участия приходилось уже на банки. Русский финансовый капитал начал приобретать позиции и в электрическом транспорте.

«Картель по городским и трамвайным делам» в 1909—1914 гг.

Как указывалось в предыдущей главе, к весне 1909 г. между «Сименс-Гальске», ВКЭ и «Р. Э. О. Вестингауз» были заключены соглашения о поставках оборудования для трамвая в Петербурге, Москве и Одессе и тем созданы предпосылки для более широкого соглашения. Первое упоминание о нем содержится в письме ВКЭ к АЭГ 29.9/12.10.1910, где ВКЭ писала о выплате компенсаций двум другим фирмам за превышение квоты, но в этом письме не упоминалось само слово «концерн», как обычно именовался в переписке ВКЭ трамвайный картель. Термин этот впервые встречен нами в письме ВКЭ к «АЭГ-Унион» от июля 1911 г., в котором ВКЭ напоминает «АЭГ-Унион» о существовании «концерна» трех фирм «по городским и трамвайным делам», подчеркивая, что факт этот уже известен адресату.[183] Таким образом, заключение картельного договора состоялось между весной 1909 г. и осенью 1910 г. Нам представляется вероятным, что это могло произойти в апреле

[183] ЛГИА, ф. 1367, оп. 8, д. 208, л. 48, ВКЭ — «АЭГ-Унион» (без даты, ответ на письмо последней от 30.6/13.7.1911).

1910 г., когда эти же три фирмы заключили соглашения о совместных действиях в делах, связанных с электрификацией петербургского железнодорожного узла, о которых говорилось выше. К сожалению, нам не удалось обнаружить текстов картельных договоров ни 1910 г. (принимая эту дату для создания синдиката), ни 1913 г., когда место «Р. Э. О. Вестингауз» в картеле заняло купившее его завод общество «Динамо». О последнем договоре нам известно из отчета трамвайного отдела ВКЭ за 1913 г.[184] По сведениям, почерпнутым Ф. М. Зумпфом из архивов ГДР, соглашение между «Сименс-Шуккерт» (перенявшим предприятия сильного тока от «Сименс-Гальске»), «Динамо» и ВКЭ было подписано 1.5.1913 (здесь и ниже стиль даты неясен) и касалось всех городских сооружений, т. е. и трамваев и электростанций. Квоты участников были установлены в 15% для «Динамо» и по 42.5% для «Сименс-Шуккерт» и ВКЭ. В феврале 1914 г. соглашение о разделе поставок для электрификации железных дорог, метрополитена и надземных дорог установило квоты соответственно в 20, 40 и 40%. С 1.1.1915 эти квоты были распространены на первый договор, что свидетельствовало об усилении позиций «Динамо».[185]

Создание картеля привело к тому, что торги на поставки оборудования трамвайным предприятиям часто проходили без борьбы и заказы отдавались членам картеля по завышенным ценам. Крупный заказ на оборудование 150 моторных вагонов для московского трамвая был уступлен членами картеля ВКЭ, которая выплатила за это «Сименс-Гальске» и «Вестингаузу» по 45 000 руб. в счет компенсации за превышение квоты. Тем не менее средняя прибыль ВКЭ на этом деле составляла 13%.[186] Практически без торгов были сданы заказы и на вторую очередь петербургского трамвая. Конкурентами на все виды работ по второй очереди выступили только члены синдиката и Коломенский завод, а остальные предста-

---

[184] Там же, д. 125, л. 170, отчет отделения дорог ВКЭ за 1913 г.

[185] Ф. Зумпф. Монополистические организации электропромышленности России. Дипломная работа. МГУ, 1957, стр. 111—112.

[186] ЛГИА, ф. 1367, оп. 8, д. 208, л. 399, ВКЭ — АЭГ 29.9/12.10.1910.

вили сметы лишь на отдельные виды оборудования; поскольку Управа не хотела дробить заказ между узкоспециализированными фирмами, это означало, что все поставки будут поделены картелем полюбовно. И действительно, в течение 1913 г. Петербургская управа заключила договор на общую сумму в несколько миллионов рублей, причем заказ на корпуса вагонов получил Коломенский завод, на тормоза—ВКЭ, а электрооборудование вагонов и подстанций было поделено между ВКЭ, «Сименс-Гальске» (передавшим заказ «Сименс-Шуккерт») и «Вестингаузом», передавшим заказ «Динамо» в связи с продажей завода.[187]

Сговор членов картеля на торгах еще более увеличивал и без того высокие прибыли электротехнических фирм. Так, по отчету трамвайного отдела ВКЭ в 1912 г., прибыль составила 249 000 руб., или 12.1% к обороту и 59.4% к участвовавшему в обороте капиталу. 1913 год был годом некоторого затишья в делах, так как старые заказы были уже выполнены, а новые (главным образом петербургские) только получены, это снизило сумму прибыли до 119 000 руб. Однако по отношению к обороту прибыль возросла до 17% (хотя по отношению к действовавшему капиталу из-за сокращения оборачиваемости и понизилась до 24.3%). Сумма запланированной прибыли по заказам, перешедшим на 1914 г., составляла 569 000 руб., что сулило огромный доход на капитал (в обороте 1912—1913 гг. участвовал капитал в 419 000—489 000 руб.), кроме того, велись переговоры о получении новых заказов.[188] Во время войны разница между себестоимостью и ценой товаров, хранившихся на складах ВКЭ, составляла 42.8%[189]

В результате значительного увеличения трамвайного строительства (происходившего, как мы отмечали, главным образом не за счет акционерных, а за счет муниципальных предприятий) и вследствие повышения конкурентоспособности, что в свою очередь было результатом картеля, объем трамвайных поставок ВКЭ в 1910—

[187] См. договора обществ и Петербургской управы: ЛГИА, ф. 1410, оп. 2, дд. 223, 224, 229, 247, 248, 483.

[188] ЛГИА, ф. 1367, оп. 8, д. 125, лл. 165—169, отчет отделения дорог ВКЭ за 1913 г.

[189] Там же, д. 952, л. 65, сведения о заказах к исполнению на 1/14.1.1917.

1914 гг. вдвое превысил ее поставки за все предшествовавшие годы.[190] Результаты деятельности ее союзников были, очевидно, примерно такими же.

В то же время разногласия между участниками картеля не были полностью изжиты и систематически давали себя знать. Эти разногласия проявлялись в столкновениях между ВКЭ и «Сименс-Гальске» из-за поставок винницкому и симферопольскому трамваям,[191] причем в случаях, когда урегулировать разногласия не удавалось, дело объявлялось свободным для конкуренции. Своеобразной формой обхода картельного соглашения было проведение торгов на поставки оборудования русским трамваям за пределами России. Это наблюдалось в тех случаях, когда заказчиками выступали бельгийские владельцы русских трамвайных обществ. Конкурсы на поставки в этих случаях проводились в Бельгии, и в них участвовали «бельгийские» предприятия концернов АЭГ и Сименса, которые потом передавали заказ своим «русским» обществам. Поскольку бельгийские члены концернов не входили в картель для России, это создавало широкие возможности для его обхода. Так обстояло дело в 1911—1913 гг. с поставками для одесского трамвая и осветительного общества. В то время как в России ВКЭ требовала от «Сименс-Гальске» защиты своих предложений по этому вопросу, в Бельгии «Сименс-Шуккерт» не только не соглашалось с этим, но, напротив, требовало защиты для себя со стороны «АЭГ-Унион».[192] В результате взаимной конкуренции цены на поставки были сбиты, и ВКЭ заявляла о несогласии на включение одесского оборудования в ее картельную норму.[193] От проведения торгов в Бельгии в наибольшей степени страдал третий (и слабейший) участник картеля — «Вестингауз», а впоследствии «Динамо», связи которых в Брюсселе были менее прочными.

---

[190] Подсчитано нами по изданию «Р. О. ВКЭ. Отделение электрических дорог и трамваев. Пгр., Список исполненных работ».

[191] ЛГИА, ф. 1367, оп. 8. д. 208, л. 27, докладная записка относительно трамвайных дел 18/31.7.1911.

[192] Там же, д. 523. лл. 360—361, ВКЭ — АЭГ 20.11/3.12.1912; л. 26, ВКЭ — «АЭГ-Унион» 5/18.8.1913; д. 230, л. 155, «АЭГ-Унион» — ВКЭ 11/24.1.1911.

[193] Там же, д. 523, лл. 26—27, ВКЭ — «АЭГ-Унион» 5/18.8.1913.

Участники картеля испытывали значительную конкуренцию со стороны других фирм. При этом надо отметить почти полное исчезновение с русского рынка после 1909 г. прежнего главного соперника германских фирм — общества «Мастерские электрических сооружений в Шарлеруа», образовавшегося в 1904 г. на базе общества «Электричество и гидравлика», выступавшего со своими предложениями лишь для трамвая Петербург—Ораниенбаум, торги на поставки которому проходили к тому же не в России, а в Бельгии. Перечисляя своих конкурентов, ВКЭ назвала ряд обществ, в том числе «Сименс-Гальске» и «Динамо», для тех случаев, когда не действует картельное соглашение,[194] но не «Мастерские электрических сооружений». В этом исчезновении бельгийской фирмы, входившей в группу «Сосьете женераль», мы видим еще одно подтверждение наличия договора между этой группой и германскими концернами. Большую активность проявил концерн «Бергман», стремившийся пробиться на русский рынок. С этой целью «Бергман» часто прибегал к резкому снижению цен, иногда оставлявшему впечатление демпинга. Так, при конкурсе на строительство псковского трамвая цена «Бергмана» была на 20% ниже цен, заявленных другими претендентами.[195] Значительно отличались от остальных заявки «Бергмана» для самарского трамвая и трамвайной линии Петербург—Ораниенбаум. К таким же методам прибегала и будапештская фирма «Ганц». Серьезные затруднения причиняли германским концернам также швейцарские общества «Броун, Бовери и К°» и «Эрликон», особенно на поставках для одесского и ораниенбаумского трамваев. Но наибольшую опасность для членов картеля представляла в 1910—1914 гг. конкуренция Коломенского завода. Если в предыдущие годы Коломенский завод, как и другие вагоностроительные предприятия России, ограничивался поставками трамвайных вагонов электротехническим фирмам, то теперь он стремился получить на себя весь подряд, а затем отдать фирмам заказ на электрооборудование уже от своего имени. Это нарушало монопо-

---

[194] Там же, д. 125, л. 171, отчет отделения дорог ВКЭ за 1913 г.

[195] Там же, оп. 7, д. 11, л. 45, доклад псковского городского головы 9/22.9.1910.

лию картеля и лишало его дополнительной прибыли. Изменение тактики Коломенского завода, теснейшим образом связанного с Международным банком, вытекало из общей активизации самостоятельных действий русских банков в области электричества. В конкуренции с ВКЭ и «Сименс-Гальске» на стороне Коломенского завода было то преимущество, что он мог пользоваться особой поддержкой в качестве отечественного предприятия, тогда как указанные электротехнические фирмы (сами-то частенько вызывавшие у городских властей законные сомнения в их русском происхождении) обычно поставляли вагоны с корпусами, изготовленными Нюрнберг-Аугсбургским заводом. Примером такого соперничества, принявшего очень острые формы, может служить борьба за поставки для самарского трамвая, окончившаяся значительным успехом Коломенского завода. Но, несмотря на отдельные удачи, в целом ни Коломенский завод, ни тем более «Бергман» или «Ганц» не могли еще в предвоенные годы серьезно поколебать позиции картеля.

Монополистические соглашения в других областях электротехнического производства

Все большее место в деятельности электротехнических фирм с каждым годом занимали поставки для военно-морского флота. По неполным данным, до гибели русского флота во время русско-японской войны «Сименс-Гальске» поставило Главному морскому управлению электрооборудования для военных судов на сумму свыше 1.2 млн руб.[196] ВКЭ и «Унион» также принимали значительное участие в поставках, ими, в частности, были оборудованы из числа судов погибшей Тихоокеанской эскадры 3 броненосца, 4 крейсера и ряд менее крупных судов. После Цусимы 3-й съезд металлозаводчиков Северного и Прибалтийского районов провел ряд совещаний заинтересованных заводов, имея целью добиться размещения заказов на суда для возрождаемого флота на отечественных предприятиях. В результате совещаний

[196] Подсчитано нами по: ЛГИА, ф. 1249, оп. 3, д. 5, лл. 1—54, книга договоров «Сименс-Гальске».

был избран специальный комитет, в который вошел и директор «Сименс-Гальске» Б. А. Эфрон.[197]

Подсчитать доходы электротехнических обществ от военно-морских заказов пока не представляется возможным. Некоторое представление о них дают следующие цифры: только за 1912—1913 гг. ВКЭ произвела полное или частичное оборудование 7 линейных кораблей, 6 крейсеров, 17 миноносцев и ряда вспомогательных судов.[198] Стоимость оборудования только трех линейных кораблей типа «Императрица Мария» составляла 2.2 млн руб.,[199] оборудование орудийных башен на крейсере «Кинбурн» стоило 630 000 руб., причем вначале ВКЭ требовала за него 992 000 руб.,[200] но даже сбавив цену на 35%, видимо, не осталась в убытке. По данным правления ВКЭ, сообщаемым им в Берлин, прибыль на военно-морских поставках составляла 30—40%.[201] Еще больше возросли прибыли ВКЭ во время войны. Согласно отчету правления за 1914 г., военно-морской отдел ВКЭ был обеспечен заказами на несколько лет вперед, с 1914 на 1915 г. перешло неисполненных заказов на 9 351 020 руб.[202]

Высокие прибыли вызывали сильную конкуренцию, в которой участвовали все те же общества — ВКЭ, «Сименс-Гальске» и, последовательно, хозяева московского завода: «Центральная компания электричества в Москве», «Вестингауз» и «Динамо». Кроме того, постоянными конкурентами выступали «Вольта», «Дюфлон, Константинович и К°» и особенно Балтийский завод, бравший на себя подряды и на электрооборудование. В 1912 г. между ВКЭ и «Сименс-Гальске» было достигнуто соглашение о разделе военно-морских поставок. Документальным отражением его в советских архивах является договор с «Руссудом» от 8/21.6.1912,[203] подписан-

---

[197] Торгово-промышленная газета, 12/25.12.1904, № 288 и 21.12.1904/3.1.1905, № 295.

[198] Подсчитано нами по: ЛГИА, ф. 1367, оп. 3, дд. 233, 247, 312.

[199] ЛГИА, ф. 1367, оп. 8, д. 412, л. 1, договор 8/21.6.1912 между «Руссудом», ВКЭ, «Сименс-Гальске» и «Шуккертом».

[200] Там же, оп. 3, д. 251, лл. 390, 364, ВКЭ — «Навалю» 13/26.12.1913 и 28.5/10.6.1914.

[201] Там же, д. 247, л. 258 и др.

[202] Там же, оп. 8, д. 1263а, л. 5, деловой отчет правления за 1914 г.

[203] Там же, д. 412, л. 1, договор 8/21.6.1912.

ный совместно ВКЭ, «Сименс-Гальске» и «Сименс-Шуккерт». Ф. Зумпф в своей дипломной работе сообщает, что соглашение предусматривало раздел поровну поставок между ВКЭ и Сименсом, причем руководство при распределении заказов сохранялось за ВКЭ. 2/15.5.1914 было заключено новое соглашение в связи с переходом дел по сильному току к «Сименс-Шуккерт».[204]

Крупное синдикатное соглашение было достигнуто в области производства электрокабелей. В отличие от других синдикатов в электротехнике, этот синдикат был оформлен легально в виде акционерного общества «Электропровод», открывшего действия 5/18.3.1914.[205] В синдикат вошли общество «Соединенные кабельные заводы» (принадлежавшие, как отмечалось, Сименсу и АЭГ), «Общество русских кабельных и металлопрокатных заводов» (группа Гукасова), «Товарищество латунного и меднопрокатного заводов Кольчугина» (группа Вогау), «Товарищество Вл. Алексеев и П. Вишняков и А. Шамшин» и кабельный и проволочный завод А. Н. Петичева,[206] которые передали «Электропроводу» право на продажу голых и изолированных проводников и освинцованных и бронированных кабелей, а также медной и бронзовой проволоки по всей территории России, кроме Финляндии. Квоты участников колебались в зависимости от категории покупателей и от вида продукции, наибольшая квота (от 38 до 82%) приходилась на «Соединенные кабельные заводы», на втором месте находилось «Товарищество Кольчугина», наименьшую квоту получал завод Петичева. В договор было внесено условие, по которому поставки проводников для «родственных предприятий» не включались в квоты членов синдиката. Под «родственными предприятиями» понимались для «Рускабеля» — «Динамо» и для «Соединенных кабельных заводов» — «Сименс-Гальске», «Сименс-Шуккерт», ВКЭ и «Фельтен-Гильом». Но за это «Соединенные

---

[204] Ф. Зумпф, ук. соч., стр. 105—106.

[205] ЦГИА, ф. 23, оп. 12, д. 1848, л. 39, протокол правления 5/18.3.1914.

[206] Здесь и ниже: ЛГИА, ф. 1333, оп. 1, д. 49а, лл. 1—11, контрагентский договор 8/21.3.1914 между обществом «Русские кабельные и металлопрокатные заводы» и «Электропроводом». Договор опубликован в сборнике «Монополии в металлургической промышленности России» (М.—Л., 1963, стр. 471—484).

кабельные заводы» согласились уступить товариществам Кольчугина и Алексеева, Вишнякова и Шамшина 17.55% поставок кабелей для «дружественных» обществу фирм, к которым относились «Общество 1886 г.», «Электрическая сила», «Электропередача», «Р. О. для применения озона», «Варшавская компания электричества» («Варсэлек») и трамваи в Либаве и Житомире. Цены на изделия кабельных заводов устанавливались также в зависимости от их взаимоотношений с покупателями. В наиболее привилегированную группу были отнесены перечисленные выше «родственные предприятия», далее шли железные дороги и крупные установочные фирмы и т. д.[207] Руководящая роль в «Электропроводе» принадлежала «Соединенным кабельным заводам», которые получали в нем 49% голосов, а также постоянное право назначать управляющего делами синдиката. «Товарищество Кольчугина» получило 26% голосов и место председателя правления совещания контрагентов.[208] Кабельный синдикат был обусловлен рядом других соглашений. Его участники обязались не производить латунных и меднопрокатных изделий и проволоки, не предназначенных для электрических целей, за что «Общество меднопрокатных и трубных заводов, бывш. Розенкранц», «Общество франко-русских заводов, бывш. Берда» и «Общество тульских медпопрокатных и патронных заводов» (все тесно связанные с Вогау) отказались от производства кабелей и проводников.[209] Общества «Сименс-Гальске», «Сименс-Шуккерт» и ВКЭ, а также «Фельтен-Гильом» обязались покупать необходимые им изделия только у «Соединенных кабельных заводов», а германские дома первых трех отказались от конкуренции с «Соединенными кабельными заводами» на территории России на период до 1/14.1.1921. Такое же обязательство в отношении «Рускабеля» взяла на себя компания «Хелсби».[210] Синдикат кабельных заводов охватывал все

---

[207] ЛГИА, ф. 1367, оп. 6, д. 10, лл. 36—38, протокол заседания представителей заводов, поручивших «Электропроводу» свое представительство.

[208] Там же, л. 43, и ф. 1333, оп. 1, д. 49а, л. 8, контрагентский договор.

[209] ЛГИА, ф. 1333, оп. 1, д. 49а, лл. 9—10, контрагентский договор.

[210] Там же.

практически важные кабельные предприятия и устанавливал фактическую монополию в этой области. При этом германские хозяева «Соединенных кабельных заводов» получили возможность оказывать влияние на политику других участников синдиката.

В области производства аккумуляторов не было заключено синдикатных соглашений, ибо почти до самой войны существовала фактическая монополия «Тюдора». Она сложилась в результате подавления «Тюдором» конкуренции других предприятий. Уже в 1897 г. по настоянию «Тюдора» было прекращено производство аккумуляторов на фабрике П. Валя в Выборге, получившей за это представительство «Тюдора» в Финляндии,[211] в 1900 г. прекратила выпуск аккумуляторов фабрика В. Л. Пашкова,[212] в 1903 г. — завод В. В. Бари, в 1904 г. — «Русско-балтийский аккумуляторный завод», в 1908 г. — общество «Дюфлон, Константинович и К⁰».[213] Клиентура всех прекращавших производство аккумуляторов предприятий переходила к «Тюдору». В отношении «Дюфлон, Константинович и К⁰» было договорено, что заказы его клиентов выполняются за счет общества, но на заводе «Тюдора». Созданию монополии «Тюдора» способствовали также его связи с АЭГ и «Сименс-Гальске» и их предприятиями. В 1904 г. было достигнуто соглашение между «Тюдором», ВКЭ, «Р. О. Сименс-Гальске» и «Р. О. Шуккерт», по которому эти общества предложили своим представителям обращаться за аккумуляторами только к «Тюдору», а тот обязался покупать необходимое ему оборудование только у этих фирм.[214] Соглашение это продлевалось и в дальнейшем. В 1912 г., когда образование общества «Рекс» поставило монополию «Тюдора» под угрозу, правление общества разослало особое извещение своим контрагентам — крупным торговым фирмам, предлагая заключить новый договор об условиях поставок аккумуляторов. В течение осени 1912 г. «Тюдор» вел переговоры с рядом обществ и торговых домов («Вестингауз», Глебов, «Братья Гантерт» и др.)

---

[211] ЛГИА, ф. 1368, оп. 1, д. 186, л. 16, протокол правления «Тюдор», сентябрь 1897 г.

[212] Там же, л. 52, протокол правления 6/19.3.1900.

[213] Там же, д. 46, л. 2, справка по истории общества «Тюдор».

[214] Там же, д. 189, лл. 12—16, протокол правления 18.11/1.12.1904.

о подписании таких соглашений. Исход переговоров, однако, неизвестен. По имеющимся документам можно установить лишь, что такое соглашение было заключено с торговым домом Глебова,[215] очевидно, передавшим его «Динамо». Исключительное положение, завоеванное «Тюдором» на русском рынке, обеспечивало очень высокую прибыльность общества, выплачивавшего в 1906—1916 гг. по 10—15% дивиденда (только в 1914 г. дивиденд равнялся 9%) и располагавшего постоянно значительной свободной наличностью.

И «Сименс-Гальске», и АЭГ, расширяя постепенно сферу своей деятельности в России, начали заниматься не только производством электрического оборудования. Так, «Сименс-Гальске» создало в Петербурге небольшое «Русское общество применения озона», а АЭГ учредила в России «Новое автомобильное общество» (НАГ). На́чало производство автомобилей и «Р. О. Сименс-Шуккерт». ВКЭ наладила также производство тормозов системы Кнорре, конкурируя в этой области с «Обществом Вестингауза». Эти стороны деятельности электроконцернов не затронуты нами в настоящей работе. Поэтому мы не рассматриваем здесь также и синдикатное соглашение между ВКЭ и «Обществом Вестингауза» по тормозному оборудованию, тем более что последнее было заключено в апреле 1918 г. и осталось на бумаге, ибо выполнять его было уже некому. Мы не рассматриваем также историю синдиката по производству оборудования железнодорожной сигнализации («Семафор»), в который входили в числе других «Р. О. Сименс-Гальске» и ВКЭ, поскольку синдикат занимался не только электротехническими поставками.

Число известных нам картельных и синдикатных соглашений в электроэнергетической промышленности, таким образом, невелико. Это объясняется тем, что в электроэнергетической промышленности не возникало особой необходимости в них (кроме петербургского картеля), ибо, как правило, в русских городах действовали станции, принадлежавшие какому-либо одному обществу и располагавшие в районе своей деятельности практической монополией. Возможно, что соглашения 1909 г. устанавливали для АЭГ, Сименса и группы «Сосьете же-

[215] Там же, д. 44, лл. 8—9, письмо «Р. О. Тюдор» 4/17.3.1914.

нераль»—Тис какие-то сферы влияния для учреждения таких обществ, но утверждать это у нас нет оснований. Так же обстоит дело и с трамвайными предприятиями. В электротехнической же промышленности картельными и синдикатными соглашениями были охвачены все важные области: производство оборудования для электростанций и для освещения, городского и железнодорожного транспорта и военно-морского флота. Не исключена возможность, что нам не удалось найти следов еще ряда синдикатов, ведь и документы картеля «по городским и трамвайным делам» нами не обнаружены. Кроме того, вполне вероятно, что поставки оборудования регулировались соглашениями не только российского масштаба, а и более крупными, как это имело место в производстве электроламп. Такого рода документов также не было в нашем распоряжении. Однако уже знакомство с известными нам синдикатными соглашениями показывает, что они еще более увеличивали влияние германских капиталов на русскую электроиндустрию и являлись важным фактором в их борьбе против усиливающейся конкуренции русских предприятий.

Некоторые итоги

За годы предвоенного промышленного подъема произошел новый значительный приток капиталов в электротехническую и электроэнергетическую промышленность и электрический транспорт. Прирост капиталовложений по сравнению с 1909 г. составил 117.7 млн руб. Для сравнения можно вспомнить, что вся сумма инвестиций в эти отрасли к концу первого подъема составляла 60.7 млн руб. Прирост иностранных инвестиций за 1910—1914 гг. равнялся 91.2 млн руб., что означало их увеличение примерно на 63%, тогда как русские капиталовложения выросли на 26.5 млн руб., или на 176%. При этом, как отмечалось, в наибольшей степени изменилось соотношение сил в собственно электротехнической промышленности, где русские капиталовложения достигли почти $^1/_3$, и русские предприятия группы Гукасова и близкие к Учетному и ссудному банку становились основными внутрироссийскими конкурентами германских концернов. В электроэнергетике и электрическом транспорте

наблюдалась та же тенденция, хотя и выраженная гораздо слабее.

Было бы, однако, неправильно преувеличивать значение этих цифр. Несмотря на происшедший значительный рост, общий удельный вес русских капиталов в электроиндустрии и транспорте равнялся 14.2%, тогда как удельный вес германских вложений достигал 39.7%, в том числе в собственно электротехнике — 60.4% и в электроэнергетике — 48.7%. При этом надо учесть, что германские концерны контролировали значительно большие капиталы, чем вкладывали, поскольку, мобилизуя необходимые средства в Бельгии, Франции и в самой России, они сохраняли полное руководство предприятиями, даже если часть их акций находилась не в германских руках. К этому надо еще добавить, что бельгийская группа «Сосьете женераль», как указывалось, была связана с германскими монополиями рядом соглашений.

Бельгийские инвестиции составляли 34.4% (главным образом за счет трамвая), французские — 6% и прочие иностранные — 5.6% от общей суммы капиталовложений.

Нужно отметить, что соглашение трех основных монополистических групп (Сименс, АЭГ и «Сосьете женераль»—Тис) явно оказалось более выгодным для германских концернов. В то время как капиталы их обществ в России выросли за 1910—1914 гг. на 58.5 млн руб., т. е. более чем вдвое, капиталовложения группы «Сосьете женераль»—Тис увеличились только на 17.5 млн руб., или на 35%, и то главным образом за счет участия в руководимых АЭГ одесских обществах трамвая и электричества. Бельгийскому концерну не удалось осуществить концессий на строительство трамваев в Баку и в Средней Азии, куда были устремлены его планы, а в это время германские монополии форсировали учредительскую деятельность в электроэнергетике. В результате союз трех концернов развивался под знаком превосходства германских монополий. В начале 1914 г. русская пресса сообщила даже о слиянии «Взаимной компании трамваев» (основного трамвайного треста группы «Сосьете женераль») с членом концерна АЭГ «Генеральным бельгийским обществом электрических предприятий» под главенством последнего, но нам не удалось проверить это сообщение. По отношению же к другим конкурентам союз трех концернов обеспечил им явное превосходство, и их капиталы

в России составили в 1914 г. 72.2% всех иностранных инвестиций в электропромышленность и транспорт, а если учесть, что швейцарское участие в «Обществе 1886 г.» скорее всего прикрывало германские банки, то общий вес этих концернов превысит 79% иностранных капиталовложений, или 68% всех капиталов указанных отраслей. Монополистический характер развития электроиндустрии выявился, таким образом, в полной мере. Интересно также, что в предвоенные годы темпы роста капиталов предприятий Сименса вновь стали значительно быстрее, чем у АЭГ. Может быть, именно здесь коренилась причина противоречий между двумя концернами, которые мы могли лишь изредка констатировать.

Резко обострилась борьба банков за влияние на предприятия электроиндустрии. Как и в предшествующие периоды, из числа иностранных банков наибольшими связями располагали германские банки, поддерживавшие Сименса и АЭГ, из которых особенно выделялся Немецкий банк, а также брюссельский «Сосьете женераль». Затем шли антверпенский Банк общественных вкладов и льежская группа. С предприятиями германского блока были связаны также давние союзники АЭГ — Парижско-Нидерландский банк, Брюссельский банк, банкирские дома Касселя, Нагельмакерса и Филиппсона (Бельгия) и швейцарские участники «Общества 1886 г.». Новым явлением в развитии русской электроиндустрии было вторжение в нее ряда французских банков, ранее не участвовавших (или мало участвовавших) в борьбе монополий в этой отрасли. Наиболее успешной была деятельность большой группы банков (парижский «Сосьете женераль», Национальная учетная контора, Банк северных провинций, Оттоманский банк и др.), захватившей совместно с русскими банками бакинскую «Электрическую силу». Банк «Жиро и Лушер» перед самой войной захватил «Центральную компанию в Москве» и также проявил интерес к кавказскому району. Большая активность, проявленная «Французским кредитом», не успела воплотиться в учреждении или захвате каких-либо обществ, но, пожалуй, именно этот банк вынашивал наиболее далеко идущие планы захвата руководства в делах электрификации русских железных дорог и строительства гидростанций. Во всех без исключения случаях французские банки действовали совместно с русскими.

Самой характерной чертой периода было активное участие в борьбе за электроиндустрию крупнейших русских банков, которые не только учреждали новые предприятия или захватывали общества-аутсайдеры, но и переходили в прямую атаку на позиции германских монополий. Наступление русских банков возглавлял Русско-Азиатский банк, руководивший двумя крупнейшими финансовыми синдикатами в этой отрасли — синдикатом «Общества электропередачи силы водопадов» и русской группой синдиката «Самур—Баку» — и входивший в третье объединение — синдикат «Общества электрических дорог». Неизменным соучастником этих дел Русско-Азиатского банка являлся Торгово-промышленный банк, игравший вторые роли в первых из указанных синдикатов и возглавлявший последний. Кроме того, оба банка совместно учредили аккумуляторное общество «Рекс». Совместно с Частным банком Русско-Азиатский банк действовал в синдикате по изысканию электрических железных дорог на Кавказе, Урале и Алтае и в трамвайных делах в Средней Азии, а совместно с Международным — вероятно, в планах использования Волховских порогов. Вместе с обоими этими банками он участвовал в синдикате ДВД и в планах покупки Сестрорецкой дороги. За исключением тех случаев, когда Русско-Азиатский банк действовал вместе с Частным и Международным, политика руководимых им синдикатов носила в общем антигерманский характер, а в указанных случаях банк шел на техническое сотрудничество с германскими концернами, но стремился сохранить руководство делом в своих руках. Надо, однако, учитывать, что сферой деятельности банка и возглавляемых им синдикатов были гидроэнергетика и электрификация транспорта, в области же электротехники банк ограничился учреждением «Рекс», а в основном был готов сотрудничать с германскими концернами, и А. И. Путилов в 1913 г. стал даже председателем правления «Р. О. Сименс-Шуккерт».

Международный банк участвовал во всех трех основных синдикатах русских банков, но ни в одном из них не играл главной роли, так же как и в других случаях сотрудничества с Русско-Азиатским и Частным банками, кроме, очевидно, планов электрификации петербургского узла. Его самостоятельные выступления в борьбе за крымские и варшавские пригородные электрические

дороги не принесли ему успеха. Позиция банка в отношении германских концернов была двойственной. С одной стороны, он продолжал сотрудничество с ВКЭ и, в гораздо меньшей степени, с «Сименс-Гальске», а с другой стороны — участвовал в направленных против этих концернов синдикатах и способствовал учреждению ТЭМ, действовавшего на французские капиталы.

Наиболее «прогерманской» ориентации в области электричества придерживался Частный банк, давно и тесно связанный с Сименсом и бельгийскими союзниками германских концернов. Поэтому банк не участвовал в «Обществе электропередачи», а, напротив, активно сотрудничал в блоке «Иматры». В двух других синдикатах банк играл второстепенную роль. Наоборот, в тех случаях, когда предполагались совместные действия русских банков и германских или бельгийских концернов, Частный банк выдвигался на первый план (Сестрорецкая дорога). Банк выступал также и без сотрудничества с другими русскими финансовыми учреждениями, участвуя в планах Тиса в Крыму, в Средней Азии и в «Обществе трамваев и электрических предприятий в окрестностях Петербурга». Когда в 1913 г. Частный банк перенял у «Сименс-Гальске» руководство житомирским трамваем, то и это произошло без видимой борьбы и могло явиться результатом соглашения, выгодного с разных точек зрения обеим сторонам.

Деятельность Русского для внешней торговли, Сибирского и Соединенного банков ограничивалась в основном соответственно второстепенным участием в синдикатах «Общества электропередачи», «Общества электрических дорог» и «Самур—Баку». Первый из них, кроме того, сотрудничал с «Обществом 1886 г.», колеблясь между двумя враждующими группировками.

В отличие от названных выше, Учетный и ссудный и Азовско-Донской банки предпочитали действовать не в составе синдикатов, а самостоятельно. Учетный и ссудный банк участвовал лишь в синдикате «Общества электропередачи» (из которого он, кстати сказать, затем вышел) и в планах электрификации московской окружной дороги. Самостоятельно же он захватил «Вольту» и «Дюфлон, Константинович и К°», а также был связан с «Обществом тверской городской железной дороги» и участвовал в «Робтит». Кроме того, он был также причастен к «Рижскому

трамваю». Банк склонялся к сотрудничеству с германскими концернами. Азовско-Донской банк входил в группировку «Иматры», но не проявлял в ней заметной активности. Хотя банк поддерживал связи с Сименсом, он одновременно сотрудничал и с конкурентами Сименса — обществом «Эриксон» в области слаботочного оборудования и с «Жиро и Лушер» в их планах наступления на электроэнергетические предприятия. Русско-Французский и Волжско-Камский банки только начинали заниматься электричеством.

Таким образом, большинство русских банков не придерживалось односторонней ориентации, действуя в зависимости от своих собственных планов и интересов и сотрудничая с различными группировками. Однако общая направленность крупнейших синдикатов, а также деятельность сильнейшего русского банка того времени — Русско-Азиатского — была в основном антигерманской. Для объяснения этого не нужно искать слишком глубоких причин. В электроиндустрии — вотчине германских концернов — всякое выступление новых сил с неизбежностью оказывалось антигерманским. Эта тенденция усиливалась в результате того, что союзником русских банков в борьбе с германскими монополиями был финансовый капитал Антанты, который также стремился вытеснить из России германские концерны и занять их место. По своей финансовой мощи французские банки значительно превосходили русские, поэтому если попытки русских банков найти себе союзников во Франции не имели успеха, как это случилось с «Обществом электропередачи», то их самостоятельные выступления против германских концернов кончались неудачей. Но используя лучшее знание местных условий и лавируя между различными соперничающими группировками, русские банки сохраняли равноправное положение во франко-русских синдикатах.

Как уже отмечалось, деятельность русских банков и франко-русских синдикатов не привела в предвоенные годы к ослаблению в целом влияния германских концернов (хотя и заставила их в отдельных случаях идти на уступки), а лишь создала предпосылки для такого ослабления. Однако именно в этой деятельности проявилась та новая тенденция развития, которая была характерна для предвоенного периода и которая определила события, последовавшие во время войны.

Глава четвертая

ПОЛОЖЕНИЕ ГЕРМАНСКИХ ЭЛЕКТРОТЕХНИЧЕСКИХ И ЭЛЕКТРОЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ ПРЕДПРИЯТИЙ В РОССИИ В ГОДЫ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Деятельность германских электротехнических предприятий в России в годы войны

Начавшаяся первая мировая война привела к большим изменениям в соотношении сил в русской промышленности. Увеличение военного производства и вызванные этим структурные сдвиги в развитии промышленности, разрыв или затруднение связей с заграницей, затруднение кредита и инфляция — все это резко увеличило потребности промышленности в денежных средствах, послужило основой дальнейшего подчинения промышленности банкам. С другой стороны, гигантские прибыли военного времени и инфляционная обстановка, сложившаяся в России, позволили ряду промышленных магнатов (Второв, Стахеев, Ярошинский и т. п.) и спекулянтов (Немировский, Залшупин и др.) захватить такие крупные банки, как Частный, Русский для внешней торговли, «Юнкер и К⁰», отчасти Сибирский и Волжско-Камский. В результате среди верхушки финансовой олигархии России произошли значительные перестановки. Новые магнаты финансового капитала повели наступление на позиции довоенных банково-промышленных монополий.

Важным фактором экономической жизни страны в годы войны явилось усиление государственно-монополистических тенденций, вызванное вмешательством правительственных властей в целях регулирования военного производства, а также мерами, принятыми против предприятий, принадлежавших подданным воюющих с Россией государств. Целый ряд ведомственных «особых совещаний», увенчанных «Особым совещанием для объеди-

нения мероприятий по обороне государства», созданным в 1915 г., ведали регулированием производства продукции и распределением сырья в стране. Создание подлинного регулирования оказалось не по плечу бюрократической машине царского правительства, но существование целого ряда органов, призванных вмешиваться в дела промышленности, оказывало немалое воздействие на изменение в ней соотношения сил.

Начавшаяся война резко изменила положение германских предприятий в России. Еще перед войной, в связи с подготовкой к пересмотру торгового договора, а в особенности после начала военных действий в России, развернулась широкая кампания борьбы с «немецким засильем». В этой кампании слились воедино и справедливое возмущение общественности хозяйничанием германских капиталистов в русском народном хозяйстве и стремление русских капиталистов избавиться от иностранных конкурентов (поэтому под флагом борьбы с «немецким засильем» наносился удар и по другим иностранным предприятиям, особенно бельгийским), и шовинистическая пропаганда. С открытием военных действий кампания приняла официальный характер. Указом 22.9/5.10.1914 были введены временные ограничения прав подданных государств, воюющих с Россией, а указом 15/28.11.1914 введен надзор за деятельностью принадлежавших им предприятий. Ряд позднейших постановлений еще больше расширил права органов власти в отношении германских предприятий, в том числе и право секвестра последних. Однако в действительности эти ограничения со всей силой ударили лишь по мелким предприятиям немецких торговцев и ремесленников, подвизавшихся в России. Дочерние предприятия германских монополий уходили из-под удара с помощью передачи акций подставным лицам русского происхождения, а то и с помощью прямого подкупа правительственных чиновников. Широкое распространение получила еще в предвоенные годы маскировка германских предприятий под бельгийские и швейцарские. Значительное сопротивление принятию решительных мер против германских предприятий оказывали и определенные русские финансовые круги, как связанные с Германией, так и просто боявшиеся каких бы то ни было покушений на право частной собственности. В силу всех этих обстоятельств правительство (которое и само не проявляло боль-

ной решимости) лишь с большим опозданием и в весьма половинчатой форме осуществило меры против некоторых важнейших германских обществ в России, и прежде всего против электротехнических компаний, о чем будет рассказано ниже.

Со всеми вытекающими из вышеизложенного оговорками следует, однако, констатировать безусловное значительное ослабление позиций германских монополий в России во время войны. Но этим ослаблением воспользовался не только русский капитал. В первые военные годы доля иностранных инвестиций в русской промышленности несколько сократилась. Этому способствовали три ряда обстоятельств: во-первых, война вызвала усиленный приток русских капиталов в предприятия, работающие на армию, а гигантские прибыли военного времени порождали все новые капиталы, жаждавшие применения; во-вторых, монополии союзных с Россией держав сократили ввоз капиталов в Россию как из-за затрудненности связей с ней, так и из-за боязни потерять свои деньги в случае ее поражения; в-третьих, как отмечалось, сократилось влияние германских концернов. Но по мере усиления инфляции и экономической разрухи складывались благоприятные условия для скупки русских заводов англо-французскими и американскими предпринимателями. Этот процесс еще более усилился при Временном правительстве.

Таковы были условия, в которых в 1914—1917 гг. развертывалась борьба монополий в области электричества.

Хотя электротехнические и электроэнергетические общества не подпадали непосредственно под действие указов о собственности вражеских подданных, так как юридически они являлись русскими предприятиями, их истинное лицо было достаточно хорошо известно, и с первого же дня войны была развернута широкая кампания против деятельности в России концернов Сименса и АЭГ. Уже в эти первые месяцы войны, когда формально никаких мер против германских электропредприятий не было принято, их положение было к тому же осложнено разрывом финансовых и технических связей с Германией, сразу же поставившим их в неравные условия по сравнению с конкурентами. В то же время война способствовала резкому увеличению заказов и повышению прибылей электротехнических заводов. Правда, значительная, если

не бóльшая, часть этих прибылей шла не от производства электротехнической продукции, а являлась результатом перехода на выпуск военных материалов (артиллерийских взрывателей и т. п.).

Уже в отчете дирекции ВКЭ за 1914 г. констатировалось наличие невыполненных заказов на 24 млн руб. (против 13 млн руб. в 1912 г.) и отмечалось, что военно-морской отдел обеспечен заказами на несколько лет вперед,[1] а в 1916 г. портфель невыполненных заказов ВКЭ только по военным поставкам превысил 45 млн руб.[2] Из общего числа турбоагрегатов мощностью в 288 995 квт, заказанных русскими покупателями с начала войны и до 1/14.10.1916, на долю ВКЭ приходились агрегаты общей мощностью в 117 045 квт, на долю «Сименс-Шуккерт» — 32 900 квт.[3] В 1915 г., перед тем как завод ВКЭ был эвакуирован из Риги, число рабочих и служащих на нем составляло 4 тыс. человек, а после эвакуации, на развернутых на его базе предприятиях в Москве и Харькове оно достигло 8—9 тыс. человек.[4] Аналогичным образом развивалось и «Сименс-Гальске». Обороты общества составляли в 1913 г. 4.48 млн руб., в 1914 г. — 5.78 млн руб., в 1915 г. — около 6 млн руб., а в 1916 г. должны были достигнуть не менее 13 млн руб.[5] Число рабочих на заводе «Сименс-Гальске» в связи с этим выросло с 650 перед войной до 2300 в начале 1916 г., а парк станков с 407 до 825. К 1917 г. общество собиралось довести число рабочих до 3300, а количество станков до 1400.[6] Кроме того, в 1915—1916 гг. «Сименс-Гальске» построило новый завод в Нижегородской губернии.[7] Для обеспечения возросшего производства общество увеличило в 1916 г. свой капитал

---

[1] ЛГИА, ф. 1367, оп. 8, д. 1263а, лл. 2—4, доклад правлению к отчету за 1914 г.

[2] ЦГИА, ф. 23, оп. 25, д. 505, л. 260, секретная записка правления ВКЭ, май 1916 г.

[3] ЛГИА, ф. 1352, оп. 4, д. 68, л. 65, список фирм, получивших заказы в России.

[4] ЦГИА, ф. 23, оп. 25, д. 505, лл. 317—320, краткие сведения об эвакуации заводов ВКЭ из Риги в Харьков.

[5] Там же, оп. 24, д. 457, л. 100, прошение «Сименс-Гальске» в Министерство торговли и промышленности 1/14.3.1916.

[6] ЦГИА, ф. 1276, оп. 12, д. 1652, лл. 86—87, справка о расширении предприятия «Сименс-Гальске».

[7] ЦГИА, ф. 23, оп. 24, д. 457, л. 73, представление отдела торговли, декабрь 1915 г.

с 5.6 до 7 млн руб. Портфель заказов «Сименс-Шуккерт» составлял в 1915 г. 66 млн руб., из них на 50 млн руб. казенных заказов (в том числе на 31 млн руб. от артиллерийского ведомства). «Соединенные кабельные заводы» имели тогда же заказов на 26 млн руб. Стоимость изолированных проводов, поставленных обществом казне, увеличилась с 0.75 млн руб. в 1913 г. до 8.5 млн руб. за 10 месяцев 1915 г.[8] Число рабочих на трех заводах «Сименс-Шуккерт» в Петербурге в 1916 г. составляло 6948 человек.[9]

Пользуясь острой нехваткой электротехнической продукции в стране и инфляционной обстановкой, все фирмы резко вздули цены на свои изделия. Так например, ВКЭ к сентябрю 1917 г. довела надбавку к своим довоенным ценам до 575%.[10] Вопрос о ценах обсуждался на совместных конференциях ВКЭ, «Сименс-Шуккерт» и «Динамо», вырабатывавших единую политику в отношении заказчиков.[11] Все это, вместе взятое, вело к значительному увеличению доходов электротехнических предприятий. Согласно официальному балансу «Сименс-Гальске», прибыль общества за 1916 г. составила 3 365 000 руб. (при капитале в 7 млн руб.), даже после отчисления выросших по случаю войны налогов чистая прибыль достигла 35% на капитал.[12] Чистая прибыль «Соединенных кабельных заводов» в 1915 г. составила 50% на капитал и должна была еще более возрасти в будущем.[13]

Разрыв связей с Германией ставил предприятия Сименса и ВКЭ в невыгодные условия по сравнению с «Динамо» и усилившими свою конкуренцию швейцарскими компаниями. Поэтому с первых же дней войны германские общества стали искать пути возобновления этих связей через нейтральные страны, главным образом через Шве-

---

[8] ЦГИА, ф. 1276, оп. 12, д. 1431, лл. 18—19, отношение министра торговли и промышленности председателю Совета министров 3/16.2.1916.

[9] Исторический архив, 1960, № 1, стр. 116.

[10] ЛГИА, ф. 1367, оп. 8, д. 952, л. 13, циркуляр правления ВКЭ 12/25.9.1917.

[11] Там же, л. 74, циркуляр правления ВКЭ 18.6/1.7.1917.

[12] Подсчитано нами по: ЛГИА, ф. 1249, оп. 7, д. 38, лл. 13—23, баланс и отчет на 31.12.1916/13.1.1917.

[13] ЦГИА, ф. 1276, оп. 12, д. 1431, л. 20, отношение министра торговли и промышленности 3/16.2.1916.

цию. Уже летом 1914 г. «Р. О. Сименс-Шуккерт» наладило связь со шведским обществом «Лут и Розен» (близким к Шуккерту еще с начала века). Общество это не имело сколько-нибудь значительного производства и занималось в основном перепродажей. Через его посредство, а также через шведское общество «Сименс-Шуккерт» в Россию ввозилась продукция германских заводов Сименса, а в Германию переправлялись деньги. Так, в сентябре 1914 г. берлинский завод «Сименс-Шуккерт» отправил в Россию через Швецию 225 000 вотановых электроламп без заводской марки в нейтральной упаковке. При этом из сохранившейся переписки явствует, что берлинское общество не соглашалось отправлять товар без предварительной оплаты его наличными.[14] Позднее «Р. О. Сименс-Шуккерт» открыло в Швеции специальное представительство при небольшой посреднической фирме «Люкс», также давно связанной с делами Сименса. За 1914—1915 гг. на имя этой фирмы было переведено 1.9 млн руб.[15] Проложила дорогу через Швецию и ВКЭ, что признавалось в отчете правления на особом совещании уполномоченных ВКЭ в 1916 г.[16] Правление при этом указывало, что в Швецию переведено 1 975 000 крон, причем представитель ВКЭ в Швеции просит еще 600 000 крон. Конечно, не все эти средства шли в Германию, некоторая часть их оседала в самой Швеции, значительные суммы шли в Англию, где также имелись дочерние предприятия Сименса и АЭГ. Но можно с уверенностью утверждать, что документально зафиксированный случай получения 225 000 ламп из Германии (сам по себе достаточно крупный) не являлся единичным, миллионные цифры шведского транзита красноречиво свидетельствуют об этом. Тем самым германские электроконцерны и их русские дочерние предприятия совершали двойную измену — германские заводы снабжали оборудованием промышленность врага, а их российские филиалы выкачивали из страны, задыхавшейся от валют-

---

[14] ЛГИА, ф. 1352, оп. 4, д. 57, л. 202, «Сименс-Шуккерт» (Берлин) — Гельфорсу 10/23.9.1914.

[15] ЦГИА, ф. 1276, оп. 12, д. 1431, лл. 16—17, отношение министра торговли и промышленности 3/16.2.1916.

[16] ЛГИА, ф. 1367, оп. 8, д. 952, л. 166, протокол совещания уполномоченных ВКЭ в Харькове 21—23.11/4—6.12.1916.

ного голода, большие суммы, поступавшие в распоряжение противника.

По сравнению с дочерними предприятиями Сименса ВКЭ оказалась во время войны в значительно лучшем положении, так как имела возможность получать необходимое оборудование из США от «Дженерал электрик», чем и не замедлила воспользоваться. Английское посольство в Петрограде в августе 1916 г. уведомило русское Министерство иностранных дел, что между «Дженерал электрик» и АЭГ заключено соглашение. Содержание этого соглашения было изложено в памятной записке английского посольства очень нечетко,[17] но оно во всяком случае давало «Дженерал электрик» возможность осуществлять поставки в Россию, ранее являвшуюся сферой влияния АЭГ.[18] Это привело к резкому усилению в годы войны экспансии в русскую электротехническую промышленность американского капитала. К концу 1916 г. ВКЭ передала «Дженерал электрик» заказы на общую сумму в 10 млн руб.[19] В марте—апреле 1917 г. между ВКЭ и «Дженерал электрик» были заключены соглашения, по которым «Дженерал электрик» становилась крупным акционером ВКЭ, давала ей право представительства в России и право использования американских патентов и обязывалась сразу же по окончанию войны построить для ВКЭ турбинный и ламповый заводы.[20]

Но если прекращение связей с Германией можно было частично возместить транзитом через Швецию или заменить установлением деловых отношений с американскими фирмами, то гораздо более серьезную угрозу для германских электротехнических обществ представляло дальнейшее развитие законодательной деятельности правительства в плане борьбы с «немецким засильем».

---

[17] ЦГИА, ф. 23, оп. 28, д. 456, л. 198, памятная записка английского посольства 30.8/12.9.1916.

[18] Уже после начала войны «Дженерал электрик» в письме на имя И. М. Гольдштейна, командированного русским правительством в США и Канаду, заявила «о полном своем невмешательстве в дела русского рынка в области сбыта изделий электрической промышленности, ввиду существования на этот счет специальных договоров с германскими фирмами» (ЦГИА, ф. 1276, оп. 10, д. 846, л. 33).

[19] ЛГИА, ф. 1367, оп. 8, д. 952, л. 175, протокол совещания уполномоченных ВКЭ.

[20] Там же, лл. 119—120, циркуляр правления ВКЭ 7/20.4.1917.

Борьба с «немецким засильем» и планы спасения германских капиталов в электротехнической индустрии

Положение Совета Министров от 16/29.3.1915 давало право назначения правительственных инспекторов в предприятия, принадлежавшие германским подданным. Междуведомственная комиссия при Министерстве торговли и промышленности приняла решение о распространении этого права и на предприятия, чья принадлежность германским подданным только подозревалась. На основании этого решения в марте—мае 1915 г. правительственные инспектора были направлены в ВКЭ, «Сименс-Гальске», «Сименс-Шуккерт», «Польские заводы Сименса», «Тюдор» и «Соединенные кабельные заводы». Позднее инспектора были направлены также в «Электрическую силу», «Варсэлек», «Электропровод» и «Смоленское электрическое общество».[21] 1/14.7.1915 г. Николаем II было утверждено новое положение Совета министров о предоставлении ему особых полномочий в отношении акционерных обществ, действовавших на основании русских уставов, которое давало ему право назначать особые правления обществ и закрывать и ликвидировать последние. Для осуществления всех этих мероприятий 23.3/5.4.1916 был создан Особый комитет по борьбе с немецким засильем, возбудивший вопрос о закрытии ВКЭ и сименсовских обществ, как германских.

Владельцы предприятий Сименса предприняли шаги для спасения обществ от ликвидации. В отношении «Сименс-Гальске» была сделана попытка доказать, будто большинство его акций принадлежит русским акционерам. Сделать это было весьма трудно, особенно если учесть, что перед войной, ходатайствуя об изменении устава, правление само признавало, что «акции общества почти исключительно находятся в руках общества Сименс и Гальске в Берлине».[22] Когда же началась война, дочери К. Сименса русскоподданные баронессы Гревениц и Буксгевден заявили, что 12 000 (из 14 000) акций общества

---

[21] Алфавитный список предприятий, подчиненных правительственному надзору. Пгр., 1916.

[22] ЦГИА, ф. 23, оп. 24, д. 457, л. 38, прощение поверенного общества в Отдел торговли 17/30.8.1913.

принадлежат им, и общество, таким образом, является русским предприятием.[23] Не надеясь на успех столь шаткой аргументации, правление «Сименс-Гальске» предприняло и другие шаги. Оно обратилось за помощью к одному из своих основных контрагентов — Морскому министерству, пугая его срывом поставок в случае закрытия общества,[24] и одновременно решило увеличить свой капитал до 10 млн руб., разместив новые акции в России, чтобы утверждение о русском характере общества не выглядело столь голословным. Осуществление выпуска готов был взять на себя Учетный и ссудный банк, но при условии, что акции Гревениц и Буксгевден будут переданы на 5 лет в его распоряжение. Между тем акции эти хранились в депо Международного банка, а тот отказывался выдать их, как германские и потому подлежащие секвестру.[25] Банком двигали, разумеется, не соображения патриотизма, ибо одновременно он всячески выгораживал ВКЭ, а стремление ослабить позиции прежних владельцев общества и попытаться увеличить свое влияние в нем, утраченное в предвоенные годы. Но и без вмешательства Международного банка Особый комитет не склонен был соглашаться с позицией правления «Сименс-Гальске».

Еще труднее было положение «Сименс-Шуккерт». По собственному признанию правления перед войной из 60 000 акций общества 44 000 принадлежали берлинскому «Сименс-Гальске», 12 300 берлинскому «Шуккерту», а остальные Цейтшелю, Зигелю, братьям Гантерт (все — германские подданные) и членам правления.[26] Во время войны баронессы Гревениц и Буксгевден решились утверждать, что им принадлежит лишь 9008 акций,[27] также замороженных Международным банком. Германское большинство было очевидным, и владельцы общества должны

---

[23] Там же, оп. 11, д. 489, л. 14, журнал Особого комитета по борьбе с немецким засильем № 60. Как установило впоследствии особое правление обществ Сименса, в завещании К. Сименса не говорилось о передаче акций его дочерям, и последние никогда не получали дивидендов по ним.

[24] ЦГИА, ф. 23, оп. 28, д. 2004, лл. 199—200, прошение правления «Сименс-Гальске» морскому министру 23.9/6.10.1916.

[25] Там же.

[26] Там же, д. 2009, л. 55, заявление правления «Сименс-Шуккерт» в Отдел торговли 13/26.3.1914.

[27] Там же, оп. 11, д. 489, л. 15, журнал Особого комитета по борьбе с немецким засильем № 60.

были идти ради его спасения на известные жертвы. Осенью 1916 г. был разработан план финансовой реорганизации общества, предусматривавший сокращение капитала с 15 до 10 млн руб. и затем выпуск новых акций на 6 млн руб. с помощью Учетного и ссудного банка.[28] В прошении общества морскому министру, поданном 23.9/6.10.1916 (одновременно с «Сименс-Гальске»), а затем в докладной записке барона Г. А. Гревениц председателю Совета министров от 21.11/4.12.1916 утверждалось, будто такая реорганизация создаст русское большинство в составе акционеров и сделает ликвидацию общества ненужной. План Гревеница был шит белыми нитками. Пожертвовав $^1/_3$ капитала, германские хозяева общества не только сохраняли остальные $^2/_3$, но и удерживали руководство «Р. О. Сименс-Шуккерт», поскольку в так называемом «русском большинстве» крупный пакет акций находился у дочерей Сименса. Правда, германским владельцам пришлось бы сильно потесниться и допустить к участию в делах общества Учетный и ссудный банк. План Гревеница, как и план реорганизации «Сименс-Гальске», не был принят правительством.

Решение вопроса о судьбе германских капиталов в России затянулось на все годы войны. Царское, а затем Временное правительства не решались посягнуть на «священную» частную собственность, даже если это была собственность врага. Кроме того, они боялись неблагоприятного впечатления, которое могли произвести меры, предпринятые против германских капиталистов, на предпринимателей из других стран, что могло сократить приток в Россию иностранных капиталов вообще, без которых власти России не мыслили себе экономического развития страны. Поэтому силы, заинтересованные в сохранении позиций германских предприятий, а таких было немало, могли долго сопротивляться принятию каких-либо решений. В целом вопрос о германских капиталах так и не был решен до самой Октябрьской революции, когда эти капиталы разделили судьбу всего российского капитализма. Судьба же электротехнических предприятий решалась на рубеже 1916—1917 гг.

---

[28] Там же, оп. 14, д. 732, лл. 1—2, прошение правления «Сименс-Шуккерт» 1/14.11.1916; л. 3, протокол собрания акционеров 31.10/13.11.1916.

Постановлением Совета министров от 23.11/6.12 и 9/22.12.1916 «Р. О. Сименс-Гальске» и «Р. О. Сименс-Шуккерт» подлежали закрытию, а для продолжения их деятельности создавалось новое объединенное общество «Сименс» с капиталом в 25 млн руб.[29] Для того чтобы предотвратить захват руководства новым обществом со стороны представителей германских капиталов, Особый комитет решил оставить за казной 35% акций, что, по его мнению, «предоставит казне преобладающее влияние на ход дела и вместе с тем не отпугнет частные капиталы». Старым акционерам было разрешено обменять акции на сумму в 1.8 млн руб., все остальные были признаны германскими и обмену не подлежали.[30] Вопрос о компенсации бывших владельцев был отложен до окончания войны. В мае 1917 г. Временное правительство утвердило устав нового общества.

Позиции ВКЭ были более прочными, поскольку, во-первых, значительная часть ее акций принадлежала бельгийским членам концерна АЭГ («АЭГ-Унион» и «Генеральному бельгийскому обществу электрических предприятий»), а во-вторых, она пользовалась активной поддержкой Международного банка. В мае 1916 г. она также попыталась увеличить число юридически русских акционеров выпуском новых акций,[31] а когда эта попытка не удалась, стала искать путей передачи части акций «Дженерал электрик». Тем не менее решением Особого комитета было постановлено закрыть и ВКЭ, передав ее предприятие новому обществу, аналогичному обществу «Сименс». Однако старым акционерам разрешалось обменять акции на 7.5 млн руб., или более половины. Из общего капитала новой «Всеобщей электрической компании» (ВЭК) в 24 млн руб. казне предполагалось передать пакет в 8.4 млн руб.,[32] а акции на 8.1 млн руб. подлежали продаже. Новая компания открыла свои действия 1/14.7.1917. Председателем совета (правления) ее был из-

---

[29] Там же, оп. 13, д. 1167, л. 2, представление Министерства торговли и промышленности 24.2/9.3.1917.

[30] Там же, оп. 11, д. 489, лл. 18—19, журнал Особого комитета по борьбе с немецким засильем.

[31] Там же, оп. 25, д. 505, л. 258, прошение правления ВКЭ министру торговли и промышленности 13/26.5.1916.

[32] ЦГИА, ф. 23, оп. 11, д. 489, лл. 18—19, журнал Особого комитета по борьбе с немецким засильем.

бран управляющий делами Министерства торговли и промышленности Н. Н. Саввин, в состав совета вошли представители Международного банка Е. Г. Шайкевич и Г. А. Блох, а также А. К. фон Дрейер, Л. И. Гольдштауб и др.[33] На собрании 10/23.10.1917 Министерство, сохранявшее также акции, не обмененные их прежними владельцами, располагало большинством в две трети.[34]

Узнав о предстоящей реорганизации ВКЭ, группа Второва сделала попытку захватить руководство ею. Н. А. Второв, Н. Н. Коншин и другие направили в Министерство торговли и промышленности заявление, в котором сослались на свою заинтересованность в электротехнических предприятиях в связи с учреждением ими «Электрического общества Донецкого бассейна» и общества «Углеток». Они просили на основании этого продать им акции ВЭК, не отходившие к казне или прежним владельцам.[35] Не желая отдавать более трети акций ВЭК в руки Второва, Министерство решило предложить их пополам Второву и Международному банку.[36] Последний принял предложение, а группа Второва, действуя по принципу «все или ничего», отказалась.[37] Не захотел принять акций и Азовско-Донской банк, вследствие чего эти акции временно были оставлены за казной, а затем переданы за 4.46 млн руб. (пополам в русской и американской валюте) «Дженерал электрик»,[38] располагавшей в октябре 1917 г. $^1/_6$ капитала ВЭК. Планируя увеличить капитал ВЭК на 12 млн руб. и считая «Дженерал электрик» «весьма желательным акционером», Министерство торговли и промышленности готово было передать ей

---

[33] ЛГИА, ф. 1367, оп. 8, д. 952, л. 51, циркуляр правления ВКЭ 13/26.7.1917.

[34] Там же, оп. 6, д. 25, л. 80, список акционеров ВЭК 10/23.10.1917.

[35] ЦГИА, ф. 23, оп. 28, д. 459, л. 117, прошение Н. А. Второва, Н. Н. Коншина и др. 15/28.4.1917.

[36] Там же, л. 127, журнал совещания о распределении акций ВЭК 8/21.5.1917.

[37] Там же, л. 151, Московский промышленный банк — Министерству торговли и промышленности 6/19.6.1917.

[38] Там же, оп. 27, д. 681, л. 97, удостоверение Особого делопроизводства по надзору за торгово-промышленными предприятиями.

свою долю в новом выпуске и довести общее участие «Дженерал электрик» в ВЭК до $^1/_3$.[39]

Одновременно с другими электротехническими обществами была решена и судьба «Тюдора». Старое правление в сентябре 1916 г., когда угроза ликвидации стала весьма реальной, попыталось с помощью все того же Учетного и ссудного банка произвести выпуск новых акций и «руссифицировать» состав акционеров,[40] но Совет министров в феврале 1917 г. решил ликвидировать общество и создать новое для приобретения его предприятия. Вопрос о создании этого общества был осложнен борьбой группировок, о которой речь будет идти ниже.

Таким образом, судьба германских электротехнических предприятий была решена лишь на третьем году войны. В этом решении имелись значительные элементы государственно-капиталистического пути, на который в годы войны форсированно вставала русская экономика. Но решение явно было неокончательным и предвещало ожесточенную борьбу за наследство германских концернов после войны, причем активное участие в этой борьбе могли бы принять и сами эти концерны.

Вопрос о судьбе электроэнергетических обществ

С началом войны резко изменилось и положение электроэнергетических обществ. Рассматривая борьбу городских управлений против осветительных (а также и трамвайных) обществ, следует учитывать, что она велась не только из политических, но и из экономических соображений. Городские самоуправления стремились захватить в свои руки источники высоких доходов, какими являлись эти общества. Война создала благоприятную обстановку для такого захвата, так как нарушила связи обществ с их заграничными хозяевами и поставила их в трудное положение. Поэтому и трамвайные общества, принадлежавшие союзникам-бельгийцам, подверглись ненамного

---

[39] Там же, оп. 28, д. 459, л. 327, Саввин — Бахметьеву 22.9/3.10.1917.

[40] ЛГИА, ф. 1368, оп. 1, д. 193, лл. 17 и 23, протокол правления «Тюдор» 29.7/11.8 и 7/20.9.1916.

менее чувствительным стеснениям, чем германские предприятия, тем более что ряд германских предприятий маскировался под бельгийские, а это бросало тень подозрения и на остальные. Быстрее всего был решен вопрос о Двинской электростанции «Гезфюрэль» и киево-святошинском трамвае «Ламейера». Общества эти были германскими по уставу, и у них были попросту аннулированы разрешения на деятельность в России, а предприятия их секвестрованы. Довольно быстро решилась судьба и «Киевского электрического общества». По распоряжению военного губернатора станция общества была секвестрована и передана в управление городских властей.[41] Вслед за тем общество было ликвидировано.[42]

Наиболее упорная борьба развернулась вокруг «Общества 1886 г.», издавна олицетворявшего в глазах жителей обеих столиц мощь германских электрических концернов. Инициатива в развертывании борьбы принадлежала Москве, чьи отношения с «Обществом 1886 г.» были резко обострены еще перед войной в связи с созданием «Электропередачи». Более общей причиной являлось то, что московская буржуазия вообще выступала в годы войны против иностранных капиталов и связанных с ними петроградских финансовых кругов. «Ввиду сложности вопроса» решено было организовать для его рассмотрения Особое междуведомственное совещание при Министерстве юстиции.[43]

Немедленно были сделаны попытки спасти «Общество 1886 г.» от какого-либо вмешательства со стороны властей. Германские банки передали принадлежавшие им акции общества своим швейцарским партнерам — Швейцарскому кредитному обществу и Базельскому банку, акции концернов АЭГ и Сименса были сосредоточены в руках «Электробанка» и «Индэлек». В результате количество акций в руках «швейцарских» владельцев выросло с 11 млн руб. в 1914 г. до 27 млн руб.[44] Опираясь на

[41] ЦГИА, ф. 1276, оп. 12, д. 1440, л. 1, представление Министерства торговли и промышленности 25.2/9.3.1916.

[42] Там же, л. 44, особый журнал Совета министров о закрытии «Киевского электрического общества» 4/17.3.1916.

[43] Там же, оп. 10, д. 846, лл. 1—2, отношение министра торговли и промышленности председателю Совета министров 11/24.12.1914.

[44] Там же, оп. 12, д. 1431, л. 93, отношение министра торговли и промышленности председателю Совета министров, май 1916 г.

произведенную перекраску, швейцарский посланник в России Одье буквально бомбардировал русское правительство письмами, в которых требовал защиты «швейцарских интересов» в «Обществе 1886 г.».[45] В защиту «Общества 1886 г.» выступили также приглашенные к участию в работах Особого совещания представители Совета съездов представителей промышленности и торговли. Особенно активно выступал в защиту общества Ю. П. Гужон, доказывавший невыгодность для промышленников перехода станций общества к городским самоуправлениям. Доводы Гужона поддерживали представители министерств Финансов и Торговли и промышленности, а также Государственного банка.[46] Побудительным мотивом этих выступлений была защита частной собственности в любых ее проявлениях. Особенно отчетливо видны были эти мотивы в совместной докладной записке, поданной 2/15.3.1915 председателю Совета министров группой банков (Учетный и ссудный, Русско-Азиатский, Частный, Торгово-промышленный и Русский для внешней торговли). Банки выражали тревогу по поводу требования Москвы о ликвидации «Общества 1886 г.», так как это, по их словам, ставило под угрозу любое общество, если только его конкуренты заявят, что в нем участвует вражеский капитал. Поскольку, заявляли банки, «Общество 1886 г.» имеет устав, утвержденный в России, и платит все русские налоги, «вопрос о национальности акционеров представляется при этом совершенно безразличным».[47]

Не ограничиваясь выступлениями в защиту «Общества 1886 г.» перед правительственными органами, петроградские банки взяли на себя удовлетворение его потребностей в кредите и осуществление (или во всяком случае прикрытие) его связей с заграницей. 12/25.6.1915 между обществом и группой банков в составе Русского для внешней торговли, Азовско-Донского и Частного, с русской стороны, и Швейцарского кредитного общества, «Электробанка» и «Индэлек», со швейцарской стороны, был за-

---

[45] Там же, оп. 10, л. 846, лл. 16—17, докладная записка министра юстиции председателю Совета министров.

[46] Там же, лл. 57, 66 и 81, протокол заседаний Особой комиссии 7/20.1, 17/30.1 и 19.1/1.2.1915.

[47] Там же, лл. 140—143, докладная записка уполномоченного группы петроградских банков Утина председателю Совета министров 2/15.3.1915.

ключен договор о предоставлении «Обществу 1886 г.» долгосрочных кредитов. Договор устанавливал, что «финансовые операции будут производиться исключительно договаривающимися банками и будут распределяться между обеими группами равными частями, причем обеим группам предоставляется право приглашать соучастников по своему усмотрению».[48] Иными словами, швейцарские представители Немецкого банка и германских концернов могли под прикрытием договора с русскими банками осуществлять связь «Общества 1886 г.» с Германией. Аналогичным образом было налажено кредитование «Электропередачи» и РУАК.

Большая активность в защите РУАК была проявлена и с бельгийской стороны. Директор-распорядитель «Бельгийского общества освещения Петрограда» Шапиро специально обращался к бельгийскому послу с просьбой вступиться за РУАК, поскольку его конфискация нанесла бы большой ущерб «Иматре».[49] Посол внял просьбе Шапиро и вступил в соответствующую переписку с МИДом.[50]

В сложный клубок иптриг, направленных на спасение «Общества 1886 г.», были вовлечены и весьма «высокие» сферы. Согласно показаниям бывшего товарища министра внутренних дел С. П. Белецкого, данным им следственной комиссии Временного правительства, близкий одно время к Распутину авантюрист князь М. М. Андронников, находившийся на содержании у «Общества 1886 г.», оказывал влияние в пользу общества на председателя Совета министров Горемыкина. Последний поэтому неблагоприятно относился к требованиям Московской думы о секвестре станций общества.[51] Об этом же свидетельствовал и бывший министр внутренних дел А. Н. Хвостов, который показал также, что на него кроме кн. Андронникова пытался оказать давление юрисконсульт «Общества 1886 г.» М. И. Свешников.[52]

---

[48] ЛГИА, ф. 1243, оп. 1, д. 1742, л. 77, протокол правления 19.8/1.9.1915; лл. 93—94, копия договора между банками и обществом (без даты).

[49] ЛГИА, ф. 1385, оп. 1, д. 73, лл. 48—50, Шапиро — бельгийскому послу 29.7/11.8.1915.

[50] Там же, д. 111, л. 2, бельгийский посол — директору РУАК 20.10/2.11.1915.

[51] Падение царского режима, т. IV, М.—Л., 1925, стр. 229.

[52] Там же, т. I, 1924, стр. 11.

Уступая давлению, шедшему с различных сторон, Особое совещание решило не секвестировать станций «Общества 1886 г.» и связанных с ним РУАК и «Электропередачи», а назначить в них особые правления из представителей акционеров и заинтересованных ведомств. В состав правлений всех трех обществ были назначены одни и те же лица, причем сначала членом, а затем председателем особых правлений был утвержден представитель Военного министерства генерал Л. В. Свенторжецкий, связанный с германскими электроконцернами еще с конца XIX в. Весьма показательно для позиции, занятой правлениями, что Свенторжецкий, а также представители Морского министерства В. Н. Шереметев и Министерства финансов В. М. Кюхельбекер выступали против ликвидации «Общества 1886 г.».[53] Решение Особого совещания вызвало резкое недовольство Московской думы. Московский представитель в Особом правлении систематически выступал против его решений. Гораздо более спокойно относились к судьбе «Общества 1886 г.» петроградские городские власти, поскольку, по условиям договоров, в мае 1917 г. они имели право на выкуп предприятий всех трех осветительных обществ в городе.

К идее выкупа «Общества 1886 г.» склонялось и правительство. Этот вопрос обсуждался сначала в специально для того созданном Особом совещании при Министерстве финансов, а затем в Комитете по борьбе с немецким засильем. Осенью 1916 г. Комитет решил закрыть «Общество 1886 г.» и «Электропередачу» и создать новое общество, которое купило бы за 55 млн руб. их предприятия. 40% акций нового общества оставались за казной, 30% распределялись между городскими властями Москвы и Петрограда и 30% оставались для частного капитала.[54] В противовес разработанному Комитетом плану, лишавшему прежних владельцев влияния на дела общества, были представлены два контрпроекта. Первый из них был предложен особым правлением общества. Он предусматри-

---

[53] ЦГИА, ф. 1276, оп. 10, д. 846, лл. 557—559, докладная записка Свенторжецкого, Шереметева и Кюхельбекера председателю Совета министров.

[54] Там же, лл. 656—657, журнал Особого комитета по борьбе с немецким засильем 6/19, 13/26, 16/29.9, 20.9/3.10, 3/16.10 и 17/30.11.1916.

вал выпуск новых акций на 25 млн руб., из которых на 23 млн руб. должны были быть распространены в России, а на 2 млн руб. — в Швейцарии (передача этих акций, по-видимому, должна была гарантировать «швейцарцам» большинство в $^2/_3$). Выпуск акций гарантировался Учетным и ссудным и Азовско-Донским банками, получавшими места в правлении.[55] Одновременно Швейцарское кредитное общество, «Электробанк» и «Индэлек» гарантировали на два года с момента окончания войны сохранение русско-«швейцарского» большинства в обществе.[56]

Не надеясь на принятие такого проекта, слишком очевидно сохранявшего позиции прежних владельцев, «швейцарские» акционеры представили и другой проект, по которому создавалось новое общество, капитал которого в 50 млн руб. вносился казной и городскими управлениями, а старым акционерам передавались облигации на 75 млн руб. с гарантированным средним доходом (облигации предполагались двух видов) в 8.54%.[57] Если учесть, что в 1917 г. петроградская станция могла быть выкуплена без особых на то решений, такой выход из положения был для прежних владельцев в сложившейся ситуации более чем удовлетворительным. Одновременно был разработан план реорганизации «Электропередачи», внесенный ее особым правлением в Министерство торговли и промышленности в ноябре 1916 г. План предусматривал сложную комбинацию с продажей акций «швейцарских» и германских владельцев московским фабрикантам и «Обществу 1886 г.» и выпуском новых акций таким образом, чтобы количество акций у фабрикантов и общества было одинаковым. Операция должна была проводиться с помощью Учетного и ссудного банка.[58] Комбинация сохраняла за «Обществом 1886 г.» самый крупный пакет акций и, следовательно, фактическое руководство «Электропередачей». В декабре 1916 г. план был несколько модифи-

---

[55] ЦГИА, ф. 23, оп. 28, д. 2548, л. 171, отношение правления министру торговли и промышленности 29.10/11.11.1916; л. 173, проект предварительного соглашения.

[56] Там же, л. 175, заявление Кехлина и Вальха 16/29.10.1916.

[57] ЦГИА, ф. 1276, оп. 10, д. 846, л. 666, журнал Особого комитета по борьбе с немецким засильем 8/21.12.1916.

[58] ЛГИА, ф. 1243, оп. 1, д. 2005, лл. 444—448, отношение правления «Электропередачи» министру торговли и промышленности 23.11/6.12.1916.

цирован. Московские капиталисты заявляли об учреждении общества «Электрокооператив», которое должно было взять на себя эксплуатацию станции «Электропередачи», получив ее новые акции на 4 млн руб. и купив акции этого общества у «Общества 1886 г.», что должно было дать московским капиталистам перевес в 5.2 млн руб. против 4.8 млн руб. германо-«швейцарских» акций.[59] Это было уже вынужденной уступкой германских концернов московским промышленным кругам.

Все эти проекты были отвергнуты Комитетом по борьбе с немецким засильем, но выработка окончательного решения самого Комитета затягивалась из-за борьбы правительства, боявшегося дать городским властям слишком большое влияние на дела будущего общества, и Московской управы, считавшей свою квоту недостаточной. Лишь 13/26.2.1917 Николай II подписал журнал Комитета о создании общества для принятия предприятий «Общества 1886 г.», из капитала которого в 50 млн руб. 35—45% принадлежало бы казне, 30% Петроградской и Московской управам и 25—35% частным акционерам. В обществе, перенимавшем предприятие «Электропередачи», казна оставляла за собой 35% капитала в 6 млн руб.[60] Однако решение Комитета не было проведено в жизнь в связи с происшедшей Февральской революцией. Временное правительство отменило решение о ликвидации «Общества 1886 г.» и решило ограничиться продажей признанных им германскими акций общества на сумму в 10.5 млн руб.[61] В мае 1917 г. Петроградская управа заявила о выкупе станции общества, но условия его не были выработаны. Московская станция оставалась собственностью общества.

Воспользовавшись удобным моментом, городские управления России повели наступление на бельгийские общества. В 1917 г. Петроградская управа заявила о решении выкупить станции «Бельгийского общества осве-

---

[59] ЦГИА, ф. 23, оп. 28, д. 2564, лл. 66—67, прошение Н. И. Гучкова, Ю. Гужона и других министру торговли и промышленности 25.12.1916/7.1.1917.

[60] ЦГИА, ф. 1276, оп. 10, д. 846, лл. 722—725, особый журнал Совета министров 23.12.1916/5.1.1917 и 10/23.1.1917 (утвержден 13/26.2.1917).

[61] ЦГИА, ф. 23, оп. 27, д. 675, лл. 81—85, справка Особого делопроизводства (черновик), после сентября 1917 г.

щения» и «Петроградского общества электрических сооружений». Киевская управа добивалась выкупа «Общества Киевской городской железной дороги», а казанская — общества «Газ и электричество Казани» и «Общества Казанских городских дорог». Иначе обстояло дело с «Электрической силой». После начала войны Министерство торговли и промышленности, заподозрив общество в саботаже, подчинило его правительственному надзору. Специальная комиссия сумела обнаружить германское участие в составе новых владельцев общества. Тем не менее министерства Иностранных дел и Финансов под давлением французского правительства потребовали отмены даже правительственного надзора над обществом.[62] Царское правительство не решалось применить к «Электрической силе» законодательство о вражеских предприятиях и полностью сохранило его самостоятельность.

Наступление на позиции германских электроконцернов. Политика русских банков

Ослаблением позиций германских электроконцернов в России не преминули воспользоваться их русские и французские соперники, поведшие во время войны наступление на русскую электроиндустрию. В результате разрыва нормальных связей между Россией и Францией прямое наступление французских монополий имело мало шансов на успех. Почти единственной попыткой его был план учреждения в 1915 г. «Русско-французского общества электромеханических заводов», разработанный французской «Генеральной компанией электричества», «Обществом эксплуатации аппаратов Рато» и «Компанией Граммон в Пон де Шери». Их представитель К. Оланьон (член правления «Общества Гуты Банковой») заключил соглашение с Частным банком.[63] Но уже

---

[62] ЦГИА, ф. 1276, оп. 11, д. 1227, лл. 1—3, отношение министра торговли и промышленности председателю Совета министров 28.12.1915/10.1.1916.

[63] ЦГИА, ф. 597, оп. 2, д. 370, лл. 84—85, соглашение между правлением Частного банка и К. Оланьоном.

в июне 1916 г. новые хозяева Частного банка[64] расторгли соглашение с Оланьоном и переуступили свое участие

---

[64] Нам представляется неверным выдвинутое И. Ф. Гиндиным и Л. Е. Шепелевым утверждение, будто лидеры группировки, пришедшей в апреле 1916 г. к руководству Частным банком, — Л. Б. Немировский и М. С. Залшупин — являлись просто доверенными лицами Путилова, и что Русско-Азиатский банк сохранял до конца 1917 г. контрольный пакет акций Частного банка (Исторические записки, т. 66, стр. 36). По состоянию на 14/27.12.1917 в депо Русско-Азиатского банка действительно хранилось 49 500 акций Частного банка (ГАОРСС ЛО ф. 1289, оп. 29, д. 115, лл. 123—126), но в предыдущие месяцы их там не было, они не *сохранялись* на счете Русско-Азиатского банка, а *появились* там поздней осенью 1917 г. после нового выпуска акций Частного банка. Русско-Азиатский банк, очевидно, взял на себя и не успел осуществить эмиссию этого выпуска. По данным же на 1/14.7 и 1/14.10.1916 и на 1/14.1.1917, в распоряжении Русско-Азиатского банка находилось от 7.3 до 9.3 тыс. акций Частного банка, в то время как общее количество находившихся в России акций Частного банка составляло 112—121 тыс. (см.: ЦГИА, ф. 583, оп. 1, д. 415). В это время крупнейшие пакеты акций Частного банка находились в его собственных руках, в руках Русско-Французского и Воронежского банков, а также петроградского отделения Московского купеческого банка (всего у них находилось до 63 тыс. акций). При этом бо́льшая часть акций Частного банка в Московском купеческом банке находилась на счете Воронежского банка (ЦГИА, ф. 1440, оп. 2, д. 217, л. 1). По более поздним сведениям, только в депо Частного банка было сосредоточено по крайней мере 28 114 его акций, значившихся за самим банком, Воронежским банком, 3-м петроградским Обществом взаимного кредита и лично Л. Б. Немировским и М. С. Залшупиным (ГАОРСС ЛО, ф. 1289, оп. 29, д. 896, лл. 111—113, 317—319, 483, 487, 490). Тогда же на счете Залшупина в Петроградском банке (б. Нелькена) находилось еще 1500 акций Частного банка (ЦГИА, ф. 625, оп. 1, д. 58, лл. 314—315). Акции, хранившиеся в Русско-Французском банке, числились на онкольном счете Залшупина, причем количество их колебалось в январе—феврале 1917 г. в пределах 8.5—13 тыс. (ЦГИА, ф. 636, оп. 1, д. 154). Если учесть, что Воронежский банк был целиком в руках Немировского, а бессменным директором 3-го общества взаимного кредита был Залшупин, то станет ясно, что эти кредитные учреждения не случайно оказались держателями крупнейших пакетов акций Частного банка, именно они в условиях военной инфляции послужили для Немировского и Залшупина трамплинами, с которых они производили штурм Частного банка.

Выходец из небогатой семьи, Л. Б. Немировский в годы предвоенного подъема сколотил себе состояние спекуляциями на бирже, а летом 1913 г. захватил Воронежский банк (Коммерческий телеграф, 26.8/8.9.1913, № 203), после чего все средства вкладчиков банка (достигшие 15 млн руб.) были брошены им на скупку ценных бумаг. Еще до захвата Частного банка Немиров-

в деле Учетному и ссудному банку.[65] Практически к созданию общества еще не приступили. Широкие планы вынашивал захвативший «Центральную компанию в Москве» банк «Жиро и Лушер», стремившийся договориться с группой «Электрической силы» о совместных действиях на Кавказе [66] и распространить свою деятельность на другие районы. В сентябре 1916 г., проводя увеличение капитала «Центральной компании», Лушер прямо писал директору Азовско-Донского банка Каменке о своих планах перехватить у немцев господствующее

ский становится председателем и членом правления ряда акционерных обществ.

М. С. Залшупин был богатым петербургским домовладельцем. Придя в результате какого-то неясного переворота в правление 3-го общества взаимного кредита и став в 1908 г. его председателем, Залшупин начал объединять вокруг общества других домовладельцев. С 1912 г. в совет общества вошел и затем стал его председателем В. В. Маркозов, тоже владелец ряда домов в Петербурге, арендовавший два крупных кирпичных завода. Крупным вкладчиком общества был также Е. И. Гонцкевич, домовладелец и хозяин домостроительной конторы. Только один из принадлежавших Гонцкевичу домов оценивался в сумму около 1 млн руб. (ЛГИА, ф. 2254, оп. 1, д. 20, л. 4). Какие-то отношения связывали залшупинскую группу с Русско-Французским банком. В начале войны близкие к Д. Л. Рубинштейну Е. И. Вихарев и М. А. Шитов вошли в совет Общества взаимного кредита. Общество вело значительные операции и пользовалось многомиллионными кредитами.

Уже с начала 1915 г. крупные пакеты акций Частного банка стали переходить из рук в руки. Первоначально большой пакет был куплен Рубинштейном и А. Власто, в связи с чем ожидался уход прежних директоров Давидова и Пакшвера (Коммерческий телеграф, 10/23.1.1915, № 555). В декабре 1915 г. сообщалось, что «группа, ранее купившая пакет акций» Частного банка, решила продать их ,в связи с чем велись переговоры с московским домовладельцем Пыльцовым (там же, 15/28.12.1915, № 804). Вслед за тем акциями банка заинтересовалась группа Тагиева. Было даже достигнуто соглашение, по которому Г. З. Тагиев и Муса Нагиев должны были быть введены в совет банка (ЦГИА, ф. 597, оп. 2, д. 83, лл. 14—16). Однако перед апрельским собранием 1916 г. группа Немировского—Залшупина скупила значительное число акций банка (так называемый петроградский пакет) и провела свои кандидатуры. Немировский и Залшупин были избраны в совет банка, а их союзники А. М. Светлицкий и В. М. Гей — в правление. В дальнейшем в правление банка вошли Немировский, Залшупин, Маркозов и Гонцкевич.

[65] ЦГИА, ф. 597, оп. 2, д. 370, лл. 136—138, Частный банк — Оланьону 3/16.6.1916.

[66] ЦГИА, ф. 616, оп. 1, д. 437, лл. 2—3, Лушер — Каменке 15/28.9.1916.

положение в электроиндустрии России и о своих переговорах с американцами в этом отношении.[67] Однако дальше разработки планов «Жиро и Лушер», не имевшие прочной базы в России, в условиях войны пойти не могли.

Большую активность в годы войны проявило «Р. О. Эриксон». Еще в 1916 г. оно заключило договор со своим шведским материнским обществом о создании в России «А. О. телефон и телеграф». В дальнейшем эта идея несколько видоизменилась, и в апреле 1917 г. контора Энглунда в Москве, и ранее связанная с Эриксоном, была преобразована в «Телефоностроительное общество» с капиталом в 2 млн руб., причем половина капитала принадлежала «Р. О. Эриксон».[68] Подготовляя дальнейшие действия, августовское собрание акционеров «Р. О. Эриксон» решило увеличить капитал с 4 до 10 млн руб. и внести в устав право участия в однородных предприятиях. Вслед за тем общество приобрело половину (300 000 из 600 000 руб.) акций общества «Электрическая энергия», производившего гальванические элементы, и ввело в его правление своих представителей.[69]

Из числа русских претендентов впервые выступила группа Второва. Однако, учредив «Электрическое общество Донецкого бассейна», группа потерпела неудачу в описанной выше попытке захватить ВЭК и осталась в общем аутсайдером в электропромышленности.

Наибольшую активность в годы войны проявили Учетный и ссудный и Азовско-Донской банки, группа Гукасова и возглавленные Русско-Азиатским и Торгово-промышленным банками синдикаты «Общества электропередачи силы водопадов» и «Русского общества электрических дорог и электрического освещения».

Учетный и ссудный банк действовал явно в соглашении с германскими электроконцернами. Связи русско-германских обществ с банками претерпели в годы войны большие изменения частично в направлении, выявившемся уже перед войной, главным же образом в связи

---

[67] Там же, л. 5, Лушер — Каменке 15/28.9.1916.

[68] ЛГИА, ф. 1471, оп. 3, д. 23, л. 10, протокол учредительного собрания «Телефоностроительного общества» 29.4/12.5.1917; д. 1, л. 14, доклад правления «Р. О. Эриксон» собранию акционеров 8/21.8.1917.

[69] Там же, д. 61, лл. 19 и 117.

с изменившейся в корне ситуацией. Международный банк, правда, на время усилил свои позиции в ВКЭ, но при реорганизации ВКЭ в ВЭК Министерство торговли и промышленности ограничило его участие всего $^1/_6$ капитала компании, а руководство ее делами перешло к представителям казны. С предприятиями Сименса банк ослабил свои связи еще в предвоенные годы. В годы же войны, как отмечалось, он занял по отношению к ним открыто враждебную позицию, отказываясь выдать замороженные в его депо акции «Сименс-Гальске» и «Сименс-Шуккерт», на которые претендовали Гревениц и Буксгевден, и срывая попытки владельцев обществ провести их фиктивную реорганизацию и тем спасти предприятия от перехода к казне. Банк явно стремился создать возможно больше затруднений для Сименса, рассчитывая этим усилить позиции ВКЭ, а может быть, при случае и использовать акции Гревениц и Буксгевден в своих собственных интересах. Наметившееся было перед войной сближение банка и «Общества 1886 г.» оказалось недолгим. В декабре 1914 г. Е. Г. Шайкевич вышел из правления общества.[70] Порвал с предприятиями Сименса и Частный банк. Разрыв этот определился не сразу. В июне 1915 г. банк принял участие в отмеченном выше договоре о кредите для «Общества 1886 г.». Но в конце 1915 г. банк связался с Оланьоном и стал вынашивать планы строительства в России нового большого электротехнического завода, для которого Сименс был бы уже конкурентом. Поэтому в октябре 1915 г. банк отказал «Сименс-Гальске» в его просьбе дать взаймы процентные бумаги на 1.3 млн руб., необходимые как залог для получения крупного заказа,[71] а в ноябре предложил Давидову выйти из правления обществ Сименса. Придя весной 1916 г. к руководству Частным банком, новая группировка, возглавленная Л. Б. Немировским и М. С. Залшупиным, отказалась от сотрудничества с Оланьоном, но не восстановила и связей с Сименсом. Уже в 1916 г. банк не принял участия в планах выпуска новых акций «Общества 1886 г.»

---

[70] ЛГИА, ф. 1243, оп. 1, д. 1665, л. 5, отчет за 28-й операционный год.

[71] ЦГИА, ф. 597, оп. 2, д. 79, л. 127, протокол правления 9/22.8.1917.

й в синдикате, финансировавшем «Электропередачу», а в августе 1917 г. отказался продлить кредит «Обществу 1886 г.».[72] Причина такого поведения банка лежала, очевидно, в его союзе с группой Гукасова, о чем речь будет ниже. С самого начала войны быстро слабели связи с «Обществом 1886 г.» и у Русского для внешней торговли банка. Его представитель В. И. Тимирязев, вошедший в правление общества в мае 1914 г., а с декабря даже ставший его председателем, уже в сентябре 1915 г. ушел из общества «по занятости».[73] Банк не принял участия и в планах выпуска новых акций общества. Правда, связи банка с «Электропередачей» и РУАК, по-видимому, были сохранены, но они были достаточно слабыми.

Таким образом, все три банка, наиболее причастных к германским электропредприятиям в России, ослабили свои связи с ними в годы войны. Их место занял Учетный и ссудный банк. Трудно сказать, когда именно наметилась тенденция к сближению банка и германских обществ. Возможно, что это имело место еще весной 1914 г. во время переговоров между банком, «Сименс-Гальске» и ВКЭ относительно «Вольты». Дальнейшее сближение произошло во время войны. В 1915 г. банк вошел в число участников договора о кредите «Обществу 1886 г.», а в 1916 г. почти одновременно выступил с планами финансовой реорганизации германских электротехнических и электроэнергетических обществ, имевшими целью защитить их от передачи в казну и охранить интересы прежних германских владельцев. Планы эти рассмотрены выше. Их одновременность (сентябрь 1916 г. — «Тюдор», «Сименс-Гальске», «Сименс-Шуккерт», октябрь — «Общество 1886 г.» и ноябрь — «Электропередача») и однотипность говорят сами за себя. При этом в силу обстоятельств военного времени на долю Учетного банка выпадала гораздо более активная роль в обществах, чем та, которой довольствовались русские банки до начала войны. Особняком в операциях банка стоит перекупка им у Частного банка летом 1916 г. участия

---

[72] ЛГИА, ф. 1243, оп. 24, д. 17, лл. 83—84, протокол правления 9/22.8.1917.

[73] Там же, оп. 1, д. 1742, л. 116, протокол правления 11/24.9.1915.

в планах Оланьона. Может быть, она была осуществлена еще до окончательного соглашения с Сименсом, а может быть, наоборот, в целях устранения его возможного конкурента. Если бы все указанные планы Учетного и ссудного банка были реализованы, он занял бы одно из первых, если не первое, место среди русских банков по связям с электроиндустрией.

Значительно расширились также связи Азовско-Донского банка, причем связи эти устанавливались банком в различных направлениях. С одной стороны, он поддерживал хорошие отношения с «Обществом 1886 г.» и с «Электропроводом», т. е. с германскими кругами. Совместно с Учетным и ссудным банком Азовско-Донской банк собирался осуществлять выпуск акций «Общества 1886 г.» в октябре 1916 г. В то же время банк являлся крупным акционером «Р. О. Эриксон» и содействовал проведению операций «Жиро и Лушер». Пожалуй, наиболее тесными были связи банка со шведскими электротехническими фирмами. Кроме участия в делах «Эриксона» банк имел какое-то отношение к учреждению в мае 1917 г. общества электромеханических заводов «Магнит», перенявшего в России имущество шведских обществ «Лут и Розен», «Людвигсберг» и «Седерблум».[74] Наконец, к банку в 1917 г. перешло «Общество электрических дорог», о чем мы еще будем говорить.

Деятельность группы Гукасова

Как отмечалось в главе III, к началу 1914 г. в руках группы Гукасова находились общества «Рускабель» и «Динамо». Кроме того, ею было заключено соглашение с владельцами Хотских рудников об образовании акционерного общества для их эксплуатации. Поставив, очевидно, перед собой цель создать вполне независимую группу предприятий, производящих все основные виды электротехнического оборудования, Гукасов вскоре после начала войны стал прилагать усилия для захвата предприятий вспомогательных отраслей. Первым на его пути оказался небольшой завод аккумуляторов торгового дома

[74] ЦГИА, ф. 616, оп. 1, д. 58, лл. 40—43, протокол учредительного собрания «Магнит».

«Бардт, Ринге и К⁰». В 1915 г. В. Л. де Бур и М. С. Залшупин учредили с капиталом в 150 000 руб. общество «Бета», которое и приобрело этот завод.[75] Доля Залшупина была небольшой, но уже следующее приобретение группы привело к усилению его роли.

Созданное в 1912 г. «Петербургское арматурно-электрическое общество» не имело твердого хозяина. И. Ф. Гиндин полагает, что оно входило в сферу влияния Азовско-Донского банка. Возможно, что первоначально банк действительно был причастен к делам общества (и, в частности, входил в синдикат по выпуску его акций). Затем, однако, банк отказался от поддержки «Арматурно-электрического общества». В конце 1913—начале 1914 г. общество вело переговоры о продаже контрольного пакета своих акций Ампену. Переговоры задерживались из-за наличия неразобранных акций общества, что внушило Ампену сомнения в его ценности. С предложениями купить временно эти акции представители общества обращались в Частный банк, обещая за это перевести в него все свои финансовые операции.[76] Судьба предложения нам неизвестна, но оно показывает, что Азовско-Донской банк не был заинтересован в обществе, иначе тому не пришлось бы обращаться к Частному банку. С 1915 г. из числа акционеров общества исчезает и представитель Лионско-Марсельского банка гр. Шевильи. Зато в составе правления появляются представители Русско-Французского банка Д. Л. Рубинштейн и Б. Я. Поляков.[77] Рубинштейн захватил общество, явно преследуя спекулятивные цели, и уже в феврале 1916 г. оно перешло к гукасовской группе. На собрании акционеров 28.2/12.3.1916 половина акций «Арматурно-электрического общества» находилась в руках Б. Л. де Бура, а значительные пакеты у М. С. Залшупина, А. И. Светилицкого и Е. И. Гонцкевича. Кроме того, около 30% акций сохранял за собой бывший владелец предприятия Л. О. Киршнер и, наконец, в числе акционеров был горный инженер Н. Я. Курбатов, возможно связанный с Гу-

[75] ЦГИА, ф. 23, оп. 14, д. 625, лл. 3—4, устав общества «Бета»; л. 59, протокол собрания акционеров 15/28.10.1915.

[76] ЦГИА, ф. 597, оп. 2, д. 359, лл. 22—23, справка секретариата банка 4/17.3.1914.

[77] ЦГИА, ф. 23, оп. 28, д. 1607, лл. 8—9, протокол собрания акционеров 11/24.1.1915.

касовым.[78] В новое правление вошли Б. Л. де Бур (председатель), Е. И. Гонцкевич, Л. О. Киршнер, Н. Я. Курбатов, В. Л. де Бур. Кроме того, в ревизионной комиссии состояли В. И. Гонцкевич, О. Л. де Бур и бухгалтер «Рускабеля» и «Динамо» И. П. Сермукс. Нам кажется вероятным, что общество попало к Гукасовым через группу Залшупина, представитель которой М. М. Горбов и раньше входил в правление «Арматурно-электрического общества». Уступив Гукасову руководящую роль в «Арматурно-электрическом обществе», Залшупин вместе с Гонцкевичем получил взамен около 10% акций «Рускабеля».[79] В том же 1916 г. группа Гукасова захватила аккумуляторный завод «Рекс». Патронировавшие общество Русско-Азиатский и Торгово-промышленный банки в годы войны в силу каких-то неизвестных обстоятельств потеряли интерес к обществу. В августе 1916 г. Русско-Азиатский банк списал со своих счетов участие в обществе «Рекс»,[80] и сразу вслед за тем 9/22.8.1916 Частный банк открыл «Арматурно-электрическому обществу» кредит под залог акций «Рекс».[81] Этим временем, видимо, и можно датировать переход «Рекс» в руки гукасовской группы. На чрезвычайном собрании акционеров 24.9/7.10.1916 Б. Л. де Бур и Л. О. Киршнер, располагавшие 4280 акций из 8856 (принадлежность остальных неизвестна), были избраны в члены правления «Рекс» (причем Б. Л. де Бур стал его председателем), кандидатом в члены правления был избран Н. Я. Курбатов.[82] На собрании 31.8/13.9.1917 Б. Л. и В. Л. де Буры, Л. О. Киршнер, Н. Я. Курбатов, Е. И. Гонцкевич и М. О. Золотарев располагали уже 9021 акцией из 9446.[83] В 1916 г. состоялось учреждение «Кавказского горнопромышленного общества Хот».[84]

---

[78] Там же, оп. 12, д. 1478, лл. 74—75, протокол собрания акционеров 28.2/12.3.1916.

[79] Там же, оп. 14, д. 258, л. 83, список акционеров 31.5/13.6.1916.

[80] ЦГИА, ф. 630, оп. 3, д. 94, сортовая книга акций; л. 61.

[81] ЦГИА, ф. 597, оп. 2, д. 80, л. 188, протокол правления 9/22.8.1916.

[82] ЛГИА, ф. 1369, оп. 1, д. 13, л. 17, протокол собрания акционеров, 24.9/7.10.1916.

[83] Там же, д. 14, л. 17, список акционеров 31.8/13.9.1917.

[84] ЦГИА, ф. 23, оп. 12, д. 2271, л. 2, проект устава общества; л. 73, список акционеров 13/26.9.1916.

Таким образом, к середине 1916 г. в руках Гукасовых, сохранивших, судя по составу правлений и акционеров, главенствующую роль в своем сотрудничестве с Залшупиным, сосредоточилось пять электротехнических предприятий: кабельное — «Рускабель», электротехническое — «Динамо», аккумуляторные — «Рекс» и «Бета» (последнее — незначительное), вспомогательное «Арматурно-электрическое общество» и мededобывающее «Общество Хот». Головным предприятием группы являлся «Рускабель», выступавший прямо (как в «Динамо») или через своего директора Б. Л. де Бура владельцем решающих пакетов акций остальных предприятий группы. «Рекс», возможно, являлся как бы внучатым предприятием, акции которого находились у «Арматурно-электрического общества». Руководство предприятиями также было объединено практически в одном центре: Б. Л. де Бур был председателем правления трех обществ и фактически председателем правления четвертого — «Динамо», где формально он был вице-председателем при П. О. Гукасове. Сведений о составе правления «Беты» у нас не имеется. П. И. Сермукс являлся бухгалтером «Рускабеля» и «Динамо» и членом ревизионной комиссии «Арматурно-электрического общества» и «Общества Хот». (Он являлся также членом ревизионной комиссии Залшупинского 3-го общества взаимного кредита). Сведений о «Рекс» и «Бета» в этом отношении у нас нет. В состав правлений предприятий группы входили директора «Рускабеля» — А. П. Гукасов и П. Ф. Ольгин (оба «Динамо» и «Хот»), В. Л. де Бур («Арматурно-электрическое общество»). В свою очередь директор «Арматурно-электрического общества» Л. О. Киршнер вошел в правление общества «Рекс». Необходимые кредиты выдавались обществам под векселя «Рускабеля».[85] На основании вышеизложенного можно, как нам кажется, говорить о создании Гукасовым русского объединения в области электротехники, приближающегося по своей организации к концерну.

При той активной деятельности, которую развернул Гукасов по созданию монополистического объединения в электротехнической промышленности, Волжско-Камский

[85] ЦГИА, ф. 595, оп. 2, д. 223, лл. 138—139, протокол заседания в правлении банка 14/27.6.1916.

банк, так до конца и не перестроившийся на современный лад, был плохим союзником. Создание концерна и конкурентная борьба, которую вело «Динамо» против ВКЭ и «Сименса», требовали значительных средств, и в июне 1916 г. «Динамо» вновь ощутило необходимость в кредите. Однако Волжско-Камский банк выразил недовольство ведением дел общества и потребовал дополнительных гарантий. П. О. Гукасов немедленно ответил, что он, собственно, может обратиться за кредитом и в другие банки. Если и раньше Гукасов мог не допускать перехода руководства обществом к банку (иначе банк не выражал бы недовольства ведением дел), то теперь, имея возможность сотрудничать с Частным банком, он, конечно, тем менее склонен был идти на уступки. Поэтому уступать должен был Волжско-Камский банк, заявивший, что он готов еще раз дать кредит под векселя «Рускабеля», а если условия кредита Гукасову не подойдут, решено было ликвидировать участие банка в «Динамо» и продать его акции. По-видимому, условия банка Гукасову не подошли, так как в январе 1917 г. он обратился за деньгами в Торгово-промышленный банк. Гукасов явно не хотел повторять опыта с Волжско-Камским банком и сосредоточивать все операции в одном месте. Торгово-промышленный банк предоставил кредит в форме онкольного счета «Рускабеля», обеспеченного акциями «Динамо» нового выпуска.[86] Однако сотрудничество с этим банком было непродолжительным, и он в октябре 1917 г. настаивал на погашении долга.[87] Кредиты группе Гукасова предоставляли, как указывалось выше, Частный, а также и Русско-Азиатский банки.

Собирая различные ранее независимые предприятия в свою группу, Гукасов до 1917 г. избегал открытого нападения на германские электропредприятия и не вступал из-за них в соперничество с другими претендентами. Но в 1917 г. он сделал попытку захватить общество «Тюдор», что в случае удачи обеспечивало бы ему полную монополию в производстве аккумуляторов. После того как планы спасения «Тюдора» с помощью Учетного

---

[86] ЦГИА, ф. 634, оп. 1, д. 247, л. 1, «Рускабель» — Торгово-промышленному банку 11/24.1.1917.

[87] Там же, л. 9, выписка из протокола заседания правления банка 8/21.11.1917.

и ссудного банка провалились и Совет министров постановил ликвидировать общество, в качестве претендентов на наследство выступили две группировки. Одна, включавшая большинство членов правления «Тюдора», представляла интересы французского общества «Тюдор», выразившего желание купить русское предприятие.[88] Этот план являлся еще одной попыткой спасти германское влияние на общество, поскольку французский «Тюдор» был дочерним предприятием германского. Другую группировку, от имени которой выступал член правления Б. А. Винтергальтер, возглавили Гукасовы. Согласно заявлению Винтергальтера капитал в 3.5 млн руб., выделенный для учреждения общества «Русский аккумулятор», которое хотело перекупить завод «Тюдора», был составлен следующим образом: А. О. и Я. О. Гукасовы — 1 млн руб., Е. И. Гонцкевич — 0.5 млн руб., представители Русско-Французского банка Н. С. Злотопольский, В. М. Баржанский и С. Г. Будагов — 0.7 млн руб., К. И. Гучков и Н. М. Гинзбург — по 0.5 млн руб., И. А. Кистяковский и Д. Е. Вайман — по 0.1 млн руб.[89] В списке, который приводился в контрзаявлении Элебена, эта группа выглядела несколько иначе: Гукасов, Гучков, Гинзбург, Кистяковский, Залшупин, Шуберский, что не меняет существа дела, ибо Залшупин являлся союзником Гонцкевича, а В. П. Шуберский членом правления Русско-Французского банка. Появление в числе союзников Гукасова Русско-Французского банка можно объяснить двумя причинами: во-первых, А. О. Гукасов был одним из крупнейших акционеров и руководителей Русско-Французского банка; а во-вторых, с этим банком были тесно связаны Залшупин и его союзники. Попытка захватить «Тюдор» потерпела неудачу. Однако сформирование в русской электропромышленности летом 1917 г. блока Гукасов—Частный банк—Русско-Французский банк могло означать создание крупного объединения, включавшего наряду с гукасовским концерном предприятия, принадлежавшие Частному банку («Общество городских и подъездных путей», владевшее трамваем в Жито-

[88] ЦГИА, ф. 23, оп. 28, д. 2254, л. 110, заявление Гернета, Элебена и др. в Особое делопроизводство по надзору за торгово-промышленными предприятиями 4/17.7.1917.

[89] Там же, л. 125, заявление Винтергальтера в особое правление «Тюдор» 10/23.7.1917.

мире и обладавшее правом участия в однородных предприятиях) и Русско-Французскому банку («Русское общество электрических сооружений»[90] в Павловске и «Елисаветградское электрическое общество»).

Борьба «Общества электропередачи силы водопадов» и «Иматры» в годы войны. Планы деятельности «Общества электрических дорог»

Начавшаяся война изменила соотношение сил в борьбе «Иматры» и «Общества электропередачи» и привела к отказу последнего от соглашения с германо-бельгийским блоком, подготовленного летом 1914 г. Но перед обществом и действовавшими за его спиной банками по-прежнему стояли нерешенные проблемы финансирования строительства и привлечения к нему солидных электротехнических фирм. Поэтому петроградские банки продолжали искать возможностей сговориться с «Иматрой», но уже на более выгодных условиях. Такая возможность обусловливалась прежде всего сохранением столичных осветительных обществ. В связи с этим в марте 1915 г. правление «Общества электропередачи» подало докладную записку председателю Совета министров, в которой изложило свой план решения вопроса о судьбе этих обществ. Оно выступило против передачи предприятия «Общества 1886 г.» казне или городскому управлению, заявляя, что такая передача невыгодна, и предложило учредить для эксплуатации этого предприятия новое общество.[91] Одновременно выступили с заявлением входившие в синдикат «Общества электропередачи» Русско-Азиатский, Торгово-промышленный, Международный и Русский для внешней торговли банки, а также Учетный и ссудный банк, которые уже от своего имени подчеркнули, что «единственным выхо-

---

[90] В 1916 г. «Русское общество электрических сооружений» попыталось захватить часть германского наследства и просило зачислить его соискателем на приобретение киево-святошинской дороги, Двинской электростанции и предприятия «Белостокского электрического общества» (ЦГИА, ф. 23, оп. 28, д. 1172, л. 43).

[91] ЦГИА, ф. 1276, оп. 10, д. 846, л. 165—167, докладная записка правления «Общества электропередачи» председателю Совета министров 2/15.3.1915.

дом из создавшегося положения действительно является создание русской финансовой группой нового русского общества, ставящего своей задачей снабжение столиц и их пригородов электрической энергией. Этому обществу должны перейти как предприятия «Общества 1886 г.», так и имущество, принадлежащее «Петроградскому обществу электропередачи силы водопадов»; это же общество произвело бы соответствующий расчет по акциям «Общества 1886 года».[92] У этого демарша был двойной смысл. С одной стороны, русские банки делали попытку распространить свое влияние на все предприятия «Общества 1886 г.» в Петрограде и в Москве и овладеть решающими позициями в энергетическом хозяйстве обеих столиц. С другой стороны, банки, без сомнения, произвели бы «соответствующий расчет» по акциям «Общества 1886 г.» на гораздо более выгодных условиях, чем правительство. Не надо забывать, что в этот же самый день те же самые банки представили в Совет Министров еще одно заявление, в котором доказывали, что национальность акционеров «Общества 1886 г.» не имеет никакого значения. Весьма вероятно, что бывшие владельцы «Общества 1886 г.» были бы хотя бы частично компенсированы акциями нового общества. В том, что это обстояло именно так, можно убедиться и из переговоров, проходивших весной—летом 1915 г. между «Иматрой» и «Обществом электропередачи» о совместной эксплуатации водопадов Вуоксы и Волхова. Проект соглашения, представленный «Иматрой», предусматривал, что оба общества будут строить свои электростанции самостоятельно, а для передачи энергии в Петроград и для ее продажи учредят общее предприятие, в котором будут объединены усилия обеих финансовых групп. При этом первой должна быть построена электростанция «Иматры», а строительство второй станции должно начаться не раньше, чем мощность первой достигнет 65 000 квт. Таким образом, соглашение фактически прикрывало бы авторитетом русского общества строительство германо-бельгийского предприятия. Компенсацией за это должен был служить отказ «Иматры» от поставок электроэнергии железным дорогам и трамваю, зарезервированным

---

[92] Там же лл. 162—164, заявление правлений группы банков председателю Совета министров 2/15.3.1915.

для будущей станции «Общества электропередачи» на Волхове.[93] Весь этот проект, насколько известно не утвержденный сторонами, оставался дележом шкуры неубитого медведя, поскольку ни «Иматра», ни «Общество электропередачи» не имели еще бесспорных концессий на строительство станций, а один из основных объектов дележа — поставки электроэнергии для железных дорог — мог приобрести значение лишь в неопределенном будущем, ибо их электрификация была только-только запланирована. Но выработанный «Иматрой» проект показывал, что соотношение сил в борьбе двух группировок все еще было в пользу «Иматры».

Какое-то соглашение было достигнуто 1/14.7.1916. Дата эта установлена на основании письма правления «Общества электропередачи» обществу «Форс» о получении 300 000 финских марок, которые первое расценивало как платеж по соглашению от 1/14 июля.[94] По-видимому, в основу соглашения лег проект 1915 г. Соглашение предусматривало создание общества «Водопад» и строительство гидростанции на Вуоксе с передачей ее тока в кабельную сеть старых осветительных обществ.[95] «Общество электропередачи» вносило в этот союз свое «русское происхождение», без которого нельзя было рассчитывать на разрешение правительства, а общество «Форс» — связи с германо-бельгийскими обществами, без которых такое разрешение осталось бы пустой бумажкой, ибо пришлось бы, что было совершенно нереально, заново создавать всю городскую кабельную сеть. Важным моментом в этом проекте было также то, что если бы правительство дало на него свое согласие, владельцы «Водопада» получили бы основания вмешиваться и в вопрос о судьбе старых станций осветительного картеля. Но обсуждавшая вопрос о разрешении нового общества комиссия при Военном министерстве справедливо усмотрела в нем угрозу

---

[93] ЦГИА, ф. 630, оп. 2, д. 657, лл. 298—301, проект контракта о совместном использовании водопадов Вуоксы и Волхова 3/16.6.1915.

[94] Там же, д. 658, л. 399, «Общество электропередачи» — «Форс» 8/21.10.1916.

[95] ЦГИА, ф. 1276, оп. 12, д. 604, лл. 6—10, журнал Междуведомственной при Военном министерстве комиссии по обсуждению вопроса об использовании энергии водопадов Вуоксы 9/22.11.1916.

восстановления германского господства и отвергла представленный проект, решив строить гидростанцию казенным порядком.

Параллельно с переговорами с «Иматрой» Русско-Азиатский банк не оставлял попыток привлечь к «Обществу электропередачи» и французские или англо-американские круги. Успех такой попытки мог бы изменить соотношение сил в борьбе с «Иматрой» и, естественно, условия соглашения с ней. Кроме того, банк, вложивший в «Общество электропередачи» немалые средства, стремился вернуть их при перепродаже общества иностранной финансовой группировке.

С этой целью были проведены переговоры в США, которые вели с американской стороны некий Фридлянд, а с русской — представитель России в США профессор Б. А. Бахметьев, являвшийся одновременно вице-председателем правления «Общества электропередачи» и давно уже связанный с планами Путилова в области электроэнергетики. На этот раз делом заинтересовались действительно крупные фирмы. В их число входили «Корпорация Стоун и Вебстер», примыкавшая к «Нейшнл сити банк», «Инженерная корпорация Пирсон» — одна из наиболее крупных фирм по строительству электростанций в США, «Соединенная корпорация газа и электричества», связанная с «Дженерал электрик», «Электрик бон энд шер компани» и др.[96] Несколько различавшиеся варианты американских предложений сводились в общих чертах к следующему: учреждалось американское общество для переема акций «Гидроэлектрического общества» (см. главу III) и для строительства гидростанции на Вуоксе. Капитал нового общества составлялся из привилегированных акций на 6 млн долларов и обыкновенных акций на 10 млн долларов. И те и другие акции были даровыми и передавались «Гидроэлектрическому обществу» в обмен на его акции и банковскому «гарантийному тресту» за реализацию облигаций на 9 млн долларов. При этом «гарантийный трест» получал привилегированные акции на 2 и обыкновенные на 5 млн долларов. Облигации предназначались для строительства станции на Вуоксе, а для

---

[96] ЦГИА, ф. 630, оп. 2, д. 663, лл. 23—28, «Инженерная корпорация Пирсон» — Фридляпду 12/25.8.1916; лл. 31—52, памятная записка для Русско-Азиатского банка 30.8/12.9.1916.

строительства в будущем станций на Лиинакоски и на Волхове «трест» имел право (но не был обязан) выпустить облигации еще на 16 млн долларов. Пакет акций, полученных «гарантийным трестом», распределялся между русскими и американскими банками в пропорции 3 : 7 (кроме того, Русско-Азиатский банк получал еще из этого пакета акции на 500 000 долларов в погашение задолженности ему со стороны «Общества электропередачи»), но в подписке на облигации русские банки должны были участвовать на 75%. Все земляные работы должны были исполняться на средства русских банков, а американские фирмы уже по исполнении земляных работ поставляли бы необходимое оборудование. Короче говоря, русские банки не получали наличными никаких средств и должны были взять на себя весь риск ведения дела.[97] Неудивительно, что эти американские предложения вызвали отрицательное отношение Русско-Азиатского банка.

Отказ комиссии при Военном министерстве утвердить устав общества «Водопад», сорвавший соглашение с «Иматрой» и неудачные попытки привлечь капиталы из стран Антанты подорвали интерес Русско-Азиатского банка к «Обществу электропередачи».[98] Баланс общества на 31.12.1916/13.1.1917 показал чистый убыток в 1 150 386 руб. Его задолженность Русско-Азиатскому банку составила 819 756 руб. и «Гидроэлектрическому обществу» еще 102 042 руб.[99] В таких условиях Русско-Азиатский банк решил если не совсем ликвидировать дело, то во всяком случае сократить его и попытаться покрыть убытки распродажей части земельных владений. В делах банка сохранился черновик письма Ратнеру, составленный в конце 1916—начале 1917 г., в котором банк выражал готовность продать водопад Раухиала.[100] Последовавшая

---

[97] Там же, д. 658, лл. 293—296, докладная записка (без даты и подписи); д. 663, лл. 31—52, памятная записка для Русско-Азиатского банка 30.8/12.9.1916.

[98] Другие банки, видимо, вышли из игры еще раньше. Даже Торгово-промышленный банк в конце 1915 г. отказался впредь финансировать общество (ЦГИА, ф. 630, оп. 2, д. 659, л. 112).

[99] ЦГИА, ф. 630, оп. 2, д. 658, лл. 419—420, баланс «Общества электропередачи» на 31.12.1916/13.1.1917.

[100] Там же, л. 430, проект письма «Общества электропередачи» Ратнеру (без даты, срок предоставляемого опциона 1/14.4.1917).

Февральская революция и резкое усиление антирусских настроений в Финляндии еще более укрепили банк в его намерениях, и он теперь готов был продать и водопады Лиинакоски.[101] Широко задуманный план «Общества электропередачи» потерпел провал.

Весьма далеко идущие планы вынашивал во время войны и синдикат «Общества электрических дорог», действовавший практически в том же составе, что и группировка «Общества электропередачи», только включавший также Частный и Сибирский банки. Летом 1916 г. правление общества представило участникам синдиката доклад, в котором намечало ряд шагов по захвату электроэнергетических и трамвайных предприятий. Боясь «больших жертв и усилий», которых потребовало бы создание электропредприятий, правление предлагало начать со скупки уже существующих предприятий. В то же время оно наметило и ряд объектов будущего строительства — электрические железные дороги Петроград—Лемболово и Петроград—Мельничьи ручьи, трамвай и электрическое освещение в Новороссийске, Баку, Хабаровске, Иркутске, Пензе, в городах кавказской минераловодской группы и т. д.[102] Однако в ноябре срок действия синдиката истек и не был возобновлен, хотя незадолго до того Дени писал Торгово-промышленному банку, что у него есть интересные проекты для «Общества электрических дорог».[103] Акции общества были распределены между участниками синдиката, а вслед за тем Русско-Азиатский банк продал свой пакет Азовско-Донскому банку.[104] Причины роспуска синдиката неизвестны. По времени он совпадал с началом отказа Русско-Азиатского банка от дел «Общества электропередачи». Возможно, что банк вообще отходил от электрических дел в петроградском районе, разуверившись в их перспективности.

---

[101] Там же, л. 429, «Общество электропередачи» — «Электрометаллургическому обществу» 15/28.6.1917.

[102] ЦГИА, ф. 597, оп. 2, д. 453, лл. 30—36, протокол частного совещания участников синдиката акций «Общества электрических дорог» 1/14.7.1916.

[103] ЦГИА, ф. 630, оп. 2, д. 667, лл. 29 и 30, Торгово-промышленный банк — Русско-Азиатскому банку 28.9/11.10 и 18.11/1.12.1916.

[104] Там же, оп. 3, д. 133, л. 81, счет участия в синдикате «Общества электрических дорог».

Азовско-Донской банк, наоборот, расширял свое участие в электрических делах. В декабре 1916 г. он купил у Дени большинство акций общества «Ириновско-Шлиссельбургской дороги»[105] (которую, очевидно, и имел в виду Дени, когда писал об интересном проекте для «Общества электрических дорог»). В феврале 1917 г. собрание «Общества электрических дорог» постановило купить у Дени права на «Общество петроградских электрических подъездных путей», приобретенные им у Липского и Белова.[106] В июне 1917 г. правление «Общества электрических дорог» заявило, что оно, планируя послевоенную деятельность общества, обследовало существующие станции в Богородске, Житомире и Каменец-Подольске и на Ириновско-Шлиссельбургской дороге и составило проекты новых станций в Павловске, Баку, Новороссийске и на дороге Петроград—Юкки.[107] Дальше планов, однако, дело не пошло.

Некоторые итоги

Первая мировая война внесла очень большие изменения в расстановку сил в электроиндустрии. Позиции германских предприятий были ослаблены как экономически, в результате разрыва связей с материнскими обществами, так и политически, в результате мер, направленных на ограничение и ликвидацию прав подданных воюющих с Россией государств. На время создались наиболее благоприятные условия для деятельности русского финансового капитала. В борьбе за «германское наследство» столкнулись интересы казны, широко практиковавшей в годы войны государственно-монополистические формы хозяйства, муниципальных властей, различных группировок русского, а также представителей иностранного (союзного) капитала.

Вопрос о судьбе германских электротехнических предприятий был решен в основном в пользу государст-

---

[105] ЦГИА, ф. 616, оп. 1, д. 494, л. 1, Балаховский — Азовско-Донскому банку 15/28.12.1916.

[106] Там же, д. 511, лл. 51—52, протокол собрания акционеров «Общества электрических дорог» 28.2/13.3.1917.

[107] Там же, л. 59, доклад правления «Общества электрических дорог» собранию акционеров 23.6/6.7.1917.

венно-монополистического пути. Попытки владельцев «Сименс-Гальске», «Сименс-Шуккерт» и ВКЭ избежать ликвидации, замаскировав германский состав акционеров этих обществ, в конечном счете потерпели неудачу. Не принесли успеха и выступления Учетного и ссудного банка в отношении предприятий Сименса и Международного банка в отношении ВКЭ. Банки выступали с предложениями об увеличении капиталов этих обществ, чтобы создать видимость русского большинства в них и увеличить влияние в них упомянутых банков. После долгих колебаний правительство приняло решение о ликвидации германских обществ и создании на их базе новых, в которых казна сохраняла за собой 35% акций.

Значительно усилилась группа Гукасова, развивавшаяся по пути превращения в первый русский электротехнический концерн. К входившим в эту группу до войны «Рускабелю» и «Динамо» были присоединены аккумуляторные общества «Рекс» и «Бета», «Арматурно-электрическое общество» и «Общество Хот». В 1917 г. группа Гукасова в союзе с новыми владельцами Частного банка сделала попытку захватить завод ликвидированного общества «Тюдор». Участие в борьбе за влияние на электроиндустрию приняла также группа Второва. Она учредила «Электрическое общество Донецкого бассейна» и сделала попытку захватить ВКЭ.

Значительно изменились позиции банков в электропромышленности. Связи Международного, Частного и Русского для внешней торговли банков с германскими электроконцернами сильно уменьшились. Международный банк активно препятствовал во время войны попыткам спасти от ликвидации предприятия Сименса, Частный банк установил связи с группой Гукасова, а Русский для внешней торговли банк, насколько можно судить, вообще сократил связи с электропредприятиями. На первое место в отношениях с германскими электротехническими обществами вышел Учетный и ссудный банк. Значительно активизировался Азовско-Донской банк. Он укрепил свои позиции в обществе «Эриксон», захватил «Общество электрических дорог», поддерживал действия французской группы «Жиро и Лушер», расширил связи с «Обществом 1886 г.».

Война изменила ход борьбы за электроэнергетические предприятия Петрограда, которую синдикат «Об-

щества электропередачи» во главе с Русско-Азиатским банком вел против германо-бельгийского блока «Иматры». Однако как раз ход этой борьбы показал, что даже во время войны русский капитал в электропромышленности экономически был еще слабее германского, и только чрезвычайная политическая обстановка давала ему возможность добиваться успеха. Летом 1914 г. группа «Общества электропередачи» стояла перед поражением, предотвращенным только войной. Переговоры между Русско-Азиатским банком и различными французскими, английскими и американскими финансовыми кругами в 1914—1916 гг. не привели к укреплению финансовой базы «Общества электропередачи», и оно летом 1916 г. было вынуждено подписать соглашение с германо-бельгийским блоком, которое ставило общество в подчиненное положение.

В годы войны над русской электроиндустрией нависла новая угроза. В условиях хозяйственной разрухи царское, а особенно Временное правительство планировали широкое привлечение в русскую промышленность иностранного, в первую очередь американского, капитала. Последнему удалось получить в 1917 г. $^1/_3$ акций ВЭК. Большую заинтересованность проявили американские монополии в вопросе об электрификации железных дорог, крупные электротехнические и гидростроительные фирмы пытались внедриться в энергетическую промышленность Петрограда. В то же время все мероприятия царского и Временного правительства не давали гарантии, что после окончания войны германские концерны не предпримут попытки восстановить свои позиции.

Только Великая Октябрьская социалистическая революция положила конец господству иностранных (как и русских) монополий в электроиндустрии. Декретами Советского правительства от 17/30.12.1917, 4/17.2.1918 и 18.1.1919 (н. ст.) предприятия электротехнической и электроэнергетической промышленности были национализированы. В истории электропромышленности России началась новая эпоха.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Капиталовложения в электроиндустрию и электрический транспорт занимали видное место в общей сумме иностранных инвестиций в России. Принимая, за неимением других общих данных по иностранным капиталовложениям, цифры, приводимые Олем,[1] и сравнивая их с нашими подсчетами по электропромышленности и транспорту, получаем следующие результаты.

Годы	Общий прирост иностранных капиталов, млн руб.	В том числе в электроиндустрию	
		млн руб.	% от общего
1895—1899	489.9	45.2	9.2
1900—1903	237.4	34.5	14.5
1904—1909	285.7	78.6	27.5
1910—1914	382.7	94.2	10.3
Всего инвестиций, включая предшествующий период	2125.1	251.5	11.8

Из приведенных цифр видно, что удельный вес электроиндустрии и транспорта был значительно выше в годы кризиса и депрессии, чем во время промышленных подъемов. Это объясняется тем, что сокращение притока капиталов из-за границы не затрагивало предприятий электрического освещения и трамвая, обладавших гораздо

[1] П. В. Олъ. Иностранные капиталы в народном хозяйстве довоенной России. Л., 1925, стр. 12—13.

более постоянной доходностью. Капиталовложения в собственно электротехническую промышленность были подвержены тем же колебаниям, что и инвестиции в другие отрасли индустрии. Но так как бóльшая часть средств вкладывалась в России именно в осветительные и трамвайные предприятия, это и нашло свое отражение в вышеприведенной таблице.

Большой интерес представляет попытка подсчитать средства, вывезенные иностранными монополиями из России. Сделать это хотя бы с некоторым приближением к истине в масштабах всей электропромышленности не представляется возможным. Отчетность акционерных обществ составлялась таким образом, чтобы скрыть подлинные доходы, и разобраться в ней часто оказывалось не под силу специальным налоговым управлениям. Кроме того, по целому ряду обществ даже официально публикуемые данные балансовых отчетов имеются не за все годы их деятельности. Тем не менее по основным, наиболее крупным и показательным обществам можно сделать хотя и неполный и не вполне точный, но очень интересный подсчет.

По данным «Общества 1886 г.», оно получило (со дня основания по 1914 г.) 43 599 474 руб. прибыли. Капитал общества составлял 50 млн руб., но последний выпуск акций на 10 млн руб. был размещен в июле 1914 г. и целиком остался в портфеле Немецкого банка.[2] Следовательно, указанная выше прибыль шла на капитал в 40 млн руб. и превысила общую сумму средств, вложенных в общество. Из указанной прибыли производились отчисления в запасный и амортизационный капиталы, но все эти фонды хранились в Германии и остались там после начала войны, из-за чего сразу же после начала военных действий «Общество 1886 г.» вынуждено было прекратить все работы по расширению предприятия[3] и искать средства у петербургских банков.[4] Поэтому можно утверждать, что вся эта сумма поступила в распоряжение владельцев общества, за исключением прибыли за вторую половину 1914 г., т. е. около 3.4 млн руб.

---

[2] ЛГИА, ф. 1243, оп. 1, д. 1614, л. 337, справка о выпуске акций 1914 г.

[3] Там же, д. 1680, л. 39, протокол правления 25.7/7.8.1914.

[4] Там же, д. 1742, лл. 93—94, копия договора общества с синдикатом банков, 1915 г.

Этим, однако, не исчерпываются прибыли, полученные германскими хозяевами «Общества 1886 г.». На всем протяжении своей деятельности оно состояло крупным должником Немецкого банка и берлинского «Сименс-Гальске», покрывая долги после очередного выпуска акций. В 1899 г. общество получило от консорциума германских банков заем на сумму в 7 млн руб. из 6%, постепенно этот долг возрос до 8.48 млн руб.[5] По этому займу общество выплатило процентов в 1901 г. 325 866 руб.[6] и в 1903 г. — 509 676 руб.[7] Разница объясняется увеличением долга и временным снижением процентов в 1900—1901 гг. Поскольку условия займа в 1900 г. совпадали с 1901 г., а в 1902 — с 1903 г., мы можем, добавив приблизительно 150 000 руб. за полугодие 1899 г., получить общую сумму выплаченных «Обществом 1886 г.» процентов по этому займу, которая составит около 1.8 млн руб. Таким же образом подсчитанные проценты по займам 1908 и 1913 гг. составят соответственно 200 000 и 400 000 руб.[8] Наконец, общество уплатило этим же банкам за комиссию при выпусках акций примерно 600 000 руб. Общий итог наших исчислений видимых прибылей равняется, следовательно, 43.18 млн руб. Иными словами, владельцы «Общества 1886 г.» уже к началу первой мировой войны не только полностью вернули вложенный капитал, но и получили сверх него около 3 млн руб.

«Общество 1886 г.» не было исключением. По данным официальных отчетов «Киевского электрического общества», оно получило (со дня основания по 1913 г.) 3 397 814 руб. прибыли. При этом надо учесть, что общество явно показывало прибыль уже после отчислений в запасный и амортизационный капиталы; в целом ряде случаев сумма дивиденда не только полностью поглощала, но и превышала показанную чистую прибыль. Поэтому к приведенной выше сумме следует прибавить

---

[5] Там же, д. 110, лл. 54—56, проект договора, ноябрь 1898 г.; д. 378, л. 8 «Индэлек» — «Обществу 1886 г.» 30.11/13.12.1902.

[6] Там же, д. 311, л. 99, отчет за 1901 г.

[7] Там же, д.507, л. 72, отчет за 1903 г.

[8] Там же, д. 828, л. 79, «Общество 1886 г.» — Немецкому банку 3/16.4.1908; д. 1041, л. 5, отчет за 1909 г.; д. 1540, л. 23, протокол правления 2/15.3.1913; лл. 74—75, протокол правления 31.12.1913/13.1.1914.

2 283 000 руб. амортизационных и запасных средств, хранившихся в берлинском «Гезфюрэль», а также 500 000 руб., переведенных «Киевским обществом» в Берлин в июне 1914 г. сверх дивиденда за 1913 г.[9] Таким образом, общая сумма доходов, полученных германскими владельцами «Киевского общества», составит по самым скромным подсчетам 6.18 млн руб. при капитале в 6 млн руб.

Бакинское общество «Электрическая сила» в течение нескольких лет находилось в трудном финансовом положении, поэтому его официально показанная прибыль до перехода общества в руки синдиката «Самур-Баку» составила около 2.95 млн руб., из которых на долю германских акционеров приходилось примерно 1.5 млн руб. Но к этому нужно добавить еще около 2 млн руб. процентов по займу, предоставленному Немецким банком в 1904 г. и погашенному лишь в 1912 г.[10] В конце 1913 г., как указывалось, германские владельцы продали свои акции на 6.581 млн руб. номинальных за 8.941 млн руб. синдикату «Самур—Баку», в котором сами участвовали в размере 25.5%. Произведя подсчет с учетом этого участия, а также с учетом дважды производившегося списания капитала на покрытие убытков, мы получили, что за 8.5 млн руб., вложенных германскими банками и электроконцернами в «Электрическую силу», они получили к 1914 г. 10.2 млн руб. деньгами и на 1.2 млн руб. номинальных акциями этого общества.

Аналогичные подсчеты в отношении «Бельгийского общества электрического освещения Петербурга» и «Петербургского общества электрических сооружений» показывают, что и эти общества по крайней мере полностью возместили к началу войны свои капиталы, вложенные в дело.

Так же обстоит дело и с трамвайными предприятиями. Рижский трамвай со времени перевода на электрическую тягу принес своим германским владельцам 8 776 000 руб. дохода при капитале в 6 240 000 руб. Еще

---

[9] ЦГИА, ф. 1288, оп. 9, 1914 г., д. 96, лл. 35—37, донесение киевского городского головы киевскому губернатору 9/22.4.1915; л. 42, акт осмотра книг «Киевского электрического общества» 30.1/12.2.1915.

[10] ЛГИА, ф. 1243, оп. 1, д. 737, л. 2, доверительное письмо Немецкого банка 15/28.2.1905.

большей доходностью отличалось «Общество Киевской железной дороги», которое только после захвата его бельгийцами в 1905 г. принесло 14 227 880 руб. прибыли на капитал в 9 млн руб. Аналогичное положение наблюдалось и в других трамвайных обществах. В 1909 г. выручка 21 бельгийского трамвайного общества составила свыше 27 млн франков, в 1910 г. она выросла на 15% и достигла 31 млн франков.[11] В последующие годы прибыльность трамвайных обществ продолжала возрастать, и выручка их составила в 1911 г. более 38 млн франков, а в 1912 г. свыше 43 млн франков.[12] К этому необходимо еще прибавить гигантские прибыли, получаемые от спекулятивных операций с ценными бумагами трамвайных предприятий. За один лишь 1909 г. биржевая расценка акций бельгийских трамваев в России увеличилась на 15 млн франков.[13]

Доходность электротехнических предприятий была различной. Чрезвычайно высокими были прибыли аккумуляторного завода «Тюдор», который до 1913 г. обладал фактической монополией на русском рынке. Его официально показанные доходы составили 2.7 млн руб. при капитале 2.4 млн руб. Несколько иначе обстоит дело с предприятиями ВКЭ и «Сименс-Гальске». Первое показало в своих отчетах 9.75 млн руб. прибыли при капитале в 13.6 млн руб. (включая облигационный), а второе — 5.83 млн руб. на капитал в 5.6 млн руб. (но тут надо учесть, что 1.4 млн руб. были ранее списаны на покрытие убытков во время кризиса 1899—1903 гг.). Это, однако, объясняется тем, что общества «Сименс-Гальске» и ВКЭ часто выступали на торгах за поставки лишь в качестве посредников, передавая выполнение заказов своим германским предприятиям, которые и получали при этом колоссальные прибыли. Такое посредничество в условиях протекционистской политики царского правительства являлось необходимым условием получения заказа. Кроме того, германские концерны получали огромные прибыли от продажи по вздутым ценам оборудования для зависевших от них осветительных и

---

[11] Торгово-промышленная газета, 9/22.2.1911, № 32 и Электричество, 1911, № 4, стр. 127.

[12] Электричество, 1915, № 8, стр. 244.

[13] Торгово-промышленная газета, 4/17.12.1909, № 272.

трамвайных обществ. Говоря о доходах германских электропредприятий в России, следует также учитывать, что планировавшаяся в годы войны ликвидация их деятельности предусматривала выплату компенсаций их владельцам в размерах, превышающих основные капиталы обществ. Эти огромные суммы должны были быть выплачены сверх тех прибылей, которые общества успели уже получить до войны.

Выкачивание средств из страны и жестокая эксплуатация рабочих была одной из сторон деятельности германских электроконцернов в России. Другой стороной их деятельности было создание искусственных препятствий развитию российской электроиндустрии. Все основные германские электротехнические предприятия в России были учреждены на рубеже XIX и XX вв., после того как МПС решило сдавать заказы на поставки только русским предприятиям. Созданные в эти годы заводы носили характер сборочных мастерских, которые передавали заказы на исполнение сколько-нибудь сложного оборудования в Германию. Только после 1912 г., когда начали возрастать русские капиталовложения в электропромышленность, а также конкуренция шведских и швейцарских фирм, и монополия германских обществ оказалась под угрозой, они приступили к расширению и модернизации своих предприятий. Но и после этого большая часть электрооборудования ввозилась в Россию извне, главным образом из Германии. В 1913 г. только 10% электроламп и 7% измерительных приборов, потребляемых в России, производилось внутри страны, вся основная масса их привозилась из Германии. Из-за границы поступило также 57.7% машин и аппаратуры, а для тех электромашин, которые выпускались под маркой русских дочерних предприятий германских концернов, наиболее ответственные детали поставлялись из Германии в готовом виде.[14] Германские концерны сознательно тормозили развитие производства в России. Так, берлинское общество «Сименс-Гальске» не только передавало русскому обществу далеко не все свои технические усовершенствования, но даже не допускало приез-

---

[14] П. Н. Иванов. Советская электротехническая промышленность. Очерк развития. М.—Л., 1933, стр. 8—11.

жавших из России техников в ряд своих отделов.[15] Так же поступало и руководство АЭГ, которое передало ВКЭ устарелые образцы прожекторов, когда само располагало уже усовершенствованными образцами.[16] То же самое имело место и с электрооборудованием для русского военно-морского флота.[17] Правление АЭГ запретило также ВКЭ налаживать в России производство электроламп,[18] предпочитая ввозить их из Германии по вздутым ценам. На заводах АЭГ и Сименса в России не было конструкторских бюро и лабораторий. Все расчеты и чертежи доставлялись из Германии и подлежали слепому копированию. Это делалось для того, чтобы воспрепятствовать созданию в России научно-технических кадров в области электротехники. С этой же целью наиболее ответственные посты на предприятиях были заняты присланными из Германии инженерами и техниками. Подчинение развития российской электротехники своекорыстным интересам германских концернов сказывалось и в ее географическом расположении. Заводы АЭГ и Сименса находились в Петербурге, Риге и Польше, возможно ближе к Германии или морским путям к ней, что отрывало их от внутренней сырьевой базы и было невыгодно в военно-стратегическом отношении. Аналогичным образом действовали германские концерны и в отношении электроэнергетических предприятий.

На развитии электроэнергетической промышленности и электрического транспорта отрицательно сказывалось и столкновение интересов электроконцернов и муниципальных органов власти. В условиях капитализма, когда единственным стимулом создания и развития предприятий было стремление извлечь из них возможно более высокую прибыль, как монополии, так и городские самоуправления были нередко заинтересованы в искусственном торможении развития этих предприятий. Показателен

---

[15] ЦГИА, ф. 1276, оп. 12, д. 1431, л. 94, отношение министра торговли и промышленности председателю Совета министров, май 1916 г.

[16] Там же.

[17] ЛГИА, ф. 1367, оп. 3, д. 3, лл. 346—347, ВКЭ — АЭГ 9/22.1.1908 и др.

[18] ЦГИА, ф. 1276, оп. 10, д. 846, л. 456, рапорт заведующего учебной электростанцией офицерской электротехнической школы 11/24.2.1915.

в этом смысле конфликт между «Обществом 1886 г.» и Москвой из-за богородской станции, о котором упоминалось выше. Богородская станция производила более дешевую электроэнергию, и «Общество 1886 г.» поэтому предпочитало не расширять свою станцию на Раушской набережной, а получать ток из Богородска. Но это снижало сумму валового оборота общества, с которого Московская управа получала процентное отчисление. В результате Управа резко выступала против передачи богородского тока в Москву и этим препятствовала применению электроэнергии на промышленных предприятиях. В декабре 1912 г. во время переговоров с «Обществом 1886 г.» Московская управа потребовала от общества ограничить количество энергии, получаемой из Богородска, 25% мощности станции.[19] Вследствие острых разногласий соглашение так и не было достигнуто до середины 1914 г. Во время войны, когда промышленность Москвы испытывала энергетический голод, городская управа временно разрешила передачу тока из Богородска, которая должна была быть прекращена по первому требованию Управы.[20] Такое требование последовало уже через месяц.[21] Столкнувшись из-за размеров прибылей, Управа, не допускавшая ввода в городскую сеть дешевого богородского тока, и общество, не желавшее расширять станцию в черте города, тормозили, таким образом, развитие энергетического хозяйства Москвы. Аналогичный конфликт произошел между «Обществом 1886 г.» и Петроградской управой. В связи с крайней перенагрузкой петроградской станции общества, не обеспечивавшей работы промышленности, военные власти столицы потребовали увеличения мощности станции. Но это увеличивало ее стоимость, а Петроградская управа собиралась выкупать предприятие общества. Поэтому под давлением Управы петроградский порайонный комитет отклонил ходатайство общества об экстренной перевозке турбины из Москвы,[22] а несколько позднее представитель Управы в правлении «Общества 1886 г.» выражал недовольство установкой на его станции турбины, полученной от

[19] ЛГИА, ф. 1243, оп. 1, д. 1590, лл. 20—21, проект соглашения «Общества 1886 г.» с Московским городским управлением.
[20] Там же, д. 1742, л. 101, протокол правления 25.8/7.9.1915.
[21] Там же, л. 166, протокол правления 23.9/6.10.1915.
[22] Там же, л. 76, протокол правления 19.8/1.9.1915.

«Эшер, Висс и К°» из Швейцарии.[23] Точно так же складывались отношения между «Смоленским электрическим обществом» и городом. В 1912 г. общество предложило городу проложить на своих линиях вторую колею и увеличить на 450 квт мощность станции. За это оно требовало увеличения платы за проезд и отсрочки выкупа предприятия. Но городская Дума не согласилась с предложениями общества, так как реконструкция предприятия увеличивала его выкупную стоимость.[24] Тогда общество перестало вкладывать какие-либо средства не только в реконструкцию предприятия, но даже в поддержание его в нормальном состоянии. Ко времени выкупа аккумуляторные батареи общества были совершенно изношены, в движении находилось всего 5—6 вагонов, а остальные нуждались в ремонте.[25] В результате председатель правления общества Я. С. Самойлович писал о крайней необходимости полюбовно договориться с городом о выкупной цене, ибо хозяйство общества в плачевном состоянии и по суду город заплатит очень мало.[26] Подобные отношения между концессионерами и муниципальными властями были типичными и вели к тому, что развитие осветительных и трамвайных предприятий отставало от нужд населения городов, а ко времени выкупа эти предприятия приходили в крайне изношенное состояние.[27] Капиталистические отношения частной собственности послужили также одной из основных причин отставания России в деле гидростроительства. Именно сопротивление владельцев земель по берегам порогов Днепра, Волхова и Вуоксы порождало наибольшие затруднения при любых попытках создания гидроэлектростанций и являлось самым действенным оружием в борьбе различных монополистических группировок друг против друга.

---

[23] Там же, л. 363, особое мнение Загорского к журналу заседания особого правления 5/18.12.1915.

[24] ЛГИА, ф. 54, оп. 1, д. 136, л. 10.

[25] Смоленский вестник, 5/18.2.1916, № 23.

[26] ЛГИА, ф. 54, оп. 1, д. 136, лл. 142—151, конфиденциальный доклад Самойловича 22.5/4.6.1915.

[27] Председатель особого правления «Ламейера» констатировал в 1916 г., что предприятие киево-святошинского трамвая изношено до последней степени, ибо в течение 16 лет не производилось никаких отчислений на его возобновление (ЦГИА, ф. 23, оп. 28, д. 3161, л. 4).

Таким образом, хозяйничание иностранных капиталов в частности и капиталистическая система хозяйства в целом были причиной слабого развития в дореволюционной России электротехнической и электроэнергетической промышленности и электрического транспорта.

* * *

Господство иностранного (в первую очередь германского) капитала в русской электроиндустрии не было секретом уже для современников, и констатация такого господства не является неожиданным открытием. Гораздо большей новизной отличаются выявленные нами факты, свидетельствовавшие о складывании в электроиндустрии русских монополий, начинавших оспаривать безраздельное господство германских и бельгийских концернов. Но и изучение деятельности германских монополий в указанной отрасли промышленности дает возможность не только глубже понять механизм проникновения иностранных капиталов в России и их политику внутри страны, но и получить более полное и более точное представление о характере процессов, происходивших в экономическом развитии России. Как и каждая отрасль промышленности, а может быть, и в еще большей степени, электроиндустрия имела свои специфические черты развития, поэтому нельзя распространять выводы, касающиеся этой отрасли, на всю русскую экономику, но без конкретного изучения всех отраслей хозяйства страны выводы относительно ее общего развития не будут достаточно обоснованными. Что касается избранной нами темы, то выводы из нее представляются нам следующими.

Развитие российской электроиндустрии и транспорта с самого начала происходило под знаком полного превосходства иностранных предприятий. Привлеченные в Россию богатым и совершенно нетронутым рынком сбыта, возможностью более беззастенчивой эксплуатации рабочих, протекционистской политикой правительства, делавшей ввоз капитала более выгодным, чем ввоз товаров, короче говоря — привлеченные более высокими прибылями, чем в Западной Европе, иностранные концерны в годы первого промышленного подъема создали в России свои предприятия, с которыми русские мелкие фаб-

рики и мастерские полукустарного типа конкурировать не могли. Попытки же русских инженеров еще раньше наладить в стране электротехническое производство разбились о косность капиталистов, не желавших вкладывать средства в новую отрасль промышленности, об рутину царского правительства, не понимавшего необходимости развития отечественной электротехники.

Создавая в России дочерние предприятия, иностранные концерны переносили сюда современные формы организации производства и организации промышленности. Поэтому с самого возникновения электроиндустрия в России развивалась как монополистическая. Уже в годы первого промышленного подъема для нее характерны господство немногих концернов, теснейшая связь промышленных предприятий с банками и подчинение промышленности банкам, тенденция к образованию монополистических союзов и соглашений. Но отличительной особенностью всего этого развития являлось то, что немногие господствовавшие концерны были иностранными, связанными с иностранными банками и входившими в иностранные монополистические объединения. Те немногие русские предприятия, которые существовали в этой отрасли, являлись аутсайдерами, принадлежали отдельным капиталистам среднего пошиба, не связанными с банками.

В этих условиях русские банки, интересовавшиеся электротехникой, с неизбежностью должны были принимать участие в иностранных предприятиях и либо мириться с второстепенностью своей роли в них, либо делать попытки перехватить руководство ими. Такие попытки были сделаны Частным банком в отношении «Общества 1886 г.» и Международным банком в отношении всей электроиндустрии. Попытка Частного банка потерпела поражение, поскольку он выступал в одиночку против превосходившего его по мощи блока Немецкого банка и «Сименс-Гальске». Международный банк надеялся использовать в своих целях противоречия между германскими и французскими финансовыми кругами и, оказавшись в роли арбитра, возглавить синдикат по финансированию электропредприятий в России. Но российские условия конца XIX в. еще не создали благоприятной почвы для образования таких гигантских монополий, как задуманный «большой синдикат». Центробежные

силы, действие которых было усугублено начавшимся экономическим кризисом, оказались сильнее центростремительных и, разрушив «большой синдикат», привели тем самым к неудаче политики Международного банка.

Годы кризиса и депрессии, за время которых иностранные инвестиции выросли почти в четыре раза, а русские остались на прежнем уровне и ряд русских предприятий был захвачен германскими и бельгийскими монополиями, еще больше подчеркнули иностранное засилье в электропромышленности России. Внутри ее происходили структурные изменения, приведшие к полному преобладанию трех группировок — АЭГ, Сименса и брюссельского «Сосьете женераль», соглашение которых в 1909 г. оказалось более прочным и не рухнуло сразу же после подписания, а общий объем инвестиций составил $^2/_3$ всех иностранных вложений в русскую электроиндустрию. Русские банки были отстранены от сколько-нибудь активного участия в руководстве этой отраслью, а отдельные русские предприятия по-прежнему находились на положении аутсайдеров.

Но в течение первого десятилетия XX в. происходили структурные изменения и во всей русской экономике, отражавшие переход ее на империалистическую ступень развития и подготовившие широкое наступление русского финансового капитала в годы предвоенного промышленного подъема. Это наступление затронуло и электроиндустрию. Наступление русских банков в области электричества заключалось прежде всего в том, что они стали принимать активное участие в разработке планов новых предприятий в России, в особенности в области электрификации железных дорог и строительства гидроэлектрических станций. Банки, среди которых наибольшую активность проявляли Русско-Азиатский, Международный, Частный, Торгово-промышленный и Учетный и ссудный, стремились при этом удержать за собой руководство намеченными делами и ограничить участие электроконцернов техническими вопросами строительства. Одновременно банки выступали учредителями или соучредителями электротехнических предприятий, а также прилагали усилия, для того чтобы захватить руководство ранее независимыми обществами. В этих действиях банки руководствовались своими деловыми интересами, а не заботой об освобождении электроиндустрии от ино-

странных монополий, поэтому они шли на союз с различными французскими или бельгийскими финансовыми кругами, также стремившимися утвердиться в электропромышленности России. Но русские банки не являлись и агентурой французского капитала. Объединяясь в мощные синдикаты, способные противостоять их зарубежным контрагентам, и лавируя между различными группировками, они проводили свою политику, которая объективно укрепляла позиции русского капитала. Еще более отчетливо эта тенденция выражалась в политике стоявшей вне банков группировки Гукасова, создавшей в предвоенные годы в лице обществ «Рускабель» и «Динамо» ядро первого русского монополистического объединения в электротехнике.

Наибольшего успеха добился русский капитал именно в электротехнике, где группа Гукасова, а также захвативший «Вольту» и «Дюфлон, Константинович и К°» Учетный и ссудный банк избегали прямого столкновения с господствовавшими монополиями и ограничивались собиранием обществ-аутсайдеров и где их действия были облегчены финансовым крахом «Р. Э. О. Вестингауз». Деятельность же русских банков в электроэнергетике и транспорте, сопровождавшаяся в петербургском районе открытым столкновением с германо-бельгийским блоком, принесла значительно меньшие успехи, хотя и привела к утрате германскими концернами «Электрической силы». Это, а также общие цифры движения инвестиций в электропромышленность, свидетельствовало, что деятельность русских банков и обществ в годы второго промышленного подъема не привела еще к ослаблению позиций германских концернов, а только к созданию предпосылок для такого ослабления. Русский финансовый капитал, начавший распространять систему своего влияния на электротехнические и электроэнергетические предприятия, еще только занимал исходные позиции для борьбы против германского капитала за влияние на эту отрасль индустрии в целом.

Первая мировая война привела к резкому изменению соотношения сил, подорвав позиции германских концернов и создав на время наиболее благоприятные условия для деятельности русского финансового капитала. Результатом было значительное усиление группировки Гукасова, присоединившей к себе ряд предприятий, некоторое ук-

репление позиций банков в их борьбе за электроэнергетические предприятия петроградского района, активизация деятельности банков в ряде других случаев. Однако как раз ход борьбы банковской группы «Общества электропередачи» против «Иматры» показал, что даже во время войны русский капитал в электропромышленности был экономически слабее германского. Характерно в этом отношении и то, что основные позиции германских концернов в России были унаследованы не русскими финансовыми группировками, а государственно-монополистическими предприятиями, образованными для продолжения дел ВКЭ, «Сименс-Гальске», «Сименс-Шуккерт» и других обществ. Но как раз в этом заключалась опасность вторичного завоевания русской электроиндустрии иностранным капиталом. В условиях все усиливающейся разрухи правительственные органы не мыслили себе восстановление и развитие русской экономики без широкого привлечения иностранного, особенного американского, капитала, которому уже была передана $^1/_3$ акций ВЭК. Финансовый крах Временного правительства был порукой тому, что такая же судьба была уготована и другим государственно-монополистическим предприятиям. В помощи извне (политической и экономической) искал спасения от надвигающегося краха буржуазного строя и русский финансовый капитал. Применительно к электротехнике это означало угрозу замены германского господства американским. Угроза эта была предотвращена только Октябрьской революцией.

Приложение

В основу составленной нами таблицы положены данные отчетов акционерных обществ, печатавшиеся в «Вестнике финансов, промышленности и торговли», и архивные материалы фондов ЦГИА и ЛГИА. Эти материалы содержат сведения о составе акционеров, о финансовых комбинациях, связанных с их учреждением и реорганизацией, и дают действительную или близкую к ней картину национальной принадлежности вложенных в общества капиталов. К сожалению, такие сведения сохранились далеко не во всех случаях, и нам часто приходилось прибегать к косвенным, приблизительным оценкам. Основания наших расчетов приводились в соответствующих разделах текста и в примечаниях.

В таблице капиталовложения разбиты по национальному признаку: русские, германские, бельгийские, французские и другие иностранные капиталы. При этом участие петербургских банков рассматривалось нами как присутствие русских капиталов. Разграничить иностранные капиталовложения часто представлялось крайне затруднительным, в особенности если это касалось, как было нередко, внучатых обществ. Поэтому даже в отграниченной с особенной тщательностью графе германских капиталов возможно присутствие капиталов бельгийского или французского происхождения. Возможность эта невелика и компенсируется вероятным присутствием германских капиталов в инвестициях, отнесенных нами к бельгийским. Но, повторяем, общая сумма таких растворенных капиталов не может быть сколько-нибудь значительной. Иначе обстоит дело с отграничением бельгийских и французских инвестиций. Поскольку правления бельгийских обществ в России находились в Бельгии, то

и архивные данные об этих обществах страдают особой неполнотой. Но если учесть, что как раз трамвайные и осветительные предприятия были специфически бельгийской сферой приложения капиталов не только в России, но и в других странах Европы, можно без опасения утверждать, что подавляющее большинство капиталов в этой графе приходится на действительно бельгийские. Участие капиталистов других стран в русской электропромышленности было менее значительным и объединено нами в одной графе. Облигационные капиталы, за отсутствием данных об их распределении, относились, как правило, к стране, в которой был выпущен заем. Исключения оговаривались в каждом отдельном случае.

Составленная таблица касается только акционерных предприятий. Отсутствие в ней капиталов торговых домов и единоличных владельцев не может изменить выводов, к которым можно прийти на ее основе, поскольку электроиндустрия принадлежала к числу практически целиком акционированных отраслей. Однако следует иметь в виду, что таблица касается только частнокапиталистического сектора и не учитывает муниципальных предприятий в области электрического трамвая и освещения.

Капиталовложения распределены в таблице по трем отраслям: электротехническая промышленность, включая вспомогательную, электроэнергетическая промышленность (осветительные и силовые станции) и электрический трамвай. При этом смешанные общества трамвая и освещения отнесены к трамвайным, так как основная масса капиталов в таких обществах приходилась на трамвайное предприятие. В таблицу включены предприятия по производству телеграфного и телефонного оборудования, относящегося к слаботочному электрооборудованию, но не включены общества, эксплуатировавшие телефонную сеть, ибо они относятся к предприятиям связи. Как уже указывалось, не включены кабельные предприятия. Поэтому таблица включает в себя не все капиталовложения германских электроконцернов в России, а только относящиеся к электроиндустрии; вне ее остались «Соединенные кабельные заводы», «Телефонное общество Одессы», принадлежавшее АЭГ «Новое автомобильное общество» и близкое к ней варшавское химическое общество «Электричество», а также принад-

КАПИТАЛОВЛОЖЕНИЯ В РУССКУЮ ЭЛЕКТРОТЕХНИЧЕСКУЮ И ЭЛЕ
(в тысячах рублей)

	Русские капиталы			Германские капиталы			Бельгийские	
	акционерные	облигационные	всего	акционерные	облигационные	всего	акционерные	облигационные
1899 г.								
Электротехническая промышленность	5475	—	5475	10617	—	10617	3750	—
Электроэнергетическая промышленность	2480	—	2480	12110	—	12110	4619	5311
Электрический трамвай	5600	—	5600	3070	—	3070	3518	1299
Итого . . .	13555	—	13555	25797	—	25797	11887	6610
1903 г.								
Электротехническая промышленность	6120	900	7020	14830	1600	16430	3750	3000
Электроэнергетическая промышленность	3040	—	3040	17936	—	17936	6262	7459
Электрический трамвай	6100	—	6100	7218	1500	8718	4194	8406
Итого . . .	15260	900	16160	39984	3100	43084	15206	18865
1909 г.								
Электротехническая промышленность	4780	900	5680	14380	1014	15394	750	—
Электроэнергетическая промышленность	2013	—	2013	32184	—	32184	17848	11287
Электрический трамвай	6360	997	7357	8704	1313	10017	23840	27686
Итого . . .	13153	1897	15050	55268	2327	57595	42438	38972
1914 г.								
Электротехническая промышленность	18075	—	18075	34940	1600	36540	—	—
Электроэнергетическая промышленность	12589	—	12589	67759	—	67739	20360	12413
Электрический трамвай	9941	976	10917	11089	1115	12204	33724	34494
Итого . . .	40605	976	41581	113768	2715	116483	54084	46907

КТРОЭНЕРГЕТИЧЕСКУЮ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И ЭЛЕКТРИЧЕСКИЙ ТРАНСПОРТ

капиталы	Французские капиталы			Другие иностранные капиталы			Общая сумма		
всего	акционерные	облигационные	всего	акционерные	облигационные	всего	акционерные	облигационные	всего
3750	745	—	745	40	—	40	20627	—	20627
9930	975	—	975	270	—	270	20519	5311	25830
4817	750	—	750	—	—	—	12938	1299	14237
18497	2470	—	2470	310	—	310	54084	6610	60694
6750	835	—	835	695	—	695	26230	5500	31730
13721	2626	—	2626	210	—	210	30074	7459	37533
12600	1020	—	1020	130	—	130	18662	9906	28568
34071	4481	—	4481	1035	—	1035	74966	22865	97831
750	2785	5250	8035	5095	—	5095	27790	7164	34954
29135	2636	2134	4770	2750	—	2750	57431	13421	70852
51525	335	—	335	335	—	335	39574	29995	69569
81410	5756	7384	13140	8180	—	8180	124795	50580	175375
—	2105	—	2105	3830	—	3830	58950	1600	60550
32773	8531	5175	13706	12280	—	12280	121499	17588	139087
68218	1835	—	1835	335	—	335	56924	36585	93509
100991	12471	5175	17646	16445	—	16445	237375	55773	293146

лежавшее Сименсу «Русское общество для применения озона».

За исключением особо оговоренных случаев, акционерные общества заносились в таблицу по году их учреждения. В разделе за 1914 г. мы старались по возможности использовать данные, относящиеся к моменту до начала военных действий. Мы отказались от подсчетов капиталовложений на 1917 г., считая, что они не дадут правильной картины. В годы войны германские общества в России были лишены возможности осуществлять новые выпуски акций, но это не значит, что они не вкладывали средства в расширение своих предприятий. Это расширение происходило за счет долгосрочных кредитов, получаемых как от русских банков, так и из-за границы. Поэтому действительное соотношение капиталов германских предприятий и русских, проводивших инфляционную эмиссию акций, было иным, чем оно предстало бы в цифрах таблицы.

Именной указатель

Авеллан С. 154, 163
Авцын П. И. 37
Ададуров И. Е. 44
Айзенштейн М. Л. 144. 145
Алексеев Н. А. 23
Алчевский А. К. 87
Ампен Э. 37, 49, 93, 116, 121, 173, 190, 191, 193, 194, 238
Ананьич Б. В. 28
Андронников М. М. 227
Армстронг 122, 124
Арид А. К. 77, 95, 106
Арно М. 168, 170
Арон Ж. 33, 64, 74, 75, 106

Байковский М. Н. 149
Балаховский 249
Балашова А. В. 173
Балинский П. И. 63, 113
Баржанский В. М. 242
Бари В. В. 46, 204
Бахметьев Б. А. 224, 246
Бедикер Т. 32, 68
Бекер Г. 106
Белецкий С. П. 227
Белов А. В. 188, 191, 210, 249
Блох Г. А. 140, 223
Бовыкин В. И. 12, 15, 137
Брейль Ю. 106, 157—159, 165, 168, 170—174
Бродские Л. и Лаз. И. 33, 48, 95, 194
Бродский М. 114, 115
Брюниг Г. 102, 106, 155
Будагов С. Г. 242
Буксгевден Ш. К. 105, 219—221, 235
Булыгин Н. П. 36
Бунге А. А. 186
Бур де Б. Л. 144—147, 238—240
Бур де В. Л. 146, 238—240
Бур де О. Л. 239
Бурле де Ф. 114

Вавельберг Г. 59, 62, 72, 73
Вайман Д. Е. 242
Вайнштох Л. 49, 61, 120
Ваккер А. 34
Вальх Э. 159, 168, 170, 171, 229
Ван Хогерден П. 49, 184
Ванаг Н. Н. 4, 10
Вахтер К. Л. 22, 41, 43, 44
Веретенников А. П. 116
Вернер М. 63, 113
Вестингауз Дж. 100, 119, 147
Вильсон Г. 46
Винтергальтер А. А. 20, 35
Винтергальтер Б. А. 242
Витте С. Ю. 28, 78, 113, 120
Вихарев Е. И. 233
Владимиров Н. П. 20
Власто А. 233
Воронцова-Дашкова Е. А. 47
Врангель Н. Е. 73, 74
Второв Н. А. 137, 212, 223, 234, 250
Вурцель 188
Вышнеградский А. И. 187

Галицкий М. 8
Гантерт, бр. А. и К. 34, 220
Гартман фон Р. К. 48
Гвиннер А. 31, 43, 52—54, 57—60, 62, 67—70, 75, 76, 79, 106
Гей В. М. 233
Гейденер 113

Гейнеман Э. 102, 106, 156, 164
Гельфорс (Р. Э.?) 217
Геннерт А. И. 187
Гервер В. В. 147
Герпет С. П. 20, 35, 242
Герхен П. Л. 148
Герц Г. О. 31, 32, 43, 52, 54, 56—64, 69, 70, 75, 77—79, 108, 124, 143, 181
Гетц К. А. 110
Гиндин И. Ф. 3, 4, 9, 11, 12, 30, 141—143, 232, 238
Гинзбург Н. М. 242
Гинкель Е. 36
Глебов Н. Н. 20, 147, 149
Голицын В. Н. 146
Голлье А. 180, 188
Голубев В. Ф. 32, 73
Гольдштауб Л. И. 124, 180, 181, 184, 223
Гольдштейн И. М. 15, 218
Гольман М. 4, 14
Гомбер О. 170
Гонцкевич Е. И. 233, 238, 239, 242
Горбов М. М. 239
Гордличка И. 178
Горемыкин И. Л. 78, 227
Гоша Д. 170
Грановский Е. Л. 4, 11, 13, 44, 45, 73
Графтио Г. О. 187
Гревениц А. А. 32
Гревениц Г. А. 221
Гревениц М. К. 105, 219—221, 235
Гужон Ю. П. 226, 230
Гукасов А. О. 242
Гукасов Л. П. 146, 147, 240
Гукасов П. О. 14, 74, 144—149, 169, 234, 236—241, 250, 264
Гукасов Э. П. 146
Гукасов Я. О. 242
Гусарова В. Г. 16
Гутман Е. 62
Гучков К. И. 187, 242
Гучков Н. И. 123—125, 172, 230
Гуэ А. А. 37—39, 56, 61, 179

Давидов А. А. 102, 106, 140, 141, 157, 165, 172, 173, 175, 180, 182, 188, 193, 233, 235
Дейч Ф. 35, 143, 158, 184
Дель Пропосто Ч. 120, 172, 173, 184, 185, 188
Дени Э. 94, 192—194, 248, 249
Дервиз фон П. П. 23, 87
Дернен Г. И. 33, 63, 67—69, 77, 78, 131
Дерр 126
Деттман Г. 19, 20, 32, 33
Джексон А. 120
Дигнеф Э. 48
Добротворский В. Ф. 45, 46, 153
Дорн Б. Б. 42, 44
Дрейер фон А. К. 141, 186, 223
Дюле Ж. 38, 74, 128
Дюпон Е. 55, 61, 95, 117

Жиро А. 174
Жиро П. К. 150

Завойко В. С. 143
Загорский В. Ю. 260
Зак А. Н. 13
Зак С. С. 26
Залшупин М. С. 145, 146, 212, 232, 233, 235, 238—240, 242
Зив В. С. 7, 8, 14, 30, 31, 49, 117
Зигель А. 220
Злотопольский Н. С. 242
Золотарев М. О. 239
Зомергаузен Г. 157
Зумпф Ф. 15, 59, 99, 113, 196, 202

Иванов В. М. 186
Иванов П. Н. 10, 14, 257
Износков Л. А. 23

Казарин М. М. 146, 147
Каменецкий М. О. 14, 15, 22, 36
Каменка Б. А. 140, 143, 174, 233, 234
Келлер В. К. 175
Кехлин А. 229
Киршнер Л. О. 238—240
Киселев В. А. 13, 15, 19, 24, 25, 73, 98, 99
Кистяковский И. А. 242
Клейнмихель П. А. 19
Кнорре Е. К. 113
Кокушкин А. А. 45
Кольбе Р. А. 19
Кон А. 68, 71
Кон И. М. 159, 165, 170

Коншин Н. Н. 223
Кох В. 16
Кумбари 50
Курбатов Н. Я. 238, 239
Кюхельбекер В. М. 228

Лангензипен Р. 20
Лароз Г. 165, 166
Ларош Е. И. 46
Лартик де А. 160
Лауэ 77
Лева И. 32, 33
Левин И. И. 10
Легоде Р. 114, 115, 118, 119, 177
Легран Р. 170
Легрю Г. 156, 158—160, 165, 173
Лежен К. 38
Лелянов П. И. 46
Ленин В. И. 6, 16, 17, 25, 26, 28, 29, 80, 87, 97, 135—137
Ливщин Я. И. 13, 14, 34, 73
Липский Ф. А. 188, 191, 210, 249
Лифман Р. 17, 91, 94, 111, 166, 168, 171, 174
Лодыгин А. Н. 18
Лоран Ш. 170
Лорж Л. 117
Лушер Л. 174, 233, 234

Маевский И. В. 14
Масс Ф. 152
Май И. 17
Мак Картер 148
Малама В. И. 46
Малкиель Н. И. 20
Мамонтов С. 87
Мандель Э. С. 179
Марголин Д. С. 47, 115
Маркозов В. В. 233
Маркони Г. Г. 145
Маркони Г. Д. 145
Мато 160
Меесус Л. 129
Морган Дж. 187
Мотылев В. Е. 24
Муравьев М. Н. 28
Мураний А. И. 41—44, 70

Нагельмакерс Ж. 184
Нагиев М. 233
Наджаров А. Г. 146
Немировский Л. Б. 232, 233, 235
Нецлин Э. 75, 76, 158
Николай II 28, 219, 230
Нобель Э. 31, 142
Нотгафт Т. 51—53
Нотомб Л. П. 74

Одье Е. 104
Оланьон К. 231—233, 235, 237
Оль П. В. 6, 9, 10, 91, 105, 115, 116, 140, 142, 145, 166, 169, 178, 190, 252
Ольгин П. Ф. 146, 147, 240
Оппель Н. Н. 13, 112
Оппенгейм Г. 43

Пакшвер М. С. 233
Пашков В. Л. 204
Пирар П. 190
Плеве В. К. 113
Плеске Ф. Э. 155
Погребинский А. П. 26, 27
Подобедов М. М. 20, 23, 30, 146
Поляков Б. Я. 238
Поляков Л. Е. 50, 88
Померанцев А. А. 30
Пригер Э. 106
Путилов А. И. 140, 154, 156—160, 163—166, 170, 173, 180, 182, 194, 209, 232, 246
Пыльцов Н. М. 233

Распутин Г. Е. 227
Ратенау В. 106
Ратенау Э. 17, 62
Ратнер П. И. 61, 153, 154, 161, 163, 164, 166, 171, 247
Рафалович Н. 154, 156—158, 160
Рибен фон Э. В. 20
Ридлер А. 17
Риссер, др. 17, 50, 94
Ролен Ж. 155
Романов Б. А. 3
Ронин С. 4
Росс С. 35, 180, 181
Ротштейн А. Ю. 31, 32, 43, 51—55, 58, 60—73, 75—79
Рубинштейн Д. Л. 152, 233, 238
Руин К. К. 187
Рябушинские 137

Саввин Н. Н. 223, 224
Савицкий 21
Самойлович Я. А. 99, 118, 121, 122, 124, 260
Самуэль А. 117

Свенторжецкий Л. В. 228
Светлицкий А. И. 233, 238
Свешников М. И. 227
Сермукс И. П. 239, 240
Сидоров А. Л. 4
Сименс А. 31, 32
Сименс В. 22, 43
Сименс Г. 16, 41
Сименс К. 22, 31, 32, 41, 42, 57, 58, 65, 66, 70, 78, 105, 108, 219, 220
Скараманга А. Э. 45
Скржинский Ч. К. 36
Смирнов Н. В. 36, 40
Смит 126
Смолянский В. 16
Соловьев Ю. Б. 3, 51
Соловьева А. М. 183
Спицер Г. 74, 76
Стамеровский А. И. 178
Стахеев И. И. 137, 212
Стевенс А. 38
Стенли 123, 124, 128
Страус О. Э. 21
Струмилин С. Г. 27, 29
Стюарт Ч. 166, 170
Суздальцев В. В. 33
Сукновалов А. Е. 16

Табурно И. П. 191
Тагиев Г. З. А. 74, 169, 233
Тарновский К. Н. 4, 15, 137
Тенишев В. Н. 55
Тимирязев В. И. 164, 180, 236
Тис Э. 114, 115, 128—130, 134, 155, 191, 193, 195, 206, 207, 210
Тищенко Ю. М. 145
Толстой-Голенищев-Кутузов П. П. 74
Торнтон Ч. 37, 103, 104
Трек 142

Ульман Э. Р. 192
Утин Я. И. 187, 226
д'Утремон Ж. 194
Уферман П. 17

Фазольт Ф. 16
Файн И. 49, 153, 171, 172
Фейгль А. 74, 106
Фельдман К. 110, 111
Феттер Н. 35, 36
Финн А. Р. 45
Франки 158
Фрей Ю. 106
Фретер А. 38, 116, 155, 179
Фридлянд И. 246

Хвостов А. Н. 227
Хиггинс 154, 156, 165
Хове В. 16
Хоф 187
Хюглин К. 17

Цандер К. 106, 128
Цейтшель Б. А. 19, 34, 220
Ценкер А. 54
Циглер фон Шаффгаузен Э. К. 32
Цыперович Г. 13, 14, 30, 31

Челноков С. В. 118, 124
Чиколев В. Н. 21, 23

Шайкевич Е. Г. 77, 79, 106, 131, 132, 140, 157, 164, 223, 235
Шапиро Я. 227
Шаппюи Ж. 180
Шарлье Ш. 48
Шафир М. 154
Шацилло К. Ф. 12
Шевильи де Ф. 143, 191, 238
Шепелев Л. Е. 9, 11, 12, 141, 232
Шереметев В. Н. 228
Шершевский Д. 62, 67, 68
Шитов М. А. 233
Шмацер Ф. 37, 38, 56, 61, 178, 179
Шмидт Н. С. 150
Шодуар Ж. 48
Штейнталь А. 64, 65, 68, 69
Шуберский В. П. 242

Эвентов А. Я. 13
Элебен А. Г. 242
Эльцбахер К. 110, 111
Энглунд Э. Г. 234
Эндлер Л. 79
Эрлангер Э. 187
Эфрон Б. А. 74, 140, 201

Юнкер А. 54

Яблочков П. Н. 18—20
Яковлев А. Ф. 27
Янг Н. Н. 146, 147
Ярошинский К. И. 212

Указатель акционерных предприятий и торговых домов[1]

Айваз 150
Вл. Алексеев и П. Вишняков и А. Шамшин, т-во 150, 202, 203
Англо-Русская электрическая компания 46
Антверпенский союз трамваев и электрических предприятий (Union Anversoise de Tramways et d'Entreprises électriques) 114, 126—128, 191
Апшеронское электрическое о-во 65, 88, 107
Армавирское электрическое о-во 179
Астраханских рельсовых путей, о-во 49
АЭГ (Allgemeine Elektrizitäts-Gesellschaft) 11, 14, 17, 19, 24, 33—35, 56—62, 64—67, 69—73, 75, 78, 80, 90, 95, 97—100, 106, 111, 114, 115, 117—125, 128, 129, 134, 155, 158, 159, 171, 177, 180, 181, 187, 192, 195, 196, 198, 202, 204, 205, 207, 208, 214, 217, 218, 222, 225, 258, 267
АЭГ-Петербург 34, 90, 98
АЭГ-Унион 49, 126, 192, 195, 198, 222

Балтийское о-во электрических предприятий 177
Балтийского завода, о-во 201
Бардт, Ринге и К° 238
Батиньоль (Société de Construction des Batignoles) 180, 181
Белостокское электрическое о-во 177, 243
Бельгийское о-во электрического освещения Петербурга 39, 40, 57, 84, 98, 111, 130, 133, 151, 156, 162, 227, 230, 255
Бергман, о-во 19, 199, 200
б. Берда, Франко-русских заводов, о-во 203
Бета, о-во 238, 240, 250
Брёш, о-во (Brush & C°) 120, 121
Британская компания электрической тяги (British Electrical Traction C°) 126, 127
Броун, Бовери, о-во 45, 125, 144, 199
Брюс Пиблз и К° (Bruce Peebles & C°) 120—125
П. Валь и К°, о-во 204

Варшавская компания электричества (Compagnie d'electricité de Varschavie) 90, 91, 133, 182, 203, 219
Варшавских подъездных путей, о-во 188
Варшавской фабрики электроламп, о-во 101, 150
б. Вейхельт, Московского электромеханического завода, о-во 30, 36, 84—86, 101
Верх-Исетское о-во 148
Вестингауз, Русское электрическое о-во 93, 100, 101, 122, 123, 125—127, 131—134, 144, 149, 150, 172, 174, 186, 195—198, 201, 204, 264
Вестингауза, о-во 119, 205
Взаимная компания газ, вода, электричество (Compagnie mutuelle Eau, Gaz, Electricité) 111
Взаимная компания трамваев (Compagnie mutuelle de Tramways) 38, 49, 50, 92, 114—117, 119, 129, 177, 190, 191, 207
Витебский трамвай, о-во 50, 94, 174

[1] В тех случаях, когда название, под которым общество было известно в России, не совпадает с точным переводом его, мы сохраняли традиционное написание. По той же причине названия некоторых обществ и банков оставлены без перевода.

Владикавказских электрических трамваев и освещения, о-во 93
Водопад, о-во 245, 247
Вольта, о-во 11, 13, 30, 31, 33, 36, 89, 101, 142, 143, 201, 210, 236, 264
Всеобщая компания электричества (ВКЭ) 13, 34, 35, 49, 66, 90, 98—100, 107—115, 118—120, 122—127, 129, 132—134, 140, 141, 143, 149, 150, 180, 181, 184—188, 192, 195—205, 210, 215—220, 222, 223, 235, 236, 241, 250, 256, 258, 265
Всеобщая электрическая компания (ВЭК) 222—224, 234, 235, 251, 265
Всеобщих местных и уличных дорог, о-во Allgemeine Lokal- und Strassenbahn A. G.) 191

Газ и электричество Казани, о-во (Société Anonyme Gaz et Electricité de Kazan) 38, 40, 98, 231
бр. Гантерт, т-во 34, 204
Ганц, о-во 20, 199, 200
Н. К. Гейслер, Электромеханического и телефонного завода, о-во 144, 150
Гелиос (Helios), о-во 28, 38—41, 56, 57, 61, 77, 92—94, 97—99, 107—110, 116, 134
Генеральная вспомогательная компания электрических предприятий (Compagnie générale auxiliare d'Entreprises electriques) 110, 111, 128, 130
Генеральная компания трамваев и применений электричества (Compagnie générale de Tramways et d'Applications d'Electricité) 48, 120, 172, 184, 191
Генеральная компания тяги (Compagnie générale de Traction) 48
Генеральная компания тяги и электричества (Compagnie générale de Traction et d'Electricité) 48, 61, 63, 77, 84, 85
Генеральная компания электричества (Compagnie générale d'Electricité) 231
Генеральное бельгийское о-во электрических предприятий (Société générale belge d'entreprises éléctriques) 111, 117, 129, 177, 191, 207, 222
Генеральное о-во промышленности в России (Société générale pour l'Industrie en Russie) 33, 51, 52, 70, 71
Генеральное о-во экономических железных дорог (Societe générale de Chemins de fer économiques) 117
Главное франко-русское о-во аккумуляторов 38
Глебов и К°, т/д 147, 204, 205
Гордличка и Стамеровский, т/д 139
Городских подъездных путей, о-во 50, 97, 194, 242
Граммон в Пон де Шери, компания (Compagnie Grammont à Pont de Chérny) 231
Гукасов и К°, т-во 145, 185
Гуты Банковой, о-во 231

Дженерал электрик (General Electric C°) 98, 192, 218, 222—224, 246
Дикк, Керр и К° (Dick, Kerr & C°) 120, 121, 124, 125, 147—149
Динамо, о-во 16, 147—149, 151, 196—199, 201, 202, 205, 216, 237, 239, 241, 250, 264
Для улучшения и эксплуатации Днепровских порогов, о-во 46
Доменных печей в Кайене, о-во (Société des Hauts Fourneaux de Caen) 160
Донецко-Юрьевское о-во 77
Дюфлон и Константинович, о-во 11, 91, 132, 142, 201, 204, 210, 211, 264

Ёкатеринославского трамвая, о-во 49
Елисаветградское электрическое о-во 48, 194, 243

Западная электрическая компания (Western Electric Company) 144
Згержского электрического завода, о-во 107, 178
Зингер, о-во 50, 93, 97

Износков, Зуккау и К°, т-во 19, 20
Иматра, о-во 111, 129, 151, 152, 155—159, 162, 164—166, 170, 185, 210, 211, 227, 243—247, 251, 265
Иматровское электрическое о-во 45
Индустриальное о-во электрической энергии (Société industrielle d'energie éléctrique) 91
Ириновско-Шлиссельбургской дороги, о-во 249

Кавказское горнопромышленное о-во Хот 148, 239, 240, 250
Казанских конно-железных дорог, о-во 115, 116, 231
Карболюмен, о-во 150
Каспийское т-во 146
Каспийско-Черноморское т-во 64, 73
Кеппен и К° 33
Киевский трамвай, о-во 114, 115
Киевское электрическое о-во 94—96, 114, 132, 177, 225, 254, 255
Киевской городской железной дороги, о-во 21, 47, 114, 115, 190, 231, 256
Коломенского завода, о-во 137, 196, 199, 200
Кольчугина, Латунного и меднопрокатного завода, т-во 202, 203
Конно-железных дорог в Кишиневе, о-во 115, 190
Конно-железных дорог, о-во Второе (Москва) (Compagnie générale de Tramways de Moscou et de Russie) 50, 54, 76, 79, 123, 124
Конно-железных дорог, о-во Первое (Москва) 50, 51, 54, 76, 78
Конно-железных дорог, о-во (Петербург) 55, 56, 60—62
Конно-железных дорог, т-во (Петербург) 55, 61
Консолидированных русских железных дорог, о-во 120
Континентальная Эдисоновская компания 19, 20
Континентальное о-во электрических предприятий (Kontinentale Gesellschaft für elektrische Unternehmungen) 50, 90, 91
Кудиновские электрические угли, о-во 150
Кунст и Альберс, т/д 107
Курский трамвай, о-во 49, 98

Ламейер, о-во (Lahmeyer und C°) 49, 91, 97, 100, 120, 133, 225, 260
Лесснер, о-во 137
Лодзинской городской железной дороги, о-во 48, 188
Лут и Розен, о-во (Luth und Rosens Electriska Aktienbolad) 217, 237
Людвигсберг, о-во 237
Люкс, о-во 217

Магнит, Электромеханических заводов, о-во 237
Маркони, Английская компания беспроволочного телеграфа 145
Мастерские электрических сооружений в Шарлеруа (Atelier de Construction electrique de Charleroui) 199
Медь, о-во 148
Международное о-во электрических предприятий и их эксплуатации (Société internationale d'Entreprises et exploitations électriques) 36, 93
Международное о-во электричества (Société internationale d' Electricité) 35

Невского судостроительного завода, о-во 137
Немецко-Люксембургские горные заводы (Deutsch-Luxemburgische Bergwerke) 49, 184
Николаевского судостроительного и механического завода, о-во (Наваль) 137, 201
Л. Нобель, о-во 137
Ноблесснер, о-во 137
Новое автомобильное о-во (НАГ) 205, 267
Нюрнберг-Аугсбургского завода, о-во 200

Одесских конно-железных дорог (в дальнейшем Одесского трамвая), о-во 116, 190, 207
Одесское о-во электричества 177, 207
Ольшевич и Керн, т/д 33
Омниум Лионе, о-во 171, 172
Ораниенбаумской электрической дороги, о-во 191, 192
Орловский трамвай, о-во 50, 94

Павловское электрическое о-во 152, 179
Парвиайнен, о-во 137
Пароходства по Днепру, о-во Второе 47
Первое русское Восточно-Сибирское о-во электрического трамвая 190
Первое русское о-во производства электрических ламп 150
Первое русское т-во моторно-электрического трамвая Екатеринодар—Пашковская 190
Перун, о-во 169
Петербургских электрических подъездных путей, о-во 191, 249
Петербургское арматурно-электрическое о-во 143, 238—240, 250
Петербургское гидроэлектрическое о-во (Société Hydro-Electrique de S.-Pétersbourg) 165, 246, 247
Петербургское о-во электрических сооружений 39, 40, 108—111, 128, 130, 133, 151, 153, 171, 231, 255
Петербургское о-во электропередачи силы водопадов 45, 47, 151, 153—166, 170, 182, 209—211, 234, 243—248, 251, 265
А. Н. Петичева, Кабельный и проволочный завод 202
Пирсон, Инженерная корпорация (Pearson Engineering Corporation) 246
М. М. Подобедова, Для эксплуатации электричества, т-во 30, 36, 38, 39, 56, 74, 86, 101, 132, 144—149
Применений электрической силы и света, о-во (Elektrische Licht- und Kraft- anlagen A. G.) (Элуикала) 44, 103, 109, 122, 155, 157, 175, 178
Продамета 188
Промышленное электрическое о-во в России 194
Промышленных и электрических изысканий, о-во (Société d'études industrielles et électriques) 194
Путиловских заводов, о-во 137, 141, 186

Радомское электрическое о-во 106, 177
Рато, Эксплуатации аппаратов, о-во (Société d'Exploitation des Appareiles Rateau) 231
Рекс, о-во 141, 151, 204, 209, 239, 240, 250
Граф Ренард, о-во 178
Рижских конно-железных дорог (в дальнейшем Рижских трамваев), о-во 95, 177, 210, 255
б. Розенкранц, Меднопрокатных и трубных заводов, о-во 203
Ростовских конно-железных дорог, о-во 92
Русская электрическая лампа, о-во 150
Русский аккумулятор, о-во 242

Русский Уайтхед, о-во 137
Русских кабельных и металлопрокатных заводов, о-во (Рускабель) 146, 148, 202, 203, 237, 239—241, 250, 264
Русское о-во беспроволочного телеграфа и телефона (Роботит) 101, 144, 145, 150, 210
Русское о-во для применения озона 203, 205, 270
Русское о-во для эксплуатации электрической энергии 39, 40, 98
Русское паровозостроительное о-во 186
Русское судостроительное о-во (Руссуд) 137, 186, 201
Русское о-во электрических дорог и электрического освещения 48, 192, 193, 209, 210, 234, 237, 243, 248—250
Русское акц. о-во электрических районных станций (РУЛК) 155, 162—164, 227, 228, 236
Русское о-во электрических сооружений (б. Павловское) 243
Русское о-во электричества 18
Русское электромеханическое о-во 86
Русско-Английское строительное о-во 123, 124
Русско-Балтийский аккумуляторный завод 33, 204
Русско-Балтийский электротехнический завод Г. Деттмана 19, 20, 32
Русско-Бельгийское о-во электрических предприятий (Société anonyme Russo-Belge d'entreprises electriques) 37—39, 41, 61, 179
Русско-Французское о-во аккумуляторов 74
Русско-Французское о-во электромеханических заводов 231

Савицкий и Страус, т-во 21, 40, 94, 95, 107, 132
Саратовских электрических трамваев и освещения, о-во 115, 116
Свет, т-во 64, 73
Северный Центральный электрон (Centrale Electrique du Nord) 173, 174
Седерблум, о-во 237
Сестрорецкой приморской железной дороги, о-во 184
Сименс, о-во 222
Сименса, Польские заводы, о-во 13, 139, 219
Сименс-Гальске, о-во 11, 15, 16, 19, 22, 24, 32—35, 37, 40—44, 54—65, 68, 70, 71, 73, 75, 79, 80, 84, 90, 94, 97, 99, 100, 102, 103, 105, 106, 111, 113, 118, 122, 128—130, 133, 134, 139, 140, 155, 165, 175, 178, 181, 202, 204, 205, 207, 208, 214, 219, 220, 225, 254, 257, 258, 270
Р. О. Сименс и Гальске 12—14, 20—23, 31—33, 43, 44, 50, 52—54, 58—61, 63, 66, 72, 74, 76—79, 85, 89, 97, 99, 100, 118—120, 122—128, 131, 132, 134, 139—141, 143, 149, 178, 184, 186, 188, 191, 194, 195—204, 210, 215, 216, 219—222, 235, 236, 241, 250, 256, 257, 265
Сименс-Шуккерт, о-во 34, 119, 121, 122, 139, 182, 192, 198, 217
Р. О. Сименс-Шуккерт 13, 139, 140, 143, 165, 170, 186, 196, 197, 202, 203, 209, 215—217, 219—222, 235, 236, 250, 265
Симферопольский трамвай, о-во 190
Г. Смит и К°, т-во 92
Смоленское электрическое о-во 95, 96, 99, 132, 219, 260
Соединенная корпорация газа и электричества (United Gas and Electric Corporation) 246
Соединенные кабельные заводы, о-во 99, 100, 202—204, 216, 219, 267
Соединенные трамваи, о-во (Les Tramways reunis?) 93
Соединенных железных дорог, о-во 93

Сормовского завода, о-во 137
Сосновицкое электрическое о-во 178
Сотте, Гарле и К°, о-во (Sautter, Harle et C°) 91
Союз трамваев, о-во (Union des Tramways Société anonyme) 50, 93, 94, 116, 174
Сталь, о-во 63
Стоун и Вебстер, Корпорация (Stone and Webster Corporation) 246

Ташкентский трамвай, о-во 116
Тверской городской железной дороги и электрического освещения, о-во 84, 117, 132, 192, 210
Телефон и телеграф, о-во 234
Телефонное о-во Одессы 267
Телефонных сооружений, о-во 150
Телефоностроительное о-во 234
Э. Тильманс и К°, т/д 73
Тифлисских конно-железных дорог, о-во 94, 116, 174
Томсон-Хоустон, о-во (Compagnie française pour l'exploitation des procédés Thomson-Houston) 20, 55, 98, 169
Трамвай и электричество в России (Tramways et Electricité en Russie) 177, 190
Трамвая и электрических предприятий в окрестностях Петербурга, о-во (Tramways et Entreprises électriques de la Boulieue de Petersbourg) 190, 192, 210
Тульских меднопрокатных и патронных заводов, о-во 203
Тюдор (Akkumulatoren Fabrik A. G. [AFA]) 35, 100, 242
Р. О. Тюдор 35, 98, 100, 140, 141, 204, 205, 219, 224, 236, 241, 242, 250, 256
Тюдор (Франция) 242

Углеток, о-во 223
Унион, о-во 24, 32, 33, 40, 52, 54, 55, 59—64, 66—73, 75, 80, 92, 94—99, 106, 113, 114, 118
Р. О. Унион 20, 32, 33, 59, 63, 66, 77, 78, 85, 90, 94—96, 114, 118, 131, 132, 200

Фельтен и Гильом, о-во (Felten und Guillaume A. G.) 91, 98, 100, 202, 203
Фельтен-Гильом (Кабельные заводы Рибен), о-во 91, 99, 100
Фельтен-Гильом-Ламейер, о-во (Felten-Guillaume-Lahmeyer A. G.) 100
Феникс, о-во 137
Феттер и Гинкель, т/д 35
Финансирования транспорта и промышленных предприятий, о-во (Société finansière de Transports et d'Entreprises industrielles) (Софина) 117, 169, 177
Финляндского легкого пароходства, о-во 48, 56
Форс, о-во 155, 162, 163, 245
Франко-Бельгийский трест трамваев и электричества (Trust franco-belge de Tramways et d'Electricité) 92, 94, 190, 193
Франко-Швейцарское общество электрической промышленности (Société franco-suise pour l'industrie électrique) 70—72, 84, 117
Французское о-во механических сооружений (Société française de Construction mécanique) 165
Французское о-во электрических трамваев и железных дорог (Société française de Tramways électriques et Chemins de fer) 93

Хелсби, Британская компания изолированных кабелей (British Insulated Helsby Cables Limited) 124, 125, 146, 148, 149, 203

Центральная компания электричества в Москве (Compagnie centrale d'Electricité de Moscou) 35, 36, 48, 77, 84, 90, 92, 93, 98, 100, 119, 131, 133, 171, 173, 174, 201, 208, 233
Центральная компания электрической промышленности (Compagnie centrale de l'industrie électrique) 111
Центральное о-во электрической индустрии (Société centrale pour l'industrie électrique) (Сентрэлек) 159, 167—171

Швейцарское о-во электрической индустрии (Schweizerische Gesellschaft für elektrische Industrie) (Индэлек) 42, 44, 70, 71, 103, 104, 130, 155, 175, 225, 226, 229, 254
Шнейдер-Крезо, о-во 70
Шуваловское электрическое о-во 160—163
Шуккерт, о-во 19, 24, 25, 34, 50, 64, 77, 90, 91, 97—99, 116, 118, 217, 220
Р. О. Шуккерт 19, 34, 89, 90, 98, 99, 139, 201, 204

Эйлер и Пастор 20
Электрик, о-во (L'Electrique) 38
Электрик бон энд шер компани (Electric Bond and Share C°) 246
Электрическая сила, о-во 40, 73, 74, 85, 88, 97, 98, 104—107, 131, 144, 166—171, 182, 203, 208, 219, 231, 233, 255, 264
Электрическая энергия, о-во 234
Электрических предприятий, о-во (Gesellschaft für elektrische Unternehmungen) (Гезфюрэль) 33, 95, 96, 106, 107, 177, 225, 255
Электрических сооружений, о-во (A. G. für Elektrizitäts—Anlagen) 94, 99, 109
Электрических центральных станций, о-во (Centrales électriques) 171—173
Электрического освещения Ковно, о-во 38, 178, 179
Электрического освещения 1886 г., о-во 14, 15, 21—23, 31, 36—38, 40—44, 51, 56, 58, 60—62, 66, 70, 78, 79, 85, 86, 97, 101—106, 108, 112, 128, 130, 133, 151, 152, 155, 156, 160, 162, 164, 165, 171—176, 178, 182, 192, 203, 208, 210, 225—230, 235—237, 243, 244, 250, 253, 254, 259, 262
Электрического фуникулера в Тифлисе, о-во 94
Электрическое о-во Донецкого бассейна 223, 234, 250
Электрическое о-во юга России (Compagnie d'Electricité du Sud de la Russie) 35, 92, 93
Электрической обработки металлов, о-во 141
Электрической обработки металлов, т-во (ТЭМ) 141, 210
Электрической энергии в Хабаровске, о-во 107
Электричества в России, о-во (Société pour l'Electricité en Russie) 159
Электричество, о-во 267
Электричество и гидравлика, о-во (Société d'Electricité et hydraulique) 37, 59, 74, 77, 119, 120, 128, 191, 199
Электрокооператив, о-во 230
Электрометаллургическое о-во 248
Электропередача, о-во 164, 171, 175, 176, 203, 225, 227—230, 236
Электропровод, о-во 202, 203, 219, 237
Электросвет, о-во 179
Электротехник, т-во 21, 23
Энсо, о-во 163
Л. М. Эриксон, о-во 101, 132, 143, 150, 211, 234, 237, 250
Эрликон, о-во 46, 64, 199
Эшер, Висс и К°, о-во 46, 260

Юрьевской телефонной фабрики, о-во 150

Аахенское учетное общество (Aachener Disconto Gesellschaft) (Германия) 71
Азовско-Донской банк 38, 71, 86, 136, 140, 143, 153, 155, 172, 174, 183, 210, 211, 223, 226, 229, 233, 234, 237, 238, 248—250

Базельский коммерческий банк (Швейцария) 37, 42—44, 70, 71, 103, 133, 182, 225
Банк для торговли и промышленности (Bank für Handel und Industrie) (Германия) 71, 102, 130, 155, 174, 175
Банк для электрических предприятий (Bank für elektrische Unternehmungen) (Электробанк) (Швейцария) 71, 104, 128, 130, 155, 169, 175, 225, 226, 229
Банк для электрической промышленности (Bank für elektrische Industrie) (Германия) 50
Банк заморских провинций (Banque d'Outremer) (Франция) 156
Банк общественных вкладов и фондов (Banque de Reports de Fonds publics et de Depots) (Бельгия) 114, 126—130, 133, 188, 191, 208
Банк северных провинций (Banque des Pays du Nord) (Франция) 169, 208
Бельгийский всеобщий кредит (Crédit général de Belgique) 49
Л. Беренса С—я (Германия) 39, 110
Бр. Беринг (Англия) 125
Берлинер Хандельсгезельшафт (Berliner Handels-Gesellschaft) (Германия) 66, 69, 71, 72, 75, 84, 124
С. Блейхредер (Германия) 71
Борн и Буссе (Германия) 71
Брюссельский банк (Banque de Bruxelles) (Бельгия) 111, 208
Брюссельский вспомогательный биржевой банк (Banque auxiliaire de la Bourse) (Бельгия) 38

Вавельберг 71, 86
М. М. Варбург и К° (Германия) 71
Варшауэр и К° (Германия) 37, 42—44, 52, 71, 84, 102
Волжско-Камский банк 18, 43, 148, 149, 184, 211, 212, 240, 241
Воронежский банк 232
Всегерманское кредитное общество (Allgemeine Deutsche Credit Anstalt) 71

Е. Гейман (Германия) 71
Германский фондовый и вексельный банк (Deutsche Effekten und Wechselbank) 110
Гудшо (Франция) 53

Дельбрюк (Германия) 71
Дисконто Гезельшафт (Германия) 66, 71, 131
Дрезденский банк (Германия) 33, 51, 54, 62, 63, 66—69, 71, 72, 75, 84, 91, 124, 126, 127, 131, 133, 180
Дрейфуса С—я и К° (Швейцария) 103, 133

Жиро и Лушер (Франция) 173, 174, 208, 211, 233, 234, 250

Бр. Зульцбах (Германия) 71

Кассель (Бельгия) 93, 208

Лампе и К° 86
Легрю (Франция) 154
Лей и К° (Швейцария) 133
Г. Лесин 141
Лионский кредит (Crédit Lyonnais) (Франция) 180

Лионско-Марсельский банк (Франция) 191, 238
Липпман и Розенталь (Голландия) 71
Лост и К° (Франция) 183
Льежский банк (Banque Liégeoise) (Бельгия) 48, 84, 92, 97, 98, 133, 171, 172, 208
Льежский всеобщий кредит (Crédit général Liégeose) (Бельгия) 35, 48, 84, 97, 98, 133, 171, 172, 208

Международный банк в Брюсселе (Banque internationale de Bruxelles) (Бельгия) 110, 130, 155
Международный банк в Люксембурге (Internationale Bank in Luxemburg) 110
СПб Международный коммерческий банк 11, 12, 18, 31—33, 43, 44, 51—54, 56—59, 63—77, 79, 81, 84, 85, 95, 96, 102—106, 131, 132, 136, 137, 140, 141, 153, 161, 164, 167, 169, 180, 183, 184, 186, 188, 193, 200, 209, 220, 222, 223, 235, 243, 250, 262, 263
Э. М. Мейер и К° 33, 71, 86
Мендельсон (Германия) 71
Московский промышленный банк, б. Юнкер 223
Московский купеческий банк 232
Моттар П. и Ф. (Франция) 152—154, 156—158, 160, 161, 165, 166

Нагельмакерс (Бельгия) 48, 84, 208
Национальная учетная контора (Comptoir National d'Escompte de Paris) (Франция) 158, 159, 167, 169, 208
Национальный банк для Германии (Nationalbank für Deutschland) 71
Нейшнл сити банк (National City Bank of New York) (США) 246
Немецкий банк (Германия) 31, 32, 37, 41, 43, 44, 52—64, 66—72, 75, 76, 78, 79, 81, 84, 101—106, 112, 122—125, 127, 128, 130, 131, 133, 140, 155, 163, 164, 167—169, 173—175, 180, 208, 227, 253, 255, 256, 262

С. Оппенгейм мл. и К° (Германия) 39, 110
Оттоманский банк (Banque Imperiale Ottomane) (Франция) 169, 208

Парижский банк (Paris Bank) (Англия) 123, 124, 148
Парижский международный банк (Banque internationale de Paris) (Франция) 48
Парижский союзный банк (Banque de l'Union Parisienne) (Франция) 158, 168
Парижско-Нидерландский банк (Banque de Paris et des Pay-Bas) (Франция) 30, 48, 52, 53, 70, 76, 84, 85, 130, 133, 155, 156, 158, 159, 168, 180, 183, 191, 208
Петербургское третье общество взаимного кредита 146, 232, 233, 240
Петербургско-Азовский коммерческий банк 33
Петроградский банк (б. Нелькен) 232

Рижский коммерческий банк 31, 142, 153, 155
О. А. Розенберг и К° (Франция) 193
С. Ротшильд (Австро-Венгрия) 71
Ротшильд (Франция) 64, 67, 69—73, 75, 104, 106, 168, 169
Русский для внешней торговли банк 13, 32, 44, 71, 86, 132, 136, 153, 154, 161, 164, 169, 180, 183, 184, 193, 210, 212, 226, 236, 243, 250
Русский торговый и промышленный банк 11, 30, 44, 45, 86, 141, 148, 149, 153, 161, 169, 183, 191—194, 209, 226, 234, 239, 241, 243, 247, 248, 263

Русско-Азиатский банк 12, 136, 137, 140, 141, 148, 153—156, 160—162, 164—166, 169—171, 180, 183, 184, 188, 192—194, 209, 211, 226, 232, 234, 239, 241, 243, 246—248, 251, 263
Русско-Китайский банк 136, 184
Русско-Французский банк 152, 194, 211, 232, 233, 238, 242, 243

Северный банк 136, 184
Сибирский банк 30, 86, 145, 187, 193, 210, 212, 248
Соединенный банк 150, 169, 210
Сосьете женераль (Société générale de Belgique) (Бельгия) 37, 49, 84, 90, 91, 97, 98, 107, 110, 111, 114, 116, 120, 128—130, 133, 134, 155, 178, 199, 205—208, 263
Сосьете женераль (Société générale pour favoriser le developpement du Commerce et de l'Industrie en France) (Франция) 84, 100, 133, 156, 158, 159, 167, 169, 183, 208
Среднегерманский кредитный банк (Mitteldeutsche Creditbank) 44, 71, 103

Тальман и К° (Франция) 169, 181

СПб Учетный и ссудный банк 11, 18, 30—33, 71, 85, 86, 117, 132, 136, 137, 142, 143, 145, 153, 161, 164, 165, 169, 183, 184, 192, 206, 210, 220, 221, 226, 229, 233, 234, 236, 237, 241—243, 250, 263, 264

Ф. М. Филиппсон и К° (Бельгия) 155, 208

Франко-Американский банк (Banque Franco-Américaine) 160
Французский банк для торговли и промышленности (Banque française pour le commerse et l'industrie) 133, 168, 169
Французский кредит (Credit Française) 181, 183, 188, 193, 208

Центральный Антверпенский банк (Banque Centrale anversoise) (Бельгия) 46

СПб Частный коммерческий банк 12, 22, 31, 37, 38, 40—44, 52, 63, 70, 71, 84, 85, 132, 136, 140, 143, 154, 155, 164, 169, 172, 175, 180, 181, 183—185, 188, 191, 193—195, 209, 210, 212, 226, 231—233, 235, 236, 238, 239, 248, 250, 262, 263

Шаффгаузенский банковый союз (Schaffhausensche Bankverein) (Германия) 71, 84, 110
Швейцарское кредитное общество (Schweizerische Kreditanstalt) 71, 133, 168, 170, 182, 225, 226, 229
Я. Штерн (Германия) 71, 103

К. Эльцбахер и К° (Германия) 39, 110
Э. Эрлангер и К° (Англия) 187

И. В. Юнкер и К° 33, 51, 52, 71, 86, 169, 212

Перечень архивных фондов

ГАОРСС — Государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства
- ф. 1289 — Северо-Областная контора Народного банка

ЛГИА — Ленинградский государственный исторический архив
- ф. 54 — Смоленское электрическое общество
- ф. 479 — Петербургская казенная палата
- ф. 769 — Городская исполнительная комиссия по освещению столицы
- ф. 1243 — Общество электрического освещения 1886 г.
- ф. 1249 — Р. О. Сименс-Гальске
- ф. 1250 — Р. О. Унион
- ф. 1333 — Соединенные кабельные заводы
- ф. 1352 — Р. О. Сименс-Шуккерт
- ф. 1367 — Всеобщая компания электричества
- ф. 1368 — Р. О. Тюдор
- ф. 1369 — Рекс
- ф. 1385 — Русское акц. общество электрических районных станций
- ф. 1386 — Шуваловское электрическое общество
- ф. 1396 — Р. Э. О. Вестингауз
- ф. 1471 — Эриксон
- ф. 1530 — Петербургское общество электрических сооружений, б. Гелиос
- ф. 2254 — Петроградское отделение Кавказского банка

ЦГИА — Центральный государственный исторический архив
- ф. 20 — Департамент торговли и мануфактур
- ф. 22 — Центральные учреждения по части торговли и промышленности
- ф. 23 — Министерство торговли и промышленности
- ф. 266 — Отдел по испытанию и освидетельствованию заказов при Инженерном совете Министерства путей сообщения
- ф. 268 — Департамент железнодорожных дел Министерства финансов

ф. 583 — Кредитная канцелярия Министерства финансов
ф. 595 — Волжско-Камский банк
ф. 597 — Петербургский частный коммерческий банк
ф. 598 — Петербургский учетный и ссудный банк
ф. 599 — Русский для внешней торговли банк
ф. 616 — Азовско-Донской банк
ф. 621 — Лионский кредит, Петроградское отделение
ф. 625 — Петроградский банк, бывш. Нелькена
ф. 626 — Петербургский международный коммерческий банк
ф. 630 — Русско-Азиатский банк
ф. 634 — Русский торговый и промышленный банк
ф. 636 — Русско-Французский банк
ф. 1102 — Документы разных лиц, хранившихся в сейфах частных банков
ф. 1276 — Совет министров
ф. 1284 — Департамент общих дел Министерства внутренних дел
ф. 1288 — Главное управление по делам местного хозяйства Министерства внутренних дел
ф. 1425 — Коллекция документальных материалов торгово-промышленных обществ и товариществ
ф. 1440 — Московский купеческий банк, Петроградская контора

Оглавление

Стр.

Введение 3

Глава I. Русская электроиндустрия и германские капиталы в годы первого промышленного подъема 18

Зарождение электротехнических предприятий в России. Начало проникновения иностранного капитала (18). — Образование «Общества 1886 г.», его деятельность до первого промышленного подъема (21). — Приток капиталов в электроиндустрию в годы первого промышленного подъема (23). — Создание и реорганизация электротехнических предприятий (30). — Борьба за концессии на электрическое освещение (36). — Борьба «Сименс-Гальске» и Частного банка за влияние на «Общество 1886 г.» (40). — Проекты строительства гидроэлектростанций (45). — Учреждение обществ электрического трамвая (47). — Начало борьбы за московский и петербургский трамвай (50). — Создание синдиката электротехнических фирм (58). — «Большой русский синдикат 1899 г.» (66). — Деятельность «большого синдиката» в 1899 г. (73). — Некоторые итоги (81).

Глава II. Процесс концентрации и образования монополий в электропромышленности и транспорте в годы кризиса и депрессии 87

Влияние кризиса на электроиндустрию. Инвестиционная политика электроконцернов в годы кризиса (87). — Концентрация и централизация капитала в электропромышленности (96). — Борьба за влияние на электроосветительные предприятия России (101). — Создание петербургского осветительного картеля. Борьба за наследство «Гелиоса» (107). — Борьба за трамвайные концессии (112). — Борьба за поставки трамвайного оборудования. Афера Стенли. Вопрос о «трамвайном синдикате» (118). — «Большой синдикат 1909 г.» (попытка реконструкции) (128). — Некоторые итоги (130).

Глава III. Обострение борьбы монополий в электроиндустрии в годы предвоенного промышленного подъема 135

Предвоенный промышленный подъем в России (135). — Рост инвестиций в электротехническую промышленность. Рус-

Стр.

ские банки и электроиндустрия (138). — Образование электротехнической группы П. О. Гукасова (144). — Борьба монополий за электрическое освещение Петербурга. Образование «Общества электропередачи силы водопадов» и «Иматры» (151). — Борьба «Иматры» и «Общества электропередачи» зимой и весной 1913 г. Реорганизация синдиката «Общества электропередачи» (157). — Положение в Петербургском районе накануне войны. Временное поражение «Общества электропередачи» (162). — Переход бакинской «Электрической силы» в руки франко-русского блока (166). — Положение «Общества 1886 г.» в Москве. Создание общества «Электропередача» (171). — Борьба за влияние на электроэнергетическую промышленность южных и западных губерний России. Синдикат «Дон-Волга—Днепр» (177). — Усиление активности русских банков в связи с вопросом об электрификации железных дорог (183). — Трамвайное учредительство в 1910—1914 гг. и русские банки (189). — «Картель по городским и трамвайным делам» в 1909—1914 гг. (195). — Монополистические соглашения в других областях электротехнического производства (200). — Некоторые итоги (206).

Глава IV. Положение германских электротехнических и электроэнергетических предприятий в России в годы мировой войны 212

Деятельность германских электротехнических предприятий в России в годы войны (212). — Борьба с «немецким засильем» и планы спасения германских капиталов в электротехнической индустрии (219). — Вопрос о судьбе электроэнергетических обществ (224). — Наступление на позиции германских электроконцернов. Политика русских банков (231). — Деятельность группы Гукасова (237). — Борьба «Общества электропередачи силы водопадов» и «Иматры» в годы войны. Планы деятельности «Общества электрических дорог» (243). — Некоторые итоги (249).

Заключение 252

Приложение 266

Именной указатель 271

Указатель акционерных предприятий и торговых домов . . . 275

Указатель банков и банкирских домов 282

Перечень архивных фондов 285

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Страница	*Строка*	*Напечатано*	*Должно быть*
76	11 снизу	лист 6	банка [220]
157	20 сверху	банком	банкам
269	3 стлб. справа, 1 снизу	237375	237373

В. С. Дякин